

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРИОКСКИЕ ЗВЕРИ

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2

2012

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2012 — 2(27)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Что написано пером..... 3

РОМАН, ПОВЕСТЬ

Ольга Пономарева-Шаховская. Лоскутное одеяло..... 19

Алексей Яшин. Растерялись... два капитана..... 37

Ирина Кедрова. Ученье благородной девицы..... 45

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Сергей Крестьянкин. Задержал..... 51

Татьяна Ермакова. Воробышек..... 62

Владимир Сапожников. Уродливое счастье..... 65

Дмитрий Воронин. Ильич. Контрабанда..... 68

Рудольф Артамонов. Зной..... 75

Наталья Квасникова. Апофеоз..... 82

Николай Макаров. Сказки о Белозёре..... 84

Татьяна Камаева. Одноклассники *ги*..... 92

Валерий Гальперин. День рождения..... 97

Яков Шафран. Случай в лесу..... 105

Валерий Маслов. Притчи..... 112

Роман Романов. С соседкой..... 115

Геннадий Маркин..... 116

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов. Задонщина (Поэтическое переложение)..... 119

Протоиерей Алексей Зайцев. *Personalia*..... 128

Владимир Резцов. От кутюр..... 135

Сергей Лебедев. На Ветлуге..... 136

Галина Лялина. О душе давай поговорим..... 140

Анна Барсова. Любимый край..... 144

Евгений Трещев. Журавли..... 147

Геннадий Гоманчук. Мы встретились совсем неожиданно..... 153

Александр Евдокимов. Прорыв..... 156

Сергей Никулов. Дом..... 161

Олег Пантюхин. Сны..... 165

ВЫБИРАЯ ПУТЬ В ЛИТЕРАТУРУ

Елена Хисамова. Крест..... 166

Станислав Мишин. Детская страшилка..... 173

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Игорь Карлов. Стихотворение в прозе.....	182
Белла Верникова. Спуститься к реке надыхаться (поэма).....	184
Сергей Гора. Назидательно-патриотическая баллада о несчастливом льве.....	187
Виталий Ковалев. Рассказы.....	189
Ирина Мадрига. Непарные носки.....	195
Наум Ципис. Стихи из старой папки.....	198
Камелия Санрин. Страсть мешает пониманию.....	204
СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ	
Нина Гурьева. Он — есть.....	206
Владимир Корнилов. Сибирские напевы.....	209
Галина Чернова. Хрупкая гармония. Наша Александровна.....	213
Нина Шальгина. Лесная коровенка.....	217
ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»	
Ирина Хаустова. Ломоносова — четыре.....	221
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ	
Леонид Андрианов.....	229
Олег Островский.....	233
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Людмила Авдеева. Город Глухов все еще стоит.....	237
Нина Попова. Память сердца.....	243
Александр Хадарцев. Грани таланта.....	247
Марина Баланюк. Заветы Толстого — заветы Христа.....	249
Татьяна Афанасьева. По стопам Глеба Успенского.....	252
Ярослав Брагин. Боль за все и любовь неразделимы.....	256
Кирилл Усанин. О рассказах Татьяны Камаевой.....	263
Ольга Бутримова. О книге рассказов Геннадия Маркина.....	264
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	268

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются.

Вниманию читателей: журнал распространяется бесплатно по библиотечной сети.

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru, (4872)35-06-73

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула)

Редколлегия:

Людмила **АВДЕЕВА** (Москва)
Вячеслав **БОТЬ** (Тула)
Тамара **БУЛЕВИЧ** (Красноярск) — зам. главного редактора по сибирским регионам
Ефим **ГАММЕР** (Иерусалим, Израиль)
Валерий **ГАНИЧЕВ** (Москва), председатель Правления Союза писателей России
Сергей **ГОРА** (Линкольн, США)
Виктор **ГРЕКОВ** (Белев)
Ирина **КЕДРОВА** (Москва) — зав. отделом критики
Валерий **КСЕНОФОНТОВ** (Тула)
Геннадий **МАРКИН** (Щекино) — отв. секретарь
Владимир **МИРНЕВ** (Москва), президент Академии российской литературы
Игорь **НЕХАМЕС** (Москва)
Олег **ПАНТЮХИН** (Щекино)
Наталья **ПАРЫГИНА** (Тула)
Владимир **РЕЗЦОВ** (Тула) — зав. отделом поэзии
Владимир **САПОЖНИКОВ** (Тула)
Валентин **СОРОКИН** (Москва) — проректор Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
Александр **ХАДАРЦЕВ** (Тула)
Леонид **ХАНБЕКОВ** (Москва), вице-президент Академии российской литературы
Зав. редакцией Яков **ШАФРАН** (Тула)
Секретарь редакции Марина **БАЛАНЮК** (Тула)
Технический редактор Олеся **ЯНГОЛ** (Тула)

Информационная поддержка:

— *Литературное агентство «Московский Парнас»*
— журнал *«Подъем» (Воронеж)*
— *«Литературная газета»*
— газета *«Российский писатель»*
— газета *«Щекинский вестник»*
— газета *«Слобода» (Тула)*
— газета *«Тульская правда»*
— газета *«День литературы» (Москва)*

Журнал издается попечительством Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульской писательской организации Союза писателей России.

Учредитель: ООО Издательство «Неография». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009 Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.medtsu.tula.ru (в PDF формате)

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ЧТО НАПИСАНО ПЕРОМ... «Бумажная» и «компьютерная» литература в свете психолингвистики

◆ Как мы и обещали в «Рубрике...» предыдущего номера журнала («ПЗ» № 1, 2012), ниже мы обратимся к актуальному вопросу о соотношении «бумажной» и «электронной» (далее без кавычек) литературы. Первостепенно мы имеем в виду художественную литературу, отчасти — литературную публицистику.

При всей, повторимся, актуальности этого вопроса* сколько-либо серьезного анализа его не проводилось — ни в масс-медиа, ни в серьезной, специальной литературе. К тому же, если СМИ и касаются данной тематики, то затрагивается исключительно внешний аспект: электронная, то есть интернетовская, форма распространения и чтения произведений литературы. Да и тот с резонерскими выводами: дескать, прогресс не остановишь, все уже привыкли к Интернету и домашнему «компу», все это проще и дешевле, чем бумагу переводить, на почтовые расходы тратиться, книги-журналы покупать и захламлять ими квартиру... и прочие благоглупости. Удивляться здесь нечему; законы социальной психологии неумолимы: только восемь процентов людей, независимо от пола, национальности, образования и пр., способны к самодостаточному (анализ + синтез) мышлению. Остальные девяносто два — ведомые теми же СМИ, в которых бал правит мощнейшее лобби транснациональных телекоммуникационных корпораций. Ниже мы вернемся к этому аспекту.

...Но совсем редки, практически отсутствуют суждения по важнейшей составляющей соотношения «бумажная и электронная литература», а именно: произведения художественной литературы, создаваемые автором по традициям и канонам традиционной книжно-журнальной литературы, и произведения, ориентируемые автором преимущественно или ис-

---

* Учитывая злободневность данной темы, настоятельно рекомендуем всем читателям «ПЗ», а в особенности литераторам, ознакомиться с настоящим материалом и принять участие в дискуссии, объявляемой журналом — по образцу прошлогодней дискуссии (см. № 4, 2011 «ПЗ») по проекту «Манифест нового русского критического реализма».

ключительно на Интернет.

Заметим в данном контексте, что и первый, традиционный вид литературы использует электронные ресурсы, но только, или преимущественно, в качестве дополняющего книжно-журнальные издания, либо же как возможность популяризации своих произведений — что особенно характерно для современной России, — учитывая реальные крохотные тиражи бумажных изданий: нет больших средств на тиражирование, разрушена всероссийская (ранее — всесоюзная) информационная и книготорговая сеть и так далее.

Но при всем этом для нашего времени характерен феномен существования и все большего отдаления друг от друга двух форм литературы: бумажной и электронной.

◆ Оба охарактеризованные выше аспекта феномена взаимосвязаны, но вернемся к первому из них.

Прогресс, конечно, не остановишь. Тем более сейчас, когда на наших глазах сбылось гениальное предвидение великого русского и советского учения Владимира Ивановича Вернадского о грядущем (свою теорию он создавал в 20—30-е годы минувшего века) переходе биосферы Земли в принципиально новую биогеохимическую оболочку — ноосферу, то есть сферу разума.

Действительно, прослеживая средства письменности за весь период цивилизации и культуры, то есть со времен Древних Египта, Вавилона, Китая, Индии и древних южноамериканских цивилизаций, мы четко представляем этот прогресс.

Перуанское узловое письмо (веревочные узелки на тростинном основании), иероглифы Древнего Египта и сохранившие свой статус до нашего времени иероглифы Древнего Китая, заимствованные японцами, — это первописьменность человечества. С появлением финикийской азбуки, азбук деванагари в Индии и Месропа Маштоца в Древней Армении, уйгурского, корейского (по начертанию букв его часто принимают за иероглифы...), позднее — арабского алфавитов техника письма сделала качественный скачок в сторону упрощения процесса письма, его ускорения, а главное — алфавитная письменность приобрела аутентичную семантику. Смысл термина понятен; ограниченность объема «Рубрики...» не позволяет расписать

---

* Современная концепция ноосферы на научном уровне, включая роль телекоммуникаций, разработана в пятом томе серии книг А. А. Яшина. Первые два тома под названием «Феноменология ноосферы: Предтеча ноосферы» изданы в 2010 г. в московском издательстве URSS (см. информацию на сайте <http://URSS.ru>); следующие два тома готовятся к изданию под названием «Теория ноосферы: логика, физика, космология» в Германии (на русском языке в издательстве «LAP Bamber Academic Publishing GmbH & Co KG»). Заключительный, пятый том готовится автором также для издания в Германии. Почему не в России? К сожалению, число читающих научную литературу в нашем отечестве сейчас сведено почти к абсолютному нулю...

вать ее подробно.

Второй качественный скачок, правильнее — гигантский прыжок, относится к европейскому позднему Средневековью, когда ювелир из Майнца (Германия) Иоганн Геннсфляйш Гуттенберг изобрел книгопечатание. И хотя еще в Древнем Китае использовалось механическое тиражирование — шелкография, а в Древней Индии печатание с деревянных досок с вырезанными на них санскритскими текстами, но Гуттенберг ввел принципиально новое: печатание с использованием наборных литер и на бумагу — дешевый универсальный носитель, идеально подходивший для переплета в многостраничные книги.

Параллельно совершенствовались и орудия авторского труда: от письма на папирусе и пергамента стилем — остро отточенной палочкой, вырисовыванием текстов на глине, высеканием на мягком камне, новгородского берестяного письма — к писанию на бумаге гусиным пером, далее — появление в обиходе стальных перьев и железисто-галлусовых чернил. Еще далее — американские изобретения XIX века: авторучка и «ундервуд». В этом ряду появление в обиходе компьютера, используемого в качестве инструмента набора, есть лишь усовершенствование печатной машинки: возможность исправления ошибок набора и корректировки набранного текста.

◆ Следует отметить, что письмо с древности является искусством, а в любом искусстве творящий его стремится, среди прочего, усилить эстетическую сторону. Так и в алфавитах, отчасти и в иероглифическом письме, в их канонической оформлении определяющую роль исторически сыграли два фактора: исходный материал носителя и эстетика оформления текстов.

Вавилонская кампания и кельтские рунические символы имеют форму знаков, свидетельствующие: их наносили вдавливанием (глиняные таблички Хаммурапи) или высекали на камне, как у древних кельтов. Но древние вавилоняне и кельты далеки от нас по времени и расстоянию. Возьмем бывшие наши Грузию и Армению. Их своеобразные алфавиты по внешнему виду не спутаешь. Грузинские буквы — плавно начертанные, изобилующие овалами и полуокружностями. Армянские — алфавит Маштоца — напротив, чем-то напоминают рунические письмена: никаких плавных овалов, напротив, преобладание вертикальных черт с резкими изломами.

...А все потому, что грузинская письменность изначально ориентировалась на мягкие носители, тот же пергамент. А на древних армянских хачкарах надписи высекались на твердых породах камня.

Египетская пиктографическая иероглифография носителями имела папирус, роспись на каменных плитах и высекание на мягком известняке. Поэтому древнеегипетские письмена,

особенно времен фараоновых династий, почти что мелкодетальные живописные полотна.

То есть уже древние исполнители текстов, зачастую они же и авторы, даже при работе с самыми твердыми носителями во многом руководствовались эстетическими побуждениями. А в Древнем Китае и вовсе возникло и развилось искусство каллиграфии — эстетики письма, достигшее своего совершенства в арабской письменности во времена халифата.

Те же элементы эстетики видим и в других древних алфавитах: арамейском (современный иврит), уйгурском, индийском, индокитайских.

Основа европейских алфавитов — финикийский имел выигрышные стороны: оптимальное сочетание простоты, необходимой толики эстетики-каллиграфии, главное — обладал фонетической вариабельностью, то есть обеспечивал фонетико-семантическую идентичность для основных языков Средиземноморья. Он же лег в основу греческого алфавита.

Прямота, предельная ясность и логика римского менталитета (извиняемся за современный новояз) «выпрямила» округлые греческие буквы: меднозвучная латынь получила рубленую латиницу.

А вот Кирилл и Мефодий создали славянский алфавит, в полной мере сохранив эстетику греческих букв.

...Кстати, восхваляя «по табельным дням» заслуги братьев в части создания славянской азбуки, совершенно забывают о **гениальности** этого алфавита!

◆ Когда размышляешь об этой гениальности, то даже научному креационисту, как ваш покорный слуга, приходит в голову мысль о божественном вдохновении Кирилла и Мефодия. Все дело в том, что их алфавит абсолютно фонетически аутентичен не только всем славянским языкам — восточным, западным, южным, северным (новгородское и поморское наречия), но и большинству индоевропейских, тюркских, монголо-уйгурских, дальневосточных языков, то есть относящихся к самым различным этноязычным группам.

Два характерных примера. Кому доводилось видеть современные тексты на языках тех славян, кто вместе с католичеством принял и латиницу — поляки, чехи, словаки, хорваты, словенцы, — тот сразу обратил внимание, что латинская азбука абсолютно неадекватна фонетически этим языкам: почти каждая гласная буква имеет надчеркивания, тильды и другие значки, а свойственные особенно польскому и чешскому языкам шипящие фонемы записываются каждая двумя-тремя-четырьмя согласными латинскими буквами...

Кстати, также фонетически неадекватна латиница и для языков германской группы. Известная присказка: пишем Манчестер, читаем — Ливерпуль.

А вот для славянских языков, где принята кириллица, все

фонемы «укладываются» в одну букву и практически отсутствуют дополнительные значки над гласными буквами. В русской азбуке — это только «и-краткое»; что касается введенной Н. М. Карамзиным буквы «ё», то, как не только мы считаем, Николай Михайлович сделал России два больших вреда: во-первых, переписал русскую историю в угоду династии Романовых, чем ее сильно исказил; во-вторых, введением ё — фонема которой присуща только поморскому диалекту русского языка, — он исказил его московский говор, то есть бытовой и литературный языки. Не зря же до начала XXI века литера эта в печатных текстах не использовалась.

...Пометка для авторов «ПЗ»: в нашем журнале литеру мы не используем.

Пожалуй, только в современном украинском языке «по Грушевскому» в алфавите имеются два варианта латинского «і» с одной и двумя точками поверху.

Кстати говоря, в Чехии кириллица использовалась наряду с латиницей до середины XIX века — явно не в пользу последней...

Второй пример фонетической универсальности кириллицы — это перевод в 20—30-х годах прошлого века на нее всех ста с лишним языков народов СССР, исключая грузинский и армянский, а с 1940-го года — прибалтийских. И что же? — А эффект тот же: практически полное соответствие кириллицы фонетическому строю всех этих языков, принадлежащих к совершенно различным, бесконечно далеким друг от друга языковым группам.

...Бытует в среде профессиональных лингвистов притча: если японцы в конце концов решатся перейти от иероглифов к алфавиту, то этой азбукой будет «Аз-буки-веди-глаголь-добро...»

Это не русское шапкозакидательство. Просто получилось исторически так, что фонетически тунгусские языки, то есть собственно сибирский тунгусский и японский, идентичны языку русскому. Такова игра совпадений. Поэтому японцы, знающие русский язык, говорят на нем без акцента и наоборот.

◆ Еще немного терпения — и мы перейдем к основной теме «Рубрики...» Хотя бы все выше написанное и служит введением в эту тематику.

Как мы уже говорили, исторически процесс авторского, литературного в первую очередь, письма всегда имел сильную эстетическую составляющую. Но то же самое относилось и к процессу чтения.

С самого появления сброшюрованных, а потом и печатных книг, последние оформлялись как произведение искусства. Не зря же до начала XX века книги в России и вообще в мире «выходили» из типографий в виде непереплетенных блоков с не-

разрезанными печатными листами (тетрадами) в чисто служебных мягких обложках. То есть являли собой брошюры — полуфабрикат.

Это имело свой смысл: каждый купивший такой «полуфабрикат» далее относил его в переплетную мастерскую, где книгу «доводили до ума», учитывая эстетические вкусы (и кошелек, конечно!) заказчика. Книгу переплетали, сшивая типографские тетради в единое целое и одевали в твердый переплет: от дешевого картона с бумажной оберткой до шелкового или сафьянового с золотым тиснением.

Но точно также учитывалась и эстетика печатания самих текстов, то есть эстетика шрифтов, более того — эстетика алфавитов. Опять же примеры исторического характера.

Рубленая римская латиница содержала в себе эстетики не более, чем сапог и прямой короткий меч воина-легионера. Поэтому появился готический алфавит — витиевато разукрашенная латиница.— Только из побуждений удовлетворения эстетических чувств читающих.

В «правопреемнице» рухнувшей Римской империи — в Священной Римской империи германской нации готический алфавит стал государственным, распространившись почти на всю Западную Европу. Еще до начала XX века книги в Германии печатались как латиницей, так и готическим алфавитом. В двадцатом веке на короткое время готика возродилась в Третьем рейхе.

...Сейчас же готические буквы можно увидеть лишь в названиях некоторых газет «со стажем» Англии и США.

Аналогичное было и с кириллицей. В pendant^{*} ей очень скоро появилась и глаголица — такой же витиевато, искусно (и искусственно!) разукрашенный вариант азбуки Кирилла и Мефодия. Сейчас глаголица напрочь забыта, знакома только историкам-архивистам, историкам православной церкви.

...Самое существенное, что как в церковной, так и в светской письменности на Руси глаголица в «чистом» ее виде не использовалась, а перемежалась с собственно кириллицей, подчиняясь принятым стилям письма, прежде всего устав и полуустав.

В гражданском обиходе глаголицу и устав с полууставом пресек Петр Первый, максимально приблизив кириллицу к столь любимой им рубленой латинице. А реформы графа Уварова в XIX веке и Наркомпроса РСФСР 1918-го года (кстати, подготовленные еще до революции...) изъяли из кириллицы последние «витиеватые» греческие буквы. В русской церковной письменности, в книгах элементы глаголицы, устава и полуустава придерживались до второй половины позапрошлого века, до появления 1-го синодального издания Библии на

---

^{*} В дополнение (фр.).

современно русском языке, напечатанное «петровской» кириллицей.

Третий пример эстетического «украшательства» — это великолепная арабская каллиграфия, прежде всего времен халифатов. Побудительным мотивом здесь послужил запрет ислама на изображение живых тварей. Человека — в первую очередь.

Также нелишним будет заметить, что эстетика чтения усиливалась тем, что до XVI века книги читались вслух, даже если читающий и находился сам-один. На читающего же молча смотрели с недоумением и подозрением.

А на Руси с ее доброй исторической традицией писания доносков и вовсе наличествовала присказка (кажется, она есть и у Афанасьева): «Читает молча, как кляuzu!»

...А говорят: во всем Сталин виноват. Хотя и здесь бытует анекдот. Беседует один московский интеллигент с другим: «А знаете, я доказал на основании многих источников — кто виноват в гибели Лермонтова». — Ответ: «Чего здесь доказывать! И так ясно: Сталин виноват».

Академик же Янин, изучая новгородские берестяные грамоты, обнаружил, что большинство из них суть судебные клязвы и доносы... И у рекламного народа-богоносца достаточно своих «пунктиков».

◆ Как говорится: все теплее и теплее, ближе к теме. Обратимся к одному, но важному аспекту личностной психологии человека, что нам потребуется «держать в уме» дальше. Речь пойдет о явлении **гедонизма**.

В биоценозе, то есть в биологическом, живом мире в числе открытых Ламарком, Дарвином и другими гигантами мысли законов действует и принцип минимизации, то есть экономии расхода энергии организма. Так кошачьи, прежде всего тигр и кот Васька, круглые сутки спят, просыпаясь только для акта жратвы. Так они экономят энергию своих организмов.

Дворовый же Шарик тоже не прочь подремать минуток шестьсот, лицемерно изображая активность — начинает бегать, вертеть хвостом, воинственно произносить «гав-гав» — только при появлении хозяина, а еще лучше — хозяйки со вчерашними щами с мясом. И так далее — от микроскопических бацилл до наших предков-шимпанзе. Это по Дарвину.

А вот вершина эволюции — человек, как организм соображающий, этот общебиологический закон переиначил в качество гедонизма, то есть максимальное извлечение удовольствий жизни при минимуме физических, а главное — умственных затрат.

Наивысшая степень гедонизма исторически сформирова-

** Сборником аналогичных анекдотов являются многие тома полного собрания трудов одного известного нашего сочинителя... Впрочем, далеко не его одного.

лась у нашего доброго народа. Называется она ленью, а появилась из-за долгих морозных и снежных зим, когда дел по хозяйству почти никаких, темнеет рано. Остается только спать на лежанке тепло протопленной печи да увеличивать свое потомство... В последнем, конечно, ничего плохого нет.

Потому в русском фольклоре самый умный из братьев всегда Иван-дурак, что не слезает с печи даже во время визита в царский дворец.

Рассуждая здраво, в таком гедонизме — сезонной лени ничего предосудительного нет. Это только для пользы организма человека и, как сейчас говорят, окружающей среды.

Современный гедонизм, испытавший на рубеже веков и тысячелетий невиданный ранее «качественный» скачок, характеризуется двумя основными факторами.

Во-первых, гедонизм имеет мощнейшую подпитку в капиталистическом обществе потребления и навязывание потребителям совершенно не нужных им «гедонических штучек», гэджиков — по современной (молодежной) терминологии. А поскольку сейчас, в эпоху глобализма, капиталистическая формация правит свой «последний и решительный» бал, то весь мир вновь стал капиталистическим обществом потребления. Куба мала, а современный Китай трудно назвать социалистическим.

Во-вторых, за современную, очень высокую степень гедонизма человек расплачивается (бесплатный сыр только в мышеловках...) своим здоровьем и — особенно — значительной утратой человеческих качеств высшей психической деятельности — тех, что в обыденной речи мы называем душевными и умственными.

О телекоммуникационных (интернетовских) аспектах гедонизма речь пойдет далее, а сейчас для характерного примера рассмотрим мобильную связь.

...Как и все гедонические гэджики, мобильная, изначально просто сотовая, связь создавалась как необходимое дополнение к базовой, проводной (кабельной) и спутниковой телефонной связи.

Имелось в виду, что сеть сотовых станций оптимальна для территорий, где названные выше виды телефонной связи экономически нерентабельны: сложный рельеф местности, относительно небольшая плотность населения, проживающего в малочисленных, разделенных расстояниями поселениях

---

* Когда я слышу бесконечно повторяемый в СМИ термин «плохая экология», то рука непроизвольно тянется к отсутствующему на ремне кортику. Экология (эко + логия) — это наука о состоянии окружающей нас биосферной среды с позиций воздействия этой среды на живой организм, человека в том числе. То есть говорить «плохая экология» — все одно, что произносить: «плохая математика», «плохая астрономия» и так далее.

Господи! Во что превратили великий и могучий современные, органически безграмотные СМИ!

и пр. При этом связь вовсе не предполагалась мобильной: просто у пользователей проводной телефонный аппарат заменялся на (стационарный) радиотелефон. Вот и все отличие.

◆ Для апробирования сотовой связи хорошо подходила Финляндия с ее достаточно большой территорией, ландшафтом, рассеянным по хуторам населением (вспомните замечательный советско-финский фильм «За списками» с Леоновым в главной роли!). Именно в Финляндии появилась и одна из первых фирм по разработке и производству техники сотовой связи — «Nokia». И аппараты сотовой связи по размеру соответствовали обычным телефонным трубкам.

...Опять же вспомните как на ТВ 90-х годов показывают гостящего в Финляндии Ельцина, что звонит по такой трубке в Москву Наине Иосифовне. И в сериалах тех лет братки собирают коллег на «стрелку» по таким же «трубкам». Такую телефонную связь трудно назвать мобильной...

На этом разумное дополнение обычной проводной связи закончилось. Далее процесс пошел по законам общества потребления и навязывания ненужных услуг. Это уже наши дни. Причем, рассуждая здраво, 90...95% пользователям современной мобильной связи она ... совершенно не нужна. Это уже чистой воды гедонизм и обогащение держателей и производителей средств этой связи.

Вред же существенный и все возрастающий. Это и «мобильная зависимость», трата денег, а главное — создание угрожающей здоровью человека электромагнитной засоренности окружающего эфира. В научной литературе это именуется «электромагнитной катастрофой».

...А ведь и Интернет, судя по всему, изначально создавался в самом конце «холодной войны» как средство сохранения всеобъемлющей информации на случай мировой ядерной войны. Полагалось, что после ядерной катастрофы человечеству не придется начинать с изобретения велосипеда: что-то да останется на серверах и компьютерах там, где не взрывались атомные и водородные бомбы. Нейтронные тож.

А потом... см. выше. Проявился сверхмонстр гедонического гэджика, окончательно повредившего психику и здоровье человечества.

А вот сейчас перейдем к основной нашей теме, имея в уме все сказанное выше.

◆ Наш журнал, как, надеемся, хорошо усвоили авторы «Приокских зорь», не принимает и не рассматривает материалы, присланные по электронной почте. Так же точно поступают и серьезные литературные журналы России и Европы. Об Америке, то есть США, данных у нас нет.

Это не прихоть, не издевательство над авторами, не «совковое ретроградство», как иногда нас упрекают наиболее горячие молодые авторы, присылая свой «продукт электрон-

ной литературы», например, двухтомный роман о специфике морфологии фактологических ящеров (это не юмор, а факт из редакционной почты...)

Это всего лишь способ, правда, достаточно эффективный, отделить зерна от плевел, то есть собственно литературу от ее электронного, компьютерного эрзаца. Сказать — эквивалента, язык не поворачивается.

Вообще говоря, при наличии полноформатной технической редакции, которой у нас, как и многих других «толстых» журналов, сейчас нет, отличить литературу и компьютерную литературу, присылаемые по электронной почте, при определенном опыте работы можно.

Если вам присылают романы о морфологии фантастических ящеров, коллективные сочинения, стостраничные поэмы юных дарований о средневековой замковой жизни — это однозначно компьютерная литература.

Она же фиксируется и по содержанию сопроводительных писем авторов: либо оные вообще отсутствуют, либо не содержат обращения — кому и зачем посылается... наконец, это «стрельба веером», то есть в адресном заголовке сопроводительного письма означены десять-двадцать-тридцать адресов наиболее известных «толстых» литературных журналов.

«Компьютерщики», как правило, ненавязчивые. Не получив ответа, они больше не пристают — за исключением ведущих веерную стрельбу.

Когда же, как то принято в «ПЗ», посылаешь им правила оформления и представления материалов для (возможного) опубликования, то наиболее наивные обижаются: дескать, высылать по «бумажной» почте свои творения несовременно, хлопотно и дорого, а «у меня дома интернетовская «безлимитка» за 600 рублей в год...»

Еще литкомпьютерщик узнается по полному несоблюдению правил журнала: не прилагается фото автора и автобио-справка, адреса и телефоны и пр. И вообще представители этой формы творческого самовыражения исповедуют артиллерийский закон: выстрелил и забыл!

Кстати, ворчат по поводу невозможности представления материалов через Интернет и некоторые авторы традиционно понимаемой литературы. Как правило — это сибиряки и бывшие наши соотечественники на ПМЖ за рубежом. Последние быстро с русской щирости переучились на западный стиль экономии на спичках. Забыли, что в русскую свою бытность для экономии этих спичек почти круглосуточно держали зажженным фитиль в своей кухонной колонке...

И еще одна существенная, антигедоническая польза «бумажной» почты: если автор сомневается в «литературной товарности» своего произведения, требующей доделки, про-

верки на грамотность и пр., он прикинет: а стоит ли тратить время и деньги на «бумпочту»? Зато если уверен в своем детище, то оформит рукопись строго по правилам, в пургу дойдет до почты, заплатит за заказную бандероль. — А на душе покой и уверенность. Это все из семилетнего опыта главного редактора.

◆ А теперь о вещах серьезных. Строго логически, без эмоций, рассуждая, первыми писательскими гедоническими гэджиками стали авторучка и «ундервуд» — последний тогда, когда автор сам сел за машинку и начал сочинять, минуя этап ручного письма.

Не иронизируй, скептик-читатель! Наверняка за последние сто с лишним лет в дотошной научной Германии написана не одна диссертация* на тему: как изменился характер литературного письма после появления авторучек?

Но — ведь действительно изменился. Подумав, каждый (самодостаточно мыслящий) человек ответит утвердительно.

По сравнению с письмом гусиным или стальным пером, авторучка увеличила скорость записи. С одной стороны, это даже очень хорошо, особенно для литературных поденщиков, а пуще всего — для акул пера, то есть журналистов. Публицистов и научных работников тоже.

А для писателя? — Позвольте усомниться, ибо возможность безостановочно, без обмакивания пера в чернильницу, письма по принципу обратной связи начинает довлеть над пишущим, торопит поскорее завершить трехтомный роман «Бурный поток» — сейчас: «Будни фермера Федора». И супруга не нарадуется: так и отлетают исписанные «паркером» листки; хвалит своего безлошадного муженька: «Молодец, Федя. Так ты не одну книжку тонкую будешь раз в два года издавать, а три полновесных тома в один год! Тебе с гонорариев справим новый галстук, а я и соболиной шубкой обойдусь».

За Федю и особенно его супругу можно только порадоваться, но самодовлеющая скорость письма без технических пауз не позволяет отточить рифму, подобрать более удачную аллитерацию, более выпукло обрисовать характер героя...

И нет того счастливого момента, когда литератор обмакнет в чернильницу свое перо, а на кончик его усядется муха. Известно, что мухи очень падки на чернила. Как органического происхождения из чернильных орешков, так и немецкого химического, то есть железисто-галлусовые.

И, глядя на муху, придет он к образу, обессмертившему его имя: «Быть или не быть, вот в чем вопрос». Или архигениальное: «Морозной пылью серебрится его брововый воротник».

...А вот пишущая машинка, как рабочий инструмент авто-

---

* Как говорил наш выдающийся ученый Тимофеев-Ресовский, не надо делать то, что все равно сделают дотошные немцы...

ра, это уже прелюдия к компьютерной литературе.

Именно на этапе освоения пишмашинки впервые доселе аналоговое мышление писателя отчасти приобретает дискретный характер.

Уже и без дотошных немецких диссертантов опытный читатель-аналитик редко ошибется: сочинял ли свое произведение автор рукописно или стуча по клавишам машинки. Это ситуация, когда несколько обесцвечивается образность, создается — у читателя — впечатление, что простору мысли автора уж слишком тесно в словах. Наконец, это изобилие диалогов. Современная «кассовая» литература и вовсе состоит из одних диалогов, ибо пишется как готовый сценарий для сериалов, сплошь состоящих из «говорящих голов».

От вам и «ундервуд»!

◆ Конечно, авторучка, особенно «паркер» и ручки советского производства, в которых чернила на перо не высыхали, коль скоро автор задумается над крутым изгибом сюжетной линии, почти (что не считается...) не повлияла на усредненное качество литературы. Но пишущая машинка, как рабочий инструмент автора-первопечатника, кроме указанных выше, нанесла, существенно снизила творческий потенциал автора, лишив его такого важного для литератора качества, как **мнемоническая память**, то есть компонент общей памяти, обусловленный движением руки при записи текста рукой же. Психофизиологические и психолингвистические моменты пояснять не будем, только отметим, что существует специальная научная дисциплина **мнемоника**, в числе прочего объясняющая и эффект мнемонической памяти при ручном письме.

Кстати, во многом учитывая этот эффект, в высшей школе, начиная со средневековых европейских университетов (Салерно, Болонья, Сорбонна и др.) и вплоть до наших дней, студенты — даже обладающие хорошей памятью — записывают лекции преподавателей.

Поэтому заметное снижение качества высшего образования, например, в нынешней России, во многом связано с тем, что, следуя указаниям Минобразования о скорейшем внедрении в учебный процесс современных компьютерных технологий, вместо записывания лекций студенты чаще рассматривают картинки на экране. Это авторитетное мнение профессора университета...

Компьютер, ныне используемый авторами в качестве пишущей машинки, имеет даже некоторые преимущества — с точки зрения писателя — по сравнению с «ундервудом», а именно: возможность поправлять, исправлять, дополнять и вообще корректировать набираемый текст.

При всем сказанном выше, ни пишмашинка, ни компьютер для набора в общем-то не повлияли на конечный продукт писательского творчества. Разве что ликвидация мнемониче-

ской памяти, которая очень важна для прозаиков, работающих в крупных жанрах: роман, повесть. В меньшей степени это относится к рассказчикам и поэтам.

Собственно мнемоническая память, то есть «механическая» память ручного письма, сформировавшаяся у человека за относительно короткий период цивилизации и культуры, во многом стимулирует собственно память, особенно правого полушария головного мозга — для литератора, позволяя «держать в голове» в целом и в деталях все многоплановое панно сюжета и характеристики действующих персонажей.

Отсутствие фактора мнемонической памяти, во-первых, снижает художественность произведения, а во-вторых, в качестве компенсации требует от автора напряжения памяти левого полушария головного мозга и — особенно — оперативной памяти.

Не такой уж он и простой — «ундервуд». Это уже начальный гедонизм литератора, ибо любому прогрессу он всегда сопутствует. Человечество в целом, по крайней мере 92 % его численности (см. выше), приветствует прогресс и будет способствовать его росту даже тогда, когда человек перестает быть индивидуальностью в привычном понимании этого определения. О такой ситуации — окончание развиваемой нами темы.

◆ Сам по себе компьютер как инструмент первопечатания текста и Интернет, как средство пересылки текста, лишь несколько понизив общую степень художественности, в целом не изменили характер традиционной литературы. Появление альтернативной ей компьютерной литературы связано с погружением современного человека в виртуальный мир Интернета. Отъединяясь от реального мира, такой человек замыкается в виртуальном телекоммуникационном пространстве. А виртуальный литератор, создатель компьютерной литературы, полностью отрывается от реальности, вступая в примитивный, обедненный и обезличенный виртуальный мир.

...Сразу вспоминаю годы учебы в Литинституте. Тогда существовала только традиционная литература, но умные наши наставники по наитию не уставали нам повторять: нельзя писателю замыкаться в пространстве, времени, действии и пр.

Кажется, Владимир Иванович Гусев, ныне профессор Литинститута и один из руководителей Московской городской организации Союза писателей России, наставлял нас: всматривайтесь в окружающую вас жизнь; тем более — вы заочники, значит и так живете, работаете в гуще этой самой жизни. Не уподобляйтесь «дневникам», что засели в уютном литинститутском общежитии... Вот читаешь их творения, а там одна задумчивая переписка между обитателями третьего и четвертого этажа...

Виртуальный электронный мир распространил эти этажи на весь мир... «Человек компьютерный» в значительной мере, почти принципиально, отличается от исторически традиционного *homo sapiens*: он живет уже не в реальном мире с его радостями и невзгодами, борениями и страстями, а в ограниченной «кубатуре» вымышленного мира, где скудоумная виртуальная фантазия практически не имеет опоры на реальный мир вещей и процессов (см. ссылку выше на монографию А. А. Яшина). А интернетовская, компьютерная литература становится лишь слабейшим отголоском художественной литературы, понимаемой в традиционном смысле. Отсюда и романы о морфологии фантастических ящеров...

Словом, переговоры между третьим и четвертым этажами, ибо, как мы знаем, еще со времен древнеегипетских папирусов и античной драмы однозначно следует: художественность, прежде всего литературная, есть отображение реального мира.

Теперь разберем по пунктам.

◆ Эстетика письма и чтения — здесь и говорить не о чем. Эстетическая составляющая у виртуального, компьютерного письма и читателя с экрана монитора отсутствует. Все то богатство исторически накопленных форм ее, о чем мы столь подробно говорили выше, осталось для компьютерной литературы втуне. Само чтение художественной литературы с экрана есть, в основном, считывание информации, в то время как литература тем и отличается от служебных текстов, что она является источником не утилитарной, но эстетической информации. Термин несколько неверен, но смысл понятен...

Напрочь исчезают в виртуальной литературе даже такие эстетические составляющие, как юмор и широко понимаемая двусмысленность, оживляющие текст.

Это видно даже не по такой литературе, а в обыденности, в общении с представителями (молодых) поколений, выросших в эпоху Интернета. Они напрочь не понимают юмор, даже анекдоты.

...Как то принято в профессорско-преподавательской среде, и я стараюсь разнообразить (снятие напряжения) свои лекции студентам-медикам благопристойными анекдотами. Опять же поучительными — на медицинскую тему. И что я вижу в ответ: полное непонимание, молчание и оловянное выражение глаз. И еще — подозрение.

«Нулевая» эстетика компьютерных авторов и читателей — это тот сигнал, что свидетельствует о расхождении традиционной и компьютерной литературы.

◆ С позиций герменевтики компьютерная литература

---

* Герменевтика — наука о понимании и интерпретации — в числе прочего — текстов. Одним из основоположников герменевтики является Ханс-Георг

есть грустное зрелище, ибо напрочь лишена того качества, которое в литературоведении принято называть творческим соучастием читателя. Имеется в виду тот сознаваемый или явно несознаваемый читателем подтекст литературного произведения, заложенный талантливый авторов осознанно, а гениальным — неосознанно, на уровне работы его подсознания. Опытный, естественно и думающий, читатель прекрасно понимает: истинно художественная литература — это не копия образов и процессов реального мира, но его художественное перевоплощение и обобщение, целью которого является «принуждение» читателя к осмысливанию его произведения.

За примерами такой литературы далеко ходить не надо. Евангелие — любое из канонических от Матфея, Иоанна, Марка, Луки, апокрифические евангелия от Филиппа и других греческих авторов, — и вообще вся книга Нового Завета написана иносказательно. В отличие от сюжетно-понятийного Ветхого Завета.

Ибо цель и сверхзадача Нового Завета — заставить читающего его понять и воспринять сущность христианского учения сопереживанием Христу и его апостолам, прежде всего Петру и Павлу. А этого можно достичь иносказательностью текста, своего рода шифровкой. Только приложив немалые усилия ума и, как принято говорить, души, за такой иносказательностью адепт христианства воспринимает сущность учения Христа и его подвига.

...Вот почему все многочисленные попытки «прямого» пересказа евангелий, их адаптации и пр. не имели и не могли иметь успеха.

К сожалению, даже такой титан художественной мысли, как Лев Толстой, не смог понять этого, создавая свой «Перевод и соединение четырех евангелий» и «Евангелие для детей».

Шекспир, столь нелюбимый Толстым, второй характерный пример. Здесь достаточно — без пояснений — упомянуть одного лишь «Гамлета»... «Быть или не быть, вот в чем вопрос».

◆ Два фактора, уже упомянутые выше, создали удручающий феномен компьютерной литературы: дискретное (цифровое) мышление и гедонизм авторов и читателей, отказавшихся от реального мира и с головой ушедших в мир виртуальный, электронный.

Дискретность мышления замечательно характеризует известный анекдот. Профессиональный программист, отходя ко сну, ставит на прикроватную тумбочку два стакана: один с во-

---

Гадамер. Его главная работа «Истина и метод» издана на русском языке в 1988 г. (Москва, «Прогресс»).

дой, другой пустой. Некто, например, деловая подруга на ночь, интересуется: «Почему два стакана?» — «А потому, что стакан с водой — если ночью захочу пить. Пустой же — если пить не захочу».

Другая жизненная ситуация часто возникает у людей среднего и старшего поколений, по специфике своей занятости общающихся с детьми, юношами и молодыми людьми. Это преподаватели вузов, учителя в школе, армейские офицеры и пр.

Первые — сохранившие в основе своей традиционное, аналоговое мышление; вторые — уже «переученные» на дискретное, цифровое мышление. Кто находится в такой ситуации, тот однозначно ответить на соответствующий вопрос: мы друг друга («старый» «младого» и наоборот) понимаем в такой же степени, как два иностранца — по отношению одного к другому, — слабо понимающих язык визави...

...Дело, конечно, не в возрасте и во взаимном непонимании поколений; ибо сейчас как аналоговое, так и дискретное мышление присуще и «стару» и «младу». Не редки представители старших поколений, что быстро «переучились» на дискретное мышление, а по опыту общения со своими студентами знаю: аналоговое мышление присуще и части молодых людей, уже родившихся в эпоху Интернета.

Дело все в установке, которую в силу тех или иных обстоятельств, каждый дает сам себе. Так и авторы с читателями выбирают традиционную и компьютерную литературу.

Как мы уже писали выше — дискретное мышление ориентируется на информационную составляющую текстов, но совершенно чужда художественности. А взаимоотношение «дискретных» автора и читателя? — Рыбак рыбака видит издалека. Что тут еще сказать...

И о гедонизме автора и читателя компьютерной литературы. Выше все, или почти все было сказано. Обе стороны — автор и читатель — сидят в теплой квартире перед компьютерами, прихлебывая кофе. Расходы физической энергии минимальны: автор «давит» на клавиши, читатель поводит глазами слева-направо; китайцы — сверху-вниз; читающие по-арабски и иврите — справа-налево.

Соразмерны с ними затраты энергии мышления — минимизированы: набирается на компьютере автором и читается с экрана читателем (извините за тавтологию) исключительно «голая» информация, а точнее — информационный шум, из которого на 90—95 % и состоит содержимое Интернета. Никаких тебе головоломок с фабулой, сюжетом, художественной подачей образов, тем более — никаких герменевтических ухищрений. Полный гедонизм, за который автор и читатель компьютерной литературы сполна расплачиваются угнетением высших слоев психики.

◆ В заключении — два известных вопроса русской (не компьютерной!) литературы. Кто виноват? Что делать? Если искать виноватого, то надо апеллировать к Дарвину с его теорией эволюции, а для людей верующих — к высшим силам, создавшим человека. Еще к В. И. Вернадскому будут вопросы: зачем Владимир Иванович «изоберл ноосферу»?

Но Дарвин с Вернадским, тем более Всевышний, ответа не дадут. Тем более что нет более глупого занятия, нежели в чем-то обвинять эволюцию человека и ход Истории. Они перед нами неподотчетны по определению.

Здесь ближе к правде воцерковленные люди, говорящие в таких случаях: так Бог захотел наказать человека за грех: первородный, рукотворный современный и так далее.

С позиций же современной эволюционной науки (см. ссылку выше на «Феноменологию ноосферы») объяснение логически непротиворечиво. Сейчас мы находимся на самом пике перехода от биосферного к ноосферному этапу эволюции человека — по В. И. Вернадскому.

В социально-экономической и политической сфере этот период характеризуется процессом глобализации.

Глобализация же невозможна без непрерывно нарастающего прогресса в области глобальных же систем телекоммуникаций: от того же Интернета до «всевидящего ока» всемирных космических группировок типа ГЛОНАС и ее американской «сестры». И все это — под контролем основного закона современного капитализма: преобладание общества потребления и навязывания потребителю совершенно ненужного.

Все это вкупе резко, что называется на глазах, лишает человека индивидуальности, переводит изначальный, аналитический образ мышления к механически-дискретному. А это, в свою очередь, напрочь отрицает творческую, в том числе художественную, составляющую мышления. В сфере литературы — это возрастание роли компьютерной литературы.

А что делать? — Но ведь в истории человечества случались и более сложные коллизии. Что будет дальше? — Нам не суждено знать, ибо законами мироздания наложен запрет на «знание наперед». — Для пользы самого же человечества...

По крайней мере сейчас и в ближней перспективе традиционная художественная литература сохраняет свои базовые позиции. А что касается компьютерной литературы, то здесь почти все зависит от последующего шага эволюции человека — уже ноосферного.

Вполне возможным представляется и активное вмешательство человека разумного в ограничение «безнаказанности» электронных гэджиков. Тому уже есть примеры, например, хотя и робкие, но все же попытки — призывы на государственном уровне взять под контроль Интернет.

И еще один характерный пример. Помните, как с десятков

лет назад японские фирмы одну за другой «насылали» на детский мир электронные игрушки типа «пакемона», активно рущащие еще неокрепшую психику ребенка. Но затем это прекратилось. Можно так понимать, что это следствие контроля японского общества, во многом сохраняющего традиционные ценности.

...Пока есть возможность, уважаемые авторы и читатели, сохраняйте и вы ценности традиционной художественной литературы.

И еще раз приглашаем наших авторов и читателей принять активное участие в дискуссии по означенной выше тематике.

РОМАН, ПОВЕСТЬ

Ольга Пономарева-Шаховская
(г. Москва)

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО
Повесть

Москвичка, окончила Московский электротехнический институт связи, инженер-электромеханик. Работала в проектных институтах. Стихи и прозу пишу с 1998 г. Публиковалась в альманахах: «Истоки», «Озарение», «Стихосвет», «Протуберанцы», «Белая Скрижаль», «Московский Парнас». Автор 4-х книг: «Образ мысли — стихи» — 2000 г., «Мозаика» — 2002 г., «Ходики» — 2004 г., «Стихия» — 2008 г. Подборка стихов вошла в Антологию Современной поэзии «Созвучья слов живых», т. 6, изд. «Московский Парнас», 2011 г. Член Международного сообщества писательских союзов и Союза писателей России.

*«Но в памяти моей такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит...
Шумит, не умолкая, память-дождь,
И память-снег летит и пасть не может»*

(Д. Самойлов «Память»)

Память — это наше теплое лоскутное одеяло, в которое мы охотно заворачиваемся, обнимая руками уголок, в особенно промозглые, насквозь пропитанные одиночеством, дни. Она оберегает нас, сохраняя много хорошего, со временем притупляя боль, принесенную жизненными ситуациями.

Наша память цепко держит запахи детства: бабушкиных плюшек, парного молока, новогодней елки, наряженной мандаринами, конфетами, игрушками; подъезда с кучей песка и разбросанного на улице карбида, подмосковных яблок и ворованной с поля кукурузы, цветущей медуницы и совершенно особого запаха кувшинок; реки, покрытой у берегов ажурной тиной...

Мы любовно разглаживаем солнечно-желтые, небесно-голубые, беззащитно-розовые квадратики своего одеяла, они дают нам силу: не потерять веру, обрести надежду, сохранить любовь.

Лоскутное одеяло — память не зря подарена человеческому сердцу, она не позволяет ему озлобиться, зачерстветь, помогает нам оставаться людьми.

ОБИДА

Решительно никто не верил Саньке, когда он в мельчайших подробностях рассказывал о том, что помнит роддом. Взрослые считали это плодом детской фантазии.

Малыш еще не знал, как называлось то место, куда его положили, но ему было там тепло, уютно и сухо. Подрастая, он вспоминал, что лежал в огромной светлой комнате, где стояли кровати. Метрах в шести наискосок от него находился стол, на котором — лампа старого образца, похожая на большой гриб с белой шляпой. За столом сидела немолодая женщина в белом халате. Она читала книгу. Каждую ночь ребенка что-то беспокоило, и, просыпаясь, он начинал плакать. Женщина поднималась, ласково успокаивала крикуна, чтобы остальные детишки не последовали его примеру, а потом наклонялась к младенцу. Если представить себе Доброту, то, по мнению мальчика, она должна иметь лицо той детской сестры. Получив бутылочку с чем-то очень вкусным, дитя начинало сосать и засыпало.

Но вскоре обстановка поменялась. Саньку привезли домой. Первый день прошел незаметно, а ночью, проснувшийся по обыкновению, мальчик заплакал. Не было ни мягкого света лампы, ни доброй женщины. Вместо этого над ним склонились домочадцы. Потом он почувствовал, что это были мать, отец и бабушка, которые наперебой успокаивали его. Но Санька хотел есть!!! Тогда мать принесла ему теплой подслащенной воды. Ребенок попробовал, скривил губки, и, разворачивая свои крохотные легкие, заорал от обиды со всей силы, на которую был способен. Мальчик понял, что его обманули.

Боль от давней обиды осталась в его сердце до сих пор. Вероятно потому, что это произошло дома, где окружали его близкие люди, от которых он ожидал иного...

ПИВНОЙ ПРИБОР

Около года от роду, из коляски Санька переехал в комфортабельную немецкую кровать, сделанную из светлого дерева. Четыре ножки ее оканчивались большими колесами. В восемнадцатиметровой комнате, разделяя детскую и взрослую половины, стоял платяной шкаф, а напротив него — резной буфет. На буфете перед зеркальцем красовалась кипельно белая, вышитая «ришелье», салфетка, посередине которой покоился поднос. На нем возвышался пивной прибор матового белого стекла с нежными розовыми цветочками. Шесть небольших, граммов по сто пятьдесят, стаканчиков обступали славенький складенький кувшинчик литра на полтора. Ни по немецким, ни по русским меркам до пивного он габаритами не дотягивал. Этот прибор больше подходил для сока. Однако, оживляя интерьер, обращал на себя внимание гостей и домочадцев.

Когда сыну исполнилось три месяца, мать вышла на работу и долго мучалась от избытка молока. Саньку оставили на попечение еще не старой бабушки. Мальчик росмышленным, любознательным и шустрым. Стоять он начал рано, упиравшись ручонками в верхнее ограждение кровати.

Однажды бабушка вышла на кухню поставить чайник, да и заговорила с соседкой. Внук в это время дня бодрствовал, но ему было скучно. Погремушки не радовали, писклявая резиновая птичка с дырочкой в боку, изрядно покусанная режущимися зубками, надоела. Зайчик случайно выпал из кровати, а дотянуться до него малыш не мог. Тогда Санька, упершись ручками в платяной шкаф, оттолкнулся от него. Колеса кровати медленно покатали к буфету. Инстинктивно ухватившись за буфет, снова оттолкнулся и поехал обратно. Его очень веселило перемещение в пространстве и то, что он самостоятельно сделал это открытие. Но в какой-то момент ручка ребенка сорвалась и ухватилась за салфетку. Пивной прибор поехал следом за кроватью. У края

буфета предметы начали падать, со звоном разбиваясь об пол. Санька испугался шума, расстроился и заплакал.

Прибежала из кухни взволнованная бабушка. Перво-наперво, она успокоила мальчика, прижав его к теплой мягкой груди, погладила по головке и заворковала: «Котя, серенький коток. Котя, беленький хвосток...» Потом она внимательно осмотрела младенца и его кроватку: нет ли стекол. И убедившись, что все в порядке, принялась за уборку. Чудом уцелели два стаканчика, видимо на память.

ИГРУШКА

Пока родители работали, Саньку воспитывали дед и бабушка. Бабушка — генерал по кухонной части, а дед ходил в магазин и занимался развитием ребенка: часто гулял с ним по Кремлю, водил в музеи, играл.

У мальчика было много игрушек. Став старше, он пришел к выводу, что раньше их делали лучше. Вот взять, к примеру, паровую машину. Закрытая деревянной крышкой, она выглядела как маленькая швейная машинка. В специальный резервуар из меди наливалась вода. Обыкновенной свечкой разогревался котел. Пар толкал поршни, они крутили вал, тот, в свою очередь, вращал генератор, и ток зажигал лампочку, такую, какую вворачивают в карманный фонарик. Саньке нравилась эта маленькая модель — копия взрослой настоящей жизни. Но дед посчитал, что мальчик еще не дорос до такой игрушки, и не купил, да и дорога она была для семьи.

А модель белого многопалубного корабля с застывшими фигурками матросов на борту, с винтом, выкрашенным красной краской.

— Ну, где нам пускать его? У нас и ванны-то нет,— сказал дед в ответ на очередное «купи».

Настал вторник, и решительное настроение деда невозможно было ничем поколебать. Ребенок должен иметь игрушки, поэтому он, взяв Саньку за руку, повел мальчика в ГУМ.

— Смотри, Сань, а вот хороший гараж, с крышей, машинка в нем, и ворота открываются-закрываются по твоему желанию.

— Деда, а зачем гараж? — спросил озадаченно внук.

— Гараж железный. Машинка — ЗИМ — пластмассовая, как заряд в пневмопистолете, в пружину упирается. Дверцы закрыты. Нажимаем на кнопку сверху, срабатывает пружина, и распахиваются дверцы гаража, выезжает машина. К родителям поедешь, возьми игрушку с собой. Там кот, он подумает, что машинка — мышь, и станет за ней охотиться.

Всю неделю Санька мечтал, что Пушок будет охотиться на машину. Едва открыв дверь квартиры, не сняв пальто и ботинки, мальчик прокричал:

— Мам, Пушок дома?

— Дома, дома,— ответила мать из кухни.

Пушок был домашним котом, но, живя на первом этаже старого деревянного дома, частенько, особенно весной, пропадал надолго во дворе. Возвращался он, похожий на раненого солдата, то хромая, то с надорванным ухом или поцарапанным носом. По округе бегало его многочисленное белошерстое потомство.

Когда Пушка котенком принесли от знакомой генеральши, в коммунальной квартире собрался совет для решения участи животного. Но мужчины не дали kota в обиду. Очевидно, этим и определялся в последствии его независимый характер.

Пуся сидел со смурной мордочкой, ему хотелось спать.

Опять приехал этот, «мелкий», от которого пахнет молоком, из-за него меня выгнали на кухню. Испугались, что я сделаю ему больно. Да я сроду малышей не обижал. Теперь приходится ютиться на жесткой деревянной лавке или на полке над дверным проемом, наверно, думал кот.

Саньку распирало от гордости. Вот сейчас он надует глупого кота. Но Пушок проявил слабый интерес к гаражу. Выскочила машинка и проехала между кошачьими лапами. «У тебя все, или еще что-нибудь будет?» — выражал кошачий взгляд. Кот скосил голову на бок, чуть потянул носом воздух на себя, а вдруг все-таки мышь, но, поняв, что нет, отвернулся.

Мальчик побаивался огромного сердитого кота с острыми когтями, поэтому аккуратно, трясущимися от страха руками, вытащил из кошачьих лап машинку. При повторной попытке обмануть животное, кот, своим видом выражая безразличие, поднялся и, полный достоинства, слегка помахивая хвостом, отошел, а потом и вовсе выпрыгнул через форточку во двор.

Однажды отец купил Саньке конструктор, справедливо полагая, что ребенку надо развивать руки и мозги. Но прежде батюшке самому пришлось попробовать сделать это. Сколько он ни пытался, ни одна шина, ни на одно колесо не надевалась, и ни один винт гайкой не закручивался. Тут даже сильные руки отца не помогли.

Позже подключился дедушка, но даже общими усилиями конструктор собрать не удалось.

Мальчик заплакал от обиды. «Вань, ты бы написал письмо на завод. Дескать, ребенку расстройство от вашего конструктора, — вступилась за внука бабушка. — Отошли его обратно, и пусть они сами пробуют смастерить что-нибудь путное», — добавила она и протянула деду листок бумаги».

Дека Ваня, посурив лицом, сел за стол, водрузил на нос очки. Он обмакнул перо в чернильницу с самодельными, из свеклы, чернилами, чтобы буквы не расплывались на бумаге, и начал. «Я, Петров Иван Сергеевич, член партии с 1916 года, персональный пенсионер Союзного значения... В то время как вся Советская страна, воодушевленная решениями Партии и Правительства...»

Ответ не заставил себя долго ждать. Через пару недель на имя деда пришла посылка, в ней лежали новенькие шины и винты с гайками, которые соответствовали норме.

ПУШОК

Мать принесла котенка за пазухой от знакомой генеральши, что жила в том же доме. В помете белой пушистой сибирской кошки было лишь два котика. Лена решила выбрать того, что посамостоятельнее.

Первую ночь малыш плакал по матери так сильно, что сердобольная свекровь попросила взять котенка в постель, чтобы тот согрелся и дал возможность поспать.

Всеобщего любимца назвали Пушком. Он рос смышленным и независимым.

Первый раз Пушка привезли на дачу в июне. Кот прошелся по комнатам, одобрил запахи, признав их родными. Поначалу выпускать на улицу кота не хотели, чтобы он с непривычки не сбежал и не одичал, но, влезши на диван, тот начал жалобно мяукать: «Люди вы или кто?! Пустите... и подышать свежим воздухом!»

В Москве Пушок привык гулять на улице через форточку на кухне, поэтому чувствовал себя взрослым и независимым котом и категорически отказался ходить в лоток.

Крава — Санькина няня — деревенская баба сказала: «А ничо! Никуда не денется! Есть захочет, придет!» — и выпустила. Кот пропал.

Мать с отцом работали. В выходной Крава получила нагоняй. «Я же говорила...» — сетовала рассерженно Санькина мать. Сначала она долго и безуспешно ходила по территории садов и кричала (признавал Пушок только ее, как мать кормящую): «Пушенька!» «Пушочек!» Но вдруг услышала из-под строящегося соседского дома сильный басовитый отклик: «Мяу!» Лена стала звать кота и попыталась поймать, к ней на помощь пришел хозяин участка Иван, отец Пети и Коли, будущих Сашиных

друзей. Иван изловчился и схватил кота за задние лапы, вытащил бродягу на свет, взял его на руки, но тот не понял, что с ним происходит, и со всей силы брыкнул задней лапой, сильно поранив своего спасителя.

Попав в дом, от страха Пушок забился под тахту, в дальний угол. Елена долго старалась вынуть добровольного затворника, но тот только злобно шипел. Она с угрозами аккуратно достала из укрытия и скормила бедолаге по кусочкам целую сардельку.

Рана Ивана зажила, Пушок освоился на даче, и лето прошло без приключений.

СТИХОТВОРЕНИЕ

Трехлетний Санька, стриженный под ноль, слонялся по дому, не зная чем заняться. За окном цвела весна: лужами, капелью, солнцем, прилетающими из дальних краев птицами, белыми пушистыми облаками. Мальчик мысленно уже собирался на дачу. Он помнил как ехал туда в прошлом году на руках у матери в кабине полторки через рощу, и березки разбегались влево, вправо, влево, вправо... А шофер, в выцветшей гимнастерке, наверно, сохранившейся с фронтовых времен, кричал матери: «Мамаша, держи ребенка!»

Санька зашел к соседке посмотреть, чем занят ее сын — Вовка.

В простенке между двумя окнами стояло высокое зеркало. Санька оглядел себя со всех сторон и остался доволен. Потом он высунул язык Вовкиному отражению. Вовка учил стих, который ему задали в школе. Учил и не мог ничего запомнить, словно валял большой ком теста, не в состоянии вымесить его. В ответ Саньке Вовка скорчил рожицу, оттопырив уши в разные стороны. Мать цыкнула на него, мол, учи, а то завтра опять двойку получишь. «А ты, Ляксандр, ежели будешь смирно сидеть, оставайся, а паясничать в коридор ступай или к себе»,— сказала Шура сердито.

Вовка учился плохо: мог на неделе принести шесть двоек по разным предметам, по штуке за день.

Однажды в доме появился вислоухий выбракованный щенок овчарки. Мать разрешила оставить собаку до трех двоек. Вовка мужественно продержался две недели. Потом пса пристроили в надежные руки.

Саша скромно сел на маленький стульчик у печки и притих.

— «Мы видим город Петроград в семнадцатом году...»,— безуспешно учил Вовка.

— «...сейчас он вступит в бой...»,— Вовка тупо замолчал, и в наступившей тишине стало слышно, как ходят часы на буфете, а на улице ребята играют в «штандр»^{*}.

Мальчик мучительно выуживал из памяти нужные слова, но они не приходили, тогда помог Санька:

— «Висит плакат: Долой гошпот, помещиков долой!» — продекламировал он, не понимая ни единого слова.

— Ты подсказываешь,— раздраженно вымолвила Шура,— он так никогда не выучит.

Посидев с полчаса, Санька заскучал и ушел обедать. После обеда мать уложила его спать. И тут мальчика понесло. Гуляя ногами под одеялом, он начал тихо шепеляво декламировать стих, что учил Вовка. Мать прислушалась и поняла, сын не спит, хотя давно должен был. Она попыталась разобрать слова: «Мы видим голод Петлоглад в семнадцатом году...» Мать попросила сына читать громче, и ребенок с удовольствием исполнил ее просьбу, прочитав все стихотворение от начала до конца.

Потом, учась в школе, Саша никогда не испытывал проблем с памятью. Ему не

---

^{*} Игра в мяч.

составляло труда выучить любое стихотворение, и, к удивлению многих, он знал наизусть почти всего «Евгения Онегина».

ПОДРУЖКА ДЕТСТВА

Там, в доме на Мытной, у Саньки была закадычная подружка, Ленка. С ней было хорошо забивать гвозди в толстые пробки, зимой кататься с горки, весной разбрасывать тающий снег сугробов, прыгать через лужи, собирать в спичечный коробок майских жуков, летом играть в «салки» или «казаки разбойники», осенью весело скучать у окна под монотонный стук дождя.

Лена часто выходила гулять с огромным куском белого хлеба от батона за 28 копеек, намазанным сливочным маслом, а сверху щедро присыпанным сахарным песком. Понятливая и нежадная девочка всегда отламывала ему полкуска, а потом мать звала его обедать.

— И почему ты, мамочка, никогда не покупаешь такого большого хлеба? И не даешь мне на улицу бутерброд, как Ленке?— обиженно выговаривал Саша матери.— Так вкусно есть на свежем воздухе! — продолжал он.— Когда она выходит на улицу с хлебом, у меня слюнки текут.

— Начнем с того, что этот хлеб выпекают из муки худшего качества, он не белый, а серый, и, потом, нечего хватать куски на улице и перебивать аппетит. Обедать, так обедать! Саша, запомни раз и навсегда есть надо дома, первое, второе и третье, сидеть за столом с чистыми руками, не ставя на стол локти, не болтая ногами. Да, разговаривать за столом нельзя, можешь подавиться. Память тренируй, успеешь сказать после еды. «Когда я ем, я глух и нем».

Весной Санька заразился от Ленки коклюшем. Откуда было знать ее матери, полуграмотной бабе, работающей дворничихой, что девчонка уже неделю больна. «Ну, подкашливает она, просквозило, видать, где-то, али ноги по весне промочила». Мать сроду не следила за девочкой, хотя та была единственным ребенком в неполной семье.

Сашиней матери пришлось уволиться с работы, и Санька целое лето прожил на даче. По утрам, когда ребенок закашливался до рвоты, мать ходила с ним гулять к речке Цыганке, где влажный воздух благотворно действовал на мальчика.

Ах, Ленка, Ленка, боевая подруга детства. Где ты? Как сложилась твоя судьба?

Санька переехал с Мытной улицы на Ленинский проспект, когда «дедам» дали новую квартиру, точнее даже не квартиру, а отдельную комнату в коммуналке на две семьи.

ГОРКА

Сашин отец работал главным технологом на большом станкостроительном заводе. Однажды, идя с елки по территории завода, мальчик впервые увидел тельфер. Отец поднял Сашу, и ребенку разрешили нажать на кнопку. Пареньку было тогда года три-четыре. И он даже не мог самостоятельно сесть на откидной стул в зрительном зале, куда его привели родители на новогоднее представление. Взрослых в зал не пускали.

Тугая кнопка устройства не поддавалась слабым детским ручонкам, и мальчик не включил тельфер. Тогда отец нажал на палец ребенка. Сделалось больно до слез, но Санька — мужчина — терпел. Участие в общем труде привело его в неопишуемый восторг.

— Сынок, что же тебе больше всего понравилось на елке?— спросила мать Саньку, ожидая услышать обычное: дед Мороз или Снегурочка, когда тот разделся и положил подарок.

— Тельфер,— гордо заявил сын.— Мам, я кнопку нажимал, и он двигался по рельсе. А еще козловый кран.

— А дед Мороз? — спросила растерянно мать.

— И вовсе никакой дед Мороз подарков не дарил, и вовсе мы подарки купили у тети в буфете за деньги.

Зимой Саша гулял даже в самую морозную погоду. Няня Крава или мать густо намазывали его лицо гусиным жиром, надевали теплый коричневый комбинезон, кофту, черные валенки с галошами, двойные варежки, а под меховую шапку, по-бабьи,— платок, который он ненавидел, и шубу. Та шубейка с обеих сторон груди была слегка лысовата. Гуляя с соседской Ленкой, они по очереди выдергивали из нее мех, и пускали его на волю со словами: «Пу-у-ух!»

В Санькином детстве зимы стояли отчего-то суровее, чем сейчас. В то время в Москве еще существовало печное отопление. Дымы торчали бодро, словно кошачьи хвосты, а небо было пронзительно голубого цвета. В Шашином доме начинали топить первыми.

Бревна для печи привозили на большой машине распиленные, но не поколотые. Их сваливали недалеко от сарая, которым владели две семьи. Там хранилась дрова, заквашенная на зиму капуста в деревянной бочке, старые газеты и книги. Поскольку холодильника в семье не было, под Новый год, в духовку от плиты, стоявшей там же, забирали от мышей и крыс мороженого гуся.

После работы Санькин отец шел колоть дрова. Мальчик «хвостиком» — за ним. Санька брал бревно и съезжал на нем до сарая с горки, которую отец делал каждую зиму для детворы. Потом, когда отец разрубал бревна пополам, мальчик катался на половинках, а дальше — на четверти от целого полена. Поколотые поленья отец сам складывал в сарай. Труженики возвращались домой усталые и немногословные.

Во всех дворах округи имелись деревянные сооружения, из которых зимой делали горки. В Шашином дворе — не было. Но отец считал, что детям необходима горка. Приходя после работы, наскоро переодевшись и поев, отец брал лопату и шел во двор. Он насыпал горку клинообразной формы из снега выше своего роста. Сбоку прорубал ступени. Потом, когда работа лопаты кончалась, отец таскал с водяной колонки, с улицы во двор, ведрами воду, по двадцать — двадцать пять ведер, и поливал гору. Ночью, как правило, ударял мороз, и снег застывал.

Еще отец строил ребятам круговую крепость, где велись снежные баталии.

На втором этаже Сашкиного дома жила женщина, прозванная детьми Бабой-Ягой за удивительное сходство с этим сказочным персонажем. Стервозность характера со временем отразилась на ее лице и худосочной фигуре.

Бывало, настигает она кучу белья, повесит через весь двор и поставит кол под веревку с бельем на самый съезд с горы. А что детям невозможно кататься, ее не касалось.

Однажды кол-подпорку случайно сбили, и белье полетело на землю. Яга в отместку посыпала горку песком с солью и снова повесила белье. Обиженный Санька поведал отцу о беде.

«Пошли во двор»,— сказал тот и надел свое единственное коричневое пальто, в котором «и в пир, и в мир, и в добры люди».

Новая горка удалась на славу. Он насыпал ее в два раза выше прежней, и залил водой.

На следующий день Санька взбирался до нужного уровня в три присеста, ребята постарше — в два, так как отец не успел прорубить ступени. Ребята радовались и хвалили его работу. Катались на санках, на ногах, зарабатывая синяки и шишки, на досках, просто на попках и на тарантасе — Вовкино сооружение. Выгнутая петлеобразно водопроводная труба с полозьями, где умещалось стоя два-три человека за раз.

Горка долго радовала ребят в тот год, чуть ли не до первой травки.

ВРАЧ

Санькины родители были убеждены, что у мальчика большое горло. Если что-то не устраивало ребенка, то он, оттопыривая нижнюю губу «сковородником», долго орал.

Санька — мальчонка с большими серо-голубыми широко поставленными глазами, длинными, пушистыми, загнутыми ресницами, розовыми яблоками щек — был белобрыс. Летом его ежик выгорал до цвета свиной щетинки. Ровные длинные пальцы, казалось, ожидало блестящее музыкальное будущее. Чуткая, ранимая Санькина душа заставляла его страдать по любому поводу.

Тетушка часто говорила: «Тебе бы, Санька, девкой родиться! Видно Бог в последний момент передумал!»

Врач детской поликлиники сказала, что ребенку необходима операция. Какая операция, он ведь еще кроха?! Мать не на шутку встревожилась и повела мальчика во взрослую платную поликлинику к профессору Викентию Остаповичу. Женщина умоляла его, Христа ради, просто осмотреть Саньку без оформления документов, и врач согласился.

Открылась дверь. Паренек с опаской вошел в кабинет, половину которого занимала фигура эскулапа в белом халате. Поздоровался, дрожащим от страха, голосом. Но вдруг, увидев ворот вышитой крестиком рубашки, успокоился.

По воскресеньям, приходя с гулянья, он часто заставлял матушку за вышиванием. Ей нравилось это занятие, оно успокаивало, чуть «приворачивая» ее темперамент и строгость. Мать, будто отмякала душой.

Викентий Остапович нагнулся к мальчику, поблескивая кругленькими очечками, нелепо примостившимися на его мясистом носу. В голове у паренька назойливо завертелась соседкина присказка: «Вот нос — Бог семерым нес, да одному ему досталось!»

Санька хмыкнул и уткнулся взглядом в стеклянный медицинский столик, где лежало докторское «богатство».

Викентий Остапович осмотрел мальчика, говоря обычное в таких случаях:

— Открой рот, скажи: а- а-а.

— Ну-с, молодой человек, а сколько у двух ослов ушей и хвостов?— вдруг спросил врач, раздвигая свои пухлые губы в радушной улыбке.

— Хвостов — два, а ушей — четыре,— бойко ответил малец, не выговаривая «р». Хотя, благодаря стараниям бабушки, в три года он уже умел считать.

— Молодец, боец! Все у тебя в порядке. Операция не нужна. Расти, тянись, и складочки разойдутся,— успокоил мать врач, обращаясь одновременно к обоим, а на прощанье подарил Саньке деревянную палочку.

Мальчик начал подтягивался на нижней ступеньке пожарной лестницы. Так делали многие ребята во дворе.

Потом, проходя много раз по участку, врач детской поликлиники хвалила Саньку за занятие гимнастикой, а матери говорила, что он хорошо подтягивается. Но дворник дядя Илья боялся: а ну как детвора доберется до крыши, и кто-нибудь разобьется. Поэтому он, время от времени, отпиливал нижнюю ступеньку, и вскоре лазать на лестницу ребята перестали. Они нашли себе другое занятие: чиркать об лестницу кусками арматуры до искр, отчего та сменила ржавчину на настоящий металлический блеск.

КУЛИЧ

Совершенно другим было тогда то место, куда привезли Саньку с улицы Разина от «дедов», где он жил с матерью. Этот дом 27 по Мытной улице раньше был школой, приспособленной потом под жилье. Без горячей воды, и без ванны. Хочешь

мыться, милости просим в баньку поблизости. А кому дюже приспичит, тот на газу воду греет и в туалете моется. Сейчас это место находится во дворе огромного кирпичного дома, конца пятидесятих годов.

Санькин дом торцом выходил на Мытную улицу. Внешняя сторона его через небольшой проезд соседствовала с уютным бульваром, в котором сначала делали круг трамваи, а потом — автобусы. Позднее, когда маршруты изменились, бульвар стал чистым, с клумбами, где по весне весело пушились розовые шары пионов, радуя глаз своим недолгим великолепием.

Подросшие деревья, не заслоненные от солнца громадами домов, высоко поднимая к небу ветки, пригоршнями листьев собирали солнечный свет, обливая себя им как из душа. Сверкала, подрагивая от легкого ветерка, листва, переполненная чувством молодости и счастья. На бульваре любили гулять мамы с колясками. Дальше находился Даниловский мосторг.

На первом этаже Сашкиного дома пахло сыростью. Печь топилась на две комнаты сначала углем. Потом, когда ее разделили, — дровами. По ночам в метровом простенке, разделявшем две комнаты, мыши водили хороводы. Сашин отец решил прекратить мышиные игры. И, когда стену сломали, то перед глазами удивленных домоладцев предстал результат мышиного труда — ворох крошек из газетной бумаги. Мусор убрали. Стенку подвинули, а в простенок засыпали шлак. Мыши ушли. Стало тише и теплее, к тому же комната сделалась шире. Матрена только что сделала ремонт, поэтому отказалась двигать стену со своей стороны, о чем долго сожалела.

Комната, где жил Сашка, имела три окна. Одно из них выходило в проход между домами, а два других — на бульвар. В бульварное окно, избегая досужих разговоров, Сашкины родители однажды втаскивали обмененную в Даниловском мосторге железную кровать (маленькие и не блестящие шишечки предыдущей — не радовали хозяйку).

Стены кухни пестрили телефонными номерами, правда, самого аппарата в квартире не было. В туалете имелись стихотворные рекомендации по соблюдению чистоты в местах общего пользования. Безобразие длилось недолго. ЖЭК прислал маляра, и настенная «живопись» прекратила свое существование, а квартира повеселела от желтой краски.

В квартире проживало три семьи. Матрена с тремя детьми и сестрой. Муж Матрены был метростроевцем. При возведении станции он упал с плохо закрепленной фермы и погиб. Она добилась отдельной квартиры. И в ее комнату въехали Мишины: Николай Васильевич, его супруга — Шура и сын-школьник лентяй Вовка.

Николай Васильевич — высокий, сухопарый мужчина, инвалид войны, был темноволос, носат с крупными чертами лица и суров на вид. Он работал в продовольственном магазине. Благодаря Мишину, соседи приобрели коробки для рубки капусты и бочки для ее квашения. Он жил со вкусом. Бывало, придет на обед домой да и поджарит себе пару кусочков свинины. Аромат на всю ивановскую! Говорили, дескать, брат его в чинах, высоко сидит. Только никто из соседей брата того не видел. Не знали они.

Жена Васильича — Шурочка — худая, русоволосая с косой, которую укладывала на голове сзади «корзиночкой», симпатичная, добрая, заводная, работала экспедитором по шерсти. Из своих поездок Шура привозила соленые частушки и перченые анекдоты, которыми могла часами в кухне «потчевать» пунцовых от стыда соседок.

За стенкой от Мишиных жил Санька со своими родителями, бабушкой Олей — Баболкой и любимой нянюшкой — Кравой. Няня души не чаяла в неглупом, голубоглазом, в меру озорном мальчике. Родного сына ей пришлось оставить в деревне на попечение своей матушки. Родители Сашки работали, а в детский сад места для ребенка им не дали, объясняя «высокой» зарплатой, а следовательно, возможностью нанять няню.

Прежде Крава была в домработницах у профессора. Тот поселил ее в темной комнате — библиотеке, без окон, душной от обилия книг. Девичья вольная душа изнывала и начинала чахнуть в этом «склепе науки».

Угловую комнату квартиры занимала тетя Соня — Софья Соломоновна — с сыном Семей. Тетя Соня — женщина лет сорока, черноволосая, небольшого роста, от нее постоянно исходила энергия доброты. Тетя Соня понимала детей, вникала в их проблемы. После очередной затяжной весенней прогулки кота она выводила из него блох, нося Пушка по коридору завернутого в тряпочку. Коту становилось легче, и его мыли в черном тазу Санькины родители.

Когда вода случайно попадала на мордашку животного, кот возмущенно мяукал басом. Вымытый, он залезал под газовую плиту, что стояла на высоких ножках, сушился и вылезал оттуда белым, пушистым с наэлектризованной шерстью и с большими «штанами» на задних лапах, вполне довольный собой. Цenia чистоту и комфорт, Пушок в течение двух-трех дней выходил на улицу только по делам и ненадолго. Обычно он сидел над дверным проемом в кухню, удовлетворенно помахивая хвостом.

На аскетичной кухне вплотную стояли три маленьких столика, по числу хозяек, умывальник, под которым пол безнадежно прогнил, газовая плита на четыре конфорки и деревянная лавка для стирки, ее иногда оккупировал кот.

В квартире между соседями был удивительный лад. Убирали, стирали, готовили по очереди. Если какая-либо из хозяек собиралась на Даниловский рынок за молоком или постным маслом, то брала не только свою тару, но и соседскую. Все принесенное молоко она сразу кипятила, чтобы не прокисло.

Санька частенько увязывался с тетей Соней или Кравой на рынок, предварительно дав обещание ничего не просить. Но особенный тамшний дух и атмосфера рынка так действовали на него, что он забывал о своем обещании и все-таки приносил домой вожделенного «петушка» или пачку сухого киселя.

— Я — медроботник, — говорила Саньке тетя Соня (она служила в аптеке провизором), — поэтому должна выбрать сама, чтобы «петушок» был хороший, — покупая ему сахарное удовольствие. Если же Сашина мать пыталась сделать ей выговор за это, Соломоновна убеждала ее, что ребенок должен попробовать все, и не годится ему уходить с базара разочарованным.

На масляной неделе Сашка обязательно проводил дегустацию блинов у каждой из соседок до коликов в животе.

В «чистый четверг» разговор в квартире с утра велся полупрошепотом, словно святое таинство улечитя, и куличи не получатся.

Хозяйки по очереди ставили тесто, доставали кастрюли, как матрешек — одну из другой, густо смазывали их постным маслом. Самый маленький кулич вместе с крашеными луковой шелухой яйцами Баболка несла святить в церковь. Женщина верующая, она соблюдала посты, приходила в церковь загодя. Бывало, расстелит на лавке свой солопчик и ждет начала праздничной службы. Несмотря на строгость, она была женщиной справедливой, доброй и жизнелюбивой.

Тетя Соня в тот день не работала. Ее куличи испеклись первыми. Дух в квартире стоял пьянящий миндально-ванильный.

Остывшие куличи она посыпала сахарной пудрой, и до воскресенья никто к ним не притрагивался, даже сына не баловала.

Шура Мишина уже успела «разговореться». К ней забежала подружка Раиска и принесла на пробу наливочки собственного приготовления. Напиток оказался всем хорош, только у Шурки быстро начали отказывать ноги и заплетаться язык. Раиску положили отдохнуть. А руки Шуры никак не могут с тестом совладать. Сашкина мать — Елена пришла на помощь. Вымесила она тесто, от рук отстает. Подошло оно раза два, как положено. Добавила в него изюма.

Шурка сидит и только смеется, аж до слез, и помочь ничем не может.

Выложила Лена тесто в кастрюлю на треть, орешками толчеными посыпала, яичком с молочком и сахаром будущую шапочку кисточкой смазала.

Пора печь. Но ведь у каждой хозяйки свой рецепт, свой вкус, своя мера. Может, где и подсыпано было мучки больше, чем надо... Тесто на доброту отзывчиво. Коли с хорошим настроением печь, то и куличи — на славу.

Подошло в духовке тесто выше обычного сантиметров на двадцать. Готов кулич-красавец, а вынуть нельзя: дверца духового шкафа маленькая, узенькая и горячая. Вся квартира принимала активное участие в процессе извлечения кулинарного шедевра из духовки.

— Ты ему «чепец-то» срежь, Шур! — советовал Николай.— Мы его потом снова нахлобучим.

— Жалко красоту таку! — лепетала хозяйка.— Не годится на Пасху бракованный кулич. Бога чтить надоть!

— Вот и чти, пока твой кулич в печи не сгорит, ожидая тебя. Как будешь вынимать? Поломаешь, как есть, поломаешь! Виду не будет. Вот баба непутевая. Все у ней не ко времени и не к месту! — осерчал Николай и вышел из кухни.

— Лен, помогай! Куличик-то пропадет! — Шура к Сашиной матери.

— Сейчас, тряпки возьму.

— Фу ты, действительно не идет. По диагонали вроде проходит.

— Попробуй наискось.

— Ой! Обожглась! — вскрикнула от боли Лена.

— В туалет иди. Говорят, от ожога моча хорошо помогает. Ее даже пьют, для внутренних органов польза, — посоветовала обеспокоенная Шурка.

— Шурочка, видно, вино таки на вас определенно плохо действует. Ерунду говорите! — возразила Софья Соломоновна.

— Во-первых, я не признаю доморощенных методов лечения, — безапелляционно заявила Лена, — во-вторых, я не акробат и, в-третьих, кулич твой, «лекарша», вызволять надо!

— Сейчас мазь принесу. Она таки обязательно должна помочь. Семочке на прошлой неделе помогла, — участливо произнесла Софья Соломоновна и удалилась плывущей походкой, покачивая крутыми бедрами.

— Еще, еще, сюдее, мам, — пытаюсь помочь, кричал Санька, выглядывая из-под материнской руки.— Ты его чуть на себя поверни. Гляди-ка, орешки сверху потемнели!

— Готово, — выдохнула облегченно мать.

Она аккуратно вынула кулич из кастрюли на доску, выбросила промасленный пергамент. Заботливо смочила губкой куличовые бока и верхушку, чтобы те не засохли, и надежно укутала его полотенцами для отмякания.

— Вот уважили бабоньки, — сказала Шурка заплетающимся языком, в конец разомлевшая от кухонного жара.— Я всем должна, — радостно пропела она чистым голосом.— С меня причитается!

— Иди, отсыпайся, певунья, а то завтра на работу! — Елена стала пристраивать в духовку свой кулич.

ГОРЕ

На улице весна. Исчезли куда-то вата и парафин, что зимовали между рамами. Вторые рамы из окна мать с отцом выставили и помыли. Бабушка Оля (внук называл ее Баболка) хворала сначала дома, а потом машина «скорой помощи» увезла ее в больницу. Через месяц бабушку на носилках внесли в комнату. Баболке было за восемьдесят, но она не унывала. В столь почтенном возрасте ей не знакома была зубная боль. Газеты она читала без очков, имея на все собственное мнение, соблюдала посты и ходила в церковь, когда позволяло сердце.

Судьба не баловала женщину. Может быть, благодаря вере, и смогла она выжить, сохраняя природный оптимизм. Из шестнадцати детей, рожденных ею, выжило лишь шестеро. Семья имела крепкое хозяйство по откорму бычков под Кадомом. После революции, в период коллективизации, их — трудоголиков — определили в кулаки, хозяйство разорили. Глава семьи — Санькин дед по отцовской линии — уехал в Москву к старшему сыну. Без любимого дела, уязвленный несправедливостью власти в самое сердце, кормилец запил и умер с горя.

Жена перебивалась случайными заработками, растила детей. Потом перебралась к младшему сыну в город.

«Маленького росточку», хрупкая на вид, бабушка имела волевой характер, на ней держался весь дом. Слово молвит, как припечатает. Жизнь, невзгоды еще больше закалили ее, хотя и замешана она была из крутого теста. Не побоялась однажды прогнать вора от полураскрытого окна и даже побежала за ним, пугая сгущающиеся сумерки криком: «Караул! Держите вора!» Однако проворный малый успел убежать до прихода участкового.

Потом, упрекая блюстителя порядка в нерасторопности, она возмущалась: «Ишь, окаянные. Креста на них нет, повадились! Третьего дня пиджак прямо со стула сперли! Николай только на кухню отошел обед греть. Следили, видать».

Баболка была немного обидчива, но то — издержки возраста и недостаток внимания со стороны молодых. «А молодежь-то нынче — сплошь верхогляды. Где им старческие-то хвори знать?»

Как-то утром, собираясь на работу, Санькина мать ощутила внутреннее беспокойство. Растерянность передалась рукам. Она уронила сначала кастрюльку, потом кофту. Убежало молоко, чего прежде не случалось.

Пушок, будто что-то чуял. Он сидел пару дней у больной в ногах смиренхонько. Потом — хвост трубой — и только его и видели. Простился — и убежал через форточку на улицу по своим весенним заботам, да и пропал на неделю.

Елена пощупала тонкую, жилистую, безвольную руку старушки — теплая. Позвала — окаменелое молчание, поднесла к лицу свекрови зеркальце. Раз, другой, не веря своим глазам. Все впустую: не потеет. Ей стало нестерпимо душно. Открыла форточку и позвала Сашу.

— Сынок, осиротели мы! Бабушки не стало. Простись,— сказала она сыну, когда тот вошел в комнату.

Санька постоял молча, потом чмокнул старушку в сморщенную, впалую щеку, еще теплую, роняя горькие слезы.

«Бабушки не стало». Эта фраза целиком захватила все его существо. Она, словно наталкиваясь на какое-то препятствие в детской голове, отскакивала, как мяч, и многократно повторялась. Ребенок пытался осознать... Никогда прежде при нем никто не умирал, если не считать надоедливых ос и комаров, которых он ненавидел и боялся.

«Но куда делась бабушкина душа? В прошлом месяце, когда перекладывали вещи из этажерки в гардероб, мать трясла бабушкино «приданое», и моль летела в разные стороны... Нет, не может душа такой женщины превратиться в моль — зловредное создание. Ее душа, верно, невидимой птичкой летает по комнате и что-то тихо поет ласковым голосом, а мы, занятые своими делами, не слышим», — напряженно думал мальчик.

Отец как потерянный. А мать сетует, что не сможет похоронить покойную в синем платье, любимом старушкой (на просвет оно все ажурное).

В церкви на Даниловском кладбище, куда привезли отпевать бабушку, торжественно, обилие золота и красоты, горестные лики взирают на прихожан.

Могилка вырыта на горке, куда и без тяжелой ноши-то трудно дойти. Хорошо, что сухо, а иначе, скользкая прошлогодняя листва мешала бы...

Вернулись. Мать накрыла на стол. Готовить помогала вся квартира. Баболку уважали в доме. Кутья, холодец, селедочка, соленые огурцы да квашеная капуста, потом блины. А между всем этим холодная водочка, обволакивая мысли, слегка при-
тупляла горечь утраты. Слезы, сожаления...

Поминки, как поминки. Пенсия — нищим по воле покойной.

Нет бабушки, но память о ней осталась.

КУРИЦА

— Посуда грязная у тебя, Пушок! Обедать-таки собрался, а плошка немыта! — причитала Софья Соломоновна, тщательно выскребая из углов квадратной плошечки остатки пищи. Посудинку сделали Сашину отцу на заводе из нержавеющей стали.

— Подожди, не торопись, экий ты шустрый! Не лезь ко мне под руки! Приличные котики так не поступают! Кушать надо только из своей мисочки, а не с пола, — Софья Соломоновна, пыталась перевоспитать кота. — Это не порядок. Сядь и жди. — С этими словами она приступила к разделке курицы.

Кот недоумевал, почему его не кормят. Предвкушая обед, он уже давно пришел с гулянья. Обычно хозяйки, разделывая птицу, тут же бросали ему потроха.

— Дам тебе таки потрошков, дам. Что ты весь извертелся? — увещевала Пушка недогадливая хозяйка. Кот нервничал.

Тут Софью Соломоновну отвлекла соседка. Той срочно надо было повесить гардины, но одной ей несподручно. Соломоновна долго мыла руки, потом вытирала о полотенце. Работник аптеки, она не терпела грязь и неопрятность. Оттуда, из аптеки, она приносила домой мешки из-под ваты, из них проворные хозяйки шили кухонные полотенца. Саньке же перепалили маленькие бутылочки, где он делал разные «смеси», проводя «химические» опыты.

Соломоновна ушла к Матрене. Тем временем, обиженный Пушок схватил зубами курицу с кухонного стола и прыгнул с ней в открытую форточку. Ноша оказалась велика, и раскоряченная курица застряла в форточке. Кот протиснулся наружу. Ощущая голод, и осознавая одновременно свое предательство и свою беспомощность, Пушок прыгнул на улицу и был таков.

Домой он пришел поздно вечером, виновато глядя на Софью Соломоновну. «Ну, не мог я стерпеть твою пытку курицей!» — кричал его взгляд. Кота, конечно, простили и накормили.

СТОРОЖ

У Матрены жила кошка обычного серо-полосатого окраса с тупым выражением желтых глаз на посконной мордочке. Кошку звали Подшебьяка. При ней находился котенок. Внешне он был копией своей мамы, а по характеру — пронырлив, любознателен, но трусоват.

Однажды, в субботу, когда рабочие дни в учреждениях по субботам уже отменили, мать Саши жарила котлеты.

Мясо в ту пору купить было трудно. Оно «добывалось» либо у знакомой буфетчицы, либо в кулинарии по соседству. Тогда в ходу бытовало такое понятие, как «достать по благу», что означало по знакомству, за какую-нибудь услугу или небольшие дополнительные деньги.

Если покупать в магазине готовый фарш, то в него на мясном комбинате щедро добавляли свиной жир, и котлета величиной с большую ладонь при жарке сжималась до размера детской, оставляя на сковороде вытопленный жир, и он брызгал во все стороны жалящими каплями.

В 1964 году с белым хлебом в столице были перебои. Возможно, они создавались искусственно, чтобы скомпрометировать и снять тогдашнего главу государства — Н. С. Хрущева.

Мать покупала три французских булочки по семь копеек. Одну из них бабушка грела до хрустящей корочки, делала надрез посередине, смазывала сливочным маслом и подавала Саше к завтраку на блюде. Рядом ставила стакан кофе с молоком. Часть остальных булочек шла на приготовление котлет. Секрет их достался ей от матери.

Много позже, найдя книгу дореволюционных рецептов, Елена обнаружила, рецепт «Котлеты рубленые из говядины» и убедилась, что все делала правильно. Вес французской булки и лука должны составлять по одной третьей части от веса мяса. Фарш следовало посыпать солью и «простым толченым перцем» и месить, как тесто, а потом, сформировав котлеты, жарить их на постном масле. Рецепт советовал котлеты перед жаркой обваливать в муке. Саше такие нравились больше, потому что были похожи на пирожки и быстро таяли во рту. Но мать их делала редко — возиться долго, а съедают быстро.

Соблазненные запахам, Подшеблячка и котенок крутились на кухне, Пушок гордо восседал на лавке.

Котлеты у Елены всегда получались отменные. Домочадцы давно оценили по достоинству ее кулинарное искусство. Как-то пришедший в гости Василий, муж золовки Татьяны, съел, нахваливая, аж дюжину их. Он запросто бы мог одолеть и еще, да постеснялся.

Татьяна — жена его, береженная в девичестве матерью от хозяйства, на первых порах после замужества даже макарон с сыром приготовить не умела. А котлеты для нее и вовсе — высшая математика.

Мать закончила жарить, выложила котлеты слоями на большую тарелку. Поставила ее на стол и прикрыла миской. Умаявшись от кухонного жара, она вышла отдохнуть и попить чаю в комнату.

Проводив жиличку, Подшебляка сузила желтые стекляшки глаз, и в одно мгновение оказалась на столе. Легким движением лапы, сравнимым с подзатыльником нашкодившему отпрыску, она отодвинула миску в сторону и молниеносно впиалась в горячую котлету когтями и потащила ее к себе, урча: «Ах, вот здесь чем кормят!»

Внизу у стола нетерпеливо переминался с лапы на лапу котенок. Мастерски брошенная котлета шмякнулась на пол рядом с ним. Кошка прыгнула и начала учить малого еде. Восприимчивый к нехитрой науке он быстро насытился.

Пушок сидел на лавке, помахивая хвостом, и смотрел «кино». Домашняя «банда» съела три котлеты, а часть понадкусывала, о чем свидетельствовали куски в ореоле жирных пятен на дощатом некрашеном полу. Во время уборки хозяйки терли его битым кирпичом.

Елена пришла на кухню как раз к окончанию кошачьей трапезы.

— А ты что жмуришься, дурачок? Хозяйский кот должен добро стеречь! Выходит, даром хлебушек ешь,— констатировала Елена. Кот продолжал жмуриться. Как будто вовсе и не к нему обращались.

— А ну, брысь пошли, воровское отродье! — «Банда» испарилась в дверном проеме.

«Отчего кот проявил братскую солидарность? Может, увидел в Подшебляке мать?» — гадала Елена.

Живя под одной крышей, кошка и кот никогда не признавали друг в друге близкое существо. «Плебейка с дурными манерами»,— думал кот — породистый сибиряк, проходя мимо с независимым видом. Она же отвечала ему в немом диалоге: «Сердитый самодовольный барин со вздорным характером».

Остатки котлет скормили «сторожу».

БОМБА

Стоял дождливый август, и повсеместная серость навевала скуку. Саша и Слава сидели на террасе и с аппетитом уплетали замечательный отцовский супчик из пшенки на молоке. Натуральном коровьем молоке, его привозил на велосипеде сын хозяйки коровы. Однажды Санька при пареньке налил молока в блюдце кота, на что мальчик обиделся. Во время войны тот хоть был маленьким ребенком, но понимал, молоко нужно людям. «Я не для кота ношу!» — в сердцах воскликнул тот.

Суп обладал редким свойством: сколько ни ешь, а все мало. Отдуваясь и пыхтя, мальчики доели по последней тарелке, и аккуратно, чтобы не расплескать, сели на диван и начали мечтать.

— Вот бы сейчас была война, а я на самолете разбомбил весь немецкий штаб,— начал Славка.

— А я бы, я бы стал разведчиком, как дядя Дима. Тихо-тихо под прикрытием ночи пробрался к фрицам в тыл, узнал все-все их военные тайны и секреты, маршруты наступлений, пустил бы поезд с немецкими танками под откос и взял самого главного «языка»! — продолжил Санька.

— Э, брат, ты загнул! Самый главный фриц сидит в Германии, а поезда взрывают партизаны, но ты же разведчик, чуешь разницу?

— Ну и что, а я на самолете долечу до этой Германии. И разведчик я от партизан,— выкрутился Санька.

— Слушай, вот что разведчик,— дело есть, сказал Славка, понизив голос, чтобы Санькин отец не услышал.— А что, если нам выкопать бомбу и припереть ее сюда, на сады?

Между деревней Язово и садами солдаты вырыли глубокий ров, отделяющий совхозные земли от военного аэродрома. Земля из рва образовывала бугор, идущий параллельно аэродрому. На вкопанный в бугор кол кто-то догадался надеть часть корпуса разорвавшейся бомбы и закопать ее.

Однажды, когда Саньке было четыре года, он катался на велосипеде по полосе аэродрома, выложенной из больших шестигранных блоков, дедушка шел рядом. На той полосе почему-то самолеты не стояли. Но вволю мальчику покататься не дал почти тут же появившийся на горизонте газик, и им с декой пришлось дать деру.

На территории аэродрома — изуродованное недавней войной поле с клевером и сочной травой, там деревенские жители пасли коров. Говорят, лет через десять после войны где-то у пруда, что за полем, нашли неразорвавшийся фугас, который был обезврежен, но еще долго валялся в овраге на радость детворе.

Восьмилетний Санька сказал: «Годится!»

Он попросил у отца лопату. «А тебе зачем?» — поинтересовался родитель.— «Дело есть»,— решительно сказал Санька.

Мальчик получил орудие труда. Сказать, что оно не подходило для планируемой операции, значит, ничего не сказать. Лопата не первой молодости, прямоугольной формы, слегка измазанная цементом, который присох намертво. Кроме того, это «ископаемое» изначально было предназначено для мягкого грунта, а не для глины. В воскресенье, когда понадобилось вскопать грядку, мать авторитетно заявила, что лопата ребенку подойдет, хотя черенок возвышался над копарем.

В восемь часов утра батя разбудил Сашу, напомнив ему о деле. Славка нехотя побрызгал на лицо воды из «дрыгалки» и размазал ее по лицу.

— Черт страшней,— громко шептала Славкина бабка, потому что соседи еще спали,— и кто ж тебя так умываться учил, кое-как? — Она была несдержанная на бранные слова, но при внуке старалась не выражаться.

Славка наскоро покидал в себя бутерброды, запил чаем, и они двинулись в путь.

Дорогой он постоянно спрашивал Саньку: «Серьезно будем копать?» — «А ты чего, сдрейфил, кишка тонка?» — «Ничего и не тонка», — обиженно отозвался приятель. У калитки их догнал Петька, сосед по центральной улице, он уже был взрослым юношей и помогал матери, семья жила небогато; то клубнику, то смородину на продажу подвезет в гарнизон на репарационном велосипеде, то за едой съездит. Он по-доброму относился к малышне и помогал мальчишкам в их затеях.

— Куда идете, ребята?

— Бомбу выкапывать!

— Зачем?!

— Солидно!

Слыша это слово, Саша до сих пор вспоминает дешевую овальную стеклянную солонку с оборками, в которую собравшиеся «вечерить вареной картохой из чугунка» тетя Лиза и ее сыновья Петька и Колька по очереди макали картофелины.

Картошка была ароматной и вкусной, в «мундире» и ребята учили паренька как с ней расправляться. Мальчик никогда не отказывался от предложения тети Лизы поужинать вместе, «солидно посидеть за столом», как говорил Петр. Кроме того, маленькому Сане было интересно со взрослыми ребятами, а они принимали его, как равного, что очень нравилось пареньку. Его подкупали простые отношения, где отсутствовали чопорность и церемонность, не замороченные правилами приличия. Он с детства терпеть не мог сюсюканья. Мать, бывало, вынесет его на бульвар гулять, и тут же, как муха, появлялась какая-нибудь слащавая дамочка, начинавшая сюсюкать со смазливым большеглазым мальчуганом, тот обиженно отворачивался.

— Некогда мне с вами возиться, мать велела купить масла, — и показал ребятам пустую флягу из нержавеющей стали, обтянутую защитным чехлом.

Потом, видимо, оценив мысленно объем работ и, пожалев «старателей», он передумал.

Бомба находилась примерно в километре от дома. Дожди уже прекратились, но грязь на косогоре пока не высохла. Шли гуськом и делали маленькие шажки, чтобы не растянуться и не пропахать носом жирную глину. Временами сапоги увязали, и приходилось выдергивать то один, то другой сапог из «голодно» чавкающей глины.

Петя, часто вытирая пот и передыхая, не быстро откопал бомбу, зарытую в землю на треть. Она оказалась гораздо больше, чем предполагали ребята. В землю была вкопана лишь «юбка». Сообща они выкорчевали огромную дулю из земли, глазам предстал мягкий металл толщиной 15 мм. Для двух ребятшек бомба была совершенно неподъемной. Спасла слякоть, тогда на дороги еще не сыпали самосвалами гравий, битый кирпич от старых домов и отработавший свое асфальт. Петр объяснил ребятам, каким образом надо зацепить лопату одному из них, а и как второму толкать сзади, чтобы бомба поехала. Глина, словно сливочное масло, не препятствовала движению огромной дули.

— Как дела? — крикнул отец с огорода.

— Нормально! Пап, мы бомбу привезли.

Отец удивился, но бомбу через забор все же перекинул. Он был физически сильным человеком. Саньку не раз распирала заслуженная гордость, когда батя, вручную, без напряжения накачивал из колодца одиннадцать ведер воды.

Все следующее лето ребята играли со своим трофеем, то в космонавтов, то в подводников, то в артиллеристов. К сентябрю им наскучило, и они приходили к Пете поиграть с полевым телефоном ТА-43. Телефон бил током при кручении ручки для осуществления соединения. Вся садовская ребятня убедилась в этом.

Через год Саша и Слава выросли, и садоводы зарыли оставленную войной «игрушку» в дорогу. «Пес его дери, глина, как топь, через несколько лет поминай, как звали твою бомбу», — резюмировал отец.

КУПАНИЕ

Почти каждое лето Лариса приезжала на дачу к двоюродному брату погостить. Она была озорной, светловолосой, голубоглазой, курносой, что придавало ее личику кукольный вид. Лара все время толкалась возле брата и совала нос во все мальчишечьи дела. Вместе с ним и его друзьями играла в «ножички», запускала «змея», лазала по заборам, ходила на пруд.

Девочка была младше брата на три года и сильно надоела ребятам.

В одно из воскресений, ее мать решила выкупать дочку в речке. Взяв все необходимое, они пошли по дороге вдоль общего забора, потом свернули налево и низом дошли до редких кустиков обрамлявших невысокий берег.

Татьяна сначала тщательно чесала мыльные волосы гребнем, не обращая внимания на ее визг, вызванный резью в глазах из-за мыла, потом вымыла девочке голову. Мать старательно терла худенькое девчоночье тельце. Вода была довольно прохладная, и Татьяне приходилось работать споро.

После купания в ход пошло грубое махровое полотенце. Ларкина кожа покраснела, а щеки налились и зарумянились. Высыхая, ее тщедушные волосики превращались в премиленькие кудельки.

Мать нарядила Ларку в розовое платье, привезенное отцом из-за границы. Оно было с гофрированной оборкой, вышивкой, круглым воротничком и рукавом-«фонариком». Сзади был повязан роскошный бант.

Ларка надела белые носочки и новые белые туфельки с пряжкой, в которые мать предварительно брызнула водицы, в надежде, что дочь разносит их, так как они чуть жали снова.

Санька с Лешкой напрыгались с «тарзанки», наплавались и нанырлялись на перегонки до синевы, до икоты, до «дрожжей». Собрались и пошли за Ларкой и ее матерью домой. В животах подсасывало, ибо время обеда прошло.

Кому пришла в голову мысль дразниться, трудно сказать. Слишком чиста была Ларка для дачи в своем праздничном наряде с вызывающим бантом.

— Лариска-брыска,— выкрикнул весело Лешка.

— Лариска-грыска,— подхватил Сашка.

Та не заставила себя долго ждать и прокричала звонким голосом:

— Лешка-галошка, а Сашка — какашка!

Мать отругала девочку.

Мальчишки продолжали дразниться, и, когда дело дошло до буквы «п», Сашка схлопотал оплеуху от тетки и не надолго замолчал.

— Лариска розовая, как свинка,— примирительно изрек паренек.

— И никакая я не свинка. Я — Дюймовочка! — обиженно сказала девочка.

— Дерьмовочка,— шепотом, чтобы не получить затрещину от Сашкиной тетки, пропел Лешка.

— Смотри, Ларка, а у тебя одна нога длинней другой,— сказал Сашка на полном серьезе.

Та остановилась и стала пристально рассматривать свои ноги.

— Вот вруны! Не буду с вами разговаривать!— прокричала обиженно девочка и побежала.

После длительных дождей на грунтовой дороге, где часто ездили грузовики, образовались лужи. Они начали тухло пахнуть.

На беду Лариса поскользнулась и, широко расставив руки, упала в самую глубокую из них, едва не хлебнув черной жижи. Мальчишки помогли ей встать. Личико, ноги и руки, очаровательное платье и даже носочки были безнадежно испачканы.

Мать вытерла, как могла, лицо дочери майкой и, не закрывая рта, почем зря, ругала ее. С одежды дочери жирными каплями падала грязь.

Лара плакала, но, не успев израсходовать весь запас обиды на вредных ребят, на свою неуклюжесть, на жесткие туфли, на добрую, но нервную мать, вдруг начинала истерично хохотать над мордочками, что ей корчили мальчишки. От этого ее чумазое лицо становилось еще более комичным. И они умирали со смеху.

Дома Татьяне пришлось хорошенько умыть девчонку и дать ей валерианы. Согретую на керогазе воду принесли в летний душ, смешали с водопроводной водой. Мать стала энергично отмывать снулую, словно ударенная рыба, Ларку от грязевой ванны.

(Окончание следует)

Алексей Яшин
(г. Тула)

РАСТЕРЯЛИСЬ... ДВА КАПИТАНА*

◆ К семи часам, согреваясь в быстром шаге от озноба ранневесенней морской промозглости, миновав сопку Старого Полярного, Чертов мост, выставший своими сотнями ступенек глубокий овраг, и — наискосок — весь Новый Полярный, Николка точь-в-точь прибыл к проходным среднему пирса подплава. Его уже ждал Серега, демонстративно вскинувший на уровень глаз руку с часами. Так, для порядка, ибо на его сверхточных, подаренных отцом «командирских» до седьмой склянки, говоря по-флотски, значилась целая минута с заштатными секундами. Но все же не удержался:

— Не опоздал — хор-рошо! А я уже минут десять как здесь!

Николка, пожимая руку однокласснику, промолчал: Сереге от дома до пирса пять минут ходьбы, а тут три четверти мили топтать...

— Ладно, Коль, не хмурься, как проштрафившийся боцман, пошли. Катер ждать не будет, хотя бы отец еще вчера дежурного по пирсу предупредил.

Вошли в настезь раскрытые стальные ворота, в которые за минуту до того вполз тягач с парой торпед на прицепе, укрытом брезентовым полотнищем.

Сидевший слева за воротами на табурете дневальный — явно нестройной «страшный матрос»**, по всей видимости готовившийся к дембелю со своей одинокой лычкой на погонах, — доселе щурившийся на раннеутреннее солнышко, посмотрел на вошедших, с ленивым флотским шиком процедил:

— Куда, паца... — но, оценив вытянувшихся к концу десятого класса за метр-восемьдесят Николку и Серегу, поправился, — каким курсом следуете, ребята?

— По распоряжению капитана первого ранга Ившева на катер *РК-49*. В дежурке должна быть запись, — не останавливаясь, кратко ответил Серега, сделав ударение на фамилии отца, зам. командира эскадры.

Служивый оценил высокую должность, но утреннюю лень преодолеть и не собирался, махнул рукой, но на всякий случай ответил по-уставному:

— Добро на вход. Пр-родолжайте движение, ребя... товарищи.

Чувствовалось: мореману в ничтожном чине так осточертели за четыре года службы все эти лодки, торпеды, облезлые круглый год сопки, многочисленные черномундирные военные и диковато смотрящиеся на территории подплава редкие штатские, что он со скрежетом скул зевнул и, мечтая о скорых «ста днях», лениво поплелся прикрывать тяжеленные ворота.

◆ Средний пирс подплава в Екатерининской гавани уже три года как пользовался не очень-то хорошей славой. А именно с того злосчастного для Северного флота и всего советского флота дня одиннадцатого января шестьдесят второго года, когда произошла катастрофа.

---

* Глава из романа «Квадратная пустота», над которой автор сейчас работает.

** То есть старший матрос — эквивалент пехотному ефрейтору — флотск. (Прим. авт.)

В этот день, первый учебный после зимних каникул, только успел прозвенеть на первый урок громогласный школьный звонок — корабельный «колокол громкого боя» с крейсера, подаренный моряками-шефами, как со стороны близкой гавани раздался грохот мощнейшего взрыва. В классах полетели оконные стекла, посыпалась с потолков побелка, тотчас во всем городе погас свет. В темени полярной ночи учеников выводили со всех трех этажей на улицу завхоз и учителя-мужики с фонариками. Учитель физкультуры Рэм Давыдыч — с керосиновой лампой «летучая мышь»...

Рванул полный боезапас — корабль готовился к выходу в море — носового торпедного отсека подлодки Балтфлота *Б-37*, или по-флотски *Буки-37*, пришвартованной у среднего пирса первым корпусом.* Взрыву предшествовал пожар в отсеке, за время которого стоявшая вторым корпусом лодка *С-350* успела по тревоге отойти на два десятка метров, но все равно при взрыве *Буки-37* получила пробоины корпуса.

Обе подлодки затонули; погибли под восемьдесят моряков. По чьей халатности произошла катастрофа — выяснить не удалось: фрагменты тел погибших из носового отсека извлекали по сантиметрам...

Буки-37 хотя и числилась по реестру боевых кораблей Краснознаменного Балтийского флота, но много лет уже базировалась в Полярном. Как искушенные во всех флотских тонкостях, даже школьники второй ступени знали: Балтфлот при всей его героической истории в случае современной войны малодейственен, будучи заперт минными заграждениями в Финском заливе. Да и то в малой, околоронштадтской его части.

Поэтому во флотском обиходе и ходила обидная для балтийцев присказка — по первой букве названия флотов (как и у подлодок в их буквенно-цифровых номерах): «Северный флот — современный флот; Тихоокеанский флот — *тоже* флот; Черноморский флот — учитывая, что матросский состав его в основном призывался с Украины — *чи* флот, *чи* не флот; Балтийский флот — *бывший* флот».

...Вот поэтому подлодки *КБФ* частично базировались на Северном и Черноморском флотах — для выхода в случае чего на оперативный простор. Подводный флот и сам по себе очень подвижен. Так подлодки из Полярного часто зимой отправлялись в Средиземное море — «сопровождать» американские и вообще натовские авианосцы и крейсера.

Семьи офицеров и женатых мичманов с *Буки-37* и других лодок Балтфлота, базировавшихся в Екатерининской гавани, постоянно жили в Полярном; в одном классе с Серегой и Николкой училась дочь командира злосчастной «буки», чудом оставшегося в живых. Но вскоре после взрыва она уже не была их одноклассницей. На флоте всегда виноват непосредственный командир, поэтому капитана второго ранга отлучили от службы на кораблях и перевели в Бакинскую мореходку, где готовили и подводников для Каспийской флотилии. Видимо, на случай войны с Ираном...

◆ Наверное, оба они думали одинаково, подходя к «аркашке», как было принято именовать катера этой серии, под номером сорок девять, ибо эта каботажная посудина была пришвартована на свободном пяточке пирса между плавбазой «Печенга» и ... половиной той самой *Буки-37*.

Плавбаза «Печенга», обслуживавшая в плавании подлодки второй эскадры, всем своим рубленным тевтонским видом показывала, что строили ее в Киле или Гамбурге, а была она некогда рейдером** флота Третьего рейха, переданным после раздела союзниками немецкого и итальянского флотов СССР и унизительно переделанного в плавбазу...

С «буки» дело обстояло сложнее, чем с бывшим рейдером, ибо если армия — по

---

* То есть пришвартованный непосредственно к стенке пирса. К ее внешнему борту швартуется лодка вторым корпусом и так далее (Прим. авт.).

** Легкий крейсер по немецкой военно-морской терминологии (Прим. авт.).

сравнению с гражданским обществом — есть бюрократия в квадрате, то флот — она же в кубе... нет, в четвертой степени, как в школьном алгебраическом биквадратном уравнении. Во-первых, после катастрофы Балтфлот «переписал» лодку на северян. Во-вторых, в Минобороны, в Москве, адмиралы и маршалы, опасливо кидая боковые взгляды на свои большие звезды на погонах, начали почесывать свои стриженные «бобриком» головы: по какому реестру провести погибший корабль? Восстановлению он абсолютно не подлежал. Это — раз. Признать погибшей — радость для натовцев* ... опять же звезды на погонах. Это — два.

Нашлась умная голова с «бобриком» в здании серо-стального цвета на Арбате: подлодку списать, как выработавшую большую часть ресурса, передав ее там же в Полярном в учебный отряд *без права выхода в море*.

Как говорится, и честь мундира не пострадала, и боевая мощь советского флота планомерно не уменьшилась. Минобороны, коротко вздохнув, подмахнул соответствующий приказ с визой Адмирала флота СССР.

Дело мастера боится, когда сверху спущена соответствующая бумага. У *Буки-37*, ранее поднятой с неглубокого дна у пирса и оттащенной на весу спасательными буксирами на шестой судоремонтный завод *ВМФ*, что в Палой губе, отделенной от Нового Полярного сопкой, отрезали носовую половину по самую рубку, а торец заваривали герметично стальными листами.

Обрешную плавучесть половину подлодки отбуксировали на вечную стоянку, как «Аврору», к среднему пирсу Екатерининской гавани точно на место ее гибели. Благо моряки — самые суеверные в мире люди, поэтому и под страхом отставки без пенсии ни один командир свою лодку сюда бы не поставил.

Всякий раз, когда этот горестный обрубок попадался на глаза Николке, он тотчас вспоминал картинку из книжки приключений барона Мюнхгаузена, что имелась дома: плывет по морю-океану обрубленная половина кита. А тот улыбается по-рыбьему и весело пускает фонтан воды после завтрака планктоном.

В городе же гулял слух: увидев этот обрубок у пирса, командующий флотом назидательно сказал своей свите: «...И правильно сделали! Никакое это не бельмо на глазу, а суровый воспитательно-дисциплинарный пример. Во-первых, каждый командир постоянно видит, к чему приводит разгильдяйство по службе. Во-вторых, матросы-торпедисты уяснят, что заваривать трещины в стеллажах с боевыми торпедами на них паяльными лампами** есть преступный идиотизм. Наконец, молодые матросы из учебки, что упражняются на этом обручке, накрепко усвоят серьезность флотской дисциплины».

◆ «Аркашка», цельнометаллический сварной, даже настил палубы из рифленой стали — чтобы ноги не скользили, окрашенный в уставной шаровый цвет, со счастливым по флотским поверьям номером ($7 \times 7 = 49$), готовился отдать швартовы. Салага-матрос первого года службы уже размотал с тумбы кормовой трос, перебросив его на палубу, направлялся к носовому. Стоявший на причальном трапе молодцеватый, подтянутый старшина катера (здесь офицеров, а значит и звания командира, не полагалось), по-весеннему без бушлата, в одной форменке, как и давешний дневальный, с легким прищуром смотрел на солнце, взошедшее над сопками Екатерининского острова, не забывая беззлобным матерком поучать салагу флотскому мастерству.

Не дожидаясь вопроса обладателя солидных главстаршинских погон, Серега, особо не разнообразя свои слова, отрекомендовался:

— По распоряжению капитана первого ранга...

---

* О взрыве в Екатерининской гавани и двух затонувших подлодках «Голос Америки» сообщил в вечерних новостях в день катастрофы (Прим. авт.).

** Одна из версий пожара и впоследствии взрыва (Прим. авт.).

Но на этом слове моторист катера резво запустил сразу на больших оборотах дизель, заглушив фамилию носителя высокого командирского звания. Старшина ловко, с шиком старослужащего нагнулся с трапа к подошедшим, приложив руку к мичманке:

— Что-что, капитан первого ранга?

Сергеа, повысив с поправкой на стрекот дизеля голос, повторил.

— Прошу на борт, — с невыразимой любезностью в голосе, дополненной четким жестом руки, пригласил ребят старшина, в два шага сам поднявшись на палубу, освобождая трап.

Лихо козырнув, молодежавый главстаршина направился в штурвальную рубку — пора отчаливать, благо дизель уже разогрелся и перешел на ровные рабочие обороты, а салага, закинув носовой трос на палубу, сам взбежал на нее и принялся затаскивать трап.

Старшина дал по корабельной «сирене» три коротких отвальных гудка, вода за кормой забурилась, катер отвалил от стенки пирса и пошел, набирая узлы, наискосок Екатерининской гавани курсом на восточный, узкий выход из гавани в Кольский залив.

Не торопясь в пассажирский отсек в носовой части катера, Николка с Сергеем присели на банку* перед рубкой под красным щитом с пожарными причиндалами. Опять же щурясь на ранневесеннее солнце, по которому так соскучились за полярную зиму.

Катер, чуть сбавив обороты винта, миновал самое узкое место пролива между материковым берегом и Екатерининским островом, называемом пиреймой, то есть шлюпочной переправой с берега на остров, где располагалась на ближней сопке городская метеостанция, а на ее пологом спуске к воде стояли несколько двухэтажных бревенчатых домов. Очень поместительных. Других строений на довольно большом острове не имелось.

Чем занимались проживающие в этих домах семьи — ни Николка, ни, тем более Сергеа, не знали, но дома эти, построенные в самом конце девятнадцатого века, принадлежали тогда Кольской судоходной компании и являлись первыми строениями будущего города Александровска.

Сергеа пирейма ничего не говорила, но Николка прекрасно помнил, что эта переправа была началом его с братьями или с матерью пути из Полярного на маяк Большой Олений на одноименном острове за Екатерининским. Четыре года семья маячничала, а Николка с братьями жил в интернате при школе.

...Однако по выходу в Кольский залив стало холодновато; Николка с Сергеем, откинув люк, спустились по крутому трапу в пассажирский трюм — отсек с полукруглым обитым дерматином большого дивана. На нем они и продремали все полчаса, что катер шел до Североморска.

◆ Вчерашний день, пятница, был по расписанию производственным. Николка с Сергеем проходили трудовое обучение по радиотелеграфному делу — «морзисты» на ключе, то есть не выходя за пределы школы — в радиоклассе. А практиковались в школьном же радиоклубе, работая на коллективной радилюбительской коротковолновой станции с позывным *UAIKUZ*. Все это организовал умелый педагог, матерый мичман Алексей Васильевич, совмещающий школу с основной службой во флотском радиоцентре Полярного.

Перед началом занятий Алексей Васильевич, в своей мичманской мощи очень напоминавший балтийских боцманов из революционных фильмов, жестом подозвал к учительскому столу Николку и Сергеем:

---

* Деревянная скамейка без спинки — флотск. (Прим. авт.).

— Вам, двум капитанам, боевое задание. Звонили из Североморска — отпечатали-таки нам полторы тысячи кюэселек*. Почему-то две пачки эти попали в райком комсомола. Так что завтра утренним рейсовым катером из Кислой губы отправляйтесь в Североморск, в райкоме найдете управделами и вот по этой доверенности получите нужное. К обеду вернетесь таким же манером. Все понятно?

— Так точно, Алексей Васильевич. А если что не поняли,— отрапортовал Серега,— так сегодня вечером и спросим — у нас с Николаем вахта в радиоклубе с восемью до десяти...

— Не с восьми до десяти, а с двадцати ноль-ноль до двадцати двух ноль-ноль,— привычно поправил мичман и добавил с ухмылкой:

— С восьми до десяти... А еще капитаны!

Вечером на станции, завидев чуть припоздавшего Николку, Серега сообщил:

— На рейсовой посудине пусть всякие штатские теснятся, а мы сам-двое на военном катере с полным трюмным комфортом отбудем в Североморск.

И далее кратко пояснил: отец его, узнав о завтрашнем вояже в райцентр, что-то припомнил, позвонил в штаб и сообщил Сереге, что завтра в семь ноль-ноль от среднего пирса отходит катер — забрать из Североморска два десятка курсантов-старшекурсников из ЛВВУПП**.

— ...Они там два дня при штабе прокантовались, получая распределение по эскадрам для походной практики, а двадцать гавриков выделили на нашу эскадру.

— Так что, Коль, сэкономим по полтиннику, а завтра точно в семь ноль-ноль, как говорит наш дорогой Алексей Васильевич, будь-стань у ворот среднего пирса!

◆ Отец у Сереги — моряк героический, особо отличившийся в Карибский кризис. Никита Хрущев все делал невпопад, слабо представляя реальность, не просчитывая, как Сталин, все на сорок ходов вперед. Когда он зарвался с установкой ракет на Кубе, а америкосы заблокировали Остров Свободы своими авианосцами и крейсерами, Никита впал в раж: да мы туды-сюды пошлем атомные подлодки Северного флота! Если не шапками, так ракетами из-под воды забросаем!

При этом даже не удосужился поинтересоваться у кого следует: а на плаву ли эти самые первые атомоходы? Оказалось же, что к началу кризиса все они находились в доках и у причальных стоянок в Северодвинске и в судоремонтных заводах Северного флота на доработках, ремонтах, до- и перевооружении.

Поэтому Северный флот смог послать из Полярного только бригаду дизельных подлодок, правда, новейших, в составе четырех единиц.

Лодка, которой командовал тогда еще капитан второго ранга Ившев, назначалась флагманской, поэтому Серегин отец формально числился в походе дублером командира-адмирала бригады.

У американцев, как и у нас, к тому времени появились большие противолодочные корабли, поэтому на подходе к Кубе они заставили всплыть три лодки бригады, то есть де-факто вывели их из боевого строя. Делалось это так: лодка засекалась и забрасывалась муляжами глубинных бомб — сигнал: следующая серия бомб может быть боевой... Подлодка всплывала. Таковы правила игры в невоенное время.

Только флагманская лодка сумела оторваться и на все время блокады Кубы оставалась в боевом строю, неся потенциальную угрозу для американских авианосцев.

...Впоследствии во флотских кругах Полярного, поминая Никиту малодобрым словом, говорили: одна наша лодка противостояла всему атлантическому флоту США!

---

* От QSL — на радиолобительском коде означает стилизованную, с позывным радиостанции, карточку радиолобительской специальной почты. Такими карточками обмениваются радиолобители, установившие связь друг с другом (Прим. авт.).

** Ленинградское высшее военное училище подводного плавания — кузница советских офицеров-подводников (Прим. авт.).

После завершения Карибского кризиса «флагманцев» щедро наградили. Серегин отец получил орден Ленина. Тем более адмирала не забыли, хотя его бригаду и стрелножили на три четверти.

Ставший каперангом Ившев пользовался большим авторитетом в Полярном, по-суворовски заботливо относясь к подчиненным любого звания. Вот даже о такой мелочи порадел: как двум школярам удобнее до Североморска добраться.

◆ Сквозь чуткую дремоту оба отметили про себя: ага, катер взял несколько вправо, а минуты через три — порезвее влево. Значит, обогнул маячный остров Сальный и взял курс на пристань Североморска между стоявших на широком рейде крейсеров и эсминцев.

Еще через семь-восемь минут ход плавно замедлился: прибыли в нынешнюю (ранее ею был Полярный) столицу Северного флота — в Североморск, которую оба помнили по детским годам еще как поселок, становище по-местному, еще от новгородских времен, Нижняя Ваенга.

У трапа на пристани, козырнув, молодцеватый старшина катера пожелал ребятам успехов в их предприятии:

— Сожалею, что не смогу доставить обратно. Вон курсанты уже потянулись, а мне велено их доставить в Полярный к половине девятого. Желаю здравствовать!

Здание райкомов партии и комсомола располагалось неподалеку. По раннему времени около него ни души не наблюдалось, только на площадке перед входом стояла серая «волга» с водителем, читающим книгу, да в полуотворенной створке двери пожилая женщина выметала из-за порога явно вчерашний мусор от подошв.

— Мы, наверное, первые сегодня? — с наигранной веселостью приветствовал служительницу Серега.

— Да нет, ребятки, военный, что на машине прибыл, чуток опередил вас. Чтой-то лицо его знакомое, да не рассмотрела из-за-под солнца. А партийных и комсомольцев еще нету. По какому делу-то сюда?

Объяснили, показав доверенность.

— А чего вам управдельшу-то ждате? Все одно на вынос выдает Васильич, мужик мой и здешний завхоз. Он у себя — вот коридор пройдете, в последней комнате налево к нему и попадете.

Завхоз бегом взглянул на доверенность, сверил ее с записью в потрепанной амбарной книге, велел кому-нибудь расписаться, четко указав в скобках фамилию, после чего снял со стеллажа две небольшие пачки в оберточной бумаге, перевязанные шпагатами, пожелал обратного пути, заметив, что после войны и сам служил в Полярном.

Выйдя от завхоза, Серега с Николкой едва не столкнулись с военным, что спускался со второго этажа по боковой лестнице... и тут же остолбенели: это был Гагарин. На сгибе левой руки он держал свернутую шинель с подполковничьими погонами, а в правой — фуражку.

— Здравствуйте, Юрий Алексеевич!

— Здорово, ребята! Уже отоварились? — Гагарин подмигнул, кивнув в направлении пачек. — А я вот в Сафоново к своим сослуживцам приехал, а отсюда позвонили, просили в Североморск заглянуть. Место встречи — райком, а тут еще не души. Хотя, конечно, люди штатские, поздно просыпаются... Вы откуда?

Узнав, что из Полярного, пожалел, что еще не удалось побывать в этом славном городе. Завидев группу людей со стороны входных дверей, попрощался и вновь направился к лестнице на второй этаж.

...Только пройдя половину пути до пассажирского причала, Николка безматерно выругался и хлопнул себя по лбу:

— Вот идиоты! Ведь кюэсельки на руках для автографа! Надо же так растеряться? Нет, Серега, не быть нам капитанами...

◆ Второе огорчение ждало их на пассажирской пристани: «аркашка» только что отвалил и, набирая обороты, удалялся. Дежурный по пристани, видевший, что ребята прибыли на этом катере, посочувствовал:

— Еще немного и успели бы. Благо и задержка случилась: один недотепа из курсантов уронил в воду чемодан.

— Ну и как ловили его?

— Да я за багром к пожарному щиту сбегал. Подцепили за ручку. А вот, кстати, и мурманский катер идет. Берите в кассе билеты — и айда в свой Полярный!

Через час без малого Серега с Николкой выгрузились на пристань Кислой губы, сели в единственный в городе рейсовый автобус и еще через полчаса вручили Алексею Васильевичу пачки с кюэсельками.

— Молодцы, два капитана! На уроки можете не ходить, вас отпросил на весь световой день. Я пошел на педсовет, а вы садитесь за ключ и работайте вне очереди.

Такая награда — до самого вечера вдвоем хозяйничать на радиостанции! Тем более, ранневесенняя погода гарантировала ровную, без мерцаний, замираний, федингов и прочих несчастий коротковолновика почти по всему Северному полушарию.

Действительно, неся попеременно получасовые вахты, Серега и Николка установили в общей сложности под тридцать связей, в том числе и достаточно экзотических — с радиолюбителями из Австралии, Египта, Малайзии. Естественно, обменялись приветствиями со старым знакомцем Тони Спайком. Известен он был всем коротковолновикам мира тем, что работал в эфире почти круглосуточно. А чем ему еще заниматься, ибо проживал он на своей яхте, дрейфовавшей вдоль берегов Калифорнии, а сойти на эти берега не мог — сразу попадет в долговую тюрьму! Очень активны были и станции из *ЮАР* и *Израиля*; прямо-таки умоляли ответить *UAIKUZ*, но... здесь высокая политика: Центральный радиоклуб в Москве под руководством папанинца Кренкеля категорически запрещал с этими странами связываться...

...Вроде и друзья-приятели, но, работая на станции, все же ревниво поглядывали друг на друга. Дело в том, что оба являлись обладателями раритетных связей высшего ранга: у Сереги был сеанс связи с королем Иордании Хусейном, известным радиолюбителем-коротковолновиком, а Николка «поймал» не менее важную в мире персону — сенатора Барри Голдуотера, не сходявшего в карикатурах со страниц «Крокодила», а в газетах именуемого не иначе как «бешеный Гарри».

Между Серегой и Николкой постоянно вспыхивал спор: чья связь важнее? Конечно, вроде король солиднее, но на присланной из Иордании кюэсельке непонятная подпись арабской вязью. Король ли автограф ставил? А может какой визирь третьего ранга...

Зато на Николкиной карточке из США тонким синим фломастером четко читалось: *Barry Goldwater* — и лихой росчерк в конце фамилии.

Кстати, сенатор оказался человеком вежливым: охотно ответил на вызов Николки, а в заключении радиообмена пожелал русскому коллеге-спортсмену доброго здоровья и новых встреч в эфире. Из этого Николка сделал верный вывод: политики всегда имеет два лица: свое, человеческое и придуманную им маску для публичности*.

◆ А коллективным прозвищем «два капитана» Серега с Николкой были обязаны все тому же Алексею Васильевичу.

До какого-то момента каждого из них по отдельности иногда именовали капитаном. Николка получил это прозвище в девятом классе вместе с очень престижной в школе должностью начальника радиоузла, совмещенного с кинобудкой, откуда «давали» фильмы на экран в актовом зале.

---

* Это как наш Владимир Вольфович — умнейший и ровный в общении человек, но на публике надевает этакую ковбойскую маску (Прим. авт.).

Вход в радиоузел со стороны коридорной двери включал достаточно крутую лестницу. Директорша Вера Ивановна, навестившая Николку в радиоузле вскоре после его назначения, поднялась по этой лестнице и пошутила: «Ну, Николай, у тебя здесь настоящий корабельный мостик, а ты, значит, есть капитан на мостике!»

Сопровождавшая директора старшая пионервожатая тотчас озвучила прозвище всей школе.

Аналогичным прозвищем Серега был обязан своему дому. Это было первое в городе современное многоэтажное здание, гордо высившееся среди сплошной двухэтажной застройки, да еще и с печным отоплением. Построили его сразу за знаменитым Циркульным домом целевым назначением: для подплава, и заселили семьями сплошь капитанов: от капитанов первого ранга до капитан-лейтенантов по нисходящей...

Мигом дом прозвали капитанским, а ребят оттуда — капитанскими или просто капитанами.

Объединил прозвища Сереги и Николки Алексей Васильевич. Как-то случилось обоим опоздать на четверть часа на ночную вахту в радиоклубе во время больших международных соревнований коротковолновиков, длящихся без перерыва двое суток подряд. Николка с трудом пробивался через занесенный снегом Чертов мост, соединявший Старый и Новый Полярный.— Стройбатовцы только-только начали расчищать занос. А Серега увлекся ремонтом лентопротяжки своей «Кометы» и забыл посмотреть вовремя на часы.

Оба вошли в помещение радиоклуба одновременно. Алексей Васильевич, как опытный педагог знавший прозвища всех своих подопечных, встретил их с часами в руке: «А-а, явились два капитана!..» И далее прочел им краткое, но убедительное наставление о флотской дисциплине.

Коллективное прозвище прилипло, как смола к бетону.

◆ Прошли многие годы. Серега и Николка, уже Сергей Валерьевич и Николай Андреевич, давно потерявшие друг друга из виду, жившие в разных городах, все же стали номинальными капитанами, ни дня не служа — так жизнь сложилась. Оба в своих институтах прошли военные кафедры: Сергей — военно-морскую, Николай — ракетно-артиллерийскую. После двух летних сборов оба получили третью звездочку, а, защитив кандидатские диссертации, стали и капитанами. Два капитана...

Уже в другом веке и тысячелетии, совсем в другой стране нашли друг друга в интернетовских «Одноклассниках». И, не сговариваясь, встречно послали сообщения, начинавшиеся одинаковыми словами: «А помнишь, как растерялись... два капитана?»

Ирина Кедрова
(г. Москва)

УЧЕНЬЕ БЛАГОРОДНОЙ ДЕВИЦЫ*

Прозаик и драматург. Член Союза писателей России, Академии российской литературы, Творческого клуба «Московский Парнас».

На окраине Петербурга в Воскресенском женском монастыре, именовавшемся в обиходе Смольным, открылось невиданное доселе заведение для обучения благородных девиц. Открылось оно по велению матушки-императрицы Екатерины и при усердном старании ее верного друга Ивана Ивановича Бецкого. Наверное, старый трудяга от образования увещевал разумную Екатерину:

— Надо нам, матушка-императрица, новых людей для Отечества создавать. Юношей мы обучаем и воспитываем, а девицы растут в семьях своих как придется. А ведь они — будущие жены и матери, они наше общество делают. Корень всему злу и добру — воспитание.

— Ты, Иван Иванович, разумею я, правду говоришь. Надо малолетних девочек забрать из семей и воспитывать в чести великой, чтобы родительские замашки и пороки их не касались. Только для этого дела нужен серьезный прожект. Вырвать дочерей из семей — дело трудное. Петр Великий хотел такое учинить, да не вышло.

— Матушка-государыня, время тогда другое было. Дикие нравы преодолеть следовало. Теперь же мы — образованные, на нас Европа смотрит. А прожект? Он что? Написан уже прожект. Мыслю я, что воспитанницы наши языкам иноземным должны быть обучены, танцам и музыке, слову легкому, чтоб приятны были в общении. Ведению домашнего хозяйства и правильному воспитанию детей всенепременно, чтоб в замужестве и материнстве не испытывали никаких трудностей. А также физике, математике, истории, географии, астрономии — всему понемногу.

— Как же много ты хочешь им дать, Иван Иванович. Сколько же времени на это понадобится?

— Лет десять уйдет, матушка-государыня, на обучение. Мыслю я ввести три или четыре ступени, каждая по три года, соответственно возрасту воспитанниц. Принимать будем девочек пяти или шести лет. Домой отпускать не станем, заставим родителей подписать бумагу о том, что согласны они на государственную опеку над детьми и обязываются нам не мешать.

— Хорошо, Иван Иванович, подай нам прожект. Почитаем, подумаем.

По велению императрицы все закружилось. И вот уже набирают в Смольный монастырь маленьких девочек. Самые знатные отцы Петербурга не торопятся, предпочитая для дочерей домашнее воспитание. А тот, кто победнее и не слишком знатен, везет маленькую дочь в Петербург, полагая, что таким образом благополучно решит ее участь.

---

* Глава из нового романа, над которым автор сейчас работает.

Лизоньку Сердецкую тоже привезли в столицу из-под Твери. Там в небольшом поместье живет ее семья: матушка и два брата-сорванца. Батюшка два года назад погиб, сражаясь где-то в Крыму. Зачем он сражался в каком-то Крыму, Лизонька не знала, как и не знала, почему ее батюшке надо было, оставив семью, уехать в дальние края и там погибнуть. Однако его храбрость и геройство отмечены государыней: удовлетворено прошение семейства Сердецких принять малолетнюю дочь на государственное попечение, о чем закреплено краткой записью: «Быть посему».

Собирали Лизу в Петербург всей семьей. Маменька сшила два нарядных платьица, особенно Лизоньке понравилось голубое — похожее на платья, которые носят взрослые девушки. Братья подарили карандаши, о которых она мечтала, и рисунки. Дядюшка, взявший на себя труд доставить счастливую в столицу, усадил девочку перед собой и сказал:

— Понимаешь ли ты, Лизонька, какое важное событие тебя ожидает?

— Да, дядюшка,— ответила смугливая девчушка.

— Ты будешь жить в Петербурге, увидишь государыню и, может быть, она обратит на тебя внимание!

— Да, дядюшка.

— Может быть, ты даже выйдешь замуж за какого-нибудь князя.

— Да, дядюшка.

По привычке не спорить с дядюшкой, которого всегда уносит в область совершенно непонятного для шестилетнего ребенка, Лиза отвечала однообразно. Но, конечно, ей бы хотелось понять, почему маменька согласилась отдать свою дочку в чужие руки, и каков он, этот город Петербург, о котором последнее время так много в семье разговоров. А государыня представлялась ей Василисой Премудрой из сказки, что рассказывала нянюшка.

Не хотела Лизонька уезжать из дома, где ее любили и холили, где можно было убежать на старый двор и играть с деревенскими детьми или отправиться с братьями в далекое путешествие на речку и в лес. Но дядюшка так серьезно смотрел на племянницу, будто она должна сотворить что-то такое, что обязательно повлияет на положение всей семьи. Он бы еще долго рассуждал, если бы маменька его не перебила:

— О чем ты говоришь, братец, шестилетнему ребенку? Я-то надеюсь, что девочка наша станет образованной, не мне чета. Все книги перечитает, все науки изучит.

— Зачем ей науки? Ей они не понадобятся.

— Не знаю, только думаю, что не зря в Петербурге училище для девочек открыли. Матушка наша, государыня, очень умная, много знает, с философами великими переписывается. Мне об этом покойный муж, Алексей Алексеевич, говорил.

На этом разговор прекратился. А спустя неделю, распрощавшись с близкими, поплакав немного на маменькиной груди, отправилась Лизонька с дядюшкой в Петербург.

По прибытии в город дядя поселился на несколько дней у старого приятеля. Дня через два после приезда повезли Лизоньку в Смольный монастырь, высокие стены которого охраняли жизнь местных обитательниц. Каменные и деревянные постройки разбросаны на большом, так показалось Лизе, пространстве. Аккуратно проведенные дорожки и подрезанные кусты свидетельствовали о том, что здесь любят порядок.

— Смотри, Лиза, тут будешь жить долго, пока не вырастешь,— шептал ей дядюшка, когда они проходили к невысокому строгому зданию.

Обзор монастыря не доставил девочке радости. Все чужое, не знаешь, куда идти. Люди вокруг строгие, не улыбающиеся. Вдалеке на лужайке играют девочки, такие же, как она. «Если они живут, то и я смогу, не маленькая ведь»,— смирилась Лиза.

Они прошли в большую залу и стояли в ожидании госпожи начальницы. Та вошла и, строго посмотрев на девочку, сразу спросила:

— Сколько ей лет? На вид вряд ли пять будет.

— Что вы, милостивая государыня! — отвечивал дядюшка, сделавшись каким-то неуверенным рядом со строгой женщиной. — Ей недавно исполнилось шесть лет, и мы получили высокое разрешение привести девочку к вам.

Милостивая государыня поморщилась, словно дядюшкин ответ ей не понравился, и обратилась к девочке:

— Как зовут тебя, милая?

— Лизонька Сердецкая, — добродушно ответила Лиза.

— Лизонька? Елизавета. Приучайте себя отвечать четко и правильно, — начальница повернулась к дядюшке. — Мы возьмем девочку на попечение. Документы я просмотрела, они вполне соответствуют нашим требованиям. Вам должно быть известно, милостивый государь, что воспитанницы наши редко выезжают домой, а сюда родственникам приезжать не следует. Надеюсь, вы полностью согласны и не станете мешать нашему воспитанию, — тон, который избрала в разговоре строгая женщина, не допускал никаких возражений.

— Ну что вы? Мы так рады... — дядюшка хотел сказать еще что-то величественное, однако начальница позвонила в колокольчик и приказала появившейся девушке:

— Дуняша, отведите Елизавету Сердецкую к Марфе Петровне. А с вами, ваше благородие, позвольте проститься.

Лизонька, не успев попрощаться, побрела за Дуняшей. Неуютно ей было, не под домашнему. Даже вещи ее, среди которых замечательное голубое платье, взять не разрешили. Хотелось плакать, но она лишь закусила губу.

Девочку отвели к Марфе Петровне — надзирательнице младшего класса, оказавшейся доброй и веселой женщиной, которая сразу поняла, как тяжело новой воспитаннице. Марфа Петровна попыталась ее успокоить, сразу введя в монастырскую жизнь:

— Пойдем, я покажу тебе, где ты будешь спать, — сказала она в небольшой комнате с кроватями. — Вот эта кровать твоя. Посмотри, как она заправлена. Здесь всегда должен быть порядок. Входить сюда можно лишь вечером. Эта комната называется дортуаром.

Восемь других обитательниц дортуара уже поселились. Проведя Лизоньку по помещениям здания, Марфа Петровна вывела ее на улицу к девочкам, сразу принявшим новенькую в игру. Отзывчивая и добрая Лиза быстро подружилась с другими воспитанницами, которые обосновались здесь тоже недавно.

Так началась долгая жизнь Лизоньки Сердецкой в Смольном монастыре. Была она «кофейницей». Так звали малышей, носивших коричневые платья. Затем «голубой» и «серой»: девочки на последующих ступенях обучения носили платья голубого и серого цвета. В кофейном возрасте привыкала к строгой жизни в монастырских стенах. Легко обучалась, проявляя интерес к музыке и танцам. Не любила нудные занятия арифметикой. Осваивала азы светского разговора на французском и немецком языках.

Когда в «голубом» возрасте ее сверстницы стали грубить учительницам, нарушать заведенный порядок, не выполнять уроков, дразнить младших, за что их строго наказывали, Лиза, предпочитая разным шалостям чтение книг по истории и географии, прошла этот возраст почти безболезненно.

Взрослея, увлеклась театральным действием. Терпеливо участвовала в репетициях праздничных представлений, на которые съезжались высочайшие гости царского двора. На одном из праздников Лиза услышала лестный отзыв о себе из уст самой матушки-государыни:

— Какой чудный голос и проникновенный взгляд у этой девушки. Как зовут ее? Из какой семьи?

— Елизавета Сердецкая, ваше величество. Из семьи мелкопоместных дворян Тверской губернии,— ответила сидящая рядом Амалия Карловна, надзирательница «серых».

— Пусть немного подрастет, я возьму ее в свой эрмитажный театр.

— О, ваше величество, вы так добры и неустанно готовы помогать обедневшим дворянским семьям.

— Это мой долг, дорогая,— долг государыни, пекущейся о славе Отечества.

Странно, конечно, что жизнь Лизоньки связана со славой Отечества, однако попасть в императорский театр мечтает любая здешняя воспитанница, по крайней мере, такого состояния, которое было у Сердецких.

«Маменька, друг мой сердешный,— делилась она своими чувствами в письме.— Как передать мне тоску, которую я испытываю вдали от вас? Сколько уж лет не была я в наших, дорогих моему сердцу, местах? Да и вы так редко меня навещаете. Нет, не в укор я вам это пишу. А с огромной горечью от разлуки. Жизнь моя протекает по-прежнему однообразно. Ранние пробуждения не позволяют выспаться. Усталость усиливается от огромного числа занятий — по шесть, иногда по восемь уроков в день. Много времени посвящаю игре на арфе. Амалия Карловна говорит, что я играю ничуть не хуже госпожи Алымовой, которая почитается у нас за лучшую арфистку. Но более всего, дорогая маменька, увлекают меня театральные занятия. Недавно разыгрывали мы сценку встречи пастуха и пастушки. Все говорят, что я была великолепно в костюме пастушка. Свободного времени у меня почти нет. Но все же есть минуточка, чтобы написать о моих теплых чувствах к вам и о стремлении видеть вас в добром здравии, моя милая маменька!».

Такие письма посылала Лизонька домой: чуть радостные, чуть грустные. Конечно, не все она могла написать. Разве напишешь, что обхождение надзирательниц чрезмерно строгое, что питание никуда не годится, и часто воспитанницы остаются голодными, что распространены противные человеческому сердцу подслушивания и доносы друг на друга? Внешне все выглядело привлекательно и благопристойно, в действительности показная легкость и свобода оборачивались отдаленностью от реального мира.

Особенный раскол в группе воспитанниц произошел на последней ступени обучения, когда их стали называть «белыми». «Белые» ежедневно носили зеленые платья, только на праздники надевая белые бальные. Балы устраивались в самом монастыре, и приходилось старшим воспитанницам танцевать друг с другом, иногда к ним допускали придворных кавалеров. Первые красавицы Смольного получали высочайшее дозволение присутствовать на придворных балах, где они, по сути дела, играли роль милых придворных живых игрушек. Сколько разговоров возникало о балах! Какие страсти кипели! Вся жизнь девушек последней ступени обучения подчинялась помышлениям о придворной жизни.

Среди смолянок было в обычае, чтобы младшие обожали старших. У каждой из «белых» была своя свита обожателей: вздохи и нежные слезы, милый шепот на ушко, записочки с любовными признаниями. Лизе обожание младших не нравилось, оно казалось неестественной игрой. «Ах, милая Лиза, твои серые глаза, покрытые печалью, разбивают мне сердце»,— читала она и сердилась. Какая глупость! Лиза будто чувствовала, что культ обожания развивается среди воспитанниц не зря, готовя их к легкомысленной придворной жизни.

Не каждая из нас, понимала она, окажется при дворе. Те, кто знатнее и богаче, конечно, станут фрейлинами их высочеств. Его высочество князь Павел Петрович не раз бывал в Смольном и внимательно разглядывал девушек старшего класса. Первые красавицы, наверняка, быстро составят себе выгодную партию. Среди них есть смолянки, которые только и ждут выпуска, чтобы сразу выйти замуж. Их родители давно

об этом позаботились. А что делать таким, как Лиза? Возвращаться в Тверскую губернию? Она скучает без родных, она хотела бы побывать дома, а жить там не станет. Не для губернской жизни терпела все эти годы, чтобы дальше терпеть напыщенных, как ее дядюшка, и вечно нуждавшихся в деньгах провинциалов.

Прошло несколько лет с тех памятных слов императрицы. Лиза помнила их и надеялась, что так и произойдет. А потому терпела мелочность и деспотизм надзирательниц, стремившихся неудачи личной жизни выместить на беззащитных воспитанницах, особенно из небогатых семей. Спасением для нее была Марфа Петровна, воспитательница «кофейниц», не желавшая переходить на старший возраст. Впрочем, многие старшие смолянки бегали к ней посекретничать.

Училась Лиза с необыкновенной усидчивостью, чтобы получить по окончании знак высокого отличия — шифр, который представлял собой вензель императрицы, украшенный бриллиантами. Для получения шифра ей следовало занять одно из первых трех мест. Тогда можно надеяться на то, что матушка-государыня не оставит девушку без покровительства.

Марфа Петровна, видя Лизину усидчивость и ее доброжелательное отношение к людям, не раз говаривала:

— Лиза, свет мой, оставайся в Смольном воспитательницей.

— Нет, Марфа Петровна, я вас очень люблю! Вы только не обижайтесь, мне на свободу хочется.

— Какая там свобода, глупая девочка? Была бы ты знатна и богата, тогда устроилась бы. Но, как я знаю, средства в твоей семье небольшие, на братьев уйдут.

— Государыня-матушка обещала взять меня в театр.

— Да забыла она давно об этом обещании! А здесь у тебя есть дом и еда, какая никакая защита.

От чего ей следовало защищаться? И что это за дом, на тюрьму похожий? О еде вообще сказать нечего. Нет, не собиралась Лизонька оставаться в Смольном.

И вот идет экзамен. Накануне девушкам раздали билеты, чтобы те могли хорошо подготовиться и не подводить учителей в присутствии императрицы. Волнение крутит всех. Начальница и надзирательницы сидят прямо, не шевелясь, только глаза их готовы вылезти из орбит при самой малой неудаче экзаменующихся. Учителя — бледные или красные — то и дело кашляют и вытирают потные лица. Царственно и спокойно наблюдает происходящее императрица, делая небольшие записки и обмениваясь замечаниями с графом Бецким и великим князем, который почему-то явился на экзамен.

— Елизавета Алексеевна Сердечкая! — объявил громкий голос. Лиза вышла на середину залы и увидела участливое лицо государыни. Оно было усталым, и светлым. Лиза отвечала уверенно, поскольку отлично знала билет, однако государыня ее остановила, спросив:

— Что разумеется под именем отечества и любви к отечеству?

— Отечество есть то великое общество, которого мы сочлены, то государство, коему мы подданные, по месту рождения или по жительству. Истинный сын отечества должен быть привязан к государству, образу правления, к начальству и законам. Любовь к отечеству состоит в том, дабы мы почтение и благодарность являли к правительству, чтобы покорялись законам, учреждениям и добрым нравам общества, употребляли оныя к общей пользе, дабы принимали мы участие ко славе общества, коего мы сочленами,— Лиза наизусть повторяла то, что учила раньше.

— Отменная память,— похвалила государыня,— и держится уверенно, смело. Такие воспитанницы делают честь вашему заведению. Кто твои родители, Лиза?

— Матушка Аграфена Михайловна живет в тверской губернии, в нашем поместье, а батюшка Алексей Алексеевич погиб при сражениях за Крым.

— Бывала я в Крыму,— задумчиво произнесла императрица.— Князь Потемкин показывал нам замечательные места. Продолжайте, Иван Иванович, экзаменовать без меня.

При этих словах государыня встала и пошла в сопровождении начальницы и нескольких членов большой комиссии по зале. Вдруг она приостановилась, внимательно посмотрела на Лизу, и ничего не сказав, продолжила путь.

Шифр Елизавета Сердечкая не получила, хотя по оценкам комиссии отвечала блестяще. Предложения от императрицы тоже не дождалась, видно государыня закружилась в государственных делах и забыла о ней. Так нередко бывает, что наши ожидания не оправдываются. Лиза вернулась домой. Ее встретили постаревшие маменька и дядюшка.

Через полгода повзрослевшие братья отправились на воинскую службу, а Лизу повезли к дальней родственнице в Москву. Там в зимний сезон собирались невесты со всей страны, и редко кто возвращался из Москвы в родительский дом. Родственница оказалась старой и говорливой, с большими связями, позволившими ей приискать Лизоньке жениха — помещика Новгородской губернии. Тот был лет на двадцать старше, вдовый, растил двух девчонок-погодок, мать которых умерла от родов. Так обрела Лиза свою семью и дом.

Поначалу мучилась, долго не могла освоить науку супружества, к которой слишком мало готовили смолянок. Справедливости ради скажем: чему ее учили, все-таки пригодились. Соседи относились к ней с уважением, а муж почитал дамой образованной и женой гордился. Его дочери приняли Лизу как мать и во всем к ней прислушивались. Помнила она, что не хватало ей в детстве заботы и ласки родительской, потому к дочкам проявляла душевную материнскую доброту. Когда же в семье появились сыновья, Николушка и Алешенька, то стала Лиза обучаться искусству воспитания мальчиков.

Так и жила — тихо и спокойно до последнего своего часа, наступившего уже в новом веке. Временами с горечью вспоминала юношеские надежды, которые питала, оканчивая Смольный институт. Не знала она, что императрица хотела взять приглянувшуюся выпускницу во дворец, да слишком большой интерес, проявленный великим князем, остановил ее. Может, и хорошо, что так случилось?

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Сергей Крестьянкин *
(г. Тула)

ЗАДЕРЖАЛ

Карантин закончился. Молодое пополнение прошло определенную подготовку, приняло присягу и влилось в многочисленный коллектив воинской части.

Почти сразу кто-то заступил в наряд, кто-то поехал на учения, а кого-то отправили выполнять спецзадание.

Виктор Лебедев попал в наряд по штабу округа. В свой первый наряд он стоял на дверях уже в 8 часов и готовился проверять пропуска офицеров идущих на работу.

Предварительно он получил четкие инструкции. А до этого были долгие занятия по тренировке памяти на лица. Из стопки фотографий, которые ему показывали в течение 2—3 секунд, надо было выбрать двух одинаковых людей, а порой трех и даже четверых, одетых в разные одежды, с бородой, без усов, лысого, смеющегося, развернутого в профиль.

У Виктора с детства была прекрасная память на лица, поэтому с такими заданиями он справлялся всегда на «отлично».

Лебедев посмотрел на часы, висящие в глубине коридора. 8-30. Он открыл дверь и отошел в сторону. Поправил автомат, висящий на плече и штык-нож на поясе. Он немного волновался и был напряжен. Все-таки первый день службы.

Виктор еще раз осмотрел себя внимательно. Китель «парадки» застегнут, лишних складок под ремнем не образовалось. Брюки отглажены так, что кажется, стрелками можно обрезать. Сапоги отполированы на совесть.

А вот и первый офицер. Им оказался майор невысокого роста, довольно упитанный. Чувствовалось, что в марш-бросках он давно не участвовал, да и строевой подготовкой не занимался уже несколько лет.

Он неторопливо вошел в штаб, посмотрел на солдата стоящего по стойке смирно, отдал честь и спросил:

— Пропуск показывать?

— Так точно,— был ответ.

После того, как охранник сличил фотографию с оригиналом, он кивнул, пропуская офицера в штаб.

---

* Наш постоянный автор.

Следующий был капитан, затем подполковник, еще один майор, два лейтенанта. После чего они пошли сплошным потоком, торопясь не опоздать на службу.

И каждый входящий, видя новое лицо охранника, задерживался перед ним на пару секунд, предъявляя документ, дающий право находиться в штабе.

Затем поток людей резко иссяк.

Без пяти девять у входных дверей штаба со стороны улицы начали собираться офицеры, но почему-то внутрь войти они не спешили. Их взор был обращен в сторону КПШ. Капитан открыл дверь, но все топталось на месте, хотя и чувствовалось, что все они реально опоздавшие на службу. Значит, кого-то ждут. И действительно, через несколько секунд в поле зрения часового появился генерал-майор, подошедший к штабу пешком. Он козырнул офицерам и вошел в открытые стеклянные двери. Офицеры гурьбой повалили за ним.

Подняв руку в приветствии и отдав честь часовому, стоящему по стойке смирно, генерал сделал шаг по коридору, но тут же услышал:

— Предъявите пропуск!

Генерал-майор остановился, неторопливо повернул голову налево и внимательно посмотрел на солдата, как бы уточняя: к нему ли была обращена эта фраза:

— Товарищ солдат, это вы мне?

— Так точно, товарищ генерал-майор. Предъявите пропуск!

Брови генерала от удивления взметнулись вверх.

— Сынок, ты, наверное, недавно служишь и еще не знаешь. Я — генерал-майор Камнев.

— Это же начальник штаба округа! — крикнул кто-то из офицеров, стоящих за спиной генерала.

— Совершенно верно, — подтвердил генерал и добавил:

— Того самого штаба, в котором мы сейчас находимся, и который вы, товарищ солдат, охраняете.

— Сегодня у меня первый день службы. Я никого в лицо не знаю. Поэтому охотно вам поверю, если вы предъявите мне свой пропуск.

— Вот значит как, — опешил генерал, давно не попадавший в такую ситуацию.

— Ну что, на работу сегодня уже все равно опоздали. Может быть, по рублю и в школу не пойдем! — крикнул из стеклянного тамбура какой-то старший лейтенант. Он засмеялся, но его никто не поддержал, поэтому свой смех он перевел в кашель и в итоге замолчал.

— Дело в том, что я надел сегодня новый китель и пропуск не переложил, — начал оправдываться генерал. — Ну, забыл я его. Может, сегодня пропустите меня под честное слово, а завтра я непременно приду с пропуском? — произнося предложение, Камнев не спрашивал, а как бы пояснял, расставляя точки над «і» и, думая, что убедил солдата, он, повернувшись, хотел уже идти по коридору. Но не тут-то было.

— Стоять! — услышал начальник штаба окрик часового, который снял с плеча автомат и держал его в руках, не направляя на Камнева.

Офицеры, которые было, двинулись за генералом, посчитав, что инцидент исчерпан, отхлынули обратно в стеклянный тамбур.

— Я же объяснил ситуацию. С кем не бывает. Или что-то непонятно? — начал возмущаться генерал-майор.

— Так точно. Ситуация ясна, — коротко ответил дневальный и неожиданно добавил:

— Но грош мне цена будет как часовому, если я стану всех подряд пропускать в штаб без документов, игнорируя приказы и не выполняя инструкции. А если, вдруг, война и враги попытаются проникнуть в штаб за секретной информацией?

Камнев выслушал речь солдата, кивнул на автомат и спросил:

— И вы, что, намерены стрелять?

— Первый — предупредительный в воздух,— ответил Лебедев.

— А второй?

Ответить часовой не успел, так как из-за угла выскочил дежурный по штабу капитан, на ходу придерживая фуражку рукой. Чувствовалось, что ему уже кто-то доложил о том, что часовой задержал Камнева.

— Товарищ генерал-майор,— поднимая руку к козырьку, начал он, но генерал его прервал.

— Я уже вижу, капитан, что вы в курсе. Что нам делать в этой ситуации?

— Сейчас разберемся.

Он повернулся к солдату:

— Товарищ рядовой, повесьте автомат на плечо. Я вам приказываю пропустить генерал-майора. Все ясно?

— Так точно,— Лебедев закинул автомат за спину и встал по стойке смирно.

— Товарищ генерал-майор, все в порядке, можете проходить. А с солдатом я разберусь. Он будет наказан.

Камнев неторопливо пошел по коридору, о чем-то думая и одновременно прислушиваясь к тому, что говорил дежурный по штабу дневальному.

Опоздавшие офицеры гуськом потянулись за генералом, боясь его обогнать, видя, что настроение тому испортили с утра.

— Товарищ солдат, вы что — охренели!?! — громким шепотом кричал капитан.— Задержали самого начальника штаба. Лебедев, по тебе гауптвахта плачет. Ты у меня из нарядов вылезать не будешь. Котлы на кухне чистить и туалеты надраивать до блеска. Я тебя снимаю с наряда. Сдать автомат и штык-нож в оружейку и доложить ротному, что у тебя пять нарядов вне очереди.

— Отставить, капитан,— услышал офицер и повернул голову.

Это был Камнев.

Офицеры замерли вдоль стены.

Генерал возвращался к входной двери:

— Товарищ капитан, а за что мы должны наказывать этого солдата? За то, что он добросовестно выполнил свой долг? Выполняя мое, кстати, распоряжение по поводу пропусков, он задержал человека без пропуска. Ну и что, что им оказался я? Значит, если идет генерал, то часовой должен, растопырив глаза, того пропустить, веря ему на слово? Действительно, грош цена такому часовому.

Офицеры, проскочившие мимо генерала, завернули за угол, но не уходили, а, выглядывая оттуда, наблюдали за дальнейшим развитием событий.

— Как вас зовут, товарищ солдат?

— Виктор Лебедев.

— А лет сколько?

— 23.

— А почему так поздно в армию попали?

— Я закончил институт. Имею высшее образование.

— Интересно,— промолвил генерал.— А из какого города?

— Из Орла.

— Ты смотри, капитан, какие орлы у нас служат, а ты его на гауптвахту или туалеты чистить. Неправильно это. Несправедливо как-то. Значит так. Солдата этого с поста не снимать. Все наряды вне очереди отменить. Будем считать, что это была моя проверка молодого пополнения. Инцидент, можно сказать, исчерпан. Вам все ясно, товарищ капитан?

— Так точно!

— А вам, рядовой Лебедев из Орла, от лица командования объявляю благодарность за отличную службу,— поднеся руку к козырьку, произнес Камнев.

— Лебедев, ты что, язык проглотил? — сквозь зубы спросил капитан.

— А! Служу Советскому Союзу! — опомнившись, ответил тот.

— Да. И вот еще что, пожалуй. Товарищ капитан, этот солдат должен быть завтра утром в моем кабинете в 9:00 с увольнительной в руках. Я лично ему завтра подпишу. А пропуска носить всем. Это касается и тех, кто выглядывает из-за угла,— чуть громче сказал Камнев.— Всем все ясно?

— Так точно! — крикнули из-за угла несколько голосов, и их обладателей после этого как ветром сдуло.

«АНГЛИЧАНИН»

Поговорили

Вечерело.

Остановка трамвая. Люди в ожидании транспорта, все как один, смотрят налево.

Трамвая давно нет. Народу скопилось прилично.

К остановке подошел представительный мужчина. Коротко подстрижен, щеки хорошо выбриты. На нем был надет добротный костюм, белая рубашка, галстук. В руках он держал портфель.

Он посмотрел в направлении, откуда должен был появиться трамвай, окинул взглядом всех присутствующих и обратился ко мне, как к ближайшему из стоящих. Но, как ни странно, говорить он стал по-английски. По крайней мере, было похоже на то. Я английский не знаю, так как в школе и институте изучал немецкий. Подумал, что разговаривают не со мной, а с каким-нибудь негром или испанцем, стоящим рядом. У нас в городе много учатся таких в институтах. Покрутил головой, осматриваясь. Но вокруг были лица только славянской национальности. «Странно, я, что похож на англичанина? — подумал я.— Это конечно приятно, но...»

Я внимательно посмотрел на мужчину. Он с хитрым прищуром смотрел на меня, любуясь произведенным эффектом, продолжая о чем-то мне втолковывать.

У меня создалось впечатление, что он продельвает такое не впервые, и это ему нравится. Игру он себе своеобразную придумал. В центральной полосе России разговаривать по-английски с пожилыми женщинами, стариками, мужиками, едущими с работы с завода, молодыми девушками и так далее.

Говорил он, наверно, по-английски, но я бы сказал с русским акцентом, если можно так выразиться. То есть слова были не мелодично-певучие, а произносимые в чистом виде. Скорее всего, он работал учителем в школе или техникуме.

Ну, думаю, подыграю «англичанину». Мы ведь тоже не лыком шиты. Как-никак у меня большая театральная практика. И занятия с нами проводили добротные. И то, чем я буду сейчас заниматься, называется: «Я в предлагаемых обстоятельствах».

Я взял и ответил спрашивающему на хорошем «английском» языке, то есть на абракадабре, усиленно выворачивая и заламывая язык, чтобы было более похоже.

Ожидаящий трамвая говорун к тому времени слегка отвлекся, поэтому, услышав мои слова, повернул ко мне голову, наморщил лоб и что-то спросил.

Я ответил целой тирадой «по-английски» посмотрел вокруг и развел руками.

Мой собеседник слегка опешил, не ожидавший ничего подобного. Я почувствовал, что он к такому повороту событий был совсем не готов.

«Как же так,— выражало его лицо.— Это он говорит по-английски, а ответить ему никто не может». По крайней мере, так, наверное, было до сегодняшнего дня. И вдруг на тебе. Нашелся... какой-то...

После мимолетного замешательства мой собеседник аккуратно подбирая слова, произнес какую-то фразу.

И я решил: уж играть спектакль, так до конца и не вырубаться, как нас учили, ни при каких обстоятельствах.

Варьируя языком и четко артикулируя губами, я начал вести разговор с «англичанином», усиленно ему что-то объясняя, показывая руками в разные стороны на дома, людей на противоположной стороне улицы, на проносившиеся мимо автомобили, на подъехавший к остановке долгожданный трамвай, указывая пальцем на моего собеседника и раскрывая ладони обеих рук перед лицом мужчины в костюме.

Все сели в трамвай и я в том числе перед самым закрытием дверей, напоследок что-то крикнув своему собеседнику «по-английски».

Трамвай отъехал.

На остановке остался только один человек — «англичанин». Он, опешивши, смотрел вслед и, наверное, думал: «Что это такое было? Ничего себе поговорили...»

ПОЛОМАННЫЙ ПРИБОР ИЛИ РУССКАЯ СМЕКАЛКА

Утро. Транспортное предприятие. Начало рабочего дня. Водители сплошным потоком тянутся к медпункту, чтобы пройти освидетельствование на отсутствие алкоголя в организме и спокойно выехать в рейс. Кто-то быстрым шагом проходит в медпункт, бодро возвращается обратно, садится в машину и выезжает из гаража. Менее уверенные в своих силах не спеша подходят к зданию, где расположилась медкомната, здороваются со знакомыми, ведут неспешные разговоры (как будто никуда им ехать не надо), дышат свежим воздухом, глубоко при этом вдыхая и как можно сильнее стараются выдохнуть, дабы прочистить легкие и пищевод с желудком, наивно полагая, что это поможет, чтобы прибор не показал даже остаточное содержание спиртного после вчерашней вечерней гульбы с ребятами.

Но есть и такие, которые спрятались среди машин и, выглядывая оттуда, наблюдают за товарищами и за окружающей обстановкой, решая, что же им предпринять, дабы обмануть прибор, тем более, что водкой от них разит за километр.

Среди таких и Леха: тридцатилетний мужичок невысокого роста, сидящий на подножии автомобиля и нервно курящий (одну за другой) папиросы «Беломорканал». Докурив очередную папиросу, он загасил ее о подошву сапога и втоптал в грязь. Достал пачку, но новую брать не стал. О чем-то задумался и, видимо придя, наконец, к какому-то решению, быстро положил ее в карман куртки, даже не раскрывая. Открыл дверь кабины, достал небольшую бутылку с жидкостью, похожей на солярку, вынул пробку и сделал пару небольших глотков прямо из горлышка. Весь сморщился, скривился, потом крякнул, то ли от удовольствия, то ли от гадости, которую только что выпил, вытер губы тыльной стороной ладони, закрыл бутылку и убрал ее обратно в кабину. После чего резко встал и уверенным шагом направился в медпункт.

Леха был, наверное, самым последним, потому что когда он вошел в кабинет, водителей там уже не было, а Нина Ивановна заполняла бланки: какое количество водителей она выпустила на линию, а кого пришлось отстранить.

Нина Ивановна оторвалась от своего занятия и посмотрела на вошедшего.

— Вот пришел на освидетельствование, — тщательно выговаривая последнее слово, произнес Леха.

— Что ж так поздно, милоч? — ласково поинтересовалась медсестра.

— Да что-то съел с утра и мутило. Даже вырвало. А сейчас вроде все нормально, — горестно ворковал шофер.

— А может, не съел, а выпил? — улыбнулась Нина Ивановна.
— Дык, это, как его... Не пил я. Только ел.
— Батюшки! — всплеснула руками медработник.— Андерсен ты наш, местного значения. Да ты еще в комнату не вошел, а я чуть со стула не упала. От тебя водкой за версту несет
— Дык, это. Парфюм у меня такой, наверное. Может, в трубку дунем? — предложил Леха.
— Значит, говоришь, парфюм у тебя такой? Ну что ж, подходи, соколик, давай дунем.
Водитель уверенно подошел к столу, взял трубку и со всей мочи дунул.
Прибор ничего не показал.
Нина Ивановна удивленно подняла брови.
— Ну-ка дунь в другой.
— Пожалуйста,— пожал плечами Леха.
Прибор опять показал норму
— Наверное, два испорченных попались,— неуверенно проговорила медсестра,— попробуй вот в этот.
И снова — ничего!
— Не знаю в чем дело. Наверное, приборы бракованные. Ты в помещении пять минут, а я уже задыхаюсь от твоего парфюма. В рейс тебя не пущу.
Леха был парнем не промах и прекрасно знал пословицу, что лучшая защита — нападение. Поэтому от медсестры сразу направился к начальнику смены.
— Сан Саныч, что за фигня такая? Почему меня в рейс не пускают? Медсестра уверяет, что я пьяный, а приборы ее: ни один не показал алкоголь.
— Запах-то вроде присутствует? — неуверенно, то ли спросил, то ли констатировал начальник.
— Да вот и она тоже прицепилась с этим запахом, а приборы-то ничего не нашли.
— А ты сколько раз дул?
— Четыре раза в разные трубки и — ничего.
— Да? — удивился Сан Саныч.— Ну пойдем, поглядим.
С Ниной Ивановной они столкнулись в дверях медицинского отделения.
— Нина Ивановна, почему водителя не выпускаешь?
— Да ведь он же пьяный! — опешила женщина.
— Но ведь приборы ничего не показали? Или он соврал?
— Не соврал. Но я думаю, что они бракованные.
— Ну-ка, дай я попробую,— сказал Сан Саныч и с этими словами взял трубку и дунул.
Прибор показал большое количество алкоголя.
— Ну, вот видишь — все нормально. А-то заладила то же мне, бракованные, бракованные. Все в порядке — работают. Выпускай водителя на линию!

СОСЕД

Что мы знаем о своих соседях, живущих с нами в одном доме, в одном подъезде, на одной лестничной площадке?

Да почти ничего, кроме имени, где они работают или работали и сколько у них детей.

Коммуналки канули в прошлое, где каждый знал друг о друге почти все. Там люди жили шумно и весело одновременно, но были в постоянном напряжении. Поэтому каждый мечтал об отдельной квартире, где бы он мог уединиться, расслабиться и сам

решать, как ему организовывать и вести домашнее хозяйство, чтобы не ждать каждое утро очереди в туалет и к умывальнику, а затем занимать очередь к плите, чтобы приготовить себе еду. Вести какие-то бесполезные беседы, отвечать на порой дурацкие или невежливые вопросы, давать кому-то в долг, угощать папиросами, делиться солью, выходить на почти постоянный стук в дверь, идти угощаться только что испеченным пирогом, когда этого совсем не хочется делать. Но ты все равно идешь, дабы не обидеть свою соседку, которая старалась ради тебя в благодарность за то, что ты ей починил розетку, которая искрила. И не угоститься пирогом было просто не прилично, тем более что завтра пришлось бы очень долго объяснять ей, что ты не вышел, потому что пришел с работы слишком усталый и совсем не потому что тебе не нравится ее стряпня.

70-е годы. Более 30 лет прошло после окончания Великой Отечественной войны.

Устраиваясь на работу, люди сразу подавали заявление, чтобы быть включенными в очередь на получение квартиры. Специальные комиссии рассматривали все поданные прошения и, если человек жил в общежитии, снимал комнату или у молодой семьи рождался ребенок, и они вылезали за определенные рамки метража, то комиссия благосклонно утверждала этих просителей на постановку в очередь. В своей организации (в тресте, на заводе, институте...) вам присваивали номер, например, 55-й, но все эти слабые ручейки, как и у любой речки, вливались в огромный поток городской квартирной очереди и уже там вы могли оказаться 12735(!).

А кроме этого была еще очередь внеочередников, как бы абсурдно это ни звучало: ветеранов войны, инвалидов, многодетных семей или сирот, закончивших интернат...

Но квартиры продолжали строить. Дома ежегодно сдавали.

И проработав на своем предприятии 9—15 лет вы становились счастливыми обладателями ключей от заветной квартиры.

Дом был девятиэтажный, совсем недавно построенный и сданный в эксплуатацию.

Времени прошло вполне достаточно, чтобы получить ордера и ключи от своих квартир и, спокойно заселившись, начать обустраиваться.

Основная суета, когда всевозможные машины: и грузовики, и легковые с прицепами заполняли весь двор и ждали своей очереди, чтобы подъехать ближе к одному из одиннадцати подъездов и начать разгрузку, закончилась.

Грузовики во дворе хоть и появлялись, но с каждым днем все реже и реже пока их поток, наконец, совсем не иссяк.

Первые устроившиеся в этом доме — «старожилы» (в основном пожилые женщины и бабушки) уже выходили во двор подышать свежим воздухом, садились на лавочки возле подъездов, знакомились и начинали, внимательно наблюдая за вновь прибывшими, обсуждать кто, что привез и в каких количествах.

— Вы, погляньте, сколько книжек. Все носят и носят. Это в какую же квартиру?

— В 36-ю, — сразу откликнулся кто-то все знающий.

— Не иначе, как ученый какой-нибудь — профессор.

— Это, что. Вы глядите во второй подъезд рояль ташут.

— Нет. Это не рояль — пианино.

— Да это все равно. Интересно, в какую квартиру композитор заезжает?

— Семеновна, тебе-то что от этого? Когда их ребенок начнет по клавишам тыкать тогда и разузнаем.

— Да моя квартира со вторым подъездом контактит через стенку. Ох, беспокойные жильцы будут. Ну, да ладно, поживем — увидим.

Так незаметно пролетели два месяца. Заработали лифты. Соседи по площадке начали узнавать друг друга, обращаться за помощью: будь то шкаф дотащить или мо-

лоток с отверткой взять займы. А некоторые уже скидывались (в основном мужики) и отмечали новоселье и новые знакомства. И такое происходило почти ежедневно — дом-то большой: одиннадцать подъездов как-никак; а это где—то около четырехсот квартир. Так что отмечать новоселье можно, если каждый день — больше года; а ежели еще и праздники захватывать, такие как Новый год, 8 марта, 7 ноября, День Конституции (это не считая: 1 апреля, День взятия Бастилии...), то все два получатся.

Когда жильцы заходили в лифт, то каждый вел себя по-разному. Кто-то здоровался, кто-то ехал молча, некоторые начинали вести оживленную беседу. Были и такие, кто никогда не видел раньше лифта (в основном — пожилые люди, жившие до этого переселения в своих домах), поэтому заходили в него с боязнью, не знали, как встать, куда нажимать, вздрагивали от закрывающихся с грохотом дверей.

Несколько раз со мной в лифт заходил невысокого роста мужчина лысоватый с морщинистым лицом. За ним постоянно тянулся шлейф перегара, хотя на ногах он держался довольно крепко. Он сразу говорил:

— Мне на седьмой этаж.

Потом, немного помолчав, протягивал руку и представлялся:

— Леня.

Я здоровался, называл себя, и мы ехали до седьмого этажа.

Выходили. Я глотал относительно свежего воздуха, и расходились в противоположные стороны.

Он был моим соседом по площадке.

И такая ситуация повторялась с завидным постоянством, как по сценарию. Словно актер входил в образ и репетировал роль. Действительно, как в кино. Как будто мы застряли в одном дне, и он повторялся снова и снова с завидным постоянством. Это было в течение нескольких недель.

Сначала меня это веселило. Потом приелось и начало надоедать.

Я решил разнообразить сложившуюся ситуацию и, когда он в очередной раз представлялся, говорил:

— Леня, мы с тобой уже знакомы и живем на одном этаже.

— Да? — он внимательно на меня смотрел своим осоловевшим взглядом, пытаюсь осмыслить то, что я сказал и в итоге изрекал:

— Значит соседи. Тогда поехали.

Спустя некоторое время он перестал представляться, видимо посчитав, что его уже все знают, но здороваться продолжал.

Не знаю, как насчет других жильцов, а приподъездные наблюдательницы уже многое разузнали про Леню, составили его портрет и, внося в свой мозговой реестр, «отправили личное дело» того в «архив» переключившись на кого-то более свежего.

У Лени умерла жена, как говорили при родах. Он один воспитывал ребенка. Правда ему помогала какая-то женщина, которая систематически к нему приходила.

Работал Леня плотником в детском саду. Летом охранял какие-то дачи, кроме этого частенько крутился возле магазинов, подрабатывая разгрузкой машин.

И пил.

Деньги сосед получал небольшие. Жили они бедно и даже, наверное, скудно.

Наблюдательницы на лавочках никогда не видели, чтобы Леня покупал какую-нибудь мебель, кастрюли, сковородки... Правда, в очереди за молоком его часто замечали.

Но пил он постоянно.

Иногда он пребывал в легком подпитии, иной раз я его видел с трудом заходящего в лифт, держащегося за стены.

Как-то поднявшись к себе на этаж и выходя из лифта, я чуть было не упал, спо-

ткнувшись обо что-то лежащее на площадке. Так как лампочка не горела, а день клонился к закату, то в полумраке я не сразу разглядел, что это какой-то человек. Мелькнула догадка, но почти сразу ее сменила другая, которая тут же и подтвердилась, стоило мне только перевернуть лежащего на спину.

Нет, это не был убитый в пьяной потасовке. Это был Леня, правда, тоже пьяный, лежащий в какой-то вонючей луже.

— Леня, ты что лежишь? Тебе плохо? — я стал тормошить его за плечо.

— Мне хорошо, — промолвил Леня, с трудом шевеля языком, и захрапел.

Поднять мне его не удалось, так как он норовил выползти из куртки, да и был довольно тяжелым. Поэтому я оттащил его к двери и посадил на тряпку, которая была относительно плотная, и совершенно сухая и прислонил к стене.

Бывали дни, когда сосед оказывался абсолютно трезвым. Это было очень удивительно и совершенно на него не похоже. Леня был гладко выбрит, причесан, а чистая рубашка и поглаженные брюки завершали необычную картину. В такие моменты он рассказывал, где сейчас работает, о том, что сын пошел в школу, сетовал на то, что много пьет. Я предлагал ему бросить его пагубное занятие, а деньги эти тратить на сына и больше уделять ему внимания. Он тяжело вздыхал, задумывался, морщил лоб, отчего казался глубоким стариком (хотя еще даже не достиг пенсионного возраста) и, как будто что-то взвесив и приняв окончательное решение, согласно кивал головой и, как мне казалось просветленно, твердо произносил:

— Да, ты прав, надо бросать пить.

Но уже через пару дней его можно было увидеть лежащим на лавочке возле подъезда.

В начале 80-х годов многие граждане подключились к сбору макулатуры, которую можно было обменять на дефицитную книгу, парфюмерию, какие-то вещи...

Старые газеты и журналы не выбрасывали, а аккуратно собирали, упаковывали, связывали, взвешивали и складывали на антресоли, лоджии или в кладовке. А набрав 15—20 килограммов несли все это в пункты приема под названием «Стимул», где обменивали на талончик с названием книги, будь то «Граф Монте-Кристо» А. Дюма, сказки Джанни Родари или фантастическая повесть братьев Стругацких.

Если же вы не смогли собрать сразу нужное количество килограммов, то на талон наклеивали марки, соответствующие сданному весу. И вам нужно было торопиться в течение месяца-двух добрать и сдать бумагу или картон, чтобы успеть получить книгу, которых было ограниченное количество и тем более появлялись новые талоны с другими книгами.

Почему пункты приема назывались «Стимул»? Наверное, потому, что стимулировали среди населения тягу к хорошим книгам. Тем более, в каждой книге государство печатало сообщение о том, что мы сохраняем богатство нашей Родины, то есть спасаем деревья от вырубки.

Получив талон, мы сразу мчались в один из книжных магазинов, а их было пять (из двадцати семи), через которые реализовывались макулатурные издания и, наконец-то, выкупали заветную книжку.

После этого можно было вздохнуть свободно, удовлетворенно полистать еще пахнущее типографской краской издание, потом поставить его на полку, с надеждой в ближайшее время непременно начать читать.

И вновь по знакомому кругу: макулатура — талон — очередная книга.

Мой сосед Леня, конечно же, не остался в стороне. И теперь к сбору и сдачи бутылок он добавил макулатуру. Его можно было видеть с охапками картона, пустых коробок из-под обуви и всевозможной химии, оберточной бумаги.

Иной раз, подойдя к лифту возле открытых дверей, которого суетился Леня и, заглянув внутрь, понимал, что быстрее на седьмой этаж поднимешься, если пой-

дешь пешком по лестнице, потому что ждать, когда сосед догрузит битком набитый коробками лифт, доедет до места, все это разгрузит и спустится обратно, придется очень долго.

Почти ежедневно Леня приносил коробки из всех близлежащих магазинов, утрамбовывал, перевязывал и тут же куда-то их относил.

Возвращался он, естественно, навеселе.

Как-то столкнувшись с ним в лифте, я спросил:

— Зачем тебе столько коробок? Переезжать собираешься?

— Нет. Сдаю на макулатуру. Подработаю немного, заработаю чуть-чуть. Сыну на молоко и хлеб с маслом. Конфет и пряников куплю. Да и мне кое-что останется.

Не знаю, как там насчет конфет, но ему оставалось довольно прилично, так как пьяным он бывал всегда после сдачи макулатуры, о чем постоянно свидетельствовали приподъездные наблюдательницы.

Поначалу сердобольные женщины пытались как-то его вразумить. Вели с ним беседы, убеждали... Но потом, поняв всю бесполезность своих попыток, махнули рукой и почти перестали обращать на это внимание.

Годы шли своим чередом. Хотя в детстве нам кажется, что они тянутся слишком медленно, ведь очень хочется стать быстрее взрослыми. А когда мы взрослеем, то начинаем понимать, что, наоборот, они слишком быстро бегут и мы, практически ничего не успеваем сделать, так как 24 часа в сутках — это очень мало, и хорошо бы эти сутки раздвинуть. В пожилом возрасте дни становятся похожими друг на друга и мелькают с такой скоростью, что создается впечатление, будто Земля убыстряет ход своего вращения.

Что такое девятиэтажный одиннадцати подъездный дом — это целый мир! Государство, где есть какие-то правила и действуют свои законы.

Это как у Киплинга — джунгли с их обитателями. Общество людей в разрезе.

Здесь подрастают дети, оканчивают школу, поступают в институт или устраиваются на работу. Юноши уходят служить в армию, девушки ищут своих принцев и готовятся к свадьбе. В одном подъезде отмечают юбилей, а в другом кого-то провожают в последний путь. А возле третьего подъезда мужики просто пьянствуют. Вечером во дворе в тени деревьев играют в домино. Из открытого окна второго этажа слышно, как кто-то разучивает сонату Баха, а в другом конце дома на шестом этаже живет большой любитель рок групп «Deep Purple» и «Pink Floyd», так как на подоконнике каждый день стоят колонки и мы слышим попеременно песни этих коллективов.

Малыши в песочнице делают пироги и строят замки, пацаны постарше играют в войну или гоняют на велосипедах, девочки наряжают кукол. Подростки возле школы играют в футбол.

Вот из-за дома идет кто-то зареванный в рваной рубашке, значит, была драка.

Пенсионеры сидят на лавочках, смотрят на все происходящее, вспоминают свою молодость, ведут неспешные разговоры.

Заходя очередной раз в лифт, я не сразу узнал своего соседа Леню. Да и немудрено. Добротный коричневого цвета костюм, белая рубашка в полоску, в тон ей галстук с завязанным широким узлом. Аккуратная короткая стрижка, а не космы, как обычно, торчащие в разные стороны. Щеки гладко выбриты до синевы, а легкий аромат не совсем дешевого одеколona вплавь вслед за Леной в лифт, совсем не соответствовали запаху водки, который постоянным шлейфом тянулся за ним.

Я, опешивши, смотрел на трансформацию, произошедшую с соседом.

— Ну, что застыл? Пьяный что ли? Нажимай, поехали, — проговорил Леня, показывая мне руки, занятые сумками.

Я нажал на седьмой. Двери лифта закрылись, и мы стали подниматься.

— Можешь меня поздравить. Я стал пенсионером, — лицо Лени сияло, и мне по-

казалось, что он как-то помолодел лет на десять.— Сегодня оформил последние документы, так что со следующего месяца буду получать пенсию.

Я, конечно, поздравил его с заслуженным отдыхом и сказал, что это хороший повод, дабы отметить такое событие.

На это он совершенно неожиданно мне ответил:

— А ты знаешь, я сегодня не буду пить. Я даже водку не покупал. Отмечу это событие по-другому. Мы с сыном поедем жареной картошечки с селедкой, а потом попьем чайку с «Октябрьским» печеньем, песочными пирожными и эклерами. Вон я, сколько накопил,— показал он мне две сумки набитые продуктами.— А то я что-то мало внимания уделял сыну, все некогда было.

Лифт остановился. Двери открылись. Леня вышел и пошел к себе.

Я, не двигаясь, смотрел вслед уходящему соседу и думал: «Что это такое было? Да и Леня ли это был вообще?»

Прошло несколько лет.

Ленин сын Андрей вырос. Отслужил положенные два года. Вернулся, устроился на работу.

Леня пить так и не бросил. Периодически его видели пьяным.

Дни тянулись. Бежали. Мелькали...

Неожиданно Леня умер.

Соседи зашли к Андрею предложить свою помощь и обомлели от увиденного. Они, конечно, были готовы к тому, что увидят поломанный диван, стул без спинки, рваный пододеяльник и подушку без наволочки, но поразило их совсем другое.

Скудная обстановка и на этом фоне два шкафа и несколько полок битком набитые книгами. Да еще какими! Об этом можно было только мечтать. Чувствовалось, что собирал их человек с большой любовью.

Здесь были: Рабиндранат Тагор и Эмиль Золя, Пушкин, Некрасов, Достоевский, Толстой, Мандельштам и Ахматова, Шекспир, Рей Брэдбери, Иван Ефремов и Иван Бунин, Цветаева, Маяковский, Вознесенский и Гоголь. Тут стояли труды Лосева, всевозможные словари и справочники и еще было много всего интересного...

Пьянствуя каждый день, Леня, наверное, понимал, что уже не может остановиться. Понимал, что он плохой отец и ничем не может помочь своему ребенку, но в моменты просветления выкраивал деньги и покупал книги для сына, которые не трогал, даже когда очень хотелось выпить.

Но еще больше поразило людей зашедших в квартиру к Лене то, что они увидели в глубине одного из шкафов за стеклом.

Это была Золотая Звезда Героя Советского Союза и Орден Ленина.

Что мы знаем о своих соседях, живущих с нами в одном доме, в одном подъезде, на одной лестничной площадке?

Да почти ничего...

Татьяна Ермакова*
(г. Калининград)

ВОРОБЫШЕК

— Мама, мама! Это воробышек поет! — голос выражал такое искреннее, такое восторженное удивление, какое бывает только у детей. И потому я услышала его среди равнодушно-гулкого уличного шума.

— Мама! Мама, это — воробышек поет! — с тем же радостным удивлением повторял мальчуган, так и не дождавшись ответа.

Тогда я оглянулась и увидела счастливую молодую маму, с которой так хотел поделиться своей радостью этот милый мальчуган, сам чем-то похожий на воробышка. Мама шла с каменным лицом и курила, не обращая никакого внимания на воркование своего сынишки. И я не выдержала:

— Да, это просто удивительно! Никогда не слышала, чтобы воробышки — пели! А ты молодец, наблюдательный и добрый мальчик.

Кажется, я рисковала: суровой маме вполне могло не понравиться, что случайная незнакомка вмешивается в их «разговор». Но мне повезло. Мама неожиданно улыбнулась.

Кто знает, через несколько, или через много лет — захочет ли сын услышать слова постаревшей уже матери, обращенные к нему? Слова печали, боли, надежды...

Почему же с таким опозданием мы понимаем, что это самое важное в жизни: слышать каждое слово своего ребенка. Маленького, но — самого главного для нас Человека. В котором наше будущее счастье или горе, гордость или позор. Ребенок — это наш живой и хрупкий росток в будущее. И только от нас зависит, кем станет этот росток: хилым, чахлым, исхлестанным ветрами кустиком с поломанными ветвями, или же могучим и твердо стоящим под бурями судьбы величественным дубом.

ДОМ ОКНАМИ В ПОЛЕ

Хорошо это или плохо, что самый большой и красивый дом в поселке — детский дом?

Сюда привозят брошенных детей со всего района. А из окон дома хорошо видно огромное поле — ярко зеленое по весне и белоснежное зимой. Именно здесь полвека назад происходило одно из жестоких сражений с фашизмом. Сколько было их, бесстрашных и мужественных наших воинов, что освободили свою землю, Россию, а погибли здесь, на чужой! Как мечтали они о Победе, когда рядом днем и ночью была смерть. Каждый мечтал только об одном: пройдя сотни огненных фронтовых дорог, вернуться и взлететь на крыльцо родного дома, где так давно ждут. На сильных мужских руках поднять высоко над землей и прижать к сердцу — своего ребенка, свою

---

* Наш постоянный автор.

кровинку, смысл жизни. Но многих солдат так и не дождалось их близкие. Они погибли за Родину, за свою землю, за счастье своих детей, которые вырастали без отцов.

В детском доме — тоже растут без отцов. И без матерей. При живых родителях. Добрые немецкие друзья построили для них красивый большой дом, где есть все, чтобы они не стали бродяжками. Снабжают питанием, одеждой, привозят подарки. Так кого же будут почитать и любить эти дети, живущие в самом красивом доме поселка?

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Какая глубокая, безмерная тоска — в глазах этой совсем еще молодой, привлекательной женщины. Она идет неторопливо, словно отрешенно, и тянет за руку ребенка, совершенно безучастная к этому существу, тоже не по возрасту печальному, которое семенит рядом. Как будто между ними, самыми близкими на этом свете людьми — пропасть беды. Что это? Болезнь, нужда, непонимание? Причина — так же трагична, как и типична: предательство. Предательство любви. Самого великого и как воздух необходимого человеку чувства. Болезнь можно вылечить, нужду — преодолеть, понимания — добиться. Боль от предательства — неизлечима.

Ты свято верила ему. Ты в муках родила ему самое дорогое, что может быть у человека, его ребенка, его надежду на будущее, на продолжение в вечности. Так почему же он ушел и безжалостно бросил тебя, вас — на произвол судьбы? И где он сейчас? Ушел к другой? Живет в свое удовольствие? Спился или проводит лучшие годы в местах, не столь отдаленных, как и тысячи других представителей сильной половины человечества? Он оставил тебя одну в самое непростое время: в бесконечных и непосильных заботах о ребенке, в трудностях и невзгодах. Тебе нести эту бесценную ношу за двоих. Брошена, Беззащитна перед горой проблем. Но — не одна!

Предательство любви — неизлечимо? Почти. Но есть спасение от этой боли. Оно в тебе самой. И пока еще рядом. Это спасение может стать твоим счастьем, надеждой и опорой. Не он, предавший вашу любовь и свое будущее — главный для тебя человек. И не надо страдать по нему. А тот, маленький, которому ты нужна пока, как никто, потому что только ты можешь сделать его жизнь полноценной и достойной. Сегодня и всегда. Улыбнись ему, будь счастлива самой великой на земле любовью — материнской. Ради себя, ради него — твоего ребенка. Открой в нем и не дай погибнуть его талантам, потому что они есть в каждом маленьком человеке. И тогда ты узнаешь главное счастье матери, да и отца — гордость за своего ребенка, свое продолжение на этой земле. Твое сокровище, с которым не сравнятся все богатства мира, — пока еще рядом. Сделай так, чтобы он был рядом всегда, чтобы он любил тебя, жалел и никогда не оставил. Предательство детей — еще страшнее. Оно — как приговор: жизнь прожита напрасно. А у тебя — все еще впереди.

ВАРВАРЫ XXI ВЕКА

В Калининграде птицы — приумолкли. А на Куршской косе поют они так звонко, как будто и не кончалась весна...

Пятнадцатое лето хожу я по этой дорожке — между янтарных, танцующих сосен и земляничных полей к морю. И не перестаю любоваться изумрудной пушистой травкой под ногами, которая теряется в золотых дюнах. И всегда этот недолгий путь, каждая новая встреча с заповедной тропинкой дарит спокойствие и радость, лечит душу тишиной и необыкновенной красотой чудесного уголка земли. И когда тяжело, и когда — кажется, нет больше сил для полета (такая усталость), спасением всегда была эта тропинка, которая поднимает к синему горизонту над песчаной горой: так близко, что рукой подать! А потом уходит в серебристую, неоглядную даль моря...

Но в последнее время, и особенно в этом году, все чаще стали появляться на этой узенькой лесной дорожке непрошенные гости: мощные джипы, «мерседесы» и прочие железные друзья человека, которые по его воле становятся врагами природы. Им не мешает яркий красно-белый шлагбаум. Они преспокойно объезжают его, прокладывая свою дорогу, между деревьями, и безжалостные колеса разрывают тончайший слой дерна, под которым — песок. Каждый мало-мальски образованный человек знает, что для Куршской косы, которую песок уже поглощал и может вновь поглотить, это — гибель. Потому и высаживают каждый год лесоводы деревья, кустарники и травы — «песколюбы». Идти по этой живописной тропинке до моря — не больше трех минут. Но нет — едут. Если бы не песчаный холм на пути, то, наверно, и колеса бы в море купали. У золотых дюн и высаживаются веселые компании, устраивают пикники, после которых — выжженная от костров земля, горы бутылок и прочего мусора. Поднялась бы у вас рука — разжечь костер на земляничной поляне? А таких кострищ — черных ран на живом теле косы становится все больше.

В последнее воскресенье, вечером, когда веселые компании удалились восвояси, а мы шли полюбоваться заходом солнца, один из брошенных костров дымился. Дождя на косе не было давно. Засыпали мы костер песком, потушили. Нам ни разу не доводилось видеть, чтобы кто-то проверял соблюдение правил посещения национального парка, штрафовал нарушителей. Вспоминаю встречу с одним из самых активных и неравнодушных защитников косы — Николаем Антоновичем Познанским. Не забыть, как он своими руками сооружал «шлагбаумы» из хвороста и сучьев, чтобы не ездили машины между соснами, как на стареньком мотоцикле, на свои деньги покупая бензин, ловил нарушителей. Может быть, ваш мотоцикл, Николай Антонович, уже отслужил свое, а может быть, махнули вы на все рукой, отчаявшись навести порядок, пробудить совесть у тех, для кого наша бесценная коса никогда не станет храмом природы. Чего только не увидишь теперь на ее золотых пляжах! Всевозможные пустые бутылки, в том числе и разбитые, пакеты от сока, печенья, конфет, банки от орехов и кетчупа, электролампочки, старую обувь — настоящая мусорная свалка. Сколько уж комиссий создавалось в защиту Куршской косы — этой жемчужины мировой природы! Но, пока заседают представительные комиссии и пишутся солидные планы мероприятий, хрупкое тело косы, ее травиночки-нервы терзают колеса. Ведь та, моя любимая тропинка к морю, конечно же, не одна. Нашествие варваров на косу продолжается. Кто их остановит?

САМЫЙ ЛУЧШИЙ

Я не сразу увидела его в переполненном трамвае. Сначала увидела ботинки: грязные, стоптанные, давно забывшие о шнурках. Мы стараемся не смотреть на бомжей. Больно видеть эти испытые и избитые лица, жалкие лохмотья. Их сломанные судьбы, утраченное человеческое достоинство — словно укор всем нам. Рядом с нами терпят бедствие и страдают наши братья-человеки, наши соотечественники, а мы не можем им помочь.

И вдруг я заметила у него на коленях, за пазухой — черненького, пушистого и бесконечно милого щенка. Глазки его ласково поблескивали, и он доверчиво прижимался к своему хозяину, довольный и счастливый. Сколько брошенных, никому не нужных, терпящих муки одиночества и жестокого обращения животных в нашем городе! А этот — нашел свое собачье счастье, нашел самого лучшего в мире хозяина и друга. Только доброта дарит спасение. Ведь человеку так необходимо быть для кого-то — единственным и самым лучшим. Но не каждому — удается.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

УРОДЛИВОЕ СЧАСТЬЕ

Марии Ивановне по молодости везло в жизни. Во-первых, удалось сразу после окончания средней школы поступить в престижный московский вуз, куда без блата редко кому случалось пройти. Особенно, если абитуриентка, как тогда юная красавица Маша Васильева, приехала впервые в столицу из сельской глубинки.

На русоволосую, стройную девушку сразу «положил глаз» самый видный парень с их первого курса — Игорь Стояновский — сын замминистра иностранных дел тогдашней необъятной страны.

Чувства оказались взаимными. И отношения между молодыми людьми очень быстро достигли состояния предельной близости.

В общем, к концу второго курса Маша поняла, что забеременела. С радостью сообщила об этом Игорю, когда они в очередной раз общались с ним на пустыющей даче папы—дипломата.

Юноша от услышанного изменился в лице, побагровел, и, отводя в сторону ставшие испуганными глаза, выдавил из себя:

— Маш, зачем ты так шутишь? Я же обещал отцу — никаких глупостей до окончания вуза...

— А я не шучу. Действительно, беременна ...

Срок беременности был уже около четырех месяцев, и Игорю стоило немалого труда, чтобы через друзей отца организовать Маше аборт.

Со слезами на глазах и тоской в сердце молодая женщина пошла на этот шаг...

Операция прошла тяжело, с осложнениями. Пришлось лечиться у разных врачей еще около года. За это время Игорь утратил к своей возлюбленной всякий интерес.

Старательно обходил ее за версту в университете, завел себе новую подругу — конечно, не такую красивую, как Маша, но тоже дочь известного дипломата. Вскоре они с ней сыграли пышную свадьбу.

От всех этих переживаний Маша стала замкнутой, ушла в себя, ожесточилась. Пытаясь забыть прошлое — полностью отдалась учебе, занялась наукой.

Вуз она закончила с красным дипломом. Способную девушку оставили в аспирантуре. И вскоре досрочно Васильева успешно защитила кандидатскую диссертацию...

Грянула перестройка, и молодой кандидат наук — Мария Ивановна ушла с головой в бизнес. Создала свою фирму, которая поставляла оборудование из-за рубежа.

Появилось непривычно много денег, счет в зарубежном банке, новый «Мерседес», охрана, частые поездки в другие страны... К тому времени ей уже исполнилось за тридцать лет.

Она по-прежнему выглядела прекрасно, свежо и обворожительно. Несколько округлившись, как бы налившись соком овалы ее тела сделались еще более привлекательными.

К мужчинам она и в жизни и в бизнесе относилась теперь настороженно, недоверчиво, все время ожидая подвоха. Повседневная жизнь подтверждала постоянно, что верить этим алчным, ненадежным, эгоистичным существам с признаками принадлежности к мужскому роду было никак нельзя.

Поэтому Мария Ивановна твердо решила не иметь больше с мужиками близких человеческих отношений. Когда требовала того физиология — она по известному телефонному номеру за круглую сумму «зелененьких» вызывала к себе в загородный дом очередного похотливого, продажного самца. Предпочитала брюнетов, горбоносых, юных, готовых выполнить ее любой сексуальный каприз.

Оплатив услугу, каждый раз меняла партнеров на новых, чтобы не привыкнуть.

Одного ей не хватало — ребенка. Мария Ивановна не могла спокойно, без неизвестно откуда накатывающей зависти, наблюдать, как юные и не очень, в том числе и ее возраста женщины гуляют с малышами во дворе дома.

Но зачать ребенка обычным путем после того осложненного аборта она не могла больше никогда — такой приговор вынесли ей лучшие гинекологи.

И тогда она, оказавшись в одной из европейских стран, решила осуществить свою мечту и зачать ребенка методом искусственного оплодотворения. За это пришлось выложить «кругленькую», даже для нее, сумму долларов клинике, оторваться надолго от бизнеса.

В клинике ей предложили выбрать будущего «отца» — донора спермы ее планируемого ребенка. Она долго перелистывала страницы альбома с фотографиями различных незнакомых молодых мужчин, и вдруг чуть было не вскрикнула от неожиданности, увидев на одной из них Игоря Стояновского!

«Так вот он теперь чем зарабатывает себе на жизнь!» — со злорадством подумала Васильева, и после некоторых колебаний остановила, сама не до конца понимая, почему, выбор на сперме своего бывшего возлюбленного. Может, решила таким образом восстановить когда-то попорченную справедливость? А, может, она и сейчас продолжала любить этого негодяя Игоря?

И вот, после девяти месяцев томительного ожидания путем кесарева сечения она родила мальчика.

После родов Мария Ивановна лежала в уютной одноместной палате. За окном плескалось чистейшее голубое небо. Солнечные блики весело играли на чуть приоткрытых жалюзи.

Наконец-то состоявшаяся мать ожидала с волнением, когда же принесут, как обещали, ее новорожденного сына.

Этот миг наступил все равно неожиданно. Дверь в палату открылась почти бесшумно. Вошли врач и медсестра с аккуратно завернутым, слабо пищущим кулечком на руках.

Доктор почти без акцента разговаривал по-русски: освоишь, если почти половина пациентов этой элитной клиники — выходцы из России! Да и донорскую сперму, судя по всему, доставляли тоже оттуда.

Мария Ивановна присела в нетерпении на кровати.

— Ой, покажите его мне поскорее! — радостно протянула руки к смешному кулечку с ребенком.

Сестра осторожно передала младенца, помогла развернуть его одежки на кровати.

Взору матери предстал истощенный, с высохшими, укороченными ручками и ножками, весь красный, как ошпаренный кипятком, ребенок со сморщенным в плаче личиком. У него оказалась глубоко запавшая переносица, необычно раскосые и одновременно выпуклые глазки, оттопыренные, выступающие уши, большой, высунутый изо рта язык...

— Почему он такой странный!? — ошарашенно спросила Мария Ивановна у доктора.— Но все равно такой потешный!

— Должен вас несколько огорчить...— деликатно заговорил врач.— У мальчика такое необычное лицо, потому что, как мы уже подтвердили, проведя генетическое исследование, он страдает болезнью Дауна* ...

У Марии Ивановны после этих слов больно сдавило сердце. Слезы неожиданно хлынули из глаз.

— Дауник... Мой долгожданный сын — дауник...

— Знаете, у нас сейчас с эффектом применяются программы по дальнейшей реабилитации этих детей... Слабоумие у них из-за этого с годами сглаживается иногда... Они начинают достаточно неплохо обслуживать себя...— успокаивал врач.

Мария Ивановна, сцепив до боли пальцы рук, чтобы не закричать, отрешенно смотрела на маленькое живое существо с бессмысленно мигающими глазками... Ее с Игорем уродливое, искусственное счастье...

Судьба-злодейка! Как ты бываешь порой беспощадна к человеку... Особенно, если он пытается что-то исправить вопреки тебе и природе...

---

* Болезнь Дауна — трисомия, хромосомная болезнь, сопровождающаяся развитием слабоумия. Встречается в 1—2 случаях на 1000 новорожденных детей (прим. автора).

Дмитрий Воронин
(п. Тишино Калининградской обл.)

Дмитрий Павлович Воронин живет в п. Тишино Багратионовского района Калининградской области. Член Союза писателей России с 2003 года. Является автором трех сборников рассказов. Последние два года отдельные рассказы выходили в периодической печати Москвы, Берлина, Краснодара, Таллинна и Калининграда. Является лауреатом международного конкурса «Согласование времен» — 2009 г., судьей международного конкурса «Согласование времен» — 2010 г. (Германия), лауреатом международного фестиваля «Славянские традиции» 2010 г. (Украина), лауреатом литературной премии им. Юрия Каплана (Украина), лауреатом национального конкурса «Золотое перо Руси» — 2011 г., лауреатом международного конкурса «Гоголь-фэнтези» (Украина).

ИЛЬИЧ

На городской свалке Ильич появился поздней осенью. Высокий сутулый старик в темно-коричневом драповом пальто, шапке-ушанке и в ботинках на толстой подошве медленно брел среди зловонных завалов, шурудя перед собой сучковатой надтреснутой палкой.

— Чего ищешь, дед? — обнажил в приветливой улыбке полубеззубый рот низкорослый мужичок в истрепанной грязной фуфайке. — Скажи, может, чего присоветую.

— Так это... Вот, — засмутился, остановившись, старик, — бутылки пустые ищут.

— Бутылки? — нахмурился мужичок, подозрительно оглядывая новоявленного конкурента. — А чего это тебя на свалку занесло, в городе, что ли, бутылок уже не осталось?

— Не могу я в городе, — нервно сжал свой посох старик.

— Стесняешься... — понимающе усмехнулся бомж. — Звать-то тебя как?

— Степан Ильич.

— Ильич, значит... Ну а меня Витьком когда-то нарекли, а тут все Солнышком кличут, — протянул грязную ладонь Ильичу мужичок.

Старик с опаской подал навстречу свою дрожащую руку.

— Ты вот что, дед... Ты это, держись возле меня, тогда и при таре будешь и не тронет никто, — снисходительно ощерился Витек. — Тут у нас конкуренция еще та, чужих особо не жалуют и побить могут запросто.

— Побить? — удивленно посмотрел на бомжа старик. — За что?

— А то, — захихикал, радуясь удивлению Ильича, Витек, — за дело. Я ж говорю, у нас новеньких не любят, лишний рот — лишние заботы. Вот ты, к примеру, явился сюда и думаешь, будто тут эти бутылки на каждом шагу разбросаны. А сколько в твоей сумке их, ответь?

— Одну пока нашел только.

— Правильно, одну,— согласно кивнул Витек,— ну, может, еще одну найдешь или две — и все.

— Как — все?

— А то,— вновь засмеялся Солнышко, глядя на растерявшегося Ильича.— Ты, верно, думал, что здесь бутылки только для тебя одного и валяются, так ведь?

— Ну, не знаю...

— Ага, так,— довольно вскинул голову Витек.— А тут нет ничего, ищи не ищи.

— Что, вообще?

— Ну, если ты экскаватор, то найдешь.

— Так их чего, не привозят сюда? — вконец расстроился Ильич.

— Привозят.

— Чего ж ты мне тогда голову морочишь?

— Так когда их привозят, таким, как ты, возле них места нет,— открыто радовался стариковскому раздражению Витек.

— Это почему? — покраснел от злости Ильич, чувствуя откровенную издевку.

— Я ж говорил, у нас чужих не любят, побьют.

— Мне чего, назад уходить, ты на это намекаешь?

— Да нет, дед, ты мне понравился,— ободряюще хлопнул Ильича по плечу Солнышко.— А со мной тебя не тронут. Пошли.

— Куда?

— Познакомлю тебя со своей бригадой.

Умело лавируя между кучами гниющего мусора, Солнышко вывел старика на небольшую ровную площадку посреди свалки. Площадка была наполнена фанерными ящиками, картонными коробками, какими-то уродливыми строениями, напоминающими то ли огромные собачьи будки, то ли дровяники, то ли складские сарайчики. Возле этих построек, местами обтянутых полуистлевшим брезентом, копошились люди, одетые в грязное рванье.

— Кого еще притащил? — выкатилось навстречу Солнышку бесформенное толстое существо непонятного пола в рваном солдатском бушлате.— Чего ему тут надо?

— Не заводись, Софочка, не заводись, красавица,— раскинул руки Витек, пораженная собой Ильича от неласковой бабы.— Хорошего вот мужика встретил, подумал, тебе жених знатный, ну и привел познакомиться. А ты сразу кидаться, как пантера какая. Что о тебе интеллигентный человек подумает, а? Подумает, кавой-то мне Солнышко подсунуть хочет, обещал красу ненаглядную, а на самом-то деле — гарпия натуральная.

— Балабол дурной, чтоб тебя!..— под общий смех растянула в улыбке гнилой рот Софочка.— Тоже мне, нашел жениха, пенька старого,— и, махнув рукой, миролюбиво обратилась к Ильичу: — Что, дед, из дома выгнали?

— Выгнали, выгнали,— опередил старика Витек, не давая тому опомниться.— По себе знаешь, какие нынче детки пошли, не тебя одну на улицу выкинули, вот и Ильича тоже.

— Из-за квартиры?

— Из-за нее, из-за чего ж еще,— продолжал отвечать за деда Солнышко.

— И идти больше не к кому?

— А то б он сюда пришел!..

— Слушай, Солнышко,— нахмурилась Софа,— чего ты за деда распинаешься, пусть сам говорит, или он немой?

— А ты себя вспомни, тебя когда из квартиры вышвырнули, много ль слов у тебя было?

— И то верно,— вытащила из кармана бушлата «Приму» Софа,— я тогда с месяц

как пришибленная была, все молчала. Никак до меня не доходило, кто что балакает, про чего спрашивают. Хорошо, сюда добрые люди привели, так тут только и отошла. Счас уж и не вернулась бы назад, что б ни сулили.

— Да...— философски протянул Витек.— Жизнь — она, конечно, не подарок. Вот так живешь-живешь, вроде чего-то добился, вроде и хорошо тебе, как вдруг бах! — и в один момент все кувырком, все с ног на голову, будто снег среди жаркого лета.

— Сложно оно все, это ясно, видать, на роду у людей так написано,— подтвердила значительную мысль Софа и повернулась к Ильичу.— А ты, дед, в Бога веришь?

Ильич вздрогнул от неожиданного вопроса, хотел было уже ответить, но Солнышко вновь оказался проворнее.

— Верит, Софочка, верит.

— Это хорошо,— довольно закивала Софочка, отходя от мужчин,— без веры сейчас нельзя, а то так и свихнуться можно.

— Что это ты тут про меня такого наплел,— нахмурился на Витьку Ильич,— и бездомный я, и верующий?

— А че, надо было похвастать, что у тебя особняк в трех уровнях, и ты помощник Жириновского, а бутылки сюда так пришел собирать, для коллекции? — с издевкой прищурился Солнышко.

— Вообще-то дома у меня и впрямь нет,— виновато сник старик, присев на грязный продавленный диван, стоящий возле покосившейся постройки.

— Ясно дело,— согласно кивнул мужичок, восприняв заявление Ильича как само собой разумеющийся факт.

— Вот только сын меня из него не выгонял,— продолжил начатое откровение Ильич,— сын меня попросту забыл. Как вышел лет двадцать в большие начальники, так и забыл, и меня, и мать — жену мою. Жена-то померла два года назад, так он и на похороны не явился, хоть и сообщали. У нас трехкомнатная квартира была. Пока с женой пенсию получали, хватало за квартиру платить, а как жены не стало,— задолжал я. Вот и решил трехкомнатную продать, а себе однокомнатную купить. Черт меня дернул по объявлению, через посредника делать, хотел побольше денег получить, а в итоге оказался на улице без гроша, и не докажешь ничего.

Солнышко открыл было рот, но Ильич предупредил его.

— И не спрашивай, что и как, даже вспоминать не хочу. Жив остался — и то слава богу. Лето мыкался по знакомым да так, где придется.

— А к сыну? — встрял все-таки Витек.

— Нет его у меня,— зло вскинул голову старик,— помер он вместе с женой.

— Как — помер? — удивился мужичок.

— Для меня он мертв, раз даже мать свою схоронить не сподобился,— ударил, как обрубил, по разбитому дивану Ильич.— И все, хватит об этом.

— Ну, а в милицию, собес?

— Где только не был,— с досадой отмахнулся Ильич.— Документы мои вместе с квартирой накрылись, а без них я кто? Никто! Тля я без бумажек этих...

— Это точно,— понимающе подтвердил Солнышко,— по себе знаю. У наших, что тут живут, почти у всех так. И что ты дальше думаешь?

— Не знаю, сдохну, наверное, в эту зиму.

— Ты вот что, оставайся у нас. Тут и с голоду не умрешь, и выпить всегда найдется, да и крыша над головой какая-никакая.

Так Ильич и прижился на свалке. С утра на промысел — то бутылки собирать, мыть, сдавать, то продукты выброшенные сортировать, продавать, то металл, то запчасти. Да мало ли чего на свалку выкинут. Зимой Ильич с Витьком худо-бедно прокантовались, а по весне, когда уже теплом запахло, простудился Ильич на сквозняке, в горячке промучился недели две и помер однажды под утро.

— Отстрадался, сердечный,— посочувствовала Ильичу Софочка и повернулась к Солнышку.— Что делать со стариком-то будем? Сообщить в милицию от греха по-дальше, пожалуй, надо бы. Может, родственники какие объявятся. У него докумен-ты-то есть? Посмотрел бы по карманам...

— Да нет у него ничего, слямзили документы. И родственников нет, сын только. Так он даже мать не схоронил, а Ильича и подавно не будет.

— А ты все ж проверь, может, какая бумага и завалилась.

Солнышко нехотя стал проверять карманы стариковской одежды. Проверил пальто, принялся за пиджак и вдруг за подкладкой, напротив сердца, нащупал какой-то сверточек. Витек суетливо надорвал подклад, отцепил от булавок мешочек, при-крепленный к пиджаку, и, вспоров его, вывалил содержимое на фанерный ящик.

— Ни черта себе! — раскрыла в изумлении гнилой рот Софочка.— Вот это да!

На ящике поблескивала кучка орденов и медалей времен Отечественной войны. Солнышко дрожащими руками заморожено принялся сортировать Ильичевские на-грады.

— Орден Славы, два ордена Красной Звезды, орден Ленина, Отечественной двух степеней, медаль «За отвагу»...

— Целый иконостас,— пораженно прошептала Софочка.

— Зови мужиков,— в волнении прохрипел толстухе Витек,— да побыстрее!

Через несколько минут все обитатели «жилой площадки» собрались возле Сол-нышкиного сарайчика.

— А Ильич-то геройский мужик был,— уважительно перешептывались они.— Это ж надо столько наград заслужить!

— Да-а... Кем же он на фронте был?

— Кем бы ни был, но то, что герой из героев, это точно.

— Что делать-то будем? Надо бы властям сообщить, такого человека с почестями хоронить полагается.

— А может, продадим ордена? Они ведь бабок бо-о-льших стоят!

— Я вам продам, я вам сообщу! — возмущенно задохнулся Солнышко.— Я, итить вашу, любого замочу, кто хоть вякнет кому, что мы тут сейчас увидели.

— А ты что предлагаешь? — с интересом уставились на Витька бомжи.

— А вот что,— закурил сигарету мужичок.— Не будем мы ничего никому сооб-щать. Если такой человек при жизни этим властям не нужен оказался, то после смер-ти и подавно им он ни к чему. Сунут, как бомжа, в общую могилу, а ордена запарят и продадут.

— Это точно,— закивали мужики.

— Мы его сами похороним,— затушил сигарету Солнышко.

— Где, на свалке, что ли? — хихикнул кто-то.

— Нет, не на свалке,— ожег всех взглядом Витек.— В роще за свалкой. Пусть у нас будет своя могила героя, свой неизвестный солдат.

— Правильно, Солнышко,— заплакала вдруг Софа.— Ильич — душевный старик был, да еще и герой, уж я-то за его могилой каждый день присматривать стану.

— А награды куда денем?

— А награды вместе с ним схороним,— строго ответил Витек.

— Верно, Солнышко, правильно,— одобрительно раздавалось со всех сторон.

— И кто на ордена, не дай бог, позарится — тому не жить. Понятно? — пылал глазами Витек.

— За кого ты нас держишь?

— На куски искромсаю, кто могилу Ильича тронет.

— Солнышко, с этим понятно, вопрос в другом. Могилу-то не скроешь, обнару-жат ее — надругаться могут.

— Я это уже продумал,— согласно кивнул Витек.— Мы не станем делать настоящую могилу — холмик там, крест, оградка. Мы Ильича под липой похороним. Помните — там, в роще, на полянке?

— Ну.

— Похороним и кострище на том месте разведем, чтоб знать, где точно лежит. Чужим невдомек, а мы приходим будем, поминать. Костер разведем — и Ильичу тепло, и нам благостно.

— Молодец, Солнышко, все верно,— согласились бомжи.

Весь день население «жилой площадки» с энтузиазмом готовилось к погребению Ильича. Сколотили гроб из досок и ящиков, обтянули его черным материалом, завалывшимся у одного из обитателей свалки. Софа Ильича обмыла, передела в чистое белье из своих запасов, Солнышко укрепил на груди героя награды, и вечером, когда стемнело, траурная процессия двинулась к выкопанной могиле. Гроб опустили в яму, быстренько засыпали землей, тщательно притоптали и тут же на скорбном месте развели костер.

— За Ильича,— поднял кружку с суррогатом Солнышко.— Пусть земля ему будет пухом,— выпил он содержимое до дна.

— За героя! — застучали друг о друга остальные кружки...

КОНТРАБАНДА

Тимофеич возвращался домой. Довольный своей поездкой в ближнее зарубежье, он сидел у окна автобуса и вновь перебирал в памяти все те дела, которые заставил его совершить столь дорогой для нищенского бюджета путь. Щуплый, но еще резвый старичок, с живыми, почти всегда смеющимися глазами, удовлетворенно откинулся на сиденье и думал о том, что успел сделать очень важное дело в своей, подошедшей к финишной прямой, жизни, поклониться в последний раз дорогим могилам своих родных и близких.

Тимофеич, полузакрыв глаза, вспоминал с улыбкой, как навещал своих старинных дружков, тоже, как и он, избежавших пока встречи с костлявой, как вспоминали они за бутылочкой дни давно ушедшей молодости, как слезно расставались, наверняка уже зная, что не суждено им больше увидеться на этом свете. И каждый день в течение всего своего визита Тимофеич посещал кладбище, приводил в порядок близкие сердцу могилки и прощался, прощался, прощался. Не забыл Тимофеич и о своей половине, сходил к ее былым подругам, привет занес да купил гостинец в подарок — головку местного сыра, с давних пор больше всего любимого женой.

Автобус сбавил ход и остановился у родной таможни.

«Забирайте сумки, готовьте документы,— напомнил водитель.— Сразу предупреждаю, у кого возникнут трения с таможенниками, ждать не стану, уезжаем сразу, как только проверят последнего».

Пассажиры, подхватив свою поклажу, потянулись к выходу, доставая документы. Сразу у автобусных дверей их встречал здоровенный таможенник, молча и строго брал паспорта, подозрительно и долго сверял их с оригиналом, скрупулезно разглядывал штамп прописки и медленно возвращал документ владельцу, внимательно всматриваясь в следующего приехавшего.

«Да,— с уважением подумал Тимофеич, невольно распрямляя свою щупловатую фигуру,— у таких молодцов никакой шпион и контрабандист не проскочит, вон как глазами стреляет! От такого ничего не утаишь, я — свой человек, а и то заробел, что уж тут про людей с нечистой совестью говорить! На замке все ж, видать, наша граница, что бы там не болтали», — и старик, гордо расправив плечи, отошел к очереди, выстро-

ившейся к столу, за которым проверяли вещи приехавших еще два здоровых красно-мордых бугая и молодая смазливая худющая девица с ярко напوماженными губами.

— Что везете? — машинально спросил Тимофеича один из таможенников, запустив по локоть руки в сумку и быстро перебирая в ней вещи.— Наркотики, оружие, валюту?

— Я — террорист,— автомат с глушителем везу и мину с дистанционным управлением,— засмеялся вдруг Тимофеич, пытаясь скрыть вспыхнувшую досаду.

Таможенник от неожиданности столь наглого, на его взгляд, заявления моментально прекратил манипуляции руками и, багровея, уставился на старика.

— А дед-то шутник,— тут же уловив смену настроения своего начальника, недобро произнесла девица.

— А мы сейчас этого шутника проверим. Так говоришь — террорист? — с издевкой в голосе произнес мордатый.— Да какой из тебя, пенька трухлявого, террорист! Небось оружие в своей жизни и в руках не держал.

Тимофеич словно остолбенел от такого неприкрытого хамства, стоял, раскрыв рот и моргая глазами.

— Что зенками бегаешь? Перессал, старый, знать, совесть все же нечиста у тебя,— продолжал ехидничать досмотрщик.— Счас мы тебя на предмет контрабанды прощупаем, наверняка что-нибудь незаконно провозишь.

— Да как вы смеете так со мной обращаться! — взвился Тимофеич.— Я фронтовик, я честный человек!

— А если честный, так чего развыступался? — подозрительно зашипела девица.— А ну-ка вытряхивай все из своей сумки.

Тимофеич, тяжело дыша, вывернул содержимое сумки на стол.

— Натё, ищите, но если ничего не найдете, вам это так даром не пройдет.

— Ты еще и грубишь? — побелел губами щекастый.— Ну, пеняй на себя, пень старый!

Девица ловко выпотрошила вещи старика, тщательно их прощупывая, и вдруг победно вскинула голову:

— Вот! — протянула она начальнику целлофановый мешочек с чем-то круглым внутри.

— Что это? — уставился тот на Тимофеича.

— Сыр, жене гостинец везу.

— Сыр, говоришь, а сколько его здесь? — ласково поинтересовался щекастый.

— Килограмма два,— недоуменно посмотрел на него Тимофеич, ошарашенный изменившимся тоном.

— Два кэгэ, ясно! А ты знаешь, сколько можно провозить? — так же мягко плел языком государственный человек.

Тимофеич вопросительно пожал плечами.

— Один кэгэ, милый ты наш террорист, всего один,— издевательски заулыбался мордатый.— Все сверх этого считается контрабандой.

Тимофеич побледнел.

— Так откуда я знал, сколько можно везти,— испуганно прошептал Тимофеич.— И что теперь со мной будет?

— Посадят теперь тебя, старый ты индюк,— расхохотался мордатый.

— Дошутился, на зоне теперь шутить будешь,— продолжали веселиться стражи границы, глядя на вконец растерявшегося старика.

— Вы его еще долго мучать будете? — вдруг раздался голос водителя.

— Езжай давай, от греха подальше! — крикнула в ответ девица.— А то и на тебя акт составим, за то, что возишь контрабандистов.

Шофер зло сплонул под ноги, сел за руль, и через минуту автобус отъехал от опасного места.

— А как же я? — беспомощно спросил старик.

— А что ты? — удивленно вскинула брови девица. — Ты остаешься.

— Будем, дед, бумагу на тебя составлять за незаконный ввоз контрабанды на территорию нашей страны. Вот так-то, — нагнулся над Тимофеичем мордатый, — дошутился ты, дед, досмеялся, теперь пришло время ответ держать.

— Ребятки, да бросьте вы, ну какой из меня контрабандист, мне уж восьмой десяток идет! Да заберите вы этот сыр, бог с ним, — совсем испугался Тимофеич, — отпустите меня домой, а?

— Нет, дед, будешь штраф платить, как минимум, — продолжал давить на бедного старика таможенник, — и не малый.

— Сколько? — трясущимися руками Тимофеич вытащил из кошелька деньги. — У меня тут сто десять рублей и пять долларов осталось.

— Не, гляньте на него! — соорбил возмущенную мину мордатый. — Никак он нам взятку желает предложить? Дед, а ты знаешь, что за это бывает? — разыгрывая справедливое негодование, продолжал спектакль таможенник. — А ну-ка, красавица, составь-ка акт на деда о попытке дачи взятки должностному лицу, — подмигнул он девице.

— Эт мы мигом, — заулыбалась довольная бесплатным представлением работница таможни.

— Вы что, издеваетесь? — стало доходить до Тимофеича. В глазах у него потемнело, словно очередью плеснуло из далекого сорок пятого. — Фашисты вы, подонки!

— Что-о? Оскорблять при исполнении?! — аж подпрыгнул мордатый. — Ну все, старый пень, ты мне надоел, — и ткнул своим увесистым кулаком в бок Тимофеича.

Старик согнулся пополам, хватая ртом воздух, несколько секунд пробыл в такой позе, опустился на пол и беззвучно заплакал, а еще через минуту вдруг стал заваливаться на бок, закатывая при этом глаза

— Что с ним? — испуганно кинулась к старику девица и, увидев пену на губах Тимофеича, отпрянула назад. — Падучая!

— Вот черт, — прижал деда к полу мордатый, — пошутили мы, дед, пошутили! — Когда же Тимофеич пришел в себя, виновато стал оправдываться: — Ну, ты сам хорош. Мы на государственной службе, а ты со своими шуточками дебильными. Хорошо еще на нас попал, была б другая смена, там бы с тобой...

Тимофеич тупо смотрел по сторонам и никак не мог сообразить, что с ним, где он и зачем. Но вот взгляд его наткнулся на злополучный сыр, лежавший у края стола. Старик резким движением руки сбросил продукт себе под ноги, вцепился в него мертвой хваткой и стал быстро откусывать огромные куски, моментально проглатывая их. Через несколько мгновений головка сыра уменьшилась на два трети.

— Это — бабке, — отложил остатки в сторону Тимофеич. — Гостинец. А это, — похлопал себя по животу, — вам контрабанда, — и мстительно засмеялся: — Съели?

Рудольф Артамонов*
(г. Москва)

ЗНОЙ

- Сколько?
— Тридцать.
— В девять часов! Что же будет днем?!
- Будет, как вчера. Сорок.
— Это становится невыносимо. Третью неделю одно и то же. Стоит пошевелиться, что-нибудь сделать, и становишься мокрая, как мышь.
— Тебе легче, ты можешь дела делать в доме. А я не могу выйти на улицу. Дел полно. Все зиму планировал вырубить облепиху. Растет, как зверь. Весь участок в ее отростках. И тоже, чуть пошевелишься, пот градом.
— Мне и в доме не сладко. От плиты такой жар. Еще гости... готовить на такую ораву. Зачем приглашали...
— Приглашали весной. Кто думал, что будет такое пекло. Потом давно не виделись. Думали, шашлычок, водочка из холодильника. Все, как у людей. Люди из Англии приехали, соскучились, хотели на нашу дачу посмотреть. Твоя Маша с семьей хотела посмотреть на заграничных друзей.
— Водку в такую жару. С ума сошли.
— Пиво будем пить, из холодильника.
- Доброе утро. Или как говорят англичане — morning. О чем воркуете?
— Привет, Жора. Как спалось? Обсуждаем меню на breakfast. Как на счет bacon and eggs?
— Папочка, кто же в такую жару жирную пищу ест. Творог с медом тебя устроит? Творог деревенский. И мед тоже. Леночке мюсли с молоком? Мишка что на завтрак ест?
— Мишка на завтрак ест все. Аппетит зверский, растет, как гриб после дождя.
— Пойду, причешусь к завтраку. Папа, накрывай на стол.
— Ну и жара у вас! С ума сойти. Не думал, что в России может быть такая жара.
— Как поживает за граница? Сколько вы там пробыли?
— Страшно сказать, старик,— пять лет.
— На завтрак — «овсянка, сэр?»
— Русский человек ко всему привыкает.
— Интересно, англичане что-то заимствовали из кухни своих колоний?

---

* Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2011-й год. На фото: член редколлегии «ПЗ» Игорь Нехамес вручает Рудольфу Артамонову диплом лауреата премии.

— Кажется, ничего. Рестораны есть всякие — китайские, японские, итальянские... Даже русский... А едят томатный суп, картошку жареную, чипсы, и рыбу. Fish and cheeps. Выпечка у них хороша... И чай с молоком.

— Слушай, Димон, как вы тут при такой жаре живете? С утра уже тридцать восемь. С ума сойти можно. Я всю ночь была мокрая, как мышь. Снились кошмары.

— Леночка, все то же самое и с нами. Здесь еще ничего. В городе смог, горят торфяники.

— Я думала, что на даче полегче, а в доме, как на улице, та же температура.

— Сейчас мать придет, будем завтракать. Машу с мужем ждать не будем. Познакомишься с моей свояченицей. В Лондоне бывает такая жара?

— Бывает, но не такая сумасшедшая. Выше тридцати не помню. А потом, как сами англичане говорят, за день могут быть и весна, и лето, и осень.

— Ленка, привет! Как спала на новом месте?

— Извини, хреново. Разве в такую жару можно нормально спать. Кондишин нельзя было поставить?

— На даче кондишин не ставят. Пробки повывлетают.

— Жора, в Англии дачи есть?

— Загородные дома имеют только состоятельные люди. Как правило, это наследственные усадьбы. Дача это наше русское изобретение.

— Так что ты, отец, состоятельный человек. Загородный дом имеешь и шесть соток. Буду теперь тебя звать — сэр.

— Слушай, старик, почему у тебя нет бани? На даче баня — обычное дело. Попарился, веничком похлестался, принял и... шашлычок.

— Ребенком баню не любил. В поселке, где мы жили, была баня. С отцом ходил. Голые грязные мужики. Стоишь рядом, он намылится, потом из шайки окатит себя, и на тебя летит грязная мыльная пена. Б-р-р! А душ, хоть пять раз в день принимай. Баню пять раз топить не будешь. Как наш душ, понравился? Сам делал... Маша подъехала... Пойдем, встретим...

— Знакомься — жена сестра, Петька и Маша младшая. Это дядя Жора, мой давний друг. Вместе учились в институте. Это его жена, Леночка. Сейчас появится их сын Мишка, по-ихнему Майкл. Они из Англии приехали.

— Здравствуйте. Очень приятно.

— Здравствуйте, очень приятно познакомиться.

— Вы поели?

— Слегка. Электрички к вам редко ходят. Пришлось торопиться.

— Ну, что, мать, можно начинать завтракать.

— Здравствуй, Маруся. Как доехали, в электричке было много народу? Где Петр?.. Не смог по работе? Здравствуйте, племяшки. Как раз к завтраку успели. Рассаживайтесь. Так, раз, два, три, четыре... Сколько нас? Жора, ты садись рядом со мной. Ты студентом за мной ухаживал. Помнишь? Не помнишь. А я помню. Можно сказать, первая любовь. Димон был потом... Кто старое помянет, тому глаз вон.

— Мать, ведь я у тебя был первый. Чего ты городишь.

— Первый, первый. Не беспокойся.

— Кто-то из великих сказал, что любовь мгновение, потом привычка.

— Потом привычка. Это, Жора, ты правильно сказал. Могу подтвердить.

— Это и я могу подтвердить. Привыкла к этому охламону, несмотря, что в Англию послали.

— Ленка, в Англию охломонов не посылают. Жора как знал, что за границу поедет. Слегка фарцевал. Всегда одевался — закачаешься. Трудно было не влюбиться.

— Все! Поели? Сейчас кино будем смотреть. Сначала дети, потом взрослые. Все равно, на улицу выйти невозможно. Солнце просто злюка. Правда, дети?

— Дети, так, садитесь. Что поставить?

— «Шрэк три». У вас есть, дядя Дима?

— Есть. Смотрите.

— Нет, лучше «Ледниковый период».

— Нет, «Мадагаскар»!

— А «Ну, погоди» не хотите?

— Нет!

— Нет!

— Галчата... Ставлю Шрэка.

— Спасибо, дядя Дима.

— Только дети в такую жару еще способы что-то смотреть... А мы что будем смотреть? А?

— В такую жару что-нибудь холодненькое.

— Жора, тебя устроит «Красная палатка»? Пошли, покурим. Дамы, мы оставляем вас...

— Вот здесь в тенек спрячемся, а то изжаримся...

— Ну, что, как тут жизнь? Кого из наших помнишь? Как они?

— Кто как. Сашка Тарасов невролог, главным врачом у себя в Рыбинске. Андрюха Плющев, помнишь, прозвище у него было Соплющев, спился и помер. Помнишь, мы все в походы ходили. Он стал мастером спорта по спортивному туризму. Девчонки, помнишь Юлю Коновалову? Тютюля наша — мать троих детей и главный педиатр у себя в Великих Луках. Аллочка умерла — сердечный приступ. Здоровая была, спортсменка. Софочка за меня вышла. Ей ты нравился. Я знаю. Кто их поймет?

— Помнишь, мы чуть не подрались из-за нее... Ленка меня перехватила. По жизни могу сказать, это нам кажется, что мы берем их в жены. Все наоборот. Если женщина захочет, она сама возьмет тебя.

— Ну, а ты?

— Клиницист из меня был хреновый, ты знаешь. Пошел по организации здравоохранения. Потом экспертом ВОЗ по Европе. Потом советником посольства в Лондоне по здравоохранению... набрал материал для диссертации. Приехал писать.

— Сколько лет прошло?

— Я думаю, лет так пятнадцать. А ты?

— Что я. Завотделением. Пять лет назад от родителей осталось нам с Софочкой шесть соток. Как видишь, дом построили... детей один Сашка. Четырнадцать ему, в лагерь уехал.

— Мальчики, девочки соскучились. Идите к нам.

— И то, правда, здесь изжариться можно. Пошли в дом.

— И здесь жара.

— Пиво будешь?

— Нет, с утра не привык.

— Ice tea? Специально для вас приготовили... Наливаю всем.

— Как насчет душа?

— Еще рано. Вода нагреется к часам двум. А сейчас еще прохладная.

— Самое оно.

— Жора смотри, не простудись.
— Софочка, не беспокойся. Холодный душ утром стал привычкой.
— Обо мне ты так не беспокоись.
— Папочка, не будь занудой.

— Жора, ну, как?
— ОК!
— Душ сам делал.
— Отец, ты это уже говорил.
— Что, еще раз сказать нельзя?!
— Ты перегрелся. В жару все такие нервные стали. Обычно он мне не грубит.
— Обычно ты меня не одергиваешь
— Жора в Англии, наверное, все мужчины джентльмены?

— Отнюдь. Хотите типичный английский анекдот? В вагоне для курящих в купе входит женщина. Напротив сидит джентльмен и курит трубку. Она дает знать, что ей это неприятно и начинает кашлять. Он ноль внимания. Она злится и говорит: «Если бы вы были мой муж, я бы дала вам яду». А он: «Если бы вы были моей женой, я бы его принял». Вот такие джентльмены.

— Как хочется за границу. Закончим с дачей, расплатимся и обязательно поедem. Да, отец?

— 12 часов. Сейчас самая жара начнется. Есть предложение завалиться спать. «Кина не будет». Наверх пойду я, там жарко от крыши. Приношу себя в жертву. Англичанам большая комната, а сестрам на веранде. Там можно открыть обе двери, устроить сквозняк. Нет возражений? Кто не хочет спать, есть книжки и журналы. Кстати, я свез на дачу все журналы первой половины 90-х. «Огонек», «Новый мир», «Юность», «Иностранку». Один мой приятель уезжал на ПМЖ в Израиль, мне отдал. Чтение, скажу вам, прелюбопытное. Какой энтузиазм! Какие надежды! Какие перспективы! Все ушло в гудок.

— Не у всех.

— Ты имеешь в виду меня?

— Ладно, не будем. Пошли спать... Дети найдут себе занятие. Они легче переносят жару. Есть бадминтон, велосипед.

— Эти шесть соток Софочкиных родителей. Получили в недалекие времена от советской власти бесплатно. Дом я помогал строить. Теперь он наш. Не знаю, что бы мы делали без дачи.

— Что бы делал без дачи ты. Сейчас такая жара, а кроме кухни надо еще заниматься огородом.

— Ладно, ребята. Кончайте. Это от жары все. Скажите, почему сейчас сотка.

— Хотите обзавестись загородным домом, сэр? Есть элитные районы, где сотка по 10 тысяч долларов. Если далеко от города, то меньше. Чем дальше, тем дешевле.— А Ленка не против. Дачу надо любить или не заводить. Леночка, ты как?

— Не знаю...

— Значит, не хочешь. Все. Расходимся. Спать, спать... Кто первый встает, делает чай.

— Конечно, это я.

— Конечно, это ты. Ты хозяин.

— Что это? Как громынуло! Что—то упало или сломалось? Кажется, дом задрожал.

— Это гроза начинается.

— Ленка, никогда грозы не видала? Посмотри на себя — губы трясутся, побледнела... Мужики, срочно все окна закрывайте.

— А дом не развалится?.. Ой, опять грохот! А это что забарабанило?

— Судя по всему град.

— Точно, на траве белые шарики.

— Дети, вас тоже грохот разбудил? Идите, смотрите, град какой. Наш Мишка града еще не видал. Смотри, ледяные шарики — это град. И по стеклу стучат.

— Здорово!

— Здорово!

— Пошли собирать.

— Ни в коем случае нельзя. Громом убьет.

— Лена, не морочь ребятам голову. Убивает не гром, а молния.

— А что такое молния, дядя Жора?

— Электрический разряд.

— Бабах! Бабах! Ух, ты здорово.

— Хотите, научу, как определять далеко гроза или близко?

— Хотим! Хотим!

— Звук идет со скоростью чуть больше, чем триста метров в секунду. Вот молния сверкнула, считайте.

— Раз, два, три.

— Три!

— Три секунды. Помножаем 300 метров на три. Сколько будет?

— Петька, сколько? Пятый класс.

— Девятьсот.

— Вот, приблизительно гроза от нас за километр.

— А это что за шум.

— Это ливень. Дождь.

— Вот это, да! Соседского дома не видно.

— Да. Стена воды.

— Смотри, что-то пролетело за окном?!

— Отец, у тебя ничего не могло улететь?

— У меня ничего. По-моему у соседки сорвало белье с веревки.

— У меня было предчувствие грозы. Так парило, так парило. Дышать было невозможно.

— Ты, мамочка, как барометр. Что же не предупредила?

— Хоть бы электричество не вырубил. У нас, если сильная гроза, отключают электричество. Иногда на полдня. Один раз пельмени разморозились, а потом, когда ток дали, смерзлись, как булыжник. Топором рубили...

— Все, дождь кончился. Скорее на улицу.

— Ребятам раздолье. Весь день кисли от жары.

— Петька, не брызгайся. Я тоже хочу по луже побегать.

— Майкл, иди к нам. Сними сандали. Побегай босиком.

— Ого! Смотрите, какой кусок шифера в землю воткнулся, как раз под нашими окнами.

— Откуда он взялся? Посмотри, отец, не с нашей ли крыши.

— Наша целая...

— Выбрось на дорогу.

— Это с вашей крыши, Валентина Бонифатьевна?! Не может быть. Перелетела с вашего участка через дорогу к нам.

— Жора, ты везунчик. Если бы попало в твою хонду, ремонт на пяток кусков был бы обеспечен.

— Слушайте, у вас тут, как в эмиратах. Сорок. Что с погодой делается...

— Глобальное потепление.

— «Гроза прошла, и ветка белых роз в окно мне дышит ароматом». Блок, если кто помнит.

— Гроза прошла, а легче не стало. Опять жарко. С ума тут у вас можно сойти. И на долго это?

— Говорят еще недели две.

— Нет, надо бежать отсюда.

— Леночка, куда?

— Не знаю, мать. В Прибалтику. Или в Норвегию. Сэр, как вы на это смотрите?

— Смотря с какой стороны посмотреть.

— Дипломат. Посмотри с какой-нибудь.

— По деньгам — в Прибалтику. По комфорту к скандинавам.

— Отец, а мы с тобой куда? С какой стороны будем смотреть?

— К Маше поедем. У них дом бревенчатый, рубленный, в нем прохладно. Речка же опять рядом.

— Блестящая перспектива. Мужики на рыбалку. Бабы к плите.

— Мать, я тебя не узнаю. От жары что ли...

— У меня вся жизнь — жара.

— Ребята, ладно вам. В самом деле, от жары можно взбеситься.

— Это не жара, а зной какой-то. Ветерок и тот горячий, как из печки.

— Дождя, по всему, больше не будет. Пока не очень жарко, мужики, запалайте мангал. Я с вечера мясо замариновала.

— Софочка, ты как маринуешь мясо?

— Укус, вино, лучше красное и луку побольше.

— А мясо какое?

— Обычно свинина. Баранина редко.

— В Лондоне мы делаем барбекю. Тоже мангал и решетка складная. С обеих сторон жариваешь. Шашлык делают только в русских ресторанах.

— На природу выезжаете?

— Нет. У нас дом, ну, как сказать, с палисадником, по-нашему.

— Мальчики! Можно нести мясо?

— Та-ак. Рассаживаемся. У всех все есть вилки-ложки. «Мамочку» запотетую прямо из холодильничка на середину... Ну, поехали.

— Жора не будет.

— Почему?

— Мы решили ехать домой.

— Да вы что! Чтой-то так?

— Извини, Софочка, но еще одну такую ночь я не вынесу. Жара сумасшедшая. Скорей домой под кондишин.

— Жора, скажи Ленке — завтра поедете.

— Извините, ребята, в самом деле, невыносимо жарко. И Мишка канючит. Как-нибудь в другой раз.

— А я приму. Как говорят — на грудь. Спасибо, что приехали. За тебя, Жора. За тебя, Леночка.

— Не обижайся, старик. Мы с тобой еще посидим.
— Посидим, когда поседем... Это я так, не обращай внимания.
— У отца от жары мозги расплавились.
— У меня, может, душа расплавилась.

— Ну, пока. Дай я тебя облобызаю. И тебя, Ленка, тоже.
— До свидания, Жора... До свидания, Ленка... Не забывайте нас.
— Во, машина. Зверь! Камешки из-под колес так и брызнули.
— Ну, что ж, мать. Завтра к Маше поедем... Маша, мы к тебе. Примешь? Петра твоего давно не видели. Пообщаемся. Все—таки родственники... Собери, мать, что с собой взять.
— Готовь рюкзак. Вон сколько еды осталось.
— Там допьем, доедим. Нам машину не вести.
— Нам машину не вести. Нет ее. Потому и не вести... Как за границу хочется, кто бы знал!

Наталья Квасникова*
(г. Москва)

АПОФЕОЗ

Метро не просто вид быстрого транспорта, а, пожалуй, современный образ жизни большого города. Город — тоже изрядно трансформированное понятие. Когда-то это было торговое поселение, затем крепость, сейчас многофункциональный техногенный объект, где человеческая единица с ее эмоциональным зарядом воспринимается с большой долей небрежности. Громадность сооружений настолько велика, что на первый взгляд рискуешь почувствовать себя микробом, если на мгновение забыть, что все арки, переходы и перегоны, туннели и освещенные поезда — «дело рук», как замечала еще незабвенная Марина Цветаева.

Днем не слишком много народу в вагоне, все желающие устроиться поудобнее, нашли себе сидячие места. Молчаливые, неприступные лица, глаза, как закрытые ставнями окна. Поклевывает носом в эпизодической дремоте старик в кепке; женщина, жесткая, кряжистая, вроде полувековой сосны, уверенная в себе и в том деле, ради которого она здесь, со взглядом, не одобряющим все, что попадает в поле зрения; расплывшийся на два кресла рыхлый мужчина, утомленный тугим пестрым галстуком... Не менее живописна сухопарая дама старообразной интеллигентной наружности, — едет, конечно, домой, купила изящный карниз для штор, созерцает окружающих с чувством осознания превосходства своей породистой аристократической внешности. Когда меня с некоторым снисходительным пренебрежением касается ее торжествующий взор, начинаю ощущать собственный избыточный вес, отсутствие косметики и слишком красные щеки.

В стороне, по-современному грубовато, развивают отношения парень и девушка с дредами — у нее короткие, у него длинные, ниже плеч. Металлические бородавки пирсинга на висках, губах, носах и бровях образовали новый, далекий от наследственного, облик, красота которого понятна только им.

В стороне от других присел немолодой худощавый человек, одетый неброско, но явно дорого, и, похоже, не привыкший к езде на общественном транспорте. Какой случай загнал его в обитель смертных? Однако, все бывает. С ним очень юная девушка-эльф необыкновенной, редкой и яркой внешности — естественная брюнетка, блестящие черные глаза, профессиональный утонченный макияж, стильная экипировка, одновременно отвечающая требованиям женственности и моды. Ссорятся. Сначала тихо, сдержанно жестикулируя, шепотом. По всему ясно — не отец и дочь, а любовники. Очевидно, что содержанка. Ему неловко, жметесь, морщиться, успокаивает. Возраст настаивает на солидности, в то же время соблазнительно, мелким бесом дразнит комплекс Фауста. У нее другие сроки, иное измерение времени. Нет никакого сходства с любовью, которая иногда случается, стирая разницу лет. Она входит в

---

* Наш постоянный автор, лауреат всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2011-й год.

раж, раздражаясь его попытками избежать публичности. Бессознательно живет в ней щенячий, беспомощный страх ненадежности существования. Избалованная девчонка, однажды осененная ужасной догадкой, что больше некому обеспечивать ее удобством и покоем. Привычка к зависимости победила. По изломанным, искусственным, чрезмерно капризным манерам видно, чего это стоило. Личности не осталось, только животное, которое смертельно боится однажды оказаться ненужным и выброшенным на улицу.

— Ты обидел меня, папочка,— тянула красотка, выпрыгивая голосом из шепота в полувизг.— Ты еще никогда мне не отказывал. Я хочу, слышишь, ХООЧУ, купи мне...

— Тебе разве мало? — брезгливо кривился хозяин.— Помолчи, дома поговорим.

— Зови меня киской! — вдруг закричала она на весь вагон.— Как сегодня утром! Или ты уже не помнишь?..

Старик в кепке открыл глаза и посмотрел на парочку с презрительным удивлением. В отличие от меня, ему все было ясно без психологических умозаключений.

— Я не могу сейчас об этом,— резко и громко ответил спутник недовольной красавицы, решив, видимо, прибегнуть к крайней мере воздействия,— если ты думаешь, что остаешься привлекательной, злясь и вопя, то сильно ошибаешься!

Девушка испугалась так, что совсем потеряла голову.

— Неужели я больше не нравлюсь тебе в постели? — немедленно зарыдала бедняга, сразив его внезапной истерикой.

Осознав неудачность воспитательного приема, мужчина вскочил и рванулся к выходу, она бросилась за ним. Поезд еще шел по туннелю, и нам довелось досмотреть сцену до конца. Современный Фауст, оглядываясь по сторонам, вороватым полупшепотом угомонял свою распалившуюся Маргариту, уверяя, что по-прежнему нуждается в ее нежных услугах. Едва остановился вагон и разъехались двери, как дикая чета вырвалась наружу и быстро исчезла в толпе, успев ошеломить ближайших прохожих страстной жестикуляцией и эротической патетикой речи.

* * *

...Жила девочка, и было это, кажется, очень давно. На детских фотографиях остались простодушный взгляд, милые ямочки на щеках. Невозможность ничтожной судьбы и мучительно раздраженных нервов. Убежденность в том, что для нее приготовлено самое безупречное счастье.

И вот — апофеоз.

Николай Макаров *
(г. Тула)

СКАЗКИ О БЕЛОЗЕРЕ

Где-то — сказки, а где-то — и не сказки. Где-то — для детей, а где-то — и не для детей.

РУСИЧИ И РУССКИЕ

— Белозер, вот, мы — русские...— сидя на лавочке около дома, хотела задать вопрос Светлана, но Белозер ее перебил на полуслове.

— Мы — РУСИЧИ! Потому что у нас с тобою и у других русичей нет другой крови, кроме древнерусской. Но кто говорит на русском языке, кто входит в духовное поле великой русской культуры, кто полностью разделяет наши духовные ценности, тот — русский. Хотя русской крови у них может быть и немного.

Белозер задумался.

— К примеру, русской крови у Сталина было мало, но он вначале считал себя русским, а потом только грузином. Или взять советского композитора Дунаевского, который всю жизнь писал подлинную русскую музыку и считал себя русским евреем.

— И другие народы в нашей стране, наверное, тоже считают себя русскими? — предположила Светлана.

— Конечно,— согласился Белозер.— Ведь, слово русский является прилагательным, оно обозначает качество. Кроме того, слово русский обладает магической объединяющей силой. Для других, особенно, для Запада, мы все — русские.

— Это — хорошо или плохо?

— Для русских — хорошо, для нас, русичей — плохо.

— Почему?

— Мы, русичи оказались в меньшинстве среди русских. Дальше — больше: из паспортов убрали графу о национальности. Теперь нас называют россиянами, за границей русских давно называют русскоязычными. Заметь, башкиры остались башкирами, ингуши остались ингушами, эвенки тоже остались эвенками и лишь русские...

РУСИЧИ И РУССКИЕ

(продолжение)

— Все поняла.

— Не так все просто.— Белозер в задумчивости посмотрел на Светлану: ишь, она поняла.— Кто считает себя русскими, кто осознал себя русским народом, надо не

---

* Наш постоянный автор, майор медицинской службы в отставке, лауреат всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2010-й год.

копировать так называемых «героев» запада, а стремиться к нам, русичам. К тем, кто является духовными лидерами, кому можно верить и от кого можно очень многое почерпнуть.

— Например, что почерпнуть?

— Давай сама подумай.

— Прежде всего,— Светлана привстала с лавочки,— это наше русское чувство справедливости, чувство сострадания...

— Чувство меры,— продолжил Белозер,— любви к ближнему, безразличие к материальным ценностям...

— И безразличие к власти,— подвела черту Светлана.— Но сколько времени пройдет, чтобы у всех русских людей были наши врожденные качества?

— Когда-нибудь так и будет,— мечтательно произнес Белозер.— Будет, будет духовное родство всех тех, кто называет себя русскими, с нами, русичами.

РОДИНА БЕЛЫХ ЛЮДЕЙ

— Ты, наверное, знаешь,— спросил Белозер Светлану,— что некоторые ученые по заданию темных сил везде и всюду стараются доказать, что белая раса зародилась на юге?

— Не только слышала, но и читала.

— Оказывается, все наоборот: наша белая русоволосая раса генетически сложилась не на юге, а на севере. Наши, русские ученые пришли к выводу, что лучше всего нервная система белого человека работает при умеренных и низких температурах.

Светлана невольно подняла глаза к домашнему термометру, на шкале которого столбик покрашенной жидкости показывал + 18.

— Да, это температура называется температурой комфорта; такая температура предусмотрена по Уставу в спальнях помещений солдатских казарм. При понижении температуры кровь человека белой расы течет по капиллярам намного быстрее, чем у цветных и негров. Скорость крови по капиллярам зависит, естественно, от работы сосудов и сердца, которое у белой расы является мощным отопителем. Последнее зависит от нашего генофонда, который никогда не мог образоваться в теплой зоне нашей планеты. Поэтому и зародиться белая раса на юге никак не могла. Поэтому всякие ученые, кормящиеся из рук темных, изо всех сил цепляются за теорию Дарвина о происхождении человека. Тем самым скрывая от людей правду о возникновении белой расы и остальных на Земле.

ЖЕНЩИНЫ — СТЕРВЫ

Светлана отложила в сторону только что прочитанную книгу и, вроде бы не обращаясь к Белозеру, задала вопрос:

— Не пойму: почему в средние века на кострах инквизиции сжигали красивых женщин?

— Ничего себе вопросик! — удивился Белозер.

Хотя чему было удивляться? Светлана в свои четырнадцать лет и не такие книжки читала.

— Сжигали на кострах темные силы умных женщин и одновременно красивых. Заметь, красивых дур не сжигали. Это делалось затем, чтобы основная масса людей женского пола на Западе превратилась в психически ущербных стерв, которые помещаны на деньгах, власти, сексе и развлечениях.

— Ужас какой!

— Само собой разумеющееся, что умная и одновременно красивая женщина, умеющая ценить и любить мужчину, для сил тьмы очень опасна. Такая женщина способна вдохновить и повести за собой тысячи и тысячи, миллионы людей!

— Поэтому и место ей на костре.

— Вот, вот — такая женщина и является ведьмой, в лучшем понимании этого слова.— Белозер взял книгу у Светланы, пролистал ее и продолжал.— Поэтому темным силам и нужна на земле совсем другая женщина. Которая любит властвовать, по своей натуре очень эгоистичная, патологически обидчивая и истеричная, которая всеми правдами, а больше неправдами стремится к комфорту, к роскоши, получению всяческих удовольствий и в первую очередь, сексуальных — порой в извращенной форме. И заметь: такие женщины обязательно тупые.

— Да умных стерв, наверное, и не бывает?

— Правильно заметила: не бывает. Все они имеют куриный интеллект и животную страсть к развлечениям. Хотя многие женщины и называют себя с гордостью стервами, сами не понимая значение этого слова.— И Белозер задал очередной вопрос: — Ты, кстати, знаешь, что обозначает слово стерва?

— Знаю. Прочитала недавно. Стерва — это кусок гнилого, обсиженного мухами, смердящего мяса...

ГЕНЕТИКА И СЕЛЕКЦИЯ

— Как ты думаешь,— спросил однажды Светлану Белозер,— почему в свое время Сталин запретил генетику в Советском Союзе?

Светлана задумалась.

— Наверное, он догадывался, к чему может привести генная инженерия.

— Не догадывался,— пояснил Белозер.— Он знал наверняка, что с помощью геной инженерии будут выведены страшной и ужасной силы болезнетворные микробы и бактерии. А продукты с чужеродными генами превратятся в отраву для всего человечества.

— Поэтому,— опять блеснула эрудицией Светлана,— Сталин не пожалел Вавилова и его единомышленников.

— Точно так.— Продолжал развивать мысль Белозер.— Но мировой семенной фонд, который собрал Вавилов, Сталин сохранил. И сохранил для того, чтобы с этими семенами работали ученые, такие как Мичурин и Лысенко. Не генетики, а селекционеры. Наш великий ученый Лысенко признавал только естественные процессы изменения генофонда, а не искусственные. Искусственные могут рождать и рожают, к сожалению, только монстров и химер без будущего. И Сталин с этим был согласен.

— Значит, Лысенко не был шарлатаном?

— Совсем наоборот: он был великим ученым. И будущее биологической науки за Лысенко, за селекцией, а не за Вавиловым, не за генетикой.

ОБЩИНА

— В школах, наверное, и сейчас учат детей,— начал очередную беседу Белозер,— что первобытнообщинный строй наших предков являлся отсталой, примитивной формацией.

— Учат,— подтвердила Светлана, хотя сама давно поняла, что в нынешних школах, к сожалению, ничему путному не научат. Во-первых, нет настоящих нужных

учебников, во-вторых, нет настоящих учителей, а главное — отсутствуют настоящие державные руководители образования, да — и страны в целом.— Я вся внимание.

— На самом деле, общинные отношения позволяли и позволяют обществу избавляться от дегенератов и извращенцев. Что, в принципе, одно и то же. Кроме того, община требует от человека проявления духовности и накопления знания. И чем человек благороднее, совестливее, чем больше в нем любви, больше знаний и умений, тем большим он пользуется уважением в общине.

— Это — как большая семья.

— Правильно, община объединяет людей своими справедливыми законами, где все живут в пределах разумного и достаточного. Все необходимое дается общиной, что сверх того, становится собственностью общины. И чем больше человек дает общине, тем больше его в общине и уважают. В общине, в конце концов, человек не деградирует, а, наоборот, эволюционирует, меняется в лучшую сторону. И не последнее: в общине люди мало болеют и дольше живут, чем в тех же городах, в тех же селах и деревнях, где люди не в ладах с природой.

ОБЩИНА

(продолжение)

— В нашей стране где-нибудь сохранились общины? — интересуется Светлана.

— Этим летом мы с тобой в одну такую общину и поедem. В этой, да, и в других таких общинах, люди живут сколько хотят и не становятся глубокими стариками к шестидесяти годам. Как в так называемом «христианском» обществе, где существуют — иначе и не скажешь — и пьяницы, и забулдыги всевозможного рода, воры и грабители, где болеют чуть ли не всеми болезнями с рождения до старости.

— То есть, чем духовнее люди, чем меньше они зависят от материальных благ, тем лучше и дольше они живут,— не по летам делает вывод Светлана.

— Все правильно.— Белозер вспоминает недавнее прошлое.— Взять эпоху Сталина. О материальном и говорилось, и писалось мало. Зато в проекте Иосифа Виссарионовича значилось, чтобы в недалеком будущем всем советским людям дать не только обязательное среднее образование, но и два (!!!) высших. По всей стране при Сталине открывались новые ВУЗы, строились тысячи школ и библиотек, детских садов и яслей. И наш народ был самым образованным народом в мире.

— Страшно подумать, что творится сейчас,— горестно произнесла Светлана.

— Это с Хрущева, с этого лысого болтуна народ забыл о духовном росте, как клещ вцепился в материальные блага. Тогда-то и начался слом всего, что построил Сталин. Поэтому мы и вымираем по два и более миллиона человек в год. И не от материальной нищеты вымираем, как нам пытаются внушить, а от нищеты духовной.

ДЕНЬГИ

— Выходит, что в нашей стране существует рабство? — Светлана задает все больше и больше неожиданных вопросов.

— Правильно мыслишь,— поощряет ее Белозер.— При социализме у нас было только административное рабство, а сейчас, в эпоху капитализма, добавилось еще и финансовое рабство. Плюс ко всему беспредел чиновников и неограниченная власть денег.

— Правда, я не жила при социализме,— недоумевает Светлана,— но и при социализме существовали деньги.

— При Сталине деньги являлись вознаграждением за честный труд. Сколько человек зарабатывал, столько и получал. И здесь нагадил лысый кукурузник. При нем люди стали получать не столько, сколько заработали, а оклады. По своей сути, рабские пайки. Но ни при Сталине, ни после него, деньги в нашей стране кнутом надсмотрщика не являлись. Никто из советских людей не жил в кредит. Более того, никому и в голову прийти не могло брать деньги в кредит. А сейчас, что получается? Люди берут в банках кредиты — тем самым добровольно надевая на себя финансовую петлю. От которой даже смерть не может избавить: долги перейдут на детей, на внуков.

ДОЛЛАРЫ

— Какие сейчас в нашей стране больше всего в ходу деньги? — проверяет Белозер познания Светланы в этой области.

— Доллары, конечно же: американские доллары или доллары США, — пожимает плечами Светлана. — Чуть ли не в яслях дети знают, а в детских садах — наверняка.

— Не угадала! — Белозер горестно улыбается. — Бумажные ничем не обеспеченные бумажки, которые называются «долларами», печатает частный банк, а не государство. Соединенные Штаты как государство сами зависят от этого банка, сами у этого банка в долговом рабстве.

— Потрясающе! — только и могла промолвить племянница Белозера.

— И эти триллионы и триллионы фальшивок вывозят по всему миру, покупая на них нефть, газ, лес, руду, хлопок и все остальное, что имеет какую-то ценность. И в нашей стране распродается все, что только можно продать. Вот так, используя ничем не обеспеченные бумажки-доллары, темные силы обращают в рабство не только отдельных граждан, но и целые государства. А народы, нации, в том числе, и наш, русский народ, продолжает вымирать.

ОРУЖИЕ

Новый вопрос Белозера совсем озадачил Светлану:

— Чем принципиально отличается свободный гражданин общества от рабов собственного государства?

— Не знаю, — честно призналась Светлана. — А сочинять не хочу.

— Вспомним историю. Только классу рабов запрещалось носить оружие. Свободные люди всегда обладали правом носить любое оружие. Это — правильно. Если случалась война — ополчение шло на войну со своим оружием. Если царь-король пытался поработить свой собственный народ — этот народ вставал с оружием против деспота. Поэтому общество должно представлять собой силу, с которой государство будет считаться.

— А сейчас что творится? — не то спросила, не то утвердительно произнесла Светлана.

— А то, что наше общество сейчас — это толпа безоружных, обманутых всевозможными СМИ рабов. И что бы ни вытворяли с народом управляемые с Запада кремлевские «небожители», безоружный обращенный в рабство народ ничего серьезного сделать не сможет. Пример из недалекого прошлого. Процентом восемьдесят граждан СССР были недовольны политикой Горбачева, но что могло сделать безоружное общество против репрессивной государственной машины? Ничего. По прика-

зу Горбачева уничтожались товары и продовольствие на складах, чтобы создать дефицит в стране, за границу вывозилось все, что только можно. Даже золотой запас страны предатель и подонок Горбачев вывез в Швейцарию. А народ молчал — по-пробуй, пикни!

— Да, если бы народ имел оружие! — с сожалением вздохнула Светлана.

ОРУЖИЕ

(продолжение)

— Сталин — единственный, кто понимал, — продолжил Белозер, — что общество свободных людей должно быть вооруженным. В эпоху Сталина по всей стране только по охотничьим билетам продавались охотничьи ружья и малокалиберные винтовки. И никакого разрешения было не нужно.

— А сейчас только бандиты свободно владеют оружием, — добавила Светлана.

— Кроме того, — продолжил Белозер, — по Сталинскому закону отличившиеся военнослужащие имели наградное оружие: пистолеты, револьверы, шашки. Во времена Брежнева все это оружие у народа было отнято. Хотя в наше время в обществе имеется много оружия, но, как ты правильно заметила, все это оружие сосредоточено в руках чиновников, мафиози и бандитов. И получают у нас в стране вооруженные до зубов челюсти, которые перемальвают русский народ и коренные народы России: сверху правители, снизу бандиты. Поэтому «кремлевские», которые презирают и одновременно боятся своих граждан, делают все возможное, чтобы у простого народа имелось как можно меньше оружия, даже — охотничьего.

ДУХОВНОЕ НЕРАВЕНСТВО ЛЮДЕЙ

В один из вечеров, когда за окном разыгралась июльская гроза, Белозер заговорил со Светланой о духовном неравенстве людей.

— Как я поняла, это духовное неравенство заставляет человека не деградировать, а расти и совершенствоваться...

— Правильно. В таком обществе каждое сословие занимается своим делом. Хранители знаний — раньше их называли жрецами — являются учителями для всех остальных сословий. Управленцы, они же — витязи занимают командные посты в обществе и несут ответственность за свои неправильные решения. Самое большое сословие — труженики, которые трудятся не ради своей выгоды, а ради идеи. В таком обществе по определению не должно быть ни рабов и ни холопов.

— Идеальное общество. Где только на Земле оно существует?

— Сейчас такого государства на Земле нет, но раньше наши предки жили именно в таком государстве. — Белозер произвольно вздохнул. — Давным-давно это было. Но не будем отчаиваться. Будет, будет и у нас такое общество. Хотя, сейчас и на Западе и в нашей стране размыты сословные рамки. И поэтому к власти пришли по своему складу ума холопы и рабы. Которые озабочены только тем, как бы больше набить свое ненасытное нутро, как бы удовлетворить все свои низменные стремления и желания. И никакого дела до простого народа у таких правителей нет, не было и не будет. А коренной народ вырождается, деградирует.

НЕПРИКАСАЕМЫЕ

— Белозер, прошлый раз ты упомянул про холопов...

— У наших древних предков,— начал свой рассказ Белозер,— существовали ведические сословия...

— Жрецы, витязи, труженики,— продолжила Светлана.

— Молодец, помнишь. Но существовали и так называемые «неприкасаемые», хотя сословием они никогда и не являлись. К этой же группе людей относились и холопы.

— Чем же они отличались от других сословий? — удивилась Светлана.

— И тогда, и сегодня все они — больные, недоразвитые люди, разного рода половые извращенцы. Каких-то тысячу лет назад наши предки неприкасаемых и за людей не считали. К таким людям даже близко не приближались.

— Почему?

— Исходящая от неприкасаемых психическая зараза могла поразить и нормального человека. Но не только их половая ориентация, но и их патологическая страсть к угнетению слабых и полная рабская покорность перед сильными отвращала от них нормальных людей. Наши предки справедливо считали, что дружба неприкасаемых построена в основном на половых и экономических связях, что они не способны любить. У них нет понятия чести, совести, благородства, отсутствует чувство сострадания. Но они обладают не имеющим границы агрессивным эгоизмом.

— Страшно... — только и смогла произнести Светлана.

— Поэтому наши предки и считали «неприкасаемых» психологически больными говорящими животными.

— А сейчас по-другому к таким людям относятся,— констатировала Светлана.

— Верно подмечено. На Западе да по большому счету и у нас в стране с большой нежностью и заботой относятся к различным психопатам-извращенцам. Они считаются не больными, а половыми меньшинствами. В обществе для них все двери открыты, у них прав больше, чем у нормальных людей. А созидателей, тружеников постоянно превращали и продолжают превращать в пустоголовых потребителей. Это — первый шаг к дегенерации, к вырождению, скатывание по эволюционной лестнице.

— В-общем, назад, к обезьяне,— нерадостно заключила Светлана.

ЧУЖОЙ ГЕНОФОНД

— Да,— подтвердил Белозер.— Еще на вырождение белой расы влияют смешанные браки.

— Слово-то какое: браки,— добавила Светлана.

— Конечно, брак он и есть — брак. Но сейчас не об этом разговор.— Белозер нерадостно посмотрел в окно.— Каких-то сто лет назад в нашей стране, особенно в деревнях и маленьких городках, все новые семьи строились по определенным понятиям. Основными положениями выступали высокие духовные качества, трудолюбие супругов, их таланты, доброта, честность, бескорыстие, щедрость. А если кто-то где-то что-то украл или кого обманул, то клеймо на эту семью, на весь род, в конце концов, ложилось на многие поколения. И из такого рода переставали брать невест и женихов. Также позором считались женитьба и выход замуж за неславянина — такие парни и девушки обязаны были покинуть своих родных и близких. Практически они становились изгоями. Дети от таких родителей, естественно, становились нечистокровными.

— И за кого только наши девушки сейчас не выходят замуж,— вздохнула Светлана.

— За кого угодно, только не за русских,— продолжал Белозер.— И ни одной из наших дур — иначе их и назвать нельзя — невдомек, что она распоряжается не своей кровью, а генофондом наших русских предков. Невдомек, что через ее прихоть и похоть в генофонд русского народа проникают чуждые гены, которые ускоряют дегенерацию и, как следствие, вырождение белой расы.

БЕЛЫЕ В АМЕРИКЕ

— В Америке тоже есть белая раса,— вслух раздумывает Светлана.— Там как обстоят дела?

— В Америке совсем плохо,— замечает Белозер.— Сейчас в Америке осталось менее 30% белого населения, остальные — цветные. Мало того, после сексуальной революции для девушек Америки главным в жизни стал секс. Секс и еще раз — секс. Ко всему прочему цветная братия считается в постели лучше, интереснее, чем белые. Прибавь к этому американское образование.

— Всякие тесты и ЕГЭ?

— Не только это. Там дети негров и других цветных учатся на равных с детьми белых не могут. Нет, чтобы сделать раздельное обучение по разным программам,— там пошли другим путем. Снизили уровень всего среднего образования, уравнили всех до их «двоечников» — зато все подчинено однообразию. И поэтому духовные и умственные способности детей белых опускаются все ниже и ниже. В психологии существует закон: «Если в детстве психику ребенка не загружать до отказа, то такой ребенок не только останавливается в своем духовном развитии, но и превращается в дегенерата».

— В наших школах думаешь, лучше?

— Попробовал бы кто при Сталине предложить нынешние учебники для школьников и нынешнюю школьную программу, а сейчас все — на западный манер. Скорость дегенерации населения в нашей стране, к сожалению, от такого обучения с каждым днем набирает все большие и большие обороты.

— Неужели руководители нашей страны этого не понимают? — в отчаянии вскрикнула Светлана.

— Понимают, еще как понимают,— дегенератами управлять намного легче и безопаснее, чем грамотными, духовно развитыми людьми...

Татьяна Камаева
(г. Москва)

ОДНОКЛАСНИКИ.RU

Татьяна Камаева, прозаик, член Союза писателей России и Творческого клуба «Московский Парнас», автор книги «Путь к себе».

Сегодня у Татьяны торжественный день — свадебный юбилей, значит, много беспокойства и приятных хлопот. В первую очередь она решила проверить электронную почту, принять поздравления и поблагодарить за них друзей, далеких и близких. Женщина включила компьютер, автоматически открылся сайт «Одноклассники.ru», и на экране появилось сообщение: «Танча, напиши о себе». Фотографии не было, фамилия вымышленная, но она-то прекрасно знала, что только Он называл ее так. Сердце учащенно забилось, ему стало тесно, оно наполнялось сверхъестественной силой и рвалось из груди. Кровь ударила в виски, голова закружилась, и что-то внутри сладко защемило. Переведя дыхание, Татьяна набрала в «поиске» его данные, и появилась фотография. Она не могла ошибиться — это был Он. С экрана на женщину смотрели его глаза, как всегда проницательные и дерзкие, она видела его губы, которые целовали ее. Это был Он, в которого Татьяна влюбилась с первой секунды, с первого взгляда. С ним кружилась в вихре вальса и встречала рассвет в выпускном классе. В него были влюблены все ее подружки и одноклассницы. «Но он был мой! Только — мой!»

Они познакомились на школьном вечере. Девушка обратила внимание на незнакомого парня, который вошел в зал и стал искать кого-то взглядом, на нем был строгий костюм, светлая рубашка и галстук, мальчишки из ее школы так не одевались, да и на ученика он не был похож. Незнакомец подозвал заводилу и балагура Сашку, о чем-то с ним переговорил и направился к группе, которая стояла в центре зала. Татьяна замерла, когда он подошел к ней и пригласил на танец, от волнения она даже не могла посмотреть ему в глаза. У него было княжеское имя — Владимир, которое стало магическим для нее. С этого дня они больше не расставались. После школьного вечера еще долго бродили по ночному городу. Владимир был предупредительно вежлив, обходителен и только. Татьяна еще никогда не влюблялась.

Она росла слабым и больным ребенком и поэтому учиться пошла с восьми лет, к тому же во втором классе пролежала в больнице целую четверть и осталась на второй год. В общем, в школе все мальчишки, были младше ее, а искать кого-то просто не было времени. Понимала, что в положении переростка, только отличные знания могли заработать ей авторитет. Татьяна учила уроки днем и ночью и стала лучшей ученицей в классе и первой комсомолкой, а когда ее выбрали комсоргом школы, то авторитет девушки стал непререкаемым.

Владимир оказался студентом последнего курса химико-технологического института. Весь 10 «б» жужжал от восторга, когда он рассказывал о своей студенческой жизни. Татьяна гордилась Владимиром. Она любила его без оглядки, без памяти и, казалось, до безумия.

Мелкая дрожь пробежала по телу женщины, когда она вспомнила первое прикосновение их рук, губ и тел.

А на экране появилось новое сообщение. «Родная моя, не молчи!» — просил мужчина на другом конце света. Она закрыла глаза, чтобы успокоить сердце, но ничего не получалось: оно предательски рвалось к нему. В памяти всплывали картины счастливых дней, когда они были вместе. Рядом с Владимиром Татьяна ничего не боялась. Ее чувства были такими сильными, что, если бы он захотел, она, не задумываясь, прыгнула в огонь, в омут, в пропасть. Так и получилось, девушка с головой бросилась в водоворот любви. День без него был мукой для нее. Как только они расставались, с этой же минуты она начинала ждать новой встречи, а если Владимир был занят дипломной работой и не мог прийти к ней на свидание, то, забыв обо всем, она бежала к нему и часами стояла в соседнем подъезде и ждала. «Должен же человек хоть когда-нибудь выйти на улицу», — твердила она. В такие дни, время для нее теряло измерение, Татьяна могла стоять с утра до вечера, лишь бы увидеть его лицо, которое стало иконой для нее. Это была самая настоящая и единственная любовь в жизни девушки. Таких сильных чувств к мужчине она не испытывала больше никогда. «И, если правда, что кто-то там свыше правит нашей судьбой, то спасибо Ему. Спасибо за то, что не обделил меня любовью. Спасибо за бессонные ночи, за слезы в подушку, за страдания. Спасибо, что снова вернул мне его», — вырвалось из глубины сердца женщины.

Тогда, в юности, она не смогла обуздать свои чувства, они росли с каждым днем, овладевая ее душой, умом и телом. Татьяна не принадлежала уже себе. Он жил в мыслях, в сердце, в каждой капельке ее крови, в каждой клеточке. Он был ее утром, ее — солнцем, ее — воздухом. Все в ней принадлежало только ему.

Но настал день расставания. После окончания института Владимира направили на работу в Павлодар. Девушка не могла понять, почему они должны расстаться, как она будет жить, не видя его лица, не чувствуя его прикосновений, от которых у нее перехватывало дыхание и что-то сладко разливалось по всему телу. В этот момент Татьяна растворялась в нем и не могла понять, где кончался он и начиналась она, они были одно целое. Наивная девушка верила, что так будет всегда, что нет силы, которая сможет разлучить их. Она любила его заоблачно, он — по-земному.

Владимир был первым мужчиной в ее жизни, ее первым горьким опытом. «А почему горьким?» — спросите вы. Да потому, что он оставил девушку, любившую его до исступления, для которой расставание с ним — это катастрофа чувств, эмоциональный стресс, это физическая смерть. Владимир, без которого жизнь для Татьяны теряла смысл, улетел далеко-далеко.

Она хорошо запомнила этот день. Как обезумевшая, девушка ходила за ним по аэропорту. На ней было нарядное платье. Владимир посмотрел и спросил:

— Ты зачем так разоделась? Рада, что я уезжаю?

— Не говори так, любимый, — она попыталась закрыть ему рот рукой.

— Для тебя это праздник? — не унимался парень. Было явно видно, что он нервничал, потому что не мог остаться.

— Не оставляй меня, возьми с тобой, — всхлипывала девушка.

— Я скоро приеду, — пытался успокоить ее Владимир.

— Разлука убьет меня, останься!

— Будет трудно, девочка моя, но ты жди.

— Не буду ждать, — уже рыдала она.

— Повтори! Ты что сказала! Повтори!

— Не буду ждать,— повторила Татьяна.

— Ну почему? — он тряс ее за плечи, целовал волосы, глаза, губы.

— Я просто умру без тебя, не оставляй меня! — девушка посмотрела на него умоляющим взглядом и стала проваливаться куда-то в пространство. Сознание не хотело понимать, что происходит, оно покинуло ее. Татьяну подхватил отец Владимира.

Она очнулась, когда ее любимый уже шел к трапу самолета. Откуда у этой хрупкой девушки хватило сил, чтобы прорваться через всех и вся? Люди опешили, когда увидели, как, скинув туфли, промчалась по аэродрому худенькая девчонка в красивом платье, обхватывающим ее стройную фигуру, волосы у нее развевались на ветру от скорости бега. В этот момент она была похожа на тайфун, нет, на цунами, которое невозможно остановить, а навстречу ей, отделившись от толпы, спешил молодой человек. Девушка, споткнувшись, со всего маху упала на бетон, два раза перевернулась, поднялась на колени и увидела его лицо. Он опустился рядом, и еще некоторое время они стояли, обнявшись.

— Ну что ты творишь, Танча моя?

— Забери меня, любимый мой, не оставляй одну! Я умру от тоски,— быстро говорила она, боясь, что его отнимут у нее.— Почему, для чего мы должны расстаться?

Но он улетел, а она — осталась... Осталась один на один со своей любовью, мыслями, чувствами и переживаниями. У нее не было никакого опыта, ее никто не научил ждать. Татьяна не понимала: зачем ждать, почему ждать, как ждать? Страдания разъедали ее душу. Девушка медленно сходила с ума от чувств, переполнявших сердце. Она писала ему, что с каждым днем ее любовь все растет и растет и скоро разорвет ее изнутри. Поверяла бумаге, что ни о чем не может думать, что все мысли, тело и душа наполнена только им. «Ты — везде, ты — во всем. Я не могу жить без тебя, нет, я не хочу жить без тебя. Я болею любовью к тебе. Родной мой, забери меня, я медленно умираю без твоих слов, поцелуев и прикосновений», — заканчивая одно письмо, девушка начинала писать следующее. Владимир отвечал ей, что любовь — это не болезнь, а состояние души. Тогда она не могла возразить ему — он был намного старше ее и опытнее.

«Но сегодня,— подумала женщина,— когда прошло столько времени, я готова поспорить с ним, и убедить его, что любовь — это болезнь души. Болезнь, которая выматывает человека, делает его слабым и беззащитным. Сначала эта болезнь имеет легкую форму влюбленности, когда овладевает только твоими мыслями, потом незаметно входит в сердце. Здесь бы задуматься, остановить проникновение болезни в душу. В этот период она не так страшна, можно еще излечиться. Вот вторая стадия болезни под названием «страсть», куда страшнее первой — «влюбленности». Здесь она парализует волю, ты уже не можешь ей сопротивляться, становишься безвольным и слабым. Страсть подчиняет себе, и ты совершаешь безрассудные поступки. С ней трудно бороться, она делает тебя уязвимым, ты не живешь уже по своим принципам, а следуешь страсти. Она одним дает крылья и уносит в страну блаженства и грез, а других смерчем поднимает ввысь и бросает в бездну. Затем страсть или проходит, или перерастает в любовь. Хорошо, если любовь взаимная, а вдруг — безответная? Если страсть проходит, тогда ты выздоравливаешь, и душа твоя не болит, она отдыхает. И когда через некоторое время встретишь того самого, которого, казалось, любила, то посмотришь на него прозревшими глазами и не сможешь понять, как ты могла из-за него не спать ночами, страдать, плакать. заметишь, что он ничем не выделяется среди остальных твоих знакомых, и ты забудешь его навсегда. А вот если любовь безответная, то она перейдет в хроническую болезнь и затаится в укромном уголке твоей души. И сколько бы ни прошло времени, любовь при каждом удобном случае будет напоминать о себе. Она предательски кольнет тебя в сердце, когда ты просто услышишь его имя или увидишь скамейку, на которой сидели вместе. Такая любовь не оставит тебя никогда. Она умрет вместе с телом».

Это теперь Татьяна могла так рассуждать, а тогда она была глупой и неопытной девчонкой, которая полюбила впервые в жизни, полюбила возвышенно, глубоко и навсегда. Женщина медленно перевела взгляд на экран и прочитала новое сообщение: «Любимая моя! Только теперь я понял, что ты была единственной моей настоящей любовью». «Как поздно ты понял»,— вздохнула она.

Татьяна снова вспомнила тот день, когда возвращалась с его родителями из аэропорта домой, мама Владимира постоянно делала ей замечания, чтобы она не ревела, как за покойником, но слезы сами катились и катились по щекам. Им же не прикажешь. Интересно, сколько слез может выплакать человек? Тогда ей казалось, что они не кончатся никогда. Девушка не могла остановиться. Отец Владимира вытирал ее слезы платком, а мама закрывала ей изодранные колени испачканным платьем. Татьяна никого не видела и ничего не чувствовала, она оказалась между небом и землей. В мечтах девушки Владимир был рядом с ней, вот он приблизился к ней, впервые обнял ее, посмотрел в зеленые глаза и поцеловал, что-то приятно перевернулось у нее внутри, она запрокинула голову, которая почему-то кружилась, и закрыла глаза. Ей не хватало воздуха, объятия душили ее, а он все целовал и целовал, не выпуская девушку из рук. Уже было поздно, но Татьяна не хотела идти домой, она жаждала поцелуев, чмокая его в глаза, в щеки, в губы.

— Танча моя, ты даже не умеешь целоваться,— улыбаясь, говорил Владимир.

— Научи, научи,— требовала девушка, осыпая его детскими поцелуями.

Для нее было все впервые — первое прикосновение рук, от которого пронизывало током и мурашки пробегали по всему телу; первые ласки и объятия, от которых все дрожало внутри и что-то опускалось вниз и жило там, требуя своего выхода; первый поцелуй, от которого кружилась голова.

Это случилось рано утром, когда солнце медленно и плавно вытесняло ночь, когда вся природа радовалась новому дню. Где-то в это время родился новый человек, как и она восемнадцать лет назад.

— С днем рождения, девочка моя,— сквозь дрему услышала Татьяна.

— Любимый,— это ты, это не сон,— она потянулась, чтобы обнять его, и простыня соскользнула, обнажив ее груди, которые не знали ласки и притягивали к себе. От ее тела веяло свежестью и чистотой, оно манило и звало.

— Танча, какая ты красивая! — от неожиданности произнес Владимир.

— Ой! — вскрикнула девушка и хотела прикрыться рукой.

— Не закрывайся,— остановил ее движение Владимир.— Скажи, ты любишь меня?

— Да. Я сто тысяч раз говорила тебе это.

— Нет, скажи еще,— требовал он.

— Я люблю тебя, я люблю тебя, я...

Она закрыла глаза и скинула с себя простыню.

— Что ты со мной делаешь, глупая?

— Я люб-лю те-бя! — девушка откинулась на подушки и замерла.

Владимир больше не мог сдерживать свою страсть. Он стал осыпать Татьяну поцелуями, долгими и жадными. Его руки судорожно ласкали упругие груди, которые наливались сладостью и нетерпением. Владимир чувствовал, как от его прикосновений вздрагивает ее тело, как оно поддается его натиску и, наконец, Татьяна отдалась ему. Она не понимала, что с ней происходит, почему ей одновременно и больно, и сладко, вдруг то, что постоянно опускалось вниз и искало выход, сконцентрировалось, замерло и разлилось по всему телу фантастическим нектаром любви. Владимир уловил этот миг и больше, не сдерживая своих желаний, овладел ею сильно и страстно. «Танча, девочка моя, хорошая моя, красивая»,— в такт вырывалось из глубины души мужчины, и он почувствовал, как его тело соединилось с ее и стало одним большим счастьем.

А теперь ее любимый улетел, и потянулись мучительные дни ожидания. Его не было долго-долго, или ей казалось, что долго. Татьяна уже училась в педагогическом училище, а Владимир жил и работал далеко от нее. Однажды девушка решила пойти в гости к его родителям. Папа был у него очень милым человеком, но в семье последнее слово было за мамой. Она встретила Татьяну у порога, проводила на кухню, напоила чаем, они о чем-то поговорили и все. Больше девушка не приходила в этот дом, там не было того, кого она так сильно любила.

Но он не женился на ней, а зачем ему было жениться, она и так была вся его. Их отношения длились уже три года. Девушка ждала, когда же он сделает ей предложение. Однажды Татьяна сама начала разговор о том, что хочет маленькое живое чудо, похожее на любимого, пусть это будет мальчик или девочка, но Владимир уклонился от ответа и больше никогда не заводил разговор на эту тему. Эта неопределенность мучила ее.

«Дал хотя бы надежду. Попросил бы подождать. Объяснился бы, в конце концов. И я бы ждала столько, сколько было надо. Ждала бы всю жизнь», — сказала женщина мужчине, который смотрел на нее с экраном.

Но время неумолимо шло, и взрослеющая Татьяна поняла, что Владимир никогда не женится на ней. Вскоре она вышла замуж за соседского парнишку, который окончил Ленинградское военное училище. Он давно любил Татьяну и не скрывал своих чувств. Молодой лейтенант сразу увез свою жену из города, где осталась ее любовь.

На сайте снова появилось сообщение: «Танча, не молчи, я до сих пор люблю тебя!» — писал тот далекий и такой близкий ей человек, которого она любила. Сердце заволновалось в груди, голова пошла кругом, душа затрепетала, потом оторвалась и полетела через годы к нему. Их души встретились, слились, и она почувствовала, как в этот миг его сердце бьется рядом с ее изболевшим сердечком. «Какое счастье, что наши души свободны», — подумала она.

Татьяна с трудом взяла себя в руки, машинально пошла в спальню, нашла заветную шкатулку, открыла ее и увидела там его письма, билеты в театр, несколько фотографий и коробочку из-под духов «Рококо». Сложила все в пакет, вынесла во двор и развела огонь. Пока пламя делало свое дело, Татьяна подумала о том, что надо бы стереть из памяти компьютера и его слова, и фотографии. «А как стереть из моей памяти его глаза, губы, руки, — она перевела дыхание, — как заставить сердце не любить, не болеть, не биться?»

— Бабуля! — послышался голос внука. — Ты, что тут пожар устроила? Уже все сели за стол и ждут только тебя.

— Иду, иду! — ответила статная женщина, украдкой смахнув непрошеную слезу. Татьяна походкой королевы вошла в дом, гордо подняв голову, и увидела за праздничным столом своих любимых двух дочерей с мужьями, внука и внучку, а во главе — мужа в кителе с наградами на груди, которые он получил в «горячих точках». Только по особо торжественным дням он надевал парадную форму, а сегодня именно такой случай и есть — тридцать пять лет их совместной жизни. Татьяна села рядом с полковником, как и подобает офицерской жене. Муж нежно взял ее руку, заглянул в глаза и спросил:

— Мой генерал, мой любимый генерал, что с тобой?

— Уже все в порядке, родной, — уверенно сказала жена.

И вдруг грянуло дружное: «Горько!!!» Они поцеловались, Татьяна закрыла глаза, и что-то незнакомое почувствовала в этом поцелуе. Ее рука так и осталась в его руке.

Может быть, это и есть счастье? А кто знает, что такое счастье...

Валерий Гальперин
(г. Тула)

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Полковник внутренней службы в отставке. Проходил службу в органах МВД и Минюста России. Редактор отдела Ежемесячного общественно-политического и научно-методического пенитенциарного журнала «Преступление и наказание» Министерства юстиции Российской Федерации.

Поэт и прозаик. Победитель конкурса «Тульский пряник» (2006 г.), Лауреат всероссийского конкурса авторской песни «Пою тебе Россия» (2010 г.)

Старуха шла по узкой тропинке, протоптанной в глубоком снегу. Спускаясь по склону оврага, на дне которого протекал неглубокий ручей, имеющий громкое и довольно поэтичное название Шиворонь, она помогала своим старческим неустойчивым ногам, опираясь на палку. Ветер рвал поношенный шалевый платок, подвязанный ниже подбородка, потому ей часто приходилось останавливаться, поправлять его и повыше поднимать каракулевый потертый воротник старенького пальто.

Преодолев нелегкий спуск, старуха перешла Шиворонь по деревянному, скользкому от снежного наката, мостку и начала не менее нелегкий подъем. Осторожно ступая по тропке, женщина, несмотря на одолевающие ее мысли, уже в который раз оглядывала окрестности, поражаясь убогой обветшалости современной деревни. Справа от нее лежали руины свинарника бывшего колхоза «Октябрьское Знамя», гремявшего когда-то не только в районе, но и в области своими достижениями в производстве молока и мяса. А сегодня от былой славы остались лишь скелеты корпусов с провалившимися крышами да с пустыми глазницами окон. Местами и стены были разобраны по кирпичику хозяйственными соседями да московскими дачниками, купившими деревенские дома за гроши и использовавшими дармовой строительный материал для личных нужд.

Овраг, через который перебралась старуха, разделял две деревни, Суханку и Торбово. Первая, нависая над оврагом, состояла из двух десятков домов и односторонней улицы. Да и в домах тех проживало семей восемьдесят, если можно назвать семьями стариков и старух, доживающих свой нелегкий век. Вторая, Торбово, была покрупнее, домов эдак, в пятьдесят-шестьдесят. И людишек в ней водилось поболее и помоложе. Только вот молодежь работала или в райцентре на едва дышащих заводах, или в Москву ездила на стройки, а потому неделями, а то и месяцами дома не жила.

Уцелел в Торбове клуб, оставшийся от времен развитого социализма, только наполовину, правда. Кинозал арендовал под свои складские нужды местный кулак, современным языком называющий себя предпринимателем, Колька Бочаров, а холл и библиотека остались за клубом. В холле стоял теннисный стол, видеодвойка «Сони», диван и два кресла. Здесь и проводили долгие зимние вечера деревенские подростки, гонявшие по столу пластиковый шарик под звуки современной попсы, доносившиеся

из видака, на экране которого извивались как в наркотической ломке афроамериканцы. Библиотекой пользовалась лишь Мария Федоровна, бессменный горбовский зав-клуб с сорокалетним трудовым стажем. Да и то, по старости годов, библиотека служила ей то ли кабинетом, то ли комнатой отдыха, где она, если не вязала на спицах внукам носки, то тихонечко дремала, сидя в глубоком кресле, выполненном под гарнитур «Людовика XIV», неизвестно откуда попавшего в эту глухомань. А что ей еще было делать? Не плясать же брейк с деревенскими пацанами, которые имели больше пристрастий к вредным привычкам, нежели к чтению.

Работал в Торбове и магазин, с яркой вывеской над входом, а с левого его «борта» местным юным художником аэрозолевыми красками было начертано в стиле граффити иностранное слово «БУТИК», хотя и русскими буквами. В сельском бутике было все, что нужно для жизни: от иголок и ниток до китайских джинсов и кроссовок. Продуктовый же прилавок блистал импортными упаковками не хуже столичных супермаркетов. Магазин приносил неплохую прибыль Зойке Голубихе, бывшей его заведующей, а ныне законной и единоличной хозяйке, прибравшей его к рукам во времена великой чубайсовской приватизации, и имел большую популярность в округе, потому что удовлетворял запросы не только жителей Суханки и Торбово, но и еще трех ближних деревень. Предприимчивая Зойка привлекала селян не одним лишь товарным изобилием, а, поставив в зале два столика-стойки, по просьбе «трудящихся» и за отдельную плату угощала посетителей чаем в пакетиках, заваривая его из пластмассового электрочайника, что в зимние холода было очень кстати. Так что бабы, приходившие в магазин за нехитрыми покупками, подолгу задерживались в зале, как говорится за чашкой чая, судача о местных новостях, споря о путинской монетизации льгот и о все ускоряющемся росте ВВП, наивно полагая, что наш президент скоро сменит хобби и, достигнув определенного необходимого роста, забросит дзюдо и займется баскетболом. Не забывала Голубиха и мужиков, продавая из-под прилавка водку в розлив и маскируя «национальный русский» продукт в те же пластиковые стаканчики, в коих подавала чай. Только курить не разрешала, выгоняла дымочадов на улицу. Но от этого популярность Зойкиного «супермаркета» не падала.

* * *

Старуха выбралась на торбовскую сторону оврага, остановилась, переводя дух. В который раз подзатянула узел платка, приподняла воротник, зябко передернув плечами. Огляделась. Дома утопали в глубоком снегу, покосившиеся загородки торчали из белоснежных сугробов, как зубья старой шерботой почерневшей от времени гигантской расчески, случайно оброненной проходившим мимо великаном. Над крышами домов нависали тяжелые тучи, но снегопада не было.

«Наверное, метель будет,— подумала старуха,— все к тому идет, и тучи снеговые, и ветер поднялся. Успеть бы до пурги из магазина вернуться».— Подумала и заковыляла дальше.

По торбовской слободе идти было легче. Колька Бочаров приказал трактористу Витьку Свистуну (известному в деревне больше как Свисток) прочистить дорогу. Не из особой, конечно, любви к селянам приказал кулак, а больше для облегчения движения своего личного транспорта. Однако выдавал это как заботу о народе.

Вот и магазин. Старуха поднялась по ступенькам, потянула на себя за ручку тяжелую железную дверь, вошла внутрь, впусив за собой белые клубы пара, поздоровалась с хозяйкой и посетителями заведения.

— Здравствуй, Зоя,— обратилась старуха к продавщице.— Здравствуйте,— поздоровалась с тремя бабами, прихлебывавшими чаек за одноногим столиком.

— День добрый, Таисья Семеновна,— отозвалась Голубиха,— чайку с морозца?

Таисья Семеновна, поставив палку у входа, на секунду прикрыла глаза, свободной рукой ослабила узел платка.

— Что ж, налей, пожалуй,— подошла к продуктовой витрине и, пока Зойка хлопотала над чайником, стала изучать через стекло наличный ассортимент.

За столиком судачили бабы, то шушукались о чем-то по секрету, то хохотали над чем-то. Но Таисья Семеновна не слышала, стояла в раздумье, прикидывала, что можно прикупить вкусенького на остатки от полученной третьего дня пенсии.

«Сервелат «Московский» Микояновского мясокомбината, салями «Останкино».— читала про себя ценники посетительница,— Господи! — подумала.— Какие названия родные! Останкино, Царицино. Север и юг Москвы. Арбат — центр. Марьино — юго-восток, а Крылатское — запад. Боже, как вчера это было. А мой родной Ленинградский проспект!..»

— Что с вами, Таисья Семеновна? — тронула за плечо старуху Зойка. Та вздрогнула и вдруг почувствовала, что по щеке бежит неожиданная слеза.

— Ох, извини, Зоя,— промолвила Таисья Семеновна, смахнув слезинку краешком платка,— задумалась о своем, воспоминания терзают. Готов чаек? — взяла двумя пальцами горячий стаканчик.— Спасибо, Зоенька,— и направилась к столику, где расположились деревенские бабы.

— Можно к вам присоединиться? — обратилась Таисья Семеновна к товаркам по столику, по всему виду, не ограничившимся одним чаем, а принявшим на манер своих мужиков по пять капель для сугреву.

— Конечно, конечно,— загалдели бабы,— присоединяйтесь. Что-то давненько не захаживали?

— Прибаливала малость,— отозвалась Таисья Семеновна,— да и холодно гулять. Лежу на диване в своей халупе и считаю кирпичи.

— Какие кирпичи? — не поняла одна из собеседниц, Карасиха, баба лет под шестьдесят, но дородная, гладколицая, румяная. Про таких говорят «кровь с молоком».

— Да штукатурка на стене отвалилась, кирпичи и обнажились,— улыбнулась новая собеседница,— да интересные такие, все, почему-то, разноцветные. Красный — верхний, ниже — желтый, следующий — черный, затем — фиолетовый, снова — красный и белый, и восьмой опять черный. Вот такая «радуга» в моем домишке. Хочется порой взять, ободрать штукатурку до самого пола и посмотреть, какого цвета остальные кирпичи.

Бабы заулыбались шутке, но улыбки получились грустные, вымученные. Зная судьбу Таисьи Семеновны Семиной, за глаза прозванной «москвичкой», понимали, что бедной женщине, у которой в доме даже телевизор не работает, а служит тумбочкой под цветы, только и остается холодными вечерами, что считать на стене кирпичи.

— Может, капелюшку? — предложила старухе краснощекая Карасиха, приоткрыв хозяйственную сумку, из чрева которой выглянула золотистая винтовая пробка водочной бутылки.

— Да нет, девоньки, спасибо,— улыбнулась Таисья Семеновна.— Я чайку выпью, согреюсь. А завтра приходите ко мне в гости, если не брезгуете. День рождения у меня. Юбилей. Семьдесят пять годков раба Божия Таисья на свете живет. Придете?

Бабы замаялись. Хоть и с недавних пор Семина в Суханке живет, а вроде как в подругах не числится. Живет бедно, на пенсионные копейки и картошку с огорода. Хоть и день рождения, а объедать да опивать бабку стыдно.

Таисья Семеновна, видя замешательство, улыбнулась:

— Вы, милые мои, не стесняйтесь, приходите. Посидим, закусим, поболтаем. Мне ведь совсем одиноко, редко, кто заходит. А завтра повод все ж таки. Приходите, ждать буду,— и, сделав последний глоток уже остывшего прилащенного чая, отошла к прилавку.

Еще раз, взглянув на витрину, Таисья Семеновна сделала заказ: небольшую палочку микоянского сервелата, триста граммов пошехонского сырку и столько паштета на бутерброды, яиц десяток и пару свежих огурчиков. Венцом покупки были бутылка водки «Исток» и бутылка — «Мадеры». Заказывая «Мадеру», подумала с удовольствием: «Вкусное вино, не зря сам Распутин его обожал».

Зойка шустрила у прилавка, укладывая продукты в пакет и подсчитывая на калькуляторе сумму, а старуха невольно прислушалась к женскому разговору за столом, от которого отошла пять минут назад. Говорила, правда, одна Карасиха, остальные слушали.

— Представляете, бабы, анекдот! Вчерась прихожу после обеда домой, а у мово Карася гости, Ванька Зыба и Степан Сердюченков. Чинно сидят, выпивают, разговоры разговаривают. Меня пригласили, ну присела. Да только вижу — хорошие мужички, с трудом лыка вяжут, — Карасиха хмыкнула, сверкнула живыми глазками, продолжила. — Гляжу, как шпроты открывали, так масло на клеенку и разлили. Ну, беру, значит, тряпицу, вытираю, чтоб чисто было, не в хлеву ведь. Тут и рюмки наполнили, махнули. Опять разговоры разные. А мой Карась, черт слепой, сымает очки, да тряпицей той начинает стекляшки свои протирать. Протер и на нос-то и напялил. Сидит, башкой крутит, а потом вдруг как заорет: «Мужики, водка-то у Зойки, стервы паленая! Не вижу ничего, зрение упало!» А мы, когда врубились что к чему, так на пол от смеха и повалились.

Все присутствующие дружно загоготали, улыбнулась и Таисья Семеновна. Зойка, оправившись от смеха, спросила:

— Семеновна, а хлеб брать будешь?

— Конечно, — спохватилась последняя, — буханку черною и батон длинный.

Расплатилась. Взяла в одну руку тяжелую сумку, в другую — палку. Уходить из теплого помещения не хотелось, но надо. Попрощалась и вышла из магазина в пасмурный холодный февральский день.

* * *

«Вроде бы все, — подумала Семеновна, оглядевшись, — продукты в холодильнике, в комнате прибрала, можно и отдохнуть». Еще раз окинула взглядом комнату, все на месте: просиженный диван, над которым прибит старенький ковер, такой же старый шифоньер с пожитками, рядом сервант с треснувшим зеркалом и неработающим самоваром, между двумя окошками, завешенными простеньким тюлем, тумбочка с телевизором «Рекорд», на котором зеленеет сочными листьями столетник, под потолком закопченный пластмассовый плафон с выцветшим узором по краю, а посредине комнаты старинный раздвижной стол, накрытый скатертью. Завтра она наготовит закуску и отпразднует свой юбилей. Винца выпьет. А бабы пусть водку пьют, они помоложе, покрепче.

«Стульев, правда, маловато, всего два, — посетовала старуха. — Ну ничего, мы стол к дивану придвинем и усядемся». Подумав так, Семеновна довольно успокоилась, прилегла на диван, не раздеваясь. Взгляд вновь уперся в разноцветные кирпичи, и сразу нахлынули тяжелые мысли и воспоминания.

«Как же так получилось. — размышляла старуха. — что сын мой, Вадик, негодяем вырос?» Недоумевала Таисья Семеновна, отчего тот, в кого она вложила все свои силы, всю любовь, всю душу, мог так с ней поступить, так наказать ее на старости лет! Чем прогневала она Бога? За что Всевышний так ее наказывает?

Вспомнился муж покойный, Василий Петрович. Как познакомились в парке Горького, куда она пришла с подружками отметить пятилетие Великой Победы. Как он, Василий, из всех девчонок выбрал ее, двадцатилетнюю Таську. пригласил танце-

вать и увел на зависть подружкам. Высокий, широкоплечий, в новом костюме, увешенном медалями... Завидный жених, хоть и постарше Таськи на восемь лет.

Через два месяца поженились. Василию комнату в коммуналке дали, в двухэтажном бараке. Он и сейчас цел еще, у станции «Водный стадион». Контора в нем какая-то. А Таська до этого в центре жила, с родителями в маленькой двухкомнатной квартире в пятиэтажке, что по Спиридоньевскому переулку. Говорят, в этом доме некогда сам Маяковский проживал.

Хорошо жили они с Васей, да вот детей бог не давал. Совсем уже надежду потеряли, как вдруг на сороковом году жизни Таисья понесла. Врачи предупреждали, первые роды в таком возрасте — опасно. Но она решила — будь что будет. И все обошлось. Сынок родился, Вадиком назвали. Уж как радовались, как холили да лелеяли. Только Вася, муж ее всего девять лет сына воспитывал. Шофером он работал, и, как порой бывает, в аварию попал, машину разбил, хоть и не по своей вине. При аварии шибко грудью о руль ударился, и все бы ничего, да осколок, еще с войны сидевший, какую-то вену от удара внутри повредил. Не спасли врачи. Одно хорошо, что успел муж квартиру получить новую, на Ленинградском шоссе, двухкомнатную. Их, квартиры эти, нынче «хрущевками» называют, а после коммуналки для Семиных она хоромами казалась.

«Красный, желтый, черный, фиолетовый. Господи! — Таисья Семеновна поймала себя на мысли, что вновь считает кирпичи. Села на диване, поежилась. — Как-то прохладно в доме стало...» Подумав, встала, подошла к батарее отопления, пощупала рукой. — «Прохладная»... Вспомнила, что, уходя днем в магазин, убавляла газ в котле АГВ. Вышла в кухню, нащупала выключатель и, подойдя к АГВ, подвинула рычажок в сторону. В горелке пламя заиграло лазурным огоньком. Она некоторое время смотрела на огонь, затем подошла к газовой плите и зажгла все четыре конфорки, постояла в раздумье, выключила плиту и вернулась в комнату. Прилегла на диван, прикрыв глаза.

«Когда же я его проглядела? — с новой силой закружились в голове воспоминания. И добрым, вроде мальчишка был и не злобный. В десятом классе, правда, в милицию попал за куртку, что в машине украсть пытался. Но ведь обошлось же! И школа заступилась, и следователь пожалел, так как куртку в магазин вернули и претензий от дирекции не было. Думала, этот случай уроком послужит».

Все оказалось хуже. В девяностом году из армии вернулся. Красавец, весь в отца, а работать не захотел. Пропадал вечерами. Однажды пришел весь избитый.

Перепугалась Таисья Семеновна, а Вадим объяснил, из-за девушки, мол. Не мог оставить ее наедине с хулиганами, вот и получил. Месяца через два друзья привели его вновь избитого. Отмолчался, на вопросы матери лишь отмахивался. А однажды пришел и говорит, что задолжал две тысячи, проиграл в карты и если завтра не вернет, то ему башку снесут. Знал, стервец, что есть у матери некоторые сбережения (именно эти две тысячи). Пожалела сыночка, отдала.

«И женушка ему попалась подстать, — с горечью вспомнила Таисья Семеновна. — Вместе меня разорили и в этот медвежий угол загнали. Не протяну я здесь долго, в этой халупе. А как окрутили они меня ловко. На внука взяли».

Женился Вадик в девяносто шестом на Аллочке. Скромная такая девочка из Пензы. Прописали ее у мамы, а через год сынок родился, Илюшка. И все бы хорошо, да только не хотят работать ни Вадик, ни Аллочка, Аленушка (как Вадик ее называет). Сидят на материнской шее. А сын так и продолжает играть. Порой даже деньги приносит, пиры дома закатывает, иногда пропадает, в бега подается от карточных долгов. Так семь лет прожили. А прошлой весной Вадик просит мать пожить с внуком на даче, в деревне. Снял, мол, чтоб мальчонка перед школой сил набрался, вольным воздухом подышат. Уговорил. Уехала Таисья Семеновна в Суханку с Илюшкой. По-

началу и самой нравилось в деревне. Май, сады цветут, медовый аромат в воздухе витает. Да в июле приезжает сынок со снохой и огорошил мать с порога. Квартиру, мол, продал за долги, и жить они теперь будут вместе в этом доме, купленном на ее имя еще в апреле. И документ на дом показывает. Таисья Семеновна так и села. Ну ладно, продал квартиру, а вещи? Голая да босая осталась мать. Он на колени встал, прощения просит, обещает на работу устроиться. Устроился рабочим на кирпичный завод, деньги в дом стал приносить, небольшие, правда, но на жизнь хватало. И Алла в райцентре пристроилась, на рынке тряпки продавала.

Так пять месяцев жили. Вдруг заметила Таисья Семеновна, что вновь детки ку-тят, деньгами сорят. Поинтересовалась, откуда доход. Алла успокоила, мол, мама ее из Пензы прислала. А в начале декабря засобирались ребяташки на родину жены, и, как ни уговаривала невестку свекровь, ни в какую. Что ж, уехали. Осталась старушка одна коротать свой век. Поначалу вновь испугалась, что сынок и это ее жилище «толкнул», но, справившись в сельсовете, успокоилась. Дом оформлен на нее по всем правилам.

Новый год встречала в одиночестве, смотрела по телевизору «голубой огонек». Старенький «Рекорд» еще работал, хоть и транслировал всего два канала. А пятого января в дверь постучали. Пришел парень, работавший вместе с Вадимом на кирпичном заводе и поинтересовался у матери, где находится ее сын, пояснив, что Вадим в ноябре взял в банке ссуду в размере шестидесяти тысяч рублей, предварительно уговорив его, Александра (так звали гостя), быть по ссуде поручителем. Но так как Вадим не сделал ни одного взноса по кредиту, банк выставил счет Александру.

Что могла ответить молодому человеку старая женщина? Лишь выразила сожаление и, объяснив свое положение на этой земле, сказала, что ничем помочь ему не может.

К концу января к старушке, измотанной сыном и переживаниями, прибыл сотрудник службы безопасности банка и начал требовать с нее вначале сыновий долг, затем адрес непутевого ее отпрыска, угрожал судом и всеми ужасами ада, даже дом обещал поджечь.

— Поджигай,— согласилась Таисья Семеновна.— Только сначала не забудь меня убить и в землю закопать, чтоб не мучилась.

Так и уехал банковский служащий восвояси, ничего не добившись. Да и чего он мог добиться от нищей старухи? Не убивать же, действительно, ее в конце концов!

* * *

Солнечный лучик пробился в подслеповатое окошко, рассеиваясь сквозь тюлевую занавеску. Таисья Семеновна вздрогнула, проснулась. «Господи, проспала,— быстро поднялась, но успокоилась, взглянув на дешевые настенные часы.— Девять. Это хорошо, успею к приходу гостей». И поспешила в кухню. Умылась из-под крана, поставила на плиту чайник и принялась хлопотать.

Для начала начистила картошки в небольшую алюминиевую кастрюльку. Задумалась, как лучше приготовить: сварить целиком, чтобы подать ее, дымящуюся, на стол, предварительно посыпав сверху обжаренным на масле лучком, или сделать пюре. Вспомнив, что в доме нет молока для приготовления пюре, остановилась на первом варианте. Старалась хозяйка отметить юбилей, аккуратно раскладывала по тарелкам нарезку из колбасы, сыра и буженины, украсила припасенными загодя маринованными оливками. Грибочки, китайские шампиньоны, откинула на сито, дала стечь рассолу, приправила мелко нарезанным луком и подсолнечным маслом. Селедку, предварительно почистив и отделив от костей, разложила янтарными дольками в селеднице и сбрызнула уксусом. Нарезав батон-багет аккуратными кружочками, обжарила каждый с одной стороны на растительном масле и намазала

золотистые гренки печеночным паштетом, соорудив аппетитные бутерброды. Кольцами нашинковала огурцы.

Стол в центре комнаты заполнялся закусками по мере их приготовления. Таисья Семеновна вновь взглянула на часы. «Половина первого, успею»,— отметила про себя и поставила на плиту варить яйца, чтобы через двадцать минут они красовались на блюде разрезанные пополам, заполненные смесью желтка с чесночком и политые майонезом.

— Вот теперь все готово, можно гостей принимать,— вслух произнесла хозяйка, поставив в центр стола бутылки с водкой и вином, купленными накануне в деревенском «бутике».

В приподнятом настроении Таисья Семеновна подошла к шифоньеру, переделалась в выходное платье, привезенное еще в прошлом году из Москвы, когда ехала с внуком на «дачу». Подумав, надела дешевые бусы и летние туфли на сплошной подошве. Открыв вторую дверь шифоньера, на которой было прикреплено зеркало, начала причешиваться, водя расческой по жидким волосам и рассматривая себя в зеркало.

«Старуха. Конечно, старуха!» — как будто впервые увидев свое отражение, констатировала Семина.— «А впрочем, конечно впервые, в семьдесят пять лет. Еще вчера семьдесят четыре было, а сегодня...» На хозяйку дома из зеркального стекла смотрела старая женщина с лицом, изборожденным морщинами, с редкими седыми прядями, из которых она пыталась сделать подобие прически, с пожелтевшими, а местами отсутствующими, зубами.

— Да,— только и смогла произнести Таисья Семеновна, и захлопнула дверцы шкафа.

Вновь посмотрела на часы. Без двух минут три. «Говорили вроде к двум придут,— мысленно отметила Семеновна,— что-то задерживаются». Снова подошла к столу, оглядела закуски, поправила тарелки, критически оглядела, повертев в руках граненый стограммовый стаканчик, посмотрела сквозь стаканное стекло на свет и, убедившись, что он достаточно чист, поставила на место. Затем приподняла подушку, которой накрыла предусмотрительно алюминиевую кастрюльку с вареной картошкой, протянула руку: «Горячая!» — и вновь поплотнее накрыла.

«Дал же Бог родиться тринадцатого,— размышляла в ожидании Таисья Семеновна, раньше не задумывалась, а сегодня само как-то в голову пришло,— потому, видно, и нет счастья в жизни. Может, Вадик телеграмму пришлет или открытку,— мечтала старая женщина,— хотя вряд ли».

Стрелки на циферблате перевалили пятичасовую вечернюю отметку. На улице заметно потемнело, в доме сгустились сумерки. Старуха сидела на стуле, безучастно глядя на накрытый стол. Нет гостей! Некому разделить ее одиночество.

Темно. Свет включать не хотелось. Однако встала, щелкнула выключателем. Девятый час. «Теперь уж точно не придут. Что ж, Карасиха обещала, и другие кивали утвердительно,— все думала и думала старуха.— И почтальона с телеграммой нет. Хотя, какой почтальон в такую глушь потащится».

«Одна. Совсем одна. Тоска,— старуха сидела, не шевелясь.— Хоть бы половица скрипнула или мышь зашуршала. Гробовая тишина. Кота надо было бы завести, все веселее».

Вдруг Таисья Семеновна вспомнила, что с утра ничего не ела, все для гостей готовила, а сама... Даже чайник, поставленный на плиту по утрам, просто выключила, когда вода в нем закипела. Но на удивление самой себе, чувства голода не испытывала.

«Двенадцать. Вернее полночь,— все ее ожидания праздника рухнули окончательно.— А как хотелось посидеть с женщинами, рюмочку выпить, поговорить, поплакаться о жизни по-бабьи. Не получилось. Что ж, видно, быть одной суждено, и умереть...» — эта мысль поразила ее. «Умереть!»

Старуха встала со стула, прошлась по комнате в раздумье, остановилась, упершись взглядом к облупленный угол. И снова красный, желтый, черный... проклятые кирпичи, постылая комната, постылая жизнь! Тоска, разрывающая душу, завладела пожилой женщиной, и она беззвучно заплакала. Гримаса безутешного горя исказила ее лицо, по щекам неудержимо катились слезы.

Вдруг глаза старухи прекратили слезоточить, появилась в них некая искра уверенности от единственно правильно принятого, как ей казалось, решения. Она взяла с подоконника школьную тетрадку в клеточку и простую шариковую ручку. Села к столу, на мгновение задумалась.

Раскрыв тетрадь, только и написала: «Простите, люди!» Всего два слова! Два простых слова, вместивших в себя всю тоску, всю боль конченного человека.

Прочла написанное, будто занималась сочинительским творчеством. Вырвала клетчатый листок и поставила к бутылкам, окруженным закусками.

Встав со стула, старуха прошла в кухню, повернув рычажок, перекрыла доступ газа в АГВ. Огонь в агрегате погас. Через минуту вновь открыла, газ зашипел, но, не найдя источника огня, — не загорелся. Задвинув вытяжную заслонку, она подошла к варочной плите, повернула ручки всех четырех конфорок и духовки в рабочее положение. Пропан с шипением и приторным запахом тухлого яйца стал быстро заполнять маленькое помещение кухни.

Таисья Семеновна прошла в комнату, легла на диван и последнее, что она увидела — разноцветные кирпичи в облупившемся углу.

Яков Шафран
(г. Тула)

Родился в п. Брагин в Гомельской области Белоруссии. В 14 лет с родителями переехал на родину матери в Тулу. В 1973 г. окончил Тульский политехнический институт и в 1997 г. высший психологический колледж при Институте психологии РАН в Москве. Последователь и активный пропагандист ЗОЖ, активно занимается физкультурой. Стихи пишет с юных лет. Издано два сборника стихов и прозы — «Любимая, прости» (2008 г.) и «Спасение рядом» (2009 г.). Участник поэтических сборников в Москве: «Поют любовь вам ангелы-поэты» и «Планета Душа» и в Туле: «Приокские зори», «День тульской поэзии», «На крыльях Пегаса» и «Лира». Участник проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов», стихи опубликованы в книге «Мы помним...». Член литобъединения «Пегас», один из создателей литературного клуба «Ковче». Живет в Туле, 59 лет.

СЛУЧАЙ В ЛЕСУ

Было восемь часов еще темного зимнего утра, когда, надев спортивную форму, вязаную шапочку и шерстяные рукавицы, обув ноги в толстые шерстяные носки и кроссовки, Виктор вышел из дома на длительную воскресную пробежку. Он и в будние дни бежал вечером после работы, но на менее длительные дистанции.

Бег трусцой был во многом полезен для Виктора. Во время неспешного и ритмичного бега сбрасывалось нервное напряжение, мозг и весь организм наполнялись энергией, возникали и в течение двух-трех дней поддерживались хорошее настроение и работоспособность. Но всегда был риск переборщить по времени или по длине дистанции. Тогда наваливалась усталость, через некоторое время исчезала энергия и хорошее настроение, то есть наступал обратный эффект. Это было в самом начале его занятий бегом. Теперь он научился грамотно выстраивать график занятий и тренировочную нагрузку давал себе в соответствии с самочувствием, а во время бега периодически измерял пульс с помощью секундной стрелки на часах. Благодаря этому, эффект от занятий превосходил эффект от всех других методов оздоровления и физической культуры.

Шел небольшой снег. Мороз был довольно крепок, но ветра не было. Поэтому Виктору в движении было не холодно. Он бежал не по самой улице, где уже, несмотря на воскресное утро, двигался непрерывный поток машин, а дворами, чтобы не дышать выхлопными газами. Отсюда было недалеко до пригородного леса, через который шла дорога.

Дворы были почти пусты. Пробежав между домами, он оказался на просторе небольшого поля, за которым виднелся лес. После двухкилометрового бега организм привычно втянулся в бег, мышцы работали привычно легко, и дыхание было ровным.

На северо-востоке заалело, и поднялся небольшой ветерок. Когда Виктор подбежал к лесу, поднялся сильный ветер. Он выбежал на дорогу, которая тянулась через лес вдаль километров на тридцать. За ночь она была уже основательно занесена снегом. Бежать по ней было тяжело, но выбора не было, так как возвращаться обратно он не привык. В будни заполненная машинами, утром зимнего воскресного дня дорога была пуста. Ветер со снегом дул в лицо. В основном это был снег, поднимаемый ветром с дороги, потому что сверху падал лишь небольшой снег. Стал замерзать нос. Он прикрыл его рукой в рукавице и дышал через нее. Когда нос оттаивал, он опускал руку. На усах и бороде от влажного дыхания образовывались сосульки. Он прикладывал руку ко рту, оставляя нос свободным, пока ледышки не оттаивали. В это время снова замерзал нос. Так попеременно меняя руки и прикладывая их то к носу, то ко рту, Виктор преодолевал двадцати пяти градусный мороз.

Часы показывали тридцать минут бега.

«Значит, пробежал пять километров»,— подумал Виктор, зная свою среднюю скорость.

Остановившись, он снял рукавицу, сунул ее под мышку и, повернувшись к ветру спиной, положил два пальца на запястье другой руки. Оголенная кисть была повернута так, чтобы видеть циферблат часов. Виктор засекал время и подсчитал количество ударов за десять секунд. Затем он умножил их на шесть — это и было значение пульса, то есть количество ударов в минуту.

«Двадцать два... так, значит, сто тридцать два... Чуть больше, чем следовало бы, но, если учесть занесенную снегом дорогу и ветер навстречу, то нормально».— И он продолжил бег.

* * *

И все же периодически возникала мысль — вернуться. Но Виктор не давал ей одержать верх. Этому способствовала и принятая им система тренировок, по которой даже единичная уступка себе могла вызвать за собой вторую, третью...

И так уступки могли войти в привычку, и разрушить стройную с точки зрения физиологии, логически выверенную систему. Он знал, что хаотичные и бессистемные занятия никогда не могут привести к формированию тренированности, как к физическим, так и к психологическим нагрузкам и создать запас энергии в организме, столь необходимый в наше время ускоряющихся ритмов. Когда он говорил об этом, многие люди не верили. Особые сомнения у людей вызывали его утверждения о выработке психологической тренированности при длительном беге трусцой. Но свою правоту Виктор черпал не из книг, а из собственного опыта преодоления трудностей не только физического, но и психологического плана во время занятий. Такими трудностями были и монотонность, и реакция окружающих, и погодные условия, и внутренний настрой. Поэтому, зная об этом, он никогда не поворачивал назад и все трудности принимал, как дополнительный тренирующий эффект. Вот и сейчас он продолжал свой бег по дороге. И ему оставалось пробежать еще километра три до памятника воинам, погибшим в Великой Отечественной войне, который стоял на расстоянии чуть более двенадцати километров от его дома. Это будет как раз половина запланированной на сегодня дистанции.

Уже было светло. По-прежнему шел небольшой снег. Ветер был не таким сильным, так как дорога постепенно повернула почти на девяносто градусов, и лес частично смягчал порывы ветра. Вокруг дороги стояли высокие, покрытые снегом сосны и ели. Над ними висело низкое светлое серое небо. Тишину нарушали лишь скрип снега под кроссовками, резкие вскрики птиц и легкий свист ветра, сдувавшего с веток сухой мелкий снег. О настоящей же силе ветра говорили лишь шатающиеся из стороны в сторону верхушки деревьев.

Но вот послышался какой-то посторонний звук. Виктор обернулся и где-то в трехстах метрах от себя увидел фигуру бегущего человека.

«Быстро бежит,— оценил он.— Спортивный бег, минуты три на километр. Тоже тренируется, но с другой целью, к соревнованиям, наверное, готовится».

Спортсмен заметно приближался. Ранее, особенно в первый год занятий, когда Виктора догоняли и перегоняли, у него всегда возникало желание ускориться. Но сейчас, будучи уже опытным физкультурником, он на дух соревновательности не попадался. А раньше из-за этого были и срывы, и возвращение занятий чуть ли не к самому началу.

* * *

Виктор бежал, любуясь окружающей снежно-еловой сказкой, изредка вглядываясь в даль — не виден ли среди деревьев памятник. Вдруг он заметил на дороге какую-то черную точку.

«Похоже на пень,— подумал он, оценив расстояние.— Может быть, спилили дерево? Да, но деревья на дороге не растут».

Вглядевшись повнимательнее, он заметил, что точка двигалась, и двигалась навстречу, постепенно увеличиваясь в размерах. Виктор оглянулся — спортсмен был уже практически рядом с ним, но «точки» видимо не видел, так как бежал, опустив голову. Дистанция между Виктором и движущимся объектом, который он вначале принял за пень, сокращалась, и он мог уже рассмотреть голову, мерно опускающуюся и поднимающуюся в такт бегу, и семенящие по снежной дороге лапы.

«Собака... Но собаки вдали от жилья по дороге не бегают. От города он отбежал уже на приличное расстояние, а до села было еще далеко. Что тут делать собаке? — размышлял он.— Волк?! Только этого не хватало. Что делать?..»

Виктор обернулся. Спортсмен, похоже, увидел движущийся по дороге объект и семенил за спиной Виктора, вглядываясь в даль.

— Что это? — прокричал он.

— А я знаю?!..

— А если волк?

— Тогда будем вдвоем держать оборону.

— Может там, среди деревьев еще волки бегут? — спортсмен поравнялся с Виктором, но смотрел не на него, а на дорогу.

— На дерево залезешь — замерзнешь через час в такой мороз да в спортивной форме. И огонь развести нечем — зажигалок и спичек у людей, занимающихся здоровым образом жизни, с собой не бывает,— ответил Виктор и потрусил вперед.

— Да уж... — вслед ему проговорил спортсмен.

Между тем «объект» приблизился настолько, что его уже можно было рассмотреть. Он был не собакой и не волком. Это был кабан — худющий, бока впали почти до самого хребта, щетина на загривке торчком. Он бежал, чуть пошатываясь, заплетаясь лапами, слегка загребая снег.

Спортсмен остановился, семеня на месте, видимо, не решаясь ни бежать навстречу голодному кабану, ни убежать от него. Виктор тоже немало перетрухнул, особенно, когда увидел кабаньи клыки и маленькие желтые глазки, уставившиеся на него. Он еще раз оглянулся на спортсмена. Тот по-прежнему топтался на месте... У Виктора «засосало под ложечкой», забилось сердце, но он продолжал по инерции двигаться вперед. Кабан бежал строго по прямой, и эта прямая упиралась своим концом в Виктора.

«Что-то нужно делать... Это — испытание,— подумал он и вспомнил, как поступает, когда видит во время бега собаку. Нужно сказать, что от собак он натерпелся

достаточно, особенно, когда только начинал заниматься бегом. Тогда бегуны были редки и непривычны, как для людей, так и для собак. И всякая собака считала своим долгом, если не кинуться на бегущего человека, то, по крайней мере, залапать на него. Виктор вначале шарахался от собак, останавливался при виде их и переходил на ходьбу. Но вскоре он нашел метод, который помог ему избавиться от этой проблемы. Однажды, увидев собаку, он стал думать о ней что-то хорошее, типа того — какая она красивая, добрая и умная. И произошло чудо. Собака, вместо того, чтобы повести себя, как обычно, опустила голову, стала обнюхивать землю вокруг себя и завилала хвостом. Виктор проверил метод еще несколько раз и понял, что тот действует. С тех пор он, увидев собаку, применял его всегда.

«...Но это собака, а тут кабан, да еще изголодавшийся. Вон, уж и слюна капает с клыков», — Виктору стало не по себе.

Спортсмен остался метрах в ста позади и не двигался ни вперед, ни назад, семеня на месте, видимо, наблюдая, что произойдет дальше, — нападет ли кабан на попутчика, убежит в лес или двинется на него самого.

Виктору уже доводилось встречаться с кабанами и в лесу, и в открытом поле. Но встречи те были на безопасном расстоянии, и к тому же Виктор находился в машине. Видел он кабанов и вблизи, но это было в зоопарке и в цирке, они находились за толстой железной решеткой. То были совсем другие кабаны — дрессированные, ходящие как собачки на задних лапах, наученные людьми играть и танцевать за несколько кусочков пирога. Отчасти они походили в этом на людей, которые за деньги, а порой и просто за пропитание, могли жить, делать и говорить по повелению того, кто платил им. Души дрессированных кабанов были переделаны, изуродованы человеком, они были не свободны в своем выборе.

Сейчас же была другая ситуация. Перед Виктором был кабан, вокруг которого не было никаких железных ограждений, и он был рядом, и бежал прямо на него, и в хищном праве своем мог сделать все, что хотел. Человек и кабан, царь природы и дикое животное — обитатель леса. Виктор решил — была, не была. Он и кабан продолжали трусить навстречу друг другу. Виктор, опустив голову и не глядя на кабана, стал молиться. Как и в случаях с собаками, он успокоился, исчез, как и не бывало, страх и появились доброжелательные мысли: «Какой хороший кабанчик! Смотри, какой красавец! Молодец, хороший, красивый, добрый, умница!..»

Кабан продолжал двигаться все так же навстречу. И Виктор тоже не сворачивал. Он боковым зрением видел клыкастую морду кабана, обонял запах близкого животного... Их взгляды встетились. Взгляды не царя природы и животного, не заклятых врагов, не повелителя и слуги, а взгляды друзей. И Виктор знал, здесь сработала не какая-то магия, не какое-то внушение, а великая сила Любви, возникшей в ответ на благоговейную, идущую от сердца молитву. Сработал важнейший закон — закон единственно верных взаимоотношений на Земле между живыми существами.

И произошло чудо! Кабан внезапно сделал чуть заметное движение в сторону, чтобы дать достаточное место для жизни. И не нарушив воображаемый огороженный прозрачной оградой путь, почти в метре за Виктором резко повернул вправо. Виктор, продолжая двигаться вперед, вновь стал молиться, благодаря Бога за помощь, за чудесное познание силы Любви, и все также с любовью думать о кабане. А тот, пробежав еще метров пятьдесят по дороге, по тропинке углубился в ели.

Спортсмен моментально нагнал Виктора и в течение нескольких минут удивленного и, в то же время, почтительного молчания бежал рядом со скоростью «трусуна», как иногда спортсмены полупрезрительно называют бегунов-физкультурников.

— Что вы с ним сделали? — спросил он, в конце концов.

— Ничего особенного... — ответил Виктор.

КАЧЕСТВО ВРЕМЕНИ

Звонкий голос никак не вязался с ситуацией. И такой назойливый — над самым ухом — и все ближе, и все громче!.. Он закрутил головой и проснулся.

По тропинке рядом с тем местом на поляне, где он лежал, молодая женщина вела группу детей младшего школьного возраста. Край ее длинной и широко развевающей юбки задевал его тело. Голос принадлежал ей.

«Видимо учительница или воспитательница,— подумал он.— И что раскричалась так, будто не видит, что человек отдыхает?»

Группа прошла дальше, все снова стихло, но заснуть он уже не мог.

Был летний солнечный день. Стрекотали кузнечики, пели птицы, шелестел ветерок. В высоком голубом небе не было ни единого облачка. Казалось, если так, лежа на спине, долго-долго смотреть ввысь, то можно улететь и раствориться в его беспредельности. Солнце уже основательно припекало, но вставать совсем не хотелось. Ведь уже года два он не мог выбраться на природу.

«И, правда, зимой и летом — одним цветом, зеленый в офисе сидел», — невесело и почти стихами пошутил сам над собой.

Приходилось часто работать по выходным и брать работу на дом. Многие его друзья работали менеджерами в коммерческих фирмах, но ни у кого не было такого объема отчетности из-за огромного ассортимента продукции, как у него. Такой режим настолько вошел в плоть и кровь, что, когда не было работы, он убивал время за компьютером, бездумно путешествуя по сети, или столь же бездумно переключая кнопки на пульте управления телевизором. Благо жил он со старушкой мамой, и никто не мог помешать делать то, что хотелось...

Шум проехавшей электрички отвлек его от раздумий. Он посмотрел на часы. «Так, следующая в сторону города через час...» — автоматически констатировал он. Была середина дня, отдыхать бы да отдыхать. Но вечером — застолье по случаю дня рождения шефа и бывшего друга студенческих лет.

То, что он оказался сейчас на природе, получилось, благодаря визиту в одну смежную фирму в районе станции метро «Кантемировская». Ему удалось очень быстро решить все вопросы. А так как сегодня вечером был запланирован, как сейчас говорят, корпоратив, перед которым участники получали три часа свободного времени, то он позвонил шефу и получил от того добро на то, чтобы не тащиться через всю Москву, а ехать домой, готовиться к вечеру. Обрадовавшись неожиданно свалившейся на него свободе, он сел в Царицыно в электричку и поехал за город.

«Глаза бы мои не видели ни шефа, ни всех этих порядком наскучивших коллег! Но... должность, эта должность... Нужно поддерживать отношения, общаться, участвовать в общих мероприятиях, иначе будешь не своим», — думал он.

А что такое быть «не своим» он уже испытал на прошлой работе. Там, всячески отделяясь от коллектива, он уходил в свой внутренний мир, где было хорошо и уютно, и откуда так не хотелось никуда «выходить»... Это привело к тому, что на него постоянно смотрели косо и подозрительно, при его приближении смолкали все разговоры, его перестали приглашать на вечеринки даже по большим праздникам. В итоге, когда появился «свой», могущий выполнять обязанности, его потихоньку «ушли» по собственному желанию. И теперь, наученный горьким опытом, он дорожил своей должностью, которая давала неплохие деньги и приличный уровень потребления. Только с отдыхом ничего не выходило. Шеф не любил выезды на природу, и весь «корпоратив» заключался в ресторанных посиделках, боулинге со спиртным, посещениях поп-концертов и спектаклей авангардных трупп, и в том же духе, то есть в духе шефа.

Им завладело непреодолимое желание отдыхать. Но страх потерять работу был

сильнее. Поэтому, несмотря на сильное желание никуда не идти, вообще не вставать и не двигаться, он все же приподнялся и сел. А в траве рядом с ним кипела жизнь. Десятки разных насекомых целенаправленно выполняли какие-то, им одним известные, действия, согласно программам, заложенным в них изначально.

«И счастливы они, наверное, и никаких сомнений, и никакой рефлексии не ведают. Почему же я несчастен? У меня ведь есть точнейшие инструкции в отношении всех действий по работе и программы деятельности по всем необходимым направлениям. Делай — получай — потребляй!.. Почему же мне нехорошо то так?!»

Его существо разделилось как бы на две части. Одна побуждала его встать, а другая — очень этого не хотела. Некоторое время внутри шла борьба. В конце концов, победила вторая часть его существа, и он откинулся на спину, сорвал длинную травинку и, как в детстве, стал ее задумчиво жевать...

Сколько он так пролежал, наслаждаясь контактом с землей, травой, наслаждаясь всей жизнью вокруг себя, он не знал. Но ему было хорошо, так хорошо, как не было уже давно... Начало темнеть.

«Да что же это я? Они там уже начали собираться! — встрепенулся он и представил очередную всенощную посиделку с вином, «девочками» и всем, что в таких случаях полагается.— И, если меня там не будет, это первый сигналом для них, что я становлюсь «не своим»...»

Он быстро вскочил, оделся и, размахивая кейсом, быстро пошел к станции. Но, несмотря на принятое решение и решительные действия, что-то было не так. Физически это выражалось в неприятном чувстве, как говорят в народе, «сосания под ложечкой». Его тянуло вместо «корпоратива» поехать в вечерний парк, окунуться в его прохладу и бродить, бродить, вспоминая свои давние ощущения от контакта с деревьями и вечерним небом, которые постоянно живы в нем. Он остановился, потоптался на месте, но, решив подумать в электричке, продолжил свой путь к «железке».

На перроне было почти безлюдно. Многие, в основном дачники, уехали с предыдущей электричкой. А новая их партия еще не успела накопиться. Вдали показался поезд. За лесополосой в лучах заходящего солнца ярко блестел золотой крест местной церкви. Крест надолго привлек его внимание. Глядя на него, он почувствовал, что куда-то понемногу уходит беспокойство, отрицательные эмоции. Возникло желание вспомнить какую-нибудь молитву, которым в детстве учила бабушка. Но кроме двух-трех слов вспомнить ничего не удалось.

В это время загрохотал въезжающий на станцию пассажирский поезд и заслонил лесополосу с крестом. Поезд почему-то затормозил и остановился, хотя на этой станции пассажирские никогда не останавливаются. Прямо перед ним оказалось окно ярко освещенного купе, в котором сидели две женщины и мужчина. Они о чем-то беседовали, изредка поглядывая на перрон и, как ему казалось, на него.

«Боже мой, хорошо бы сейчас сесть вот в такой поезд, оказаться вот в таком купе и поехать, куда глаза глядят — на новое место, в другую, новую жизнь. Что меня здесь держит? — подумал он, и сердце его забилося.— Все, что нужно и что у меня есть, все это со мной — голова, руки, ноги, знания, профессия, навыки, опыт, даже премия, полученная вчера в конверте, и зарплата, выданная ранее, на карточке лежит... Уехать куда-нибудь в провинцию и начать жизнь заново, без этих попок и «развлечений» и ненужного, а порой и противного его душе общения. И нужно-то всего для этого сделать сейчас несколько шагов, постучать в окошко проводника, показать приличную купюру, сесть и уехать... Сколько еще простоит этот поезд — минуту, две, три, а может быть пять секунд?.. Нужно решиться!»

Все бурлило и кипело в его душе, но он продолжал стоять, как и стоял. Вот поезд тронулся, поехал... Люди, сидящие в купе, улыбнулись ему и помахали рукой, как водится у пассажиров. Это вывело его из ступора, и он сделал шаг, два, пошел быст-

рее, наконец, потрусил и побежал... Но было уже поздно, поезд начал набирать скорость. Мимо него мелькали окна купе и таблички «Симферополь — Москва».

«Поздно, поздно, опять поздно...» — в отчаянии подумал он и остановился.

На перроне раздались смешки, и одна женщина покрутила пальцем у виска. Но он отнесся ко всему совершенно равнодушно. Что это было по сравнению с тем шансом, который ему выпал, и который он упустил? Виктор знал, что это был шанс, так как, снова окунувшись в ту жизнь, которую он вел, он не сможет собраться с силами и совершить такой поступок — взять и уехать на новое место, в новую жизнь...

Уже стемнело. Подошла электричка. Он сел и, закрыв глаза, погрузился в себя.

«Все нормально, я еще успею к началу... Жаль только, что не заехал домой. Не помешало бы принять душ и переодеться», — пытался успокоить он себя.

Мерно постукивали колеса, периодически звучали названия станций, электричка останавливалась, выходили и заходили люди — шла обычная дорожная жизнь. Он открыл глаза и стал вглядываться в темноту. Скоро должны начаться пригороды огромного мегаполиса. Да вот и огоньки, дома — старые и современные, низкие и высокие. И среди них храм — весь освещенный, большой белый с синими куполами и звездами на них, весь освещенный храм.

«Наверное, служба идет», — подумал он. И вдруг в его сознании всплыла одна молитва — «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!»

Он повторил ее несколько раз, и ему стало легче. Храм уходил на задний план, а поезд продолжал двигаться к Москве. Он повернул голову, провожая храм и повторяя про себя молитву.

«Завтра же, непременно завтра, нужно зайти в церковь возле дома и поговорить со священником!» — решил он.

Оставшиеся полчаса пути пролетели незаметно, будто что-то произошло с самим временем. Оно не тянулось как обычно, когда он не был занят работой. Будто изменилось качество времени. И когда диктор объявил: «Граждане пассажиры! Наш электропоезд прибывает на конечную станцию «Москва — Курская». Просьба, перед выходом проверьте, не оставили ли вы в вагоне свои вещи» — это его не раздражало уже, как обычно.

Валерий Маслов
(г. Тула)

ПРИТЧИ

Автор 34 книг, изданных не только в России, но и за рубежом. Заслуженный работник культуры России, председатель Тульского Фонда поддержки творческой интеллигенции, руководитель Тульского отделения литфонда, председатель межрегионального Союза писателей России.

ГОЛОС С НЕБА

Я находился в том сладком состоянии между бодрствованием и засыпанием, когда сознание замутняется, настроение становится ровным и спокойным, тело расслабляется, а мозг готовится к отдыху. Жизнь и сновидения — это страницы одной и той же книги. И потому порой бывает сложно провести между ними грань, которая определенно сказала бы, в каком состоянии ты сейчас находишься.

Так и я, лежа в удобной позе на диване, дремал, полностью предавшись состоянию неги и сладкого покоя. И вдруг вкрадчивый голос, раздавшийся откуда то сверху, спросил меня:

— А скажи, отче: какой цвет ты больше всего любишь?

Я боялся обидеть Господа Бога, выбрав любой цвет из той обоймы небесной радуги, которую он создал: ведь, все они одинаково хороши и необходимы для жизни. Конечно, у меня был любимый цвет, но я сомневался, одобрит ли Он мой выбор?

— Лиловый,— мысленно проговорил я, ожидая реакции Голоса с неба.

— Вот и прекрасно,— раздалось мне в ответ.— Этот выбор говорит о твоей неординарности и творческой направленности мышления. Когда ты проснешься, не беспокойся о том, что неправильно ответил. Страшен не сон, а его толкование. Живи с миром!

ЧУДО

Я долго не решался сесть за руль автомашины, боясь, что сразу попаду в аварию. Но, наконец, созрел и купил автомобиль. Американская иномарка «Шевроле» оказалась настолько удобной, комфортной и проходимой, что я быстро освоился в ее управлении, и скоро почти ежедневно ездил на дачу кормить трех собак, прижившихся у меня.

Зимним январским днем я вновь отправился на дачу. Несмотря на нечищеную дорогу, поехал прямо к калитке. Накормил собак, кошку, которая осталась зимовать на соседней даче, и поехал домой. Но снежный наст сбил меня с пути, и машина съехала в кювет. Здесь уже не могли помочь ни шипованная резина, ни лопата, которой я откапывал колеса.

Целый час я пытался выбраться из снежной ловушки. Смеркалось — зимой темнеет быстро. Вокруг в радиусе нескольких километров не было ни души: кроме меня в наш дачный кооператив в это время не ходил и не ездил никто. И только верные друзья — собаки расселись вокруг меня и машины, ожидая, что же я буду делать дальше: останусь с ними в морозной ночи, или все же уеду, как обычно. И хотя сейчас я понял, что лучшее, что есть у человека — это собака, легче от этой истины мне не становилось.

Я сунул руку в карман куртки: мобильного телефона не было, забыл его дома. Значит, и позвонить, чтобы позвать на помощь, не удастся. В отчаянии я сел в машину, чтобы хоть немного согреться. И вдруг увидел иконку Святого Николая Чудотворца, которую постоянно держу в автомобиле. Взял ее, поцеловал и попросил:

— Святитель Николай, помоги. Одна надежда только на тебя и чудо.

Вылез из машины, взял лопату в руку и склонился над колесом, чтобы откапывать его дальше. И вдруг с небес раздался голос:

— Вам помочь?

Я поднял голову: надо мной стояли два парня и девушка. Откуда они появились в этой глуши без дорог и тропинок? Как я не увидел и не услышал их раньше?

Дальше события развивались, как в сказке. Сначала они подтолкнули машину, а затем один из них сел за руль и быстро вывел ее на твердую дорогу.

— Откуда вы? — спросил я. — Как здесь очутились?

— Мы из Иерусалима, — ответили парни. — Приехали в гости к местным священникам. А сюда пришли фотографировать виды зимнего леса.

Расстались мы, как друзья. А я, ведя автомашину по зимнему городу, еще долго вспоминал эту необыкновенную помощь, пришедшую ко мне в самый критический момент, и иначе, как чудо, объяснить ее не мог. И, хотя сказано в Писании, чудеса — там, где в них верят, поверить в свое счастье и удачу никак не мог.

ПОРОК СЕРДЦА

Человек любит говорить о своих болезнях, хотя это самое неинтересное в его жизни. Вот и я поступил также, когда внезапное грозное известие о проблемах со здоровьем посетило меня. При очередном диагностическом обследовании врач буквально пригвоздил к креслу, сообщив, что у меня врожденный порок: дырка в сердце размером в десять миллиметров. И что при каждом ударе сердца дополнительный ток крови поступает в правое предсердие, расширяя его и приводя к катастрофе.

И, хотя один юморист заметил, что одна из самых распространенных болезней — это ставить диагноз, мне уже было не до шуток. После этого как-то само собой стало случаться, что сердце начало давать сбои. Результаты обследований становились один страшнее другого. И, наконец, кардиолог решил: надо делать операцию на сердце, чтобы зашить эту самую «дырку». Меня стали готовить к поездке в Москву, поставили на очередь для получения квоты.

Я уже смирился с неизбежным: с судьбой не поспоришь. Почти год прожил я с этой страшной новостью. Во всех медицинских картах у меня появилась запись: «Дефект предсердной перегородки. Врожденный порок сердца с дилатацией правых отделов». А один знакомый писатель утешил, сказав: «Мы не знаем, для чего живем, а врачи не знают, от чего мы умираем».

И вот, когда было решено отправить в Москву на операцию, я зашел в мой любимый храм: Церковь Николы на Ржавце. Там есть удивительно мощная по энергетике и силе воздействия тульская икона Святителя Николая Чудотворца, моего самого любимого святого. Помню, как я совершил паломническую поездку на его родину в

местечко Мирры Ликийские, которое находится на территории современной Турции. К счастью, в церкви, где служил Святой Николай, мраморная усыпальница, в которой он был похоронен, доступна каждому. Я подошел к ней, положил на холодный мрамор руки и преклонил голову, закрыв глаза. Так я постоял несколько минут, и вдруг ощутил такую силу, исходящую от гробницы, что у меня невольно закружилась голова. С тех пор я всегда помню об этом чудодейственном знаке, ниспосланном мне Святителем Николаем.

И в тульском храме я помолился и рассказал Святому о предстоящей операции, даже не помышляя о просьбе в решении данной проблемы. Из церкви уходил просветленным и ободренным. Словно следуя совету свыше, на приеме у кардиолога вдруг заинтересовался, кто в диагностическом центре считается хорошим врачом-диагностом. Мне назвали фамилию. Пришел на повторную эхокардиографию.

И вдруг случилось чудо! В то, что услышал от врача, поверить не мог: нет никакого порока сердца! У меня обычный прямой кровоток, предсердие не увеличено, операции не нужно!

В голове все смешалось: как же так — врачи в течение года в один голос утверждали: у вас порок сердца, нужна операция. Я сам в этом несколько не сомневался. Неоднократные суточные мониторирования сердца тоже говорили о сбоях в его работе. И вдруг — не вероятное! Сходил в церковь, поговорил с любимым Святым, и он совершил Чудо!

Потом, когда пришло избавление от страшного недуга, я и сам начал шутить: мол, диагностика достигла таких успехов, что здоровых людей практически не осталось, что легче бывает поставить больного на ноги, чем поставить диагноз и так далее. Но тогда я понял одно: если в сердце есть Вера, Господь Бог всегда придет на помощь.

Роман Романов
(г. Тула)

С СОСЕДКОЙ

Публикуется с 1986 года в армейской, центральной и тульской прессе, в литературных сборниках «За жизнь» и «На крыльях Пегаса», член литобъединения «Пегас».

Не первый день я знал новую соседку, переехавшую в один квартирный блок к моей матери. В определенные дни я появлялся там, чтобы полить цветы и когда я поздоровался с Анной Григорьевной в очередной раз, она рассказала мне о своем прошлом.

Родилась она в одном из сел Калужской области, в которой было больше сотни домов вдоль большака. Дед ее оказался здешним священником, бабушка помогала ему в церковных делах, и прожили очень долгую жизнь. Но это не помешало Анне поступить в медицинский техникум по специальности фармацевта, хотя она знала людей с похожим происхождением или сказавшими что не следует и получивших срок в сталинских лагерях. Побывала она и под немецкой оккупацией и заявила об этом куда следует, благодаря чему избежала участи беглых пленных, переживавших в их сельских болотах прихода наших войск. Когда же началось наступление нашей армии на орловско-курском направлении, она уже трудилась в одной из калужских больниц. Оттуда в приказном порядке было переведено десять человек в один из тульских госпиталей, тут же им была предоставлена и комната для совместного проживания. Работы было много, через ее руки проходило немало раненых сибиряков, среднеазиатов и кавказцев, позже — освобожденные из лагерей, расположенных у далекого Японского моря. А незадолго до окончания войны в их госпитале стали размещаться восемьсот старших офицеров. Тогда она была переведена работать по специальности на аптечный склад. Едва же здесь было проведено реформирование, они лечили пленных немцев.

— Те, кто происходил из богатых семей относились ко всем с презрением, а с бедными можно было ладить и по нормальному — говорила она.— Отец одного из них участвовал еще в первой мировой войне, был пленен и остался жить на Кавказе. Вот откуда у парня оказалось хорошее знание русского языка. Потом семьи были интернированы в Германию, и он после подготовки, получил направление на русский фронт и добровольно пошел в плен, понимая бесперспективность войны.

В 1949 году для Анны Григорьевны закончилась работа в госпиталях, и она стала обычным фармацевтом, работающим в аптеке. Потом было замужество, рождение детей, появление на свет внуков. Словом, началась мирная жизнь. Но и тут не давали ей покоя разнообразные жулики, желающие обмануть пенсионеров. Так и живет она теперь.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

БЕСНОВАТАЯ

Иногда Оксану охватывала какая-то необузданная бесноватая сила. Она выгибалась в дугу, хрипела, изо рта выходила тягучая слюна, зрачок правого глаза закатывался за веко, обнажая страшный пустой белок. В такие минуты она становилась агрессивной и опасной. Однажды, находясь в таком состоянии, Оксана схватила со стола кухонный нож и ударила им своего сожителя Леонида за то, что тот не поделился с ней самогоном. Физически сильный Леонид с трудом отнял у Оксаны нож и, прижав ее к дивану, держал до тех пор, пока кусавшая и царапавшая его Оксана, страшно и тяжело дыша, дрожа всем телом, затихла, а затем впала в долгий и глубокий сон.

— Дядя Леня, а мамка не умерла? — спросил у Леонида девятилетний Оксанин сын Юрка с испугом посматривая на лежавшую Оксану.

— Не умерла, не умерла, не бойся. Она спит, — успокаивал Юрку Леонид, прижимая к порезанной руке тряпку. — Иди-ка сюда, малец, помоги мне. Держи вот здесь и обматывай вокруг, — говорил Леонид, протягивая Юрке разрисованную татуировкой кисть руки. Юрка со страхом прикоснулся к набухшей от крови тряпке и неумело перебинтовывал раненую руку Леонида.

— Дядя Леня, а ты не умрешь? — спрашивал у него Юрка, заглядывая Леониду в глаза.

— Не умру, не умру, — попыхивая папиросой, отвечал Леонид, приподнимая от боли верхнюю губу и обнажая при этом вставленные железные зубы.

Юрка любил Леонида, как, наверное, любил бы своего родного отца, который умер, когда Юрка пошел в первый класс. Оксана после смерти мужа стала частенько задерживаться на работе и приходить домой выпивши. Свекровь Мария Петровна укоряла Оксану за это, но та отмахивалась от нее рукой, говоря, что нет ничего страшного, если она с подругами посидит в кафе и под бабьи разговоры о жизни выпьет немного шампанского.

Мария Петровна невзлюбила невестку с первых дней ее замужества. Однажды в пылу ярости она, укоряя сына за выбор жены, обозвала Оксану «детдомовкой», после чего между свекровью и снохой, как говорили их общие знакомые, пробежала черная кошка. Когда «бабьи разговоры под шампанское» стали происходить почти ежедневно, Мария Петровна пригрозила Оксане, что лишит ее родительских прав и выпишет из своей квартиры, а внука будет воспитывать одна. Услышав такое, Оксана не выдержала. Обзывая свекровь ведьмой и, обвиняя в смерти мужа, она избила Марию Петровну. Попробовав заступиться за бабушку Машу, второклассник Юрка схватил мать за подол платья и попытался оттащить в сторону, но не контролировавшая себя Оксана избила и Юрку. Утром пришел участковый милиционер и хотел привлечь Оксану, но Мария Петровна ради внука простила ее. Этот случай, а еще больше смерть сына, окончательно подорвали ее здоровье. Вскоре Мария Петровна заболела и спустя несколько месяцев умерла. Оставшись после смерти свекрови полноправной хозяйкой квартиры, Оксана стала приглашать домой в гости не только подружек, но и

друзей. Так в жизни Юрки появился Леонид. Юрка вначале боялся Леонида, особенно его, пугали вставные железные зубы Леонида, но со временем Юрка к Леониду привык, по-мальчишески привязавшись к нему.

— А что это у тебя на груди нарисовано, дядь Лень? — спрашивал Юрка, указывая на татуировку.

— Это, малец, церковь там нарисована.

— А зачем ты ее нарисовал? — допытывался Юрка.

— Ну, как зачем? — удивлялся Леонид, соображая, что бы ответить Юрке. — Ну, чтобы не забыть, сколько раз я Пасху не праздновал.

— И сколько раз? — не унимался Юрка.

— Считать умеешь? Вот и считай, сколько там куполов с крестами нарисовано, столько и раз, — отвечал Леонид.

— А почему у тебя на ноге нарисован ножик, а вокруг него змея? — продолжал задавать вопросы Юрка.

— Хватит докучать дяде Лене дурацкими вопросами. Иди лучше на улицу погуляй, — перебивала Юрку Оксана и легонько подталкивала его к двери.

— Ну, зачем ты мальчика-то обижаешь? — укорял Оксану Леонид. И Юрка, радостный, возвращался к нему.

Иногда Леонид куда-то уходил и не возвращался по нескольку дней. В такие дни Оксана была наиболее злой. Она покупала себе водки и напивалась пьяной, пела песни, а затем вдруг начинала плакать. Юрке в этот момент становилось жаль маму, и он, подойдя к ней, начинал гладить рукой ее голову. «Не плачь, мамочка, дядя Леня скоро вернется», — приговаривал он. Оксана переставала плакать и удивленно смотрела на Юрку пьяными глазами, словно видела его впервые. «Ах ты паршивый, — гневно говорила она, — твой дядя Леня такой же негодяй, как и ты. А ты знаешь, кто был твой отец? А эта старая ведьма... она...» — Оксана замолкала, руки ее начинали трястись. В этот момент Юрка боялся матери, он всегда убегал из дома и ходил по улице до тех пор, пока Оксана не засыпала. Когда ему на улице становилось холодно, Юрка всегда вспоминал мужественного капитана Гранта, которого он однажды видел по телевизору.

«Капитан Грант не боялся холода. Я, когда вырасту большой, то тоже стану капитаном корабля и буду, как капитан Грант, сильным и смелым. Буду в белой фуражке стоять на капитанском мостике, курить трубку и управлять кораблем. Капитаны самые сильные и смелые люди. А мамку свою я тоже с собой заберу на корабль. Там у меня не будет никакого вина, и мамка будет всегда трезвой и доброй», — мечтал Юрка, бесцельно бродя по улице. Несколько раз Юрку навещали школьные учителя, которые укоряли Оксану за пьянство, предлагали ей помощь в лечении от алкоголизма и в трудоустройстве, предупреждали лишением ее родительских прав, но это на нее не действовало. После их посещения она трезвой была всего несколько дней, а затем вновь срывалась и запивала пуще прежнего. Так продолжалось почти ежедневно.

Тот роковой день выдался пасмурным. Серое беспросветное небо накрыло город, и отбивавшие барабанную дробь по железному подоконнику дождевые капли разбудили Оксану. Встать не хотелось, она лежала с закрытыми глазами. «Что же со мной происходит? Куда я качусь? В какую пропасть? И где всему этому конец? — думала Оксана. — Как же было раньше хорошо! А когда это было? Это было так давно, когда еще был жив муж. Это мамаша его, старая стерва, довела его до смерти», — раздраженно подумала она, вспомнив Марию Петровну. Она открыла глаза, рядом лежал и сопел во сне Леонид. Оксана с трудом поднялась и, опираясь на трясущиеся руки, села на кровати. После вчерашнего вечернего застолья, состоявшегося по поводу возвращения Леонида, болела голова, а перед глазами все время появлялись темные пятна. Встав с трудом на ноги, она шатающейся походкой прошла на кухню и, пустив из крана воду, припала к нему губами. Попив, начала разглядывать пустые бутылки, надеясь найти в них остатки спиртного.

— Мам, а у нас покушать ничего не осталось? — услышала она голос Юрки, который сидел на стуле, и которого она не заметила.

— Там в сковородке должны остаться макароны,— нехотя ответила Оксана.

— Там нет ничего, я уже смотрел,— плаксивым голосом проговорил Юрка.

Оксана, молча, посмотрела на сына и, словно что-то вспомнив, ушла в комнату. Вернувшись, она протянула Юрке десятирублевую купюру.

— Сынок, сходи в палатку, что возле нашего дома, купи бутылочку пива, а то мамка болеет,— хрипло проговорила Оксана.

— Мне не дадут пива. В прошлый раз, когда ты меня посылала, мне сказали, что я маленький еще, чтобы пиво покупать,— возразил Юрка на предложение матери.— Давай я лучше схожу хлебушка куплю. И ты покушаешь и дядя Леня, когда проснется.

— Иди, сказала, пиво мне купи. А потом я сама что-нибудь поесть приготовлю,— тоном, не терпящим возражения, сказала Оксана.

— Потом, потом,— недовольно произнес Юрка.— Ты вчера тоже говорила, что потом куплю, а сама водку принесла и с дядей Леной напилась пьяными.

— Не смей обсуждать мать! — гневно произнесла Оксана.— Иди и купи мне пива!

Юрка взял деньги, надел куртку и, нахмутив брови, ушел.

В ожидании сына, Оксана принялась убирать со стола и мыть грязную посуду, оставшуюся с вечера, но работа не спорилась. Трясущиеся руки не слушались, и она, выронив и разбив тарелку, отказалась от затеи с мытьем посуды. Юрка возвратился быстро.

— Ну, что, купил пива? — встретила его вопросом Оксана.

— Мам, я деньги потерял,— взволнованно проговорил Юрка и взглянул на мать испуганным взглядом. Он был бледен.

— Как потерял? — после небольшой паузы, спросила Оксана. Юрка молчал.— Я тебя спрашиваю, негодный, как ты мог потерять деньги? Говори сейчас же! — срываясь на крик, визгливо спросила Оксана.

— Я сам не знаю, как это случилось. Я полез в карман за десяткой, а ее там не было,— испуганно стал оправдываться Юрка.

— Негодный, ты специально не купил мне пиво! Ты нарочно придумал о потере денег, а сам их спрятал где-нибудь! Где деньги?! Говори сейчас же! — возникшее чувство гнева на Юрку не давало Оксане покоя.— Сволочь! Скотина! Деньги решил у матери воровать? Ах ты, паршивец! Я тебе покажу, как деньги воровать! Я тебя сейчас воспитаю! — Оксана стала агрессивной, руки у нее затряслись, на губах пеной выступила слюна, зрачок правого глаза закатился за веко. Она схватила Юрку за волосы и начала трясти из стороны в сторону.— Негодный! Паршивец! Говори, где деньги?!

— Мамочка, миленькая, я не воровал деньги, честное слово, я их потерял. Прости меня, я больше так не буду! — кричал Юрка, но Оксана не слышала его оправданий, избивая Юрку по мокрым от слез щекам.

Изловчившись, Юрка вырвался от матери и бросился к двери, но замок как назло долго не открывался. Совсем потерявшая способность контролировать свои действия, Оксана схватила Юрку за ворот куртки и с силой толкнула. Юрка упал и ударился головой о дверной косяк.

— Что же ты наделала, стерва, над мальцом-то? — проговорил проснувшийся от шума и подошедший к ним Леонид, с ужасом взирая на распластавшегося у двери Юрку.

Осознавая, что она совершила, Оксана бросилась к Юрке.

— Сынок! Сынок! Прости меня! — трясла она его, но Юрка не шевелился. Затем Оксана с ужасом во взгляде отшатнулась от сына и вначале тихо, а затем все громче и громче, словно по-волчьи, завывала.

Обезумевшая, она выбежала на улицу и бросилась бежать, ступая босыми ногами по мокрому от дождя асфальту, а шквальный ветер, срывая с деревьев осенние желтые листья, со злостью швырял их в ее опухшее от долгого запоя лицо.

Юрка умер по дороге в больницу, а десятирублевую купюру нашел следовательно, когда осматривал Юркину куртку. Аккуратная свернутая бумажка лежала под подкладкой. Карман в куртке оказался дырявым.

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

Игорь Лукьянов — автор десяти поэтических сборников. Печатался в журналах «Наши современник», «Молодая гвардия», «Подъем», «Аврора». Член Союза писателей России. Неоднократно публиковался в «Приокских зорях».

ЗАДОНЩИНА

Поэтическое переложение

Славен Дмитрий — князь
Своей победой.
Сокрушил
Мамаеву он рать.
Нам ли, русским,
Не пропеть об этом.
Нам ли, други,
Слов не подобрать
Мы отыщем
И слова,
И ритмы.
Мы прославим
Ратный
Русский дух,
Что взошел
Над Куликовской битвой
Сквозь мечей и копий
Смертный стук.

* * *

Дмитрий — князь
и брат его Владимир,
вспомнив

предков славные дела,
собирают рать свою
во имя
русских далей
в звонких куполах.
По земле
по русской
боевые
кони натянули удила.
Трубы в бой зовут,
и вечевые
сотрясают даль
колокола.
А до Дона —
дальняя дорога.
Там татары.
Там мамаев трон.
К Дмитрию
на верную подмогу
собрались князья
со всех сторон.
Говорили:
«Господин великий,
нас теснят враги
в родном краю.
Мы готовы
и сердца,
и пики
бросить в бой
за Родину свою.
Испытать хотим мы
полной мерой
русский дух
в сражении с Ордой.
Постоим мы
за Христову веру
и себя
прославим
битвой той».
И ответил князь
великий Дмитрий:
«Все
птенцы мы
славного гнезда.
Нам ли, братья,
видеть,
как глумится
по Руси
поганая Орда.
Край литовский
Нам сегодня предан.

И за нас
С дружиною своей
сыновья великого Ольгерда —
удальцы Димитрий и Андрей.
Вместе с нами
свой направит в степи
в сечах многих
обретенный полк,
вражки
не однажды
рвавший сети,
воевода доблестный Боброк».

* * *

То не гром
небесный
над Москвою,
То не гром
подземный
под Москвой —
русский люд
готовит
силы
к бою
с Русь пленившей
черной татарвой.
Как задули с моря
ветры, ветры.
Ходят волны
Дона и Днепра.
В честь Руси и православной веры
Русской рати
Выступать пора.
Быть
Великой битве
на Непрядве.
Победить
или убиту быть.
Многим
от мечей лихих
не прячась
кровь
придется
на ковыль пролить.
С Дона рокот,
рокот
сил мамайских,
сил несметных —
не окинет взгляд.
Словно
крови

требуя для смазки
их телеги
по степи скрипят.
Словно крови
требуя для крови,
волки
воют
сквозь вороний гай.
К Дону
приближаются хиновя.
К ним
Навстречу вышел
Русский край.
На ветру
Хоругви боевые.
Дмитрий — князь
ведет
бойцов своих.
В русском небе
Русские святые —
Глеб с Борисом —
молятся за них.
То не тучи
с грохотом и ревом
встретились,
чтоб молнии швырять.
То пошли
на поле Куликовом
русские
на вражескую рать.
Тысячи мечей
и копий тыщи
загремели
по лугам,
холмам.
Вскинулось тут диво —
славу свищет
битве
К чужедальним городам.
Чтобы знала
«тонкая» Европа,
чтобы знали
люди дальних мест,
что от всетатарского
потопа
спас их
русский меч
и русский крест.
Падали князья
И воеводы
На осенний берег

На донской.
И сливались тут
Речные воды
С алою
Кровавою рекой.
Велика
Ретива
Вражья сила.
Подустали русские слегка.
Но сдавать нельзя —
Благословила
Русь на битву
Сергия рука.
А рука
Другого черноризца
Дланью
Богатырскою была.
Показала всем,
Как надо биться,
Выбив
Челубея из седла.
Много русских
Пало под мечами.
Многим им
Пронзили
Стрелы грудь.
Приутихли
Рожицы в печали,
И кукушки в них
кукуют грусть.
И в просторы
Куликовской рубки,
запрокинув
лица к небесам,
стон несут свой женушки-голубки,
плач
по воеводам
и князьям.
Стонет Марья,
слезы льет Аксинья.
И рыданья
рвут Федосьи грудь.
Сеча
их мужей
в ковыль скосила,
русской славе
пробивая путь.
Слезы, слезы —
женских душ
опора,
но всегда,

среди бед и неудач,
русской силе —
горький и покорный —
был союзник
русских женщин плач...

* * *

Князь Владимир тут
и князь Волынский,
ратной силой
Дмитрию верны,
из засады
ковылем-полынью
с правой
саданули стороны.
Коням
негде
приземлить копыта —
сверху люди
и внизу — народ.
Кони вязнут,
как в снегу,
в убитых.
Кровь людскую
переходят вброд.
Знают
воеводы и бояре —
есть закон для них
у битвы свой —
молодеть тому,
кто воин старый.
Честь искать тому,
кто молодой.
Знают,
что получит
вволю меды —
почестей
наделов
и услуг
всяк,
в ком битва
подтвердит породу,
кто меча
не выпустит из рук.
Князь Димитрий
слезно Бога молит:
«Не оставь,
дай силу;
Боже мой.
Дай вернуть
на Русь

мне
воздух воли
отнятый
проклятой
татарвой».
Укрепила
Дмитрия молитва.
Слезы вытер он
и вскинул меч.
Тихим русским полем
правит битва,
Русь
не знала ты
подобных сечь;
Ослабели
у поганых жилы.
Стяги русских
двинулись вперед.
Засияли
русские дружины,
выйдя
на победный поворот.
Бросились татары
в степь пустую,
и Мамай
в отчаяньи исторг:
«Проиграли
битву мы
вчистую.
Знать, велик он,
христианский Бог»
Драпали
непрошенные гости,
участь
свою горькую
хуля.
У Непрядвы
растеряли
кости
с русских
на татарские поля.
Побежал Мамай,
Орды лишенный
с верной свитой
по степям пыля.
Но нигде
приюта
не нашел он.
Приютила лишь
сыра земля.
Тишина взошла

над полем бранным.
Отгремели
копья и мечи.
Воск
в далеком
православном храме
с поминальной
капает свечи.
Углич ждет
И Серпухов,
И Муром,
И Коломна,
Кострома,
Ростов.
Тех,
кто в бой вошел
Осенним утром,
Многим
Не поднять своих голов.
Здесь
за храмы русские,
за веру,
за родимый
гул колоколов
под донские
вековые ветры
тыщи
русских жизней
полегло.
Здесь,
не зная
жребия другого,
Русь
великой битвой
поднялась.
Слава тебе,
поле Куликово —
правой
русской силы
ипостась.

Примечания.

«Задонщина» — создана в конце XIV или начале XV века и повествует о Куликовской битве, произошедшей 8 сентября 1380 года. В этом сражении объединенные русские войска под предводительством московского князя Дмитрия Ивановича впервые после установления монголо-татарского ига одержали победу.

Мамай — военачальник Орды. Умер в 1380 году.

Владимир — князь Владимир Андреевич Храбрый (1353—1440), двоюродный брат Дмитрия Донского.

Дмитрий и Андрей — сыновья великого князя литовского Ольгерда Гедеминовича, которые находились на службе у князя московского Дмитрия.

*Боброк — Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский — воевода Дмитрия Донского.
Речка Непрядва — приток Дона.
Хиновя — монголо-татары.
Глеб и Борис — невинноубиенные князья — одни из первых русских святых.
Сергий — Сергий Радонежский — монах, основатель Троицкого монастыря, благословил князя Дмитрия на Куликовскую битву.
Другой черноризец — имеется в виду монах Пересвет, посланный на битву Сергием Радонежским.
Челубей — вышедший на поединок с Пересветом монголо-татарский воин-богатырь.
Марья, Аксинья, Федосья — жены погибших князей и воевод.*

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

Грянул гром Пресвятой Богородицы.
Гул летит, сотрясая века.
Слышу грохот мамаевой конницы
Свист мамаевых стрел у виска.
Пыль и кровь захватили пространство.
И прорвавшись сквозь это кольцо,
Я — потомок славянского братства
Из Непрядвы омою лицо...

Протоиерей Алексей Зайцев
(г. Челябинск)

PERSONALIA

Родился в городе Челябинске 22 июля 1971 года. Начал писать стихи в раннем детстве. С 1979 по 1982 год посещал литературный кружок городского Дворца пионеров «Алые паруса», которым руководила детская писательница и поэтесса Лидия Александровна Преображенская.

С 1986 по 1988 года был участником челябинского клуба самодеятельной песни «Моримоша». С 1988 по 1994 год проходил обучение в Уральском государственном горном университете (г. Екатеринбург), где был участником литературного объединения «Горный родник», у истоков которого стоял уральский поэт и журналист Юрий Лобанцев. В 1996 году окончил Немецкую академию менеджмента (г. Целли, Германия).

В 1997 году был рукоположен в священный сан митрополитом Челябинским и Златоустовским Иовом и направлен в Свято-Троицкий храм города Челябинска, где совершает служение до настоящего времени. В 2004 году закончил Нижегородскую духовную семинарию. На Пасху 2011 года возведен в сан протоиерея.

Свое поэтическое творчество автор воспринимает как продолжение пастырской проповеди.

Любителям поэзии известен по сборникам стихов «Врата вечности» (2010 г.), «Лепта души» (2011 г.) и «Троицын день» (2012 г.), многочисленным публикациям в России и за рубежом, а также песням, написанным на его стихи различными авторами. Является председателем Совета Международного клуба православных литераторов «Омилия», членом Союза писателей России, членом Академии российской литературы.

ВЕЛИКОЕ РУССКОЕ СЛОВО

На славном пути,
но суровом —
Не бунт, не разгул, не вино —
Великое русское слово
Нам Промыслом Божьим дано;
Чтоб искренне, чтоб без обмана,
Средь жизни земной, непростой
Душевные сглаживать раны —
Любовью, теплом, чистотой.

Так было...
Но временем новым,

Как подлые тати* в ночи —
Великое русское слово! —
Явились твои палачи.
За слог чужестранный радея,
Безбожия гимны трубя,
Призвав гордеца, лиходея,
Марают, ломают тебя;

Гнетут, не имея стеснения, —
О Господи, это тупик?..
Мы молим: спаси от растления
Тобой освященный язык;
Чтоб, зла сокрушая оковы,
Ниспослано волей Отца,
Великое русское слово
Стучалось в людские сердца.

МАТЕРИ

Меня — из рук заботливых и чистых,
Забыв про сон, про ход привычный дней,
Вскормила ты с любовью бескорыстной
От колыбели крохотной моей.

Я резво рос. Во всем ли так, как надо?
Крепилась ты, надежды свет храня...
Я на земле не знал другого взгляда,
Что столь желанно принимал меня.

Но, ставши взрослым, занят сам собою,
К тебе, мой ангел, духом остывал.
О самой близкой, посланной судьбою,
В кругу забот лишь мельком вспоминал.

Прости же мне, что в трудный день ненастный
Я был далек и твой не ведал страх;
Что ты ждала так долго, так напрасно
Слова сыновней ласки на устах.

Прости, что жил, столь редко утешая,
Моих ошибок в сердце не храни.
Прости меня...
За все прости, родная,
И пред Творцом в молитвах помяни.

Как счастлив я, что в мире сём, мятежном,
Познал тебя от жизненных дверей
Той — самой доброй, искренней и нежной —
Любимой самой матерью моей.

---

* Тати — воры.

Новый стих, на стих не похожий.
Он кричит! Но голос невнятен.

В нормах — не скупое наследство,
Не тюрьма, где душно и страшно.
Нормы — это верное средство
Донести о вечном и важном.

Так звучи же ясно и нóво,
Слово, облеченное в рифму, —
В рифму, доносящую слово
Сердце покоряющим ритмом!

* * *

Удел справедливости — сень Небес,
А землю все чаще терзает плач:
На каждого Пушкина — свой Дантес,
На каждого гения — свой палач.

НЕ СУДИ

Выйдя в мир от земного порога,
Добрых мыслей себя не лиши.
Не суди однозначно и строго
И взглянуть свысока не спеши.

Разберись: может, что-то не понял
Ты в чужой, очень сложной судьбе?
Или сбился — за правдой в погоне,
Иль гордыня выиграла в тебе?

Может, прежде чем вторгнуться в душу,
Ты в глаза позабыл посмотреть?
Очень редко умеем мы слушать,
Очень мало способны терпеть.

Не суди однозначно и строго —
Радость сердца храни своего.
Не суди: все мы ходим под Богом,
Все — любимые дети Его.

ВРЕМЕНА ГОДА

I

Весна роскошно правит свой приход,
Устроив красок пышное веселье.
От суеты похож на новоселье
Знакомых птиц блистательный прилет.

Природы песня звучна и легка,
Бодры лесов зеленые покровы;
И каждый миг исполнен жизни новой,
И дышит ветер сладостью цветка.

... Так учит нас весна не унывать,
Оставить в прошлом ветхие стремленья,
Спешить туда, где свежесть обновленья,—
Туда, где жизни лучшей благодать.

II

В беспечный мир, разбуженный весной,
Нагрянет лето мудрым ревизором,
Оно окинет все практичным взором,
Не обольщаясь пышностью пустой;

Ведь лето любит добрые плоды, —
Все то, что раньше жидилось, вязалось,
В цветенье нежном сказочным казалось,
Желая довести до полноты.

Тем самым лето дарит свой совет,
Вещая нам, в созвучии с природой,
Что каждый в жизни ценится по плоду,
А кто бесплоден — праздный пустоцвет.

III

Распишет осень тихие леса
Своим коронным сказочным узором.
Так дивно все!

Но только грусти зовом
Наполнены природы голоса.

Душою чуткой можно уловить,
Как обреченно сила жизни тает,
Как вся природа мирно угасает...
И ничего нельзя остановить.

Так, раскрывая важный свой урок,
«Ничто не вечно», — убеждает осень,—
Сегодня ты силен и плодоносен,
А завтра жизнь подводит свой итог.

IV

Замкнет зима времен неспешный ход
И, воцарившись, станет безутешно
Морозным днем и воем вьюги снежной
К своим порядкам приучать народ.

Когда ж иссякнет жажда новизны,
Когда рассудят: дни надежд бесплодны,—
Тогда внезапно... в зимний мир холодный
Прольется жизнь ликующей весны.

Зима нас учит: чем трудней нести
Тебе свой крест (когда надежды мало),
Чем резче боль и глубже скорби жало,—
Тем ближе Бог, желающий спасти.

ВЧЕРАШНИЙ СНЕГ

Вчерашний снег желанным был и чистым
И в торжестве природных сил кружил.
Податливый, веселый и пушистый,
Он сладость ветра людям доносил.

С живым восторгом, подоспевши вдруг,
У окон дети долго наблюдали,
Как снег добротнo, нежно одевает
Деревьев станы, крыши... все вокруг.

Снег выпал весь,
и небо стало ясным,
Проснулся город, обновленно-свеж;
И мир открылся сказочно-прекрасным,
И снег казался отблеском надежд.

Но в день грядущий солнце припекло,
В сердца людей иной восторг вселяя,
И снег вчерашний обреченно таял,
Сбиваясь в грязь предательски легко.

И снег сошел... и слякоть, наступая,
Взяла свое, и город хмурым стал,
И брел народ, вчерашний снег ругая, —
Красот его никто не вспоминал.

АЛЕКСАНДРУ СЕРГЕЕВИЧУ ПУШКИНУ

Угасло пламенное сердце...
Погиб поэт... Оборван стих —
Рукой порочной иноземца,
Молвой наветчиков слепых.

Но слово ясное поэта
В душе людской отозвалось —
Над ложью суетного света,
Века минув, вознеслось.

Владимир Резцов
(г. Тула)

ОТ КУТЮР*

Случилось дивное при нынешнем ворье,
Хоть чудеса такие нынче в норме:
Заботы об армейской новой форме
Взял на себя лукавый кутюрье.

Солдат он зимнего лишил воротника,
Наверно, не затем, что их не жалко,
Но дабы впредь военная закалка
Была январской стужею крепка!

Сукнишко новое по швам ползет, как встарь,
А стоит против прежнего немало.
За озорство подобное, бывало,
Светлейшего лупил Великий Царь!

Для чести воинской неслыханный урон,
Но одному порадуемся вместе:
Спасибо, что не на причинном месте
Болтается единственный погон!

---

* Стихотворение печатается в журнальном варианте.

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

В 2011 участвовал в Межрегиональном поэтическом конкурсе, посвященном 190-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. Вошел в число дипломантов и лауреатов Конкурса. Стихотворение «На Ветлуге» и небольшая поэма «Чертовка» опубликованы в сборнике ГБУК г. Москвы «ЦУНБ им. Н. А. Некрасова» — «Венок Некрасову».

НА ВЕТЛУГЕ

Посвящается памяти моего отца Лебедева А. Н.

1

Мы оставались на ночлег.
Прохладой веяло с Ветлуги,
Душистой мятой от луга,
В костер пошли остатки слег.
Отец к реке сходил за «чаем»,
Принес смородиновый лист,
Замолк в кустах пернатых свист,
День догорал, закат причалил.
Костер трещал, и не жалея дыма
Все норовил попасть в глаза,
А комаров гоняла прутиком лоза,
Я в сон упал, не промахнувшись мимо.

2

Проснулся оттого, что плещется река,
И птицы завозились и запели,
Вершины у деревьев посветлели,
Как будто свет идет издалека.
Свободу холод мне принес из плена,
Проснулся, мелко задрожал.
«Сейчас согреешься»,— отец сказал,
Кладя в костер охапку сена.
Деревня просыпалась, из распадка
К нам вышел утренний рыбак,
И громко крикнул: «Эдак и растак»,
Отец притих, не ожидав нападка.

«Подумай сам и вспомни детство,
Ведь сколько пота и труда
Вложить приходится всегда,
Чтоб накопить охапку сенца!»
И молча, выслушав укоры,
Сказал в ответ, винясь отец:
«Прости,
но больно уж замерз малец,
И нам ли эти горькие раздоры!»
Одно скажу, мне это не приснилось,
Я больше уважал отца с тех пор,
За то, что, молча, принял он укор —
Крестьянской правды справедливость.
Мы жизнь порою познаем
Без обязательных уроков,
И не в намеченные сроки,
Мы ей экзамены сдаем.

ЧЕРТОВКА

(по народной легенде)

«Чертовка» — омут на реке Ветлуга.

Облетает лист. С утра морозы.
По урезу тоненький стежок.
Потянулись сенные обозы,
И порхает бабочкой снежок.
На Ветлуге тихо и погодно,
Над водою шевелится пар,
Рыбаки у омута сегодня
Завели легенду про татар.
Быстрина мутится под угором,
Вымывает ямину в воде,
Это место за сосновым бором,
Называют Чертовкой везде.
На Ветлуге разговора глаже
Не бывает, чем у рыбаков:
«То, что здесь вода темнее сажи,
Сохранился сказ былых веков.
Проходила к берегу дорога,
В Городец из Нижнего объезд.
Так случилось, по веленью Бога,
Перевоз короток, ровный съезд.
У воды в землянке под горою
Проживала русичей семья,
Бают, жили здесь всего-то трое,
Их кормили воды и земля.
По грибы в сосновый бор ходила
Молодая самая из них,
Птицу в лет из лука метко била,
И ждала — объявится жених.

Звали Анной русую девчонку.
Потеряв родителей давно,
Помогала деду на лодчонке,
Бабушке размалывать зерно.
Басурманы батюшку убили,
Проезжая лесом как-то раз.
Мать ее с собою захватили,
Но троих Отец от смерти спас.
Не обсохли росы, чуть светает,
Захватив с собою туесок,
За черникой Аннушка сбегает,
Повязав по-девичьи платок.
Поднималось утро над Ветлугой.
По дороге, в облаках пыли,
Чуть звеня уздами и подпругой,
Татарвы отряды подошли.
Залетели вороны в землянку,
Потянули руки к образам,
А другие в дедову долбянку
Загружаю свой татарский хлам *.
Старики на это возмутились,
Кинулись иконы выручать.
Но за сабли вороги схватились,
Бросили убитых на кровать.
Возвратилась Анна, вечерело.
Нараспашку выбитая дверь,
И от горя сердце почернело,
Это люди были или зверь?
Не сломилась Анна от печали,
Вместо боли – ненависть в груди,
Поклялась, что будет, крепче стали,
Только бы ей ворогов найти!
«Отомщу за смерть отца и мамы,
За убитых утром стариков,
А иначе не сносить мне срама,
Коль не покараю я врагов».
Мамутек Казанью тогда правил,
И 700 татар послал в Устюг,
Что бы рухлядь * в городе собрали.
Те собрали и пошли на Юг **.
По пути грабеж в лесах чинили,
Черемисам страшная беда.
Подойдя к Ветлуге, как застыли:
Лед был тонок, в полыньях вода.
На Ветлуге тихо и морозно,
Правый берег полон деревень,
Не пройти татарскому обозу,
Заломили шапки набекрень.

---

* Хлам, рухлядь, — здесь, домашний скарб, пушная рухлядь — пушной товар. В. И. Даль.

** Юг — река, правый приток Северной Двины.

По кустам, сбивая колкий иней,
Девушка идет, проста на вид...
Подошла и встала рядом с ними,
По-татарски — смело говорит:
«Пробежать бы надо очень быстро,
Все места я знаю наизусть,—
И в глазах ее взметнулись искры,—
Что же вы? Ну, кто из вас не трус?»
Одолели быстро мелководье,
Толстый лед — удерживает всех.
Но быстрее к омуту подводит,
Огласил Ветлугу Анны смех.
«Так тоните, вороги лихие!» —
И тот зов — переняла река,
Поглотила басурман стихия,
Сохранив легенду на века.
Как ломился лед под диким криком,
Как тонули вороги в воде,
И цеплялись жадно, хищно, дико
За добро, на крови и беде.
Закричали, сразу вспомнив черта,
Сатаню девушку назвав.
Но водой Ветлуги крики стерты,
Утонули, в омуте пропав.
Прокляли татары этот омут,
Даже близко лесом не идут.
Но сказанья старины не тонут,
Омут Чертовкой с тех пор зовут».
Облетает лист. С утра морозы.
По урезу тоненький стежок.
Потянулись сенные обозы,
И порхает бабочкой снежок.
На Ветлуге тихо и погодно,
Над водою шевелится пар,
Рыбаки у омута сегодня
Вспоминали сказы про татар.

Галина Лялина
(г. Донской)

Родилась в 1950-м году в городе Донском Тульской области. По специальности — медицинская сестра. Стихи начала писать с 2000 года. Тогда же началось сотрудничество с «Донской газетой», внештатным корреспондентом которой является до сих пор. В газете постоянно публикует стихи, статьи, очерки и заметки. С 2001 года — член Новомосковского литературного объединения «НЛО», печатается во всех его ежегодных альманахах. Член Тульского Православного литобъединения «Ковчег». Произведения опубликованы в альманахах и коллективных поэтических сборниках: «День Тульской поэзии 2010», «Ковчег», «Дороги», «Свет любви», «Дорогой наш Донской», «Православный Новомосковск», «Души и разума союз».

Вышли в свет шесть авторских сборников стихотворений: «Мир чудес», «Мы разные», «По ступеням», «Время сеять добро», «Я в Тульском крае рождена», «Заповедано свыше». Награждена почетным дипломом Международной премии «Звезда Чернобыля» в области литературы и искусства за 2010 год.

В 2004 году стала лауреатом областного конкурса «Женщина года — 2004» в номинации «Женщина — культура и духовность». Награждена дипломом участника конкурса «Лучшая публицистическая работа о городе Донском» и многими грамотами и благодарственными письмами от главы Донского муниципального образования, от Комитета по культуре и от Председателя правления Тульского областного отделения общественной организации «Союз Женщин России».

О ДУШЕ ДАВАЙ ПОГОВОРИМ (стихи в прозе)

Что такое душа? Ее кто-нибудь видел? Разумеется, нет. Она посланница тонкого мира, духовного и потому незрима для глаз.

Человек есть не что иное, как триединство Духа, Души и тела. Тело физическое тленно, а Дух и Душа нетленны. Тело состоит из земных элементов, а Душа — небожительница, Божественная субстанция, из тончайшей неземной материи сотворена. Поживет она в теле какое-то время, пока тело, как платье, не износится и не придет в негодность, и покинет его, отправляясь в «путешествие» по небесным орбитам. Она с радостью возвращается в свой родной Отчий Дом. Тяжко ей пребывать вдали от дома небесного. Для чего же она на земле? Наверное, для совершенствования, для эволюционного развития. А еще пройти уроки и испытания и выполнить определенную задачу на земле. Но сделать это ей, как ни странно, мешает ум. Да, да, именно ум. Ведь человек привык жить в тесном союзе с умом, а не с душой и сердцем. И выполняет он команды ума. Что ум диктует, то человек и делает, не прислушиваясь к голосу души.

Голос души — это голос совести. Часто ли слышим его? Живем ли по совести? Далеко не всегда. Больше по расчету. Общепринято, что расчетливый человек имеет больше шансов стать успешным. Но успешным в чем? В бизнесе? Современный бизнес не есть благо для души. В нем присутствует страсть наживы, страх потерять его, обман и другие негативные моменты. Радость покидает и человека все больше одолевает тревога и беспокойство. О какой уж тут гармонии с собой и окружающим миром можно говорить... Душа при этом страдает. Она лишена Божественного Света и силы тьмы завоевывают все большее пространство в самом человеке. Эти силы озлобляют, ожесточают, приводят к необъяснимой раздражительности и недовольству. Человек при этом отдаляется от Бога и лишается Его благодати. Так происходит всегда, если мысли о материальном благополучии преобладают над духовностью, то есть нарушена гармония между Духом и материей. А такого не должно быть. Ведь это ум, а не душа жаждет обогащения. Душа нуждается в другом — в любви, в радости, в заботе, милосердии, доброте. Человек, дитя Божье, вспомни о своей душе, обрати свои мысли к ней. Спроси ее: «Чего ты хочешь, душа?» В тишине спроси, не суетясь. Не пожелает она ни терема богатого, ни иномарки навороченной, а захочет гармонии, света Божьего и вдохновения, сравнимого с состоянием полета. Бог навстречу тебе, душа.

* * *

Залита солнечным светом
Милая сердцу земля.
В яркую зелень одеты
Рощи, луга и поля.
Листьев резных изумруды,
Неба простор голубой.
Разве не Божие чудо
Веток зеленый прибой?
Скверы, сады и аллеи
Первым омыты дождем.
Сердце трепещет и млеет
В радостном чувстве своем.
Блещут алмазной росой
Нежных цветов лепестки.
И захотелось босою
Лугом бежать до реки.
Залиты солнечным светом
Рощи, луга и поля.
Струнами сердца воспета
Милая сердцу земля.

МОЯ ЖЕНЩИНА

Моя ты женщина. Любовь моя.
Тебе одной я сердце доверяю.
Тебя искал по белу свету я
И никогда уже не потеряю.
Тебя одну, любя, боготворю.
Прекрасней нет тебя, моя богиня.

Я, сколько хочешь, это повторю,
Шепча твое божественное имя.
Я счастлив тем, что я тебя нашел,
И ничего мне лучшего не надо.
С тобой всегда легко и хорошо
Под шум дождя и шорох листопада.
Моя ты женщина, любовь моя.
Твой нежный взгляд мне сердце согревает.
С недавних пор поверил в чудо я
И счастлив тем, что чудеса бывают.

* * *

Кудрявый клен с рябинкой
Склонились под окном.
Российская глубинка...
Здесь старый отчий дом.
Хорошее местечко —
Приволье и простор.
И луг, и лес, и речка
Мне снятся с давних пор.
Но только все, что было,
Быльем позаросло,
И клен глядит уныло
В оконное стекло.
С рябиною на пару
Приветствуют меня.
Закат сплошным пожаром
Горит на склоне дня.
Так грустно, одиноко
Мне стало в этот час.
До ночи до глубокой
Я не сомкнула глаз.

* * *

Любовь не плачет от бессилия —
Слезами горю не помочь.
Она, как с рога изобилия
С небес струится день и ночь.
Планеты, звезды... вся Вселенная
Таят в себе Любовь и Свет.
Ее огни благословенные
Горят без численности лет.
Любовь всеильна, без сомнения,
И благодатный свет ее
Приносит миру обновление
И радость в наше бытие.
Любовью сферы все охвачены.
Да затрепещут силы тьмы!
Святым распятием заплачено
За то, чтоб возлюбили мы.

АНГЕЛ
(намечталось)

Небесный ангел изредка стонал.
Взлететь пытаюсь, падал от бессилья.
Лишь имя ангелины он шептал,
Сложив свои израненные крылья.
Но как он оказался на земле?
Какое с ним случилось вдруг несчастье?
Не прочитать на ангельском челе,
В ком принял он сердечное участие.
Возможно, он кого-нибудь спасал,
Какого-то парнишку иль девчонку,
А сам безмолвно, тихо угасал
От автомагистрали чуть в сторонке.
Что ж я стою? Ведь я же медсестра,
И ангелу помочь необходимо.
Хоть дождик лил, как будто из ведра,
Но не могла никак пройти я мимо.
Склонилась и подняться помогла,
На помощь к нам спешил еще прохожий,
И вдруг ожил, расправил два крыла
И воспарил над нами ангел Божий.

Анна Барсова
(г. Екатеринбург)

Анна Барсова (литературный псевдоним Анны Барсемян) поэт, публицист, переводчик, обладатель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (М. 2009), премии имени А. С. Грибоедова (М. 2010) и ряда других федеральных наград.

А. Барсова родилась в городе Харькове. По образованию — филолог, культуролог. Много лет А. Барсова трудилась на КАМАЗе в Набережных Челнах, в сфере культуры и образования. Стояла у истоков создания детских и молодежных творческих коллективов объединения «КАМАЗ». Позже преподавала в филиале Московского университета культуры и искусств и государственной школе театрального искусства, вела встречи в литературной гостиной и возглавляла региональное творческое объединение «Муза».

А. Барсова — автор четырнадцати книг стихов, баллад, поэм: «Река времени» (1994), «Голубой огонь» (1996), «Рубеж» (1998), «Время и пепел» (2003), «И день, и ночь...» (2002), «Очарованная странница» (2003), «Биение сердца» (2005), «Камская тетрадь» (2007, 2009), «Звезды над Араратом» (2008), «Облаканная солнцем» (2009) и др. Основные темы стихотворений, баллад, поэм: раздумья о судьбах России в переломную эпоху, о жизни и смерти, любви, верности и дружбе, единстве человека, природы и мироздания, традициях русской классической поэзии. В настоящее время проживает в Екатеринбурге.

ЛЮБИМЫЙ КРАЙ

Где любимый край мой, речка Ангара,
Волны голубые в искрах серебра,
Лес — каймой у берега и уходит вдаль,
Хорошо в Америке, а у нас — февраль!
Пусть кружит и вьюжит, это ничего,
После зимней стужи будет нам тепло!
Полечу голубкою в милый, светлый край,
Стану незабудкою!.. Родина, встречай!
Иль травой зеленою вырасту в степи,
Родина, красавица, лучше нет земли!

ДУМЫ

Ночь ложится на сонный город.
Засыпает звезда в вышине.

Я одна. Подниму шубы ворот,
Что-то зябко мне по весне.
То ли студит ветер-бродяга,
То ли страхи мешают идти,
Где вы, молодость и отвага,
Нам всегда было по пути?!
А по улице катят машины,
Все подъезды закрыты давно.
Домофоны, реклама, витрины,
Жизнь шальная здесь и в кино.
Убивают, играя, стреляют
В казино и на мостовой...
Время в вечность путь продолжает,
Мы бежим дорогой какой?!

Из цикла «Жемчужины»

* * *

Ах, как годы пролетели,
Время мчится, тает, тает...
Ветер свищет, рвет одежды,
Третий возраст наступает!

БИБЛИЯ

1

Божественное дыханье
И негасимый свет.
Вобрала в себя мирозданье,
На все нам дала ответ!

2

В какой из книг мы узнаем себя,
Смеемся, плача, и живем, скорбя?
В какой из книг нам Богом дан завет?
То — Библия! В ней — вечный свет!

* * *

Все — надеждам доверьте,
Жизнь дорогой проверьте!
Она — света начало,
Живешь век, а все мало.
Она — солнца напиток,
Но в ней яда избыток!

ОКТАБРЬ

Задумчивый, октябрь,
Янтарный, золотой,
Поговори, октябрь,
Поговори со мной!
Пойдем с тобою рядом
По солнечной листве,
Нет лучше в мире сада
На голубой земле!
Мы постоим у Камы,
На реку поглядим,
Потом с тобой, октябрь,
О прошлом загрустим:
О лете синеглазом,
О луге полевым,
О солнце златовласом,
О миллом, дорогом.
Найдем покой и счастье
В небесной вышине...
Побудь со мной, октябрь,
На ласковой земле!

Евгений Трещев
(г. Щекино)

Трещев Евгений Иванович родился 02.03.1948 года в городе Щекино Тульской области. Поэт, прозаик, краевед. Образование высшее. Технический директор ООО «ЩекинСтройПроект». Член союза писателей России. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Почетный работник общего образования Российской Федерации. Почетный учитель. Почетный работник газовой промышленности РФ. Почетный проектировщик. Заслуженный строитель. Ветеран газификации Тульской области. Ветеран труда. Почетный гражданин Чернского района Тульской области.

Автор 28 книг, в том числе первых в Тульской области муниципальных учебников по краеведению. Печатался в коллективных сборниках, альманахах, журналах, хрестоматиях, антологиях, газетах (более двухсот семидесяти печатных работ). Главный редактор литературных альманахов «Приупские просторы», «Солова».

Принимал участие в подготовке статей для «Энциклопедии городов и районов Тульской области».

Награжден «Знаком Ордена Доброты», четырьмя медалями, десятью ведомственными знаками. Лауреат литературного конкурса «Поэтическое братство».

Имя Е. И. Трещева внесено в энциклопедию «Лучшие люди России» (2004 г.), в «Тульский биографический словарь. Новые имена», в сборники «Наши знаменитые земляки», «Лучшие учителя Щекинского края», в «Энциклопедию городов и районов Тульской области», в путеводитель «Край наш Тульский», в сборник «Дарящие тепло. ОАО «Тулаоблгаз», в судьбах и лицах».

ЖУРАВЛИ

На ветках акации белой,
В седеющей утренней мгле
Копились, стекали дождинки,
Стучали по твердой земле.

И тут в тишине предрассветной,
В заоблачной серой дали,
С курлыканьем грустную ноту
С собой принесли журавли.

И сердце в печали нездешней
Тревожно забилося в груди.
Как-будто повеяло вечным,
И тронуло струны души.

МАМЕ

Повстречал ее отец на танцах в клубе,
Сердце сразу дрогнуло в груди.
Ну, чего же ты, отец, застыл у двери?
Пригласи на вальс девчонку. Пригласи.

А девчонка та полна задора,
Красотой и юностью светя,
Закружилась в танце этом плавном,
А потом и вышла за тебя.

Многое им выпало на долю —
Было счастье и была война,
А потом отца у нас не стало,
И теперь, родная, ты — вдова.

Ты одна детей двоих растила,
Через трудности и тяготы прошла,
Ты сама и кроила, и шила,
Нас по жизни за собой вела.

И сегодня, в этот день осенний,
Улыбаясь глядя на тебя,
Тихо я скажу: «Спасибо, мама.
Будь здорова. Ты у нас одна».

ОБРАЩЕНИЕ К ОТЦУ

Отец, когда ты умирал,
В тебя вцепившись, я кричал.
Мальчишке трудно без отца —
Ты в мыслях рядом был всегда.

Я помню: ты со мной играл,
Машину делал, наставлял.
Как в школу за руку водил
И азбуку, смеясь учил.

Был строг и резок иногда,
Но очень ты любил меня.
И то душевное родство
Оно во мне. Оно мое!

И в радости, и в трудный час
Стоишь ты рядом возле нас.
И хоть сегодня старше я —
Ты мой советчик и судья.

Всю жизнь свою с тобой равняю,
Грущу с тобой и размышляю.
И знай — тебе благодаря
Я эту жизнь прожил не зря.

С РУБИНОВОЙ СВАДЬБОЙ!

Посвящается Трещевой В. И.

Сидит за праздничным столом
Со мной моя жена.
В четвертом классе встретил я
Свою любовь, друзья.

Четвертый класс! Четвертый «А»
Я помню. Как забыть?
Ведь именно тогда узнал
Как сладостно любить.

Уже тогда я твердо знал,
Что будешь ты моей.
А как иначе? Для меня
Нет никого милей!

А время не идет — летит,
Теряя след в дали.
На нас рубиновый отсвет —
Прекрасный свет любви.

За сорок лет не пожалел,
Что нас свела судьба.
Она подруга, крепкий тыл,
Советчица, жена.

Я тост сейчас произношу,
Любуясь на жену.
За верность, доброту, любовь
Ее благодарю.

РОСИНКИ

Росинки, милые росинки,
Вы так похожи на слезинки.
На листьях и траве с утра
Блещут капли хрусталя.

Вот лист немного наклонился,
Узор хрустальный изменился.
Росинки слабо трепеща,
Висят на кончике листа.

Прохладно. Солнышко восходит,
А вместе с ним рассвет приходит.
Росинки с лучиком играют
И, испаряясь, улетают.

РАДУГА НА НЕБЕ ЗАСИЯЛА

Душный день. Цветы благоухают,
Ожидая теплого дождя.
В небе быстро тучки проплывают,
Тенями играя и маня.

Вот, упала капля дождевая,
Пыль смывая, свежесть принося.
Радуга на небе засияла
И плывут под нею облака.

Шелестят зеленые дубравы
В мелких каплях летнего дождя.
В них, как в бриллиантах, отражаясь
Радуга сияла и росла.

ТРОПИНКА

А. И. Слепцовой.

Вьется незаметная тропинка,
Пни, кусты, деревья обходя.
Вдруг, в овраг нырнула,
А на склонах — всей цветочной
радуги цвета.

Колокольчики ромашку обнимают.
Лучик солнца отражается в росе.
Бабочки среди цветов порхают,
Земляника прячется в траве.

Мальва, иван-чай и медуница,
Зверобой, фиалки, васильки...
Аромат чарует и струится.
Место первозданной красоты.

ВЕЧЕР НА БЕРЕГУ

Сыну

Догорает летняя заря,
И бледнеют, угасающие краски.
Солнцем разогретая земля,
Остывает от небесной ласки.

Ночь приходит. В небе — чернота.
Россыпь звезд ярка и бесконечна.
И заливи́стая песня соловья
Так чиста, задорна и беспечна.

Свежестью чуть тянет от реки
С неумолчным лягушачьим стоном.
А чарующие трели соловья,
Как сигнал любви летят над Доном.

В ГОРАХ ТАВРА

Среди бегонии кустов,
Украшенных цветами,
Журчал ручей, шуштал листво́й,
Теряясь меж кустами.

На камнях мох сплошным ковром,
Листвы опавшей кучи.
Обвитые густым вьюном,
Кусты по краю кручи.

И, падая с горы, ручей
Под солнечным сиянием
Преобразился, засверкал
Восточным одеянием.

УТРО НА ОКОЛИЦЕ

Мигают звезды в небе сером.
Чуть слышно шелестит листва.
И звук в промозглой темной ночи
Распространяется едва.

Дымится пруд белесой дымкой.
Немножко холодно, сыро.
А ветерок, вдруг, налетевший
Заставил кутаться в пальто.

На небе светлая полоска
Растет, алеют облака.
Вот, воробьи загомонили,
Собравшись кучкой у скирда.

Светает быстро. Лучи солнца
Упали косо на траву,
И заискрились, заиграли,
В алмазы превратив росу.

КАРАДАГ

Теще Е. Д. Родионовой.

Когда-то здесь тряслась земля,
И лава, в сполохах огня,
По склонам этих гор текла.
Дымком одетая гора,
Тряслась, гремела и росла.

Потом разрушилась она,
В пучину вод морских ушла...
Идет извечная борьба
Волны и старого хребта.
Прибой песок чуть шевелит,
А в нем играет и блестит,
То халцедон, то сердолик.
У берега, невдалеке,
Дельфины плавают в воде.
Нырнул под воду:
Чудеса. Переливаются цвета.
Медуза мимо проплыла.
А впереди вдруг из песка,
Как острый риф, торчит скала.
И стайки рыб у той скалы
Порхают словно мотыльки.

С тех пор мне видится во снах
Хребет с названьем Карадаг.

Геннадий Гоманчук
(г. Тула)

Окончил Тульский политехнический институт, инженер-электромеханик. Работал в оборонной промышленности, на заводах. Изобретатель. Публикуется в альманахе «На крыльях «Пегаса». Автор книги «Деловой понедельник».

Мы встретились совсем неожиданно
На перекрестках суеты.
Во исполнение желаний
Нам стало слово Я и Ты.

И ведая, творили сами
Воспринимая лишь на треть.
Качалась буйно под ногами
Нам только созданная твердь.

Развалины нам храмом были,
А древний парк, вдруг мой и твой,
Раскинув радужные крылья,
Нас укрывал своей листвою.

Застежки, пуговицы, кнопки,
Объятий, ласок жгучий жар.
И был неистовым и робким
Любви и страсти чудный дар.

Как акт творенья и блаженства
Сплетенье тел, смятенье рук,—
Плоды любви и совершенства
Горячих и искусных губ...

* * *

Вы вошли в полутемную комнату,
(Тихой музыкой — скрип половиц),
подавая прохладе и сумраку
Равновесие Ваших ресниц.

Трубку стиснули будто волнуясь,—
Непонятно одни ли, вдвоем,—

Не заметили, как я люблюсь
Голубым Ваших глаз миндалем.

И как будто впадая в ошибку,
Разрывая беседы кольцо,
Подарили нежданно улыбку
Осветившую Ваше лицо.

* * *

Что легче: уходить, встречать ли, находиться,
Молчать ли, говорить, с друзьями или без,
Прощенья ли просить, стыдить ли, умилиться,
Чертям отождествлять иль ангелам небес?

Что легче: уходить, встречать ли, находиться,
Смотреть глаза в глаза, глядеть вослед,
Спешить, лететь ли, ждать, терпеть, не торопиться?
Спросите у себя — не знаю я ответ!

НЕИЗВЕСТНОЙ

Почему другим, а не тебе
Все тепло, которое осталось.
Поздних дней осенняя усталость
Заставляет душу холодеть.
Почему другим, а не тебе?

Почему вдруг с нежною тоской
Встреченным заглядываю в лица?
Памяти не вороша страницы,
Что листал неласковой рукой.
Почему вдруг с нежною тоской?

Почему несу в вечерний сад
Я любви неутоленной проседь,
Окуная краски цвета осень
В увядающие небеса?
Почему один в вечерний сад?

Почему рассудку вопреки
Верую, как в первый день творенья
Вечности безумного мгновенья,
Что передо мной явилась ты?
Почему рассудку вопреки?

...

Почему другим, а не тебе?

* * *

Случайно выпали из позабытой книжки
Нечайной памяти нечаянный намек:
Ах, два билета,— раз бывает бабье лето —
Нечайной радости нечаянный упрек.
Нечайной радости нечаянный упрек.

И уходя, не попрощавшись, безвозвратно,
Цветы полынь дарило нам с тобой:
Ах, два билета,— раз бывает бабье лето —
Там цвет надежды, словно неба — голубой.
Там цвет надежды, словно неба — голубой.

Не приходи, не мучай, не кончайся
Моей души не утоленный свет:
Ах, два билета,— раз бывает бабье лето —
И цвет полыни там, как яблонь белый цвет.
И цвет полыни там, как яблонь белый цвет.

* * *

Не обещай наполовину,
Не говори ненужных слов,
Не называй «любовь» картину
Соединения умов.

Душа упьется грез отравой,
Глаза — сиянием лица
Без устали, без слов, без права,
Без ожидания конца!

Александр Евдокимов
(г. Тула)

Александр Николаевич Евдокимов стихи начал писать после окончания средней школы. Публиковался в газете «Красный воин», литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори», литературном альманахе «На крыльях «Пегаса»», член литобъединения «Пегас» при Тульском областном отделении Союза писателей России

*Героическому сражению двух русских
кораблей — крейсера «Варяг» и канонерки «Кореец»
с семикратно превосходящей японской эскадрой
27-ого января 1904 года — посвящается...*

ПРОРЫВ

На протяжении веков,
Порою не жалея жизни,
Не мало было туляков
В делах служения Отчизне.
Отважных подвигов — не счесть
В горниле войн. И в годы сии
На Доблесть умножалась Честь,
Когда в опасности Россия!..
Священна русская земля:
Земная твердь, морская влага,
И даже мостик корабля —
Частица Родины и флага
С двуглавым греческим орлом
Под императорской короной.
Милитаризма близок гром
В спесивой ярости зловонной.

...Двадцатый век. Четвертый год.
Он вкус военщины изведal
Постыдной горечью невзгод
От рук восточного соседа.
Улыбки — источают лесть,
Склоняясь в почтительном поклоне.
Но мысли — жесткие, как жесьь,

Смакуя схватки и погони.
В чужую вторгнуться страну
Ума особого не надо...
Начать Японии войну
Велел божественный микадо.
И напозла десантов рать
От Сахалина до Амура.
Маньчжурию к рукам прибрать,
Начав с твердыни Порт-Артура.

...Внезапностью достичь итога
У адмиралов план готов:
В эскадре Уриу и Того
Шесть броненосных крейсеров.
И восемь юрких броненосцев,
Пяток десантных кораблей.
Китай, Корею, дерзких россов
Завоевать! Да поскорей!..
Без объявления войны.
От злобной выходки — пьяны.
Содрать побольше контрибуций,
Частично истребив народ,
Ведь говорил еще Конфуций,
Что самураи — алчный сброд.

Дымит японская армада,
С крутой волной вступая в спор.
Ей завладеть сначала надо
Нейтральным портом Чемульпо,
Что рядом, в Северной Корее,
И медлить не имеет смысла.
У флагмана сигнал на рее:
— С эскадры миноносец выслать
В разведку, просинью куржавой
Узнать, что деется в порту,
Чьи там суда, какой державы,
А мы — подтянемся к утру.
Разведка ела хлеб не зря,
Огни в каютах пригасили:

— «В порту — два русских корабля —
Частица малая России.
Один из них — новейший крейсер
Под звучным именем «Варяг».
Он в полукругосветном рейсе
Пока себя не знал в боях! —
Означено надежной сводкой.
С «Корейцем» — канонерской лодкой
Он в Чемульпо стоит на рейде.
Уйти готовясь в Порт-Артур.
Чтоб не успел поспеть к обедне,

Сыграем с ним последний тур!
Оторваны от главных сил...
Откуда ж к ним придет подмога?!»
Решили Уриу и Того,
Чтоб недруг мира запросил.
Спустил собственноручно флаг —
Крест голубой на белом поле.
Смог избежать кровавых плах
И Родину забыл в неволе.
Незыблем самурайский дух.
Пусть дипломаты льстят лисою
Возьмем без боя сразу двух,
Перекрестим «Ваярга» в «Сойю».
«Корейца»... этого — утопим,
Зачем ценить ненужный хлам?
Вот «Сойя» в боевом галопе
Немало лет послужит нам.

Отбил морзянку телеграф
На языке, понятно, русском:
— «Кто силой дюжен, тот и прав,
К тому же вы — в проливе узком,
Где маневрировать нельзя:
Повсюду отмели и скалы,
С эскадры гибелью грозят
Орудий жадные оскалы.
Ведь выход в море перекрыт
Четырнадцатью вымпелами...
А посему вам не сулит
Фортуна шанс в кровавой драме.
Андреевский спускайте флаг —
Крест голубой на белом поле.
На малых следуйте парах
На милость к нам, по нашей воле!»

...В кают-компании «Варяга»
Наперебой сердец порыв:
— Ни перед кем не спустим флага!
— Пойдем с «Корейцем» на прорыв!
...Жаль, устарела канонерка,
Развить не сможет нужный ход...
Ведь по адмиралтейским меркам
В строю уже двадцатый год.
Орудия не дальнобойны,
(Почти напрасен толк от них.)
В условиях грядущей бойни
Стрелять «Варягу» за двоих!..
И каперанг поднялся Руднев,
Что был «Варяга» командир:
— Иссякли безмятежья будни,
Японцами нарушен мир!

Готовьтесь к участи любой!
Позорно мы не спустив флага!
На Честь умножена Отвага,
Неравный принимаем бой!!

Двадцать седьмого января
Подняты в клюзы якоря.
Проливом следует «Варяг»,
За ним в кильватере — «Кореец».
Андреевский полощет стяг,
На доблесть россиян надеясь.
Орудия расчехлены
И каждое — готово к бою.
Вчера лишь не было войны,
И вот она перед тобою!
Затворы смачно заглотили
Снарядов бронебойных сталь.
Ведь до врага — четыре мили,
А не морских просторов даль.
Не легче, чем скала и мель,
Со всей эскадрой дуэль.
...Пробоины и кровь на трапах:
Там смерти дух вовсю витал.
Пироксилина горький запах,
Осколков, жалящий металл,
Но всяк стремился, кто как мог
Свой воинский исполнить долг.
Команды пострадала треть,
Орудий целых — в перечет...
Живым не жребий умереть,
Но как и мертвым, всем — почет!..
Сраженье длилось ровно час:
— Сейчас японцам — не до нас,
Урон подсчитывают свой.
Досталось врагу — с лихвой!..
Вернемся в Чемульпо опять
«Корейца» — миною взорвать.
Открыть на крейсере кингстоны...
Навряд ли ты услышишь стоны
Своих сынов, Россия-мать!..
Потеря явно велика,
Но мы не осрамылись сами:
Двум крейсерам намял бока
«Варяг» — «Наниве» и «Асаме».
Трех миноносцев подтопил,
Шимозы надышавшись смога.
Сбил спесь и самурайский пыл
С надменных Уриу и Того.
...На корабли других держав,
Чтоб не напасть японцам в бредни,

Командам обеспечен сплав,
А каперанг — ушел последним.

...Бинокль в руке, в мундир одетый,
При орденах и эполетах
В металле — Руднев-каперанг.
Под Тулой он владел именем,
Что Богучарово-село.
В соратниках ценил уменье
В улыбке лстивой видеть зло.
Как наречено офицеру —
За Честь, за Родину, за Веру!..
Героям слава — вековечна,
И Руднев — лишь один из них.
Не в одиночестве, конечно,
В истории — плеяда их!..
Прошло почти сто десять лет
С геройской гибели «Варяга».
В огне сражений и побед
Россия не спустила флага,
Чтоб кумача воздвигнуть цвет
На гордом куполе рейхстага.
...В спокойной гавани и в рейсе,
Чтоб остерегся хищный враг,
Хранит страну ракетный крейсер
Под славным именем «Варяг».
Есть в жизни мудрая стезя:
Традиций нарушать нельзя.
Неравный принял бой «Варяг»,
Агрессору пророча крах,
А Руднев — каперанг-туляк,
Достойный почестей земляк!..

Сергей Никулов
(г. Тула)

Поэзией увлекается с 2005 года. Публикаций не имеет. Член литературного объединения «Пегас».

ДОМ

*Снопом с полей, где ждет родная глушь,
Глядит луна в квартиру городскую
И не поймет: ну что же я тоскую
По развалюхе, проданной к тому ж...*

(В. Н. Савостьянов
«Я отыщу знакомую избу...»)

Постарел ты, родительский дом,
Смотрят окна твои с укоризной.
Бесприютен и хмур даже днем —
Незаметно и признаков жизни.

Ты стоишь как слепой старичок,
Потерявший дорогу в бурьяне.
На калитке оторван крючок,
Петли скрипнули мне на прощанье.

Расставаться навек не спеши —
Я к тебе еще в гости приеду.
Оставляю в залог часть души,
Мы с тобою продолжим беседу.

Не кручинься, умерь свою грусть,
Будут в жизни твоей перемены.
Ты дождись меня, дом! Я вернусь!!!
Пусть и в скромной табличке на стену.

ХРИЗАНТЕМЫ

Ветер к ночи накликал пургу,
Утром землю мороз запечатал.
Хризантемы в снегу.

Хризантемы в снегу!
Или вы перепутали даты!?

Безрассудно, себе на беду,
Вы сердца распахнули метели.
Хризантемы в снегу!
Хризантемы в снегу!
Слишком поздно любви захотели.

Как желанны могли быть в лугу...
Вы сейчас так растеряны, немые.
Хризантемы в снегу!
Хризантемы в снегу!
В белоснежной фате хризантемы!

Чем я вашей беде помогу!?
День вчерашний вернуть не сумею.
Хризантемы в снегу!
Хризантемы в снегу!
Я дыханьем соцветия грею.

Убирайся, пурга, со двора!
Погоди заметать все на свете!
Пусть промчалась пора,
Но я только вчера
Свое счастье нежданное встретил.

Хризантемы мои!
Хризантемы...

КУПАЛЬСКАЯ НОЧЬ

От седых времен Сварога
Русь ведет годам отсчет.
Сквозь века бежит дорога,
Старины забылось много,
В сказках, разве что, живет.

Летней ночью на поляне
Древний ясьень рассказал,
Как встречали праздник ране
Наши пращуры — славяне.
Что услышал — записал:

— Месяц — шут в рогатой кике
Ухмыляется с небес.
Как неверны, жутки, дики
Скачут по деревьям блики —
Замер изумленный лес.

Сноп огня в ночи пылает,
И не гаснет до утра.
Искры к звездам поднимает,
Гладь речную освещает
Жар купальского костра.

Берег в травах утопает,
В омут свесилась лоза.
В глубине огни мерцают —
За весельем наблюдают
Не русалочки ль глаза?

Ветер спит в речной осоке,
Все любовью дышит тут.
Утром вольные потоки
Речки русской, синеокой,
Грезы девичьи возьмут.

Если же венок гаданья
Не утянет водяной,
По старинному преданью
Сбыться суждено желанью —
Быть ей мужнею женой.

У костра волной веселье —
Мчится вихрем хоровод.
Чище соловьиных трелей
Гуслей звон, напев свирелей —
Ночь купальская идет.

Звук рожков пастушьих низок,
В пары делит хоровод.
Звезд на небе — сотни снизок,
Темный бор манящ и близок,
В глубь возлюбленных зовет.

Хрустнет ветка за спиною —
Сердце девичье замрет:
— «Чуры-пращуры со мною!
Кто там — чудище лесное!?
Или милый Лель идет?»

Тянет от реки туманом,
Как кружится голова...
Травы отдают дурманом,
Чуть бесстыдным, сладко-пьяным,
И звучат любви слова.

Льется по холстине платья
Вьющихся волос поток.
Сватов видимо встречать ей —

Жарки милого объятья,
На траву скользит веноч...

Полночь близко, тьма густеет,
Лес ночной страшит. И вот
Угольком горячим тлеет,
Вспыхнет, жарко заалеет —
Это папоротник цветет.

Кто цветок добыть сумеет —
Будет словно князь богат.
Свойство дивное имеет,
Плен заклятий одолеет —
Выдаст драгоценный клад.

Непроста к нему дорога,
Хоть и кажется близка.
На пути препятствий много —
Колдовская сила строго
Стережет бутон цветка.

И сейчас, вот этой ночью,
Распустился чудный цвет.
Убедишься сам воочию,
Вон цветет. И близко очень.
Счастья попытай, поэт».

— Не нужны богатства кладов,
Не за ними я пришел.
Есть любовь со мною рядом,
Ласковым встречает взглядом —
Я свой лад давно нашел».

Блекли звезды. Ранним утром
Первый луч зари сверкнул.
Показалось — перламутром
Хвост русалки златокудрой
Возле берега блеснул.

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

Пантюхин Олег Викторович — член Союза писателей России, член редколлегии литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», директор издательства Тульского государственного университета.

СНЫ

Ночь опустилась на город.
Падает хлопьями снег.
Ветер, февральский холод.
Время замедлило бег.

В доме тепло и тихо,
И в полуночной тьме
Сны, как раскрытые книги,
Тайны поведают мне.

Тайны грядущих событий
В жизни земной моей,
Тайны побед и открытий
И беспокойных дней.

Все, что может случиться,
И чему быть не дано,
В снах нам порою снится,
Словно цветное кино.

ВЫБИРАЯ ПУТЬ В ЛИТЕРАТУРУ

Елена Хисамова
(г. Москва)

КРЕСТ

Лиза была замужем второй раз. Первый брак получился детским и несерьезным, однако, оставил ей очень серьезную дочь Варвару. Она и не думала о второй попытке. Жила, припеваючи, сама себе «и швец, и жнец, и на дуде игрец». От кавалеров отбоя не было. Только все они ненадежные, мотыльки — однодневки, крыльями побили, к ночи глянешь — нет ни одного.

Зато друг у нее появился, парнишка молодой. Армию отслужить успел, только демобилизовался, к ним в цех пришел работать. Они с Лизой сильно подружились. Делились своими проблемами. О личном поболтать не стеснялись. Да и если помощь какая по дому нужна была, Лизка всегда могла на него рассчитывать. Только не рассчитывала, что мужем он ее станет.

Лизка и не думала: любовь это или нет. Любовь, вон она первая ее, пьяная все время болтается, и алименты платить не спешит. Другого уже хотелось, надежности и родства душ. А с ним, своим другом бывшим, а теперь мужем настоящим, она именно это и чувствовала.

Конечно, разница в возрасте точила червяком червоточины в Лизкиной душе. Шесть лет — это вам не год и не два. Но муж смеялся и говорил, что красивее и желаннее ее на всем белом свете нет. Лиза на время успокаивалась, но потом все — равно червячок сомнения поднимал свою голову.

Лиза никогда не думала о себе, что красива. Она себя и привлекательной-то с трудом бы назвала. С раннего возраста Лизавета Шмелева являла собой сборище всевозможных комплексов и сомнений. В школе она была самая полная из девчонок, да вдобавок к этому носила на своем круглом лице большие очки в толстой роговой оправе. От постоянного волнения и желания выглядеть как можно лучше Лиза сильно потела, и к концу недели на ненавистном коричневом школьном платье под мышками белели просоленные следы. Мальчики в классе никогда не звали ее в кино или просто прогуляться по улице. Зато обожали дергать за длинные косы, лупить портфелем по спине и дразнить «жиртрестом» и «жужелицей». Косы, кстати свои, Лизка тоже ненавидела, потому что сама расчесывать их по утрам ленилась, пригладит расческой сверху, заплетет кое-как и бегом в школу. К концу недели на голове образовывались непролазные дебри из колтунов, которые мать, после субботнего мытья волос, безжалостно драла расческой да не одной. Зубья дешевых пластмассовых из-

делий не могли пробить себе дорогу в лабиринте непрочесанной гривы. Лизка верещала, но мать неумолимо раздирала колтуны, и затрещины отпускала, чтоб впредь следила лучше. Затрещины помогали плохо, все повторялось неделя за неделей, пока мать не согласилась наконец-то отвести ее в парикмахерскую. В те годы была жутко модной прическа «под Мирей Матье», которая, к слову, Лизке очень шла. Когда она утром вошла в класс, ее сначала даже не узнали. А Петька Мухин, вытиравший доску, замер с открытым ртом. «Отомри!» — гордо бросила ему Лизвета и проплыла к своей парте. С этого дня неуволимо изменилось не только отношение к ней в классе, но и сама Лизка. Она стала худеть. Есть иногда хотелось до чертиков в глазах. Но она подходила к зеркалу и шипела на себя, сжав кулаки, так, что ногти впивались в ладони: «Жиртрест, жужелица». Это действовало эффективно. А еще был обруч, ну, хулахуп, сделанный отцом на заводе из алюминиевой трубы и утяжеленный внутри. Она крутила его по часу без перерыва, и когда мать случайно вошла в комнату, где Лизвета переодевалась, и увидела переливающиеся всеми цветами радуги синяки на ее талии и бедрах, он был отнесен на помойку, а Лизка выдраила всю квартиру до блеска и перегладила кучу белья. «Дурища! — орала мать. — Худеет она! Ты на кости свои посмотри, тоже мне аристократка. Лошадью родилась, лошадью и скакать по жизни будешь!» Но Лизка была упряма, как ослица, и к окончанию школы стала, если и не трепетной ланью, но и не «лошадью» точно. Она самая первая в классе вышла замуж, почти сразу после выпускного. И через несколько месяцев родила Варвару. Но брак этот оказался недолгим.

Бабушка Лизветы, часто говорила ей, доведенной до отчаянья выходками ее вечно пьяного первого мужа: «Эх, девка, ну, знать, не зря народ в приметы верит. Говорят, зря не скажут». Лизка только отмахивалась: «Отстань, ба, и так тошно, ты еще тут со своей ерундой, ба!» «Ба-ба, жаба! Говорю тебе, Фома ты неверующая, плохая это примета!» «Ну и чего я теперь-то сделать смогу, в церковь его не отнесешь, спасибо дядюшке уроду и самодуру!»

Дело в том, что когда Лизе было девять лет, она нашла большой серебряный крест. В то лето в их старом деревенском доме, доставшимся им по наследству совместно с родственниками, которых Лизка терпеть не могла (они все казались ей отвратительными толстыми жабами, а дядька и вовсе выглядел, как злой колдун из сказки), сделали ремонт.

Дом был сложен из красного кирпича, и стены его составляли около метра в ширину. Бабушка рассказывала, его уже лет двести, как построили, а цемент для кладки на яйцах куриных сделан был, для особой прочности. Внутренние половые и потолочные перекрытия давно к тому времени прогнили, и жить в доме становилось опасно. В одну из комнат просто не заходили, потому что в полу зиял провал вниз, в глубокий подпол. Лизка даже мимо проходила на цыпочках и, задерживая дыхание, но иногда робко заглядывала в дверной проем и смотрела на закопченные от лампад старые иконы, в большом количестве висевшие в углу. «Бабушка, им там грустно. Почему вы их не достанете? Отвезем их домой, там и повесим!» «Эх, Лизонька! — Вздыхала бабушка. — Не буди лихо, пока оно тихо. Ты мала еще, вот и помалкивай. А то услышат, заклюют». «Жабы не умеют клеваться». — Думала Лизка, все сильнее проникаясь ненавистью к навязанным дальним родством людям, делившим с ними деревенский дом.

Во время ремонта все внутри дома сломали, положили новые полы и потолок. Старые прогнившие доски и мусор в огромном количестве еще долгое время лежали под окнами дома, и Лиза, которую привезли на летние каникулы, обожала лазить по этим доскам и перебирать мусор. Бабушка пеняла ей, называла «курицей», но Лизка с непонятным ей самой упорством рылась в куче мусора, ее словно магнитом тянуло к ней. Казалось, весь мусор был изучен вдоль и поперек, но он откуда-то взялся там,

этот крест. Луч солнца, вышедшего из-за тучи, упал на кучу мусора, и внезапно что-то сверкнуло в ней. В тот день гремело с самого раннего утра. Гроза осторожной большой кошкой кружила вокруг деревни, изредка порывивая перекатами грома. Лизка до одури боялась грозы, гуляла возле дома, готовая в каждое мгновение при увеличивающейся природной стихии сорваться с улицы, и броситься в спасительную тишину огромной кладовой. (Кладовая представляла собой большое полностью, кроме пола, кирпичное помещение в доме, с железной, запирающейся на огромный запор, дверью, крохотным оконцем-бойницей, с фигурной решеткой на нем и железной же дверкой-ставенкой. Она в давние времена служила подобием некоего холодильника, в ней на крюках висели туши, забитых на еду животных, и хранились другие продукты.) Как только Лизка увидела вспышку света у кучи, первое, о чем она подумала: «Шаровая!» — и замерла. Она твердо знала, что при встрече с шаровой молнией надо не шевелиться. Про шаровые молнии бабушка рассказывала ей множество страшных историй. Грозы вообще вызывали у бабушки священный трепет, она считала их проявлением божьей силы и гнева на земле, и каждый раз истово крестилась при вспышке молнии и раскатах грома. И вера эта была подкреплена ее собственным опытом. Однажды, будучи еще совсем девчонкой, она со старшей сестрой Матреной своровали полмешка гороха. Времена тогда были очень голодные. Бежали они домой полем радостные, мечтая о каше гороховой, что им мать наварит. Но неожиданно тучи налетели, началась гроза, и дождь полил, как будто ушат опрокинули с небес на землю. В поле дуб одинокий стоял, откуда он там взялся, никто не знал. Может специально кто желудь в землю воткнул, а может зверушка какая-нибудь обронила свою добычу. Вот девочки под дубом тем от дождя и спрятались. Все вокруг черно стало, небо тучами заволочло, и вдруг, о чудо, между тучами просвет появился, все шире, шире, сияющий небывалой голубиной. И девочки увидели... БОГА. Они заворожено пошли вперед. Навстречу видению, позабыв про украденный мешок, оставленный под деревом. И в тот же миг раздался страшный грохот, и молния ударила прямо в дуб, из-под которого только отошли дети. Мешок с горохом, вспыхнул, трава, и сам дуб тоже горели, с треском разбрасывая искры. А видение тут же исчезло. Поэтому во время грозы бабушка неизменно начинала: «Отче наш! Иже еси на небеси, да светится имя твое, да придет царствие твое...» Лиза с детства запомнила молитву «Отче наш» и всегда в трудные минуты или в отчаянии повторяла и повторяла слова про себя, словно мантру кришнаит, перебирая ее в уме, как перебирает четки мусульманин. И боль отступала, отчаянье отпускало, и приходила надежда. Так и тогда, Лизка замерла и про себя начала проговаривать спасительные слова, но ничего не трещало, не искрило, и детское любопытство пересилило испуг. Еле переставляя, словно ставшие ватными ноги, Лизка приблизилась к злосчастной куче и увидела, что из трухи и старых газет виднеется полоска серебристого цвета. «Может фольга от шоколадки?» — Подумала Лизвета, и, подцепив пальцами неизвестный предмет, потянула его на себя. Он был слишком объемным и тяжелым для фольги. Труха, покрывающая его начала осыпаться, и Лизка вытащила, наконец, большой серебряный старинный крест, с изображением распятого Христа на нем. Она опрометью бросилась показывать его бабушке. На крыльце ей преградил дорогу ее дядюшка (один из семейства жабьих), крепко схватил Лизку за руку и, выкручивая ее, свистящим от злости голосом поинтересовался, куда это она летит, как на пожар. Лиза, пытаясь вырвать руку, в испуге заорала: «Ба!!!!» Бабушка выскочила на крыльцо, и старый садист тут же отпустил девочку. «Ну что случилось, что голосишь?» — Спросила бабушка Лизу, а старый хрыч тем временем покурился папироску, отвернувшись от них, словно его никак это не касалось. Лизка молча, со слезами на глазах протянула бабушке крест. Та охнула протяжно, а дядька коршуном развернулся к ним, и алчно заблестевшими глазами уставился на крест. Он даже про папиросу свою забыл, она

так и дотлела во время этой немой сцены меж его пальцев, пока не обожгла. Он чертыхнулся, отшвырнул окурочек и вкрадчиво издали завел: «Ай-ай-ай, где ты, деточка взяла его? Нашла? Как нехорошо! Симка! — обратился он, к молча стоявшей бабушке.— Ты-то чего молчишь? Знаешь ведь, что хорошего-то мало. Надо его в церковь отнести, священнику отдать. Давай его сюда, я сам отнесу». Он протянул свою руку, похожую на лапу хищной птицы, к Лизке. Она вопросительно взглянула на бабушку, и та кивнула ей. Дядька выхватил крест у нее из руки и пошел в дом, урча себе под нос, словно от удовольствия. Бабушка стояла, понутив голову, и руки ее висели плетями вдоль тела. «Ой, горе, девка, горе»,— прошептала она, повернулась и тоже вошла в сени.

В тот год умер дедушка. Это случилось на самое седьмое ноября. Лизка так ждала этого дня, потому что отец в первый раз пообещал взять ее на ноябрьскую демонстрацию. Она представляла, как будет держать в одной руке разноцветные шары, а в другой красный флажок и махать им, проезжая на заводском грузовике, везущем огромные транспаранты, мимо людей, стоящих на Красной площади. И люди будут улыбаться и махать в ответ, и кричать «ура-а-а-а-!!!»

«А-а-а-а-а!!!»,— с этим и проснулась Лизка в то утро. Выли бабушка и мама. Дед, до этого ни на что не жаловавшийся, рано утром пошел в туалет, присел на стульчак, закурил папироску и... умер. С тех пор седьмое ноября стало днем помин. А на демонстрацию Лизка так никогда и не сходила.

Потому что начал сильно пить отец. Скандалы в семье не затихали ни на день. У пьяного отца были две стороны: сначала он всех любил, а потом с такой же силой ненавидел. В состоянии его агрессии, лучше было не попадаться ему на глаза, чтоб не нарваться на подзатыльники или порку. Он мог ударить или толкнуть бабушку и мать, разбить со злостью тарелку с супом об стену кухни, если ему только показалось, что ее поставили перед ним без должного почтения. Короче жизнь в доме напоминала неспящий вулкан, в любой момент готовый к извержению.

А еще Лизка стала терять зрение. Мать, занятая своей бурной семейной жизнью не сразу заметила это. Головные боли у Лизаветы стали настолько часты и ужасны, что порой девочке казалось, что временами сознание ее ускользало, мир скрывался в темноте, но даже там, за гранью не было спасения от грызущего мозг внутри ее маленького черепа монстра, властелина боли. Когда ее, наконец, отвели к врачу-окулисту, и ей были выписаны очки с большими диоптриями, боль была изгнана из ее головы. Но зрение продолжало ухудшаться. Она не занималась физкультурой в школе, что давало лишний повод для насмешек одноклассникам, не сдавала экзаменов, что опять же вызывало их зависть и злобу. А еще эти дурацкие очки шли ей, ну, как корове седло. О линзах в те времена и «слыхом не слыхивали, и видом не видывали». И во время родов чуть Варьку не потеряла, в приемном покое, какая-то акушерка-разиня прозевала, что Лизка с миопией высокой степени поступила, кесарево делать поздно уже было, хорошо врач, который щипцы умеет накладывать, недалеко от роддома жил. Среди ночи за ним санитарку послали, и это счастье, что тот дома ночевал. Но все печальные события своей жизни, потери, промахи и неудачи Лизка с находкой своего детства не связывала. Все так живут, ни у кого гладко не бывает. Разве что везунчики, где по миру и ходят, но их раз, два и обчелся. Жизнь, как жизнь, не лучше и не хуже, чем у других. Только бабушка, жившая до самой своей смерти вместе с Лизой, все тот крест вспоминала, а Лизка отмахивалась, не верила она во всю эту суеверную чепуху.

Перед своим вторым замужеством Лизавета расцвела. Она стала настолько яркой и броской молодой женщиной, что многие добивались ее расположения. Но, как уже было сказано, она неожиданно для всех, да и для себя тоже, вышла замуж за своего молодого приятеля и через год родила чудесную девочку, Кристину, Кристю, так они

звали ее дома. И... стала сумасшедшей мамашей. Она видела только малышку, не отпускала от себя ребенка ни на минуту, даже ночью брала дочку в постель. Она прислушивалась, как ребенок дышит во сне. И заснуть могла, только держа дочку за крошечную ручку. Она даже и подумать не могла, что одержимость дочерью может не нравиться ее молодому супругу. Какое то время они так и спали втроем, а после смерти бабушки, когда прошли положенные полгода, он перешел в пустую комнату. И они стали отдаляться друг от друга. Лизке иногда казалось, что он даже разговаривает с ней через силу, сквозь зубы цедит слова, холодные и отстраненные. Но подумать, что он предал ее, обманывает, она не могла. Даже в голове не держала. Ну, мало ли почему у человека плохое настроение? На работе устает, не высыпается... И, когда знакомая, с которой они вместе гуляли с детьми, увидела его, такого молодого и красивого, с отличной подтянутой фигурой, наглаженного и ухоженного, спросила: «Не боишься, что уведут?», Лизка только посмеялась. А зря. Гром грянул очень скоро. Все началось с банальной смс. Лиза никогда не проверяла телефон своего мужа, не лазила у него по карманам. Она доверяла ему, как себе. Та ночная смс разбила ее мир вдребезги, переломала все, что было нерушимым в их семейной жизни. Многие знания, многие беды. Потом Лизка не раз задавала себе вопрос: «Как бы было, если бы она не открыла призывно мигающий телефон, пока он спал? Если бы не прочла? Если бы смогла сдержаться и промолчать?» Если бы... «Если бы да кабы...» — любила говорить бабушка. Чего гадать, когда Лизка теперь точно знала: у ее мужа есть другая женщина, молоденькая девчонка, ровесница ее Варьки, и это было еще страшнее. Глядя на себя в зеркало, она видела уставшую расплывшуюся бабищу, с тусклыми, неухоженными волосами, погасшими глазами, неопределенного возраста после сорока. Где уж ей тягаться с хрупкой и эфемерной молодостью. Он сказал, что уходит. Что та — любовь всей его жизни. Лизка не понимала: это с ней происходит, или сон такой ужасный ей снится? Почему она тогда никак не просыпается? Девчонки, еще недавно так обожаемые им дочки (Варя его тоже отцом звала) ревели в голос, выдергивали у него вещи из рук. Но он с пустыми и мертвыми глазами и отсутствующим лицом продолжал заталкивать по сумкам свои пожитки.

Он ушел. В свою новую жизнь и любовь. Мир ее, такой прочный и понятный, рухнул в одночасье. И Лиза не знала, что ей теперь делать среди одних обломков. Он же говорил, что красивее и желаннее ее никогда никого не будет. Он вставал чуть свет по праздникам и в День ее рождения и бежал за цветами, чтоб положить их ей, еще сонной, в кровать. Он плакал от счастья, когда родилась Кристя, и впервые напился на радостях. Он... он был все для нее и девчонок: защита, надежда, опора. Что произошло с ним? Может, он с ума сошел? Может, это шутка, и он никуда и не ушел, а сейчас вернется, закружит по дому ее и девчонок в бесшабашном и веселом танце и скажет, что просто проверял, как им нужен. «Господи, это я с ума сошла, кто же так шутит. Он ушел, ушел! Он бросил нас ради этой сучки! Будь ты проклята! Ненавижу!» — думала Лиза, в бессильной злобе, кусая губы и орошая ночами подушку слезами, чтоб только не видели дочки. Она почти перестала спать. Мысли металась в голове, стучали отбойными молотками: «Вернуть его, любой ценой. Надо поговорить, объяснить, что мы не можем без него, мы пропадем, мамочки, что же делать, я не могу без него. Я просто не могу-у-у-у» И так по кругу, без конца. Она, как робот, ходила на работу, лишь бы отсидеть положенное время. Ей было тяжело разговаривать с людьми, они отвлекали ее от бесконечного монолога, который она вела в своем воображении с мужем. Он не звонил, не интересовался, как они живут. Ему, наверное, было хорошо в его новой жизни.

На работе сослуживцы утро начинали обычно с чтения газет. Лизу совершенно не интересовали события, происходящие в мире. Все замкнулось на ее личной трагедии, и куда катится этот мир, ей было абсолютно наплевать. И как эта бульварная

газетка оказалась у нее в руках, трудно сказать. В глаза ей сразу бросилось: «Верну мужа! Отворот, снятие порчи, приворот навсегда. Быстро и эффективно». «Навсегда. Быстро и эффективно», — прошептала Лиза, и пошла звонить. Вежливый безликий голос ответил ей, что ясновидящая очень занята, но сможет принять ее на следующей неделе. Только с собой надо не забыть привезти фотографии и деньги. «Много?» — дрожащим голосом спросила Лиза. Названная сумма повергла ее в ужас. Она была равна месячной зарплате. Но разве есть цена счастью? «Да черт с ними, с деньгами. Перезайму, как-нибудь выкручусь, лишь бы помогло», — уговаривала сама себя Лизавета всю ту неделю до посещения ясновидящей, казавшуюся ей бесконечной. В день, назначенный ей, она приехала по указанному адресу на полтора часа раньше времени, и слонялась по улице из конца в конец, куря одну сигарету за другой. Было страшно. Она не знала почему, но страх держал за сердце своими холодными пальцами.

Ясновидящая поразила ее воображение. Она рассказала все про Лизу и ее отношения с мужем. И про молоденькую соперницу. И про то, что с детства на Лизу порчу наложили. Но она может ей помочь. Просто порчу с Лизы снимет и на молоденькую похитительницу мужей переложит. И будет у Лизы все в шоколаде, совет да любовь. Только условия, которые она Лизавете даст, обязательно выполнить надо, а нарушишь что или недоделаешь, не случится чуда.

Лизка со всем согласна была. Лишь бы любимого мужа вернуть. Как замороженная, она взяла из рук ясновидящей бумагу, воском запечатанную. «Дома откроешь, прочтешь, чтоб не видел никто. И не показывай никому».

Лиза домой окрыленная летела. «Будет знать, гадина, как мужей чужих уводить. Я отмучилась свое, твой черед пришел, воровка бессердечная», — стучало в голове у Лизаветы. «За зло только злом и наказывать. Поделом ты получишь. И мне тебя не жаль будет нисколько. Ненавижу. Убила бы. Убила?» — задумалась Лизка. И первое сомнение закралось в ее пылающую праведным гневом душу. «Нет, никого бы я убить не смогла. А боль причинить? Она же девчонка еще, сопливая совсем. Да, с мужем моим в постели кувыркаться взрослая, а отвечать за это — девчонка? А как же мои девочки, с сердцем разбитым? Наказать мерзавку!» Но сомнения уже пустили свои корни в Лизкином сознании.

Она прилежно читала какое то заклинание каждое утро и каждый вечер в течение недели, постоянно перед началом сверяясь с часами, чтоб не опоздать ни на секунду. И обязательно в открытое настезь окно. И искала, звонила, расспрашивала. Одним из условий было поставить свечи в один день к тринадцати иконам. Лиза до этого и предположить не могла, что в Москве более четырехсот храмов, соборов, монастырей и часовен. Разве обойдешь их за день? Их и за полгода не обойти, не объехать. Лиза была в отчаянии. Да и служители божьи, услышав вопрос Лизы об определенной иконе, сразу понимали, в чем дело. Заводили разговор о грехе, о молитве. Лизавета злилась, бросала трубку и набирала следующий номер. К назначенному дню она знала, где есть все иконы, кроме одной. Чудотворной иконы Никейской Богоматери. Раньше Лизавета и подумать не могла, что число чудотворных икон Матери Божией более трехсот шестидесяти. А одна старушка по телефону ей вот что сказала: «Икон Богородицы, что звезд на небе. Подойди к любой, дочка, попроси о милости и заступничестве. Не грехи. Лукавый тебя искушает. Ищи веру в себе».

Ох и крутило Лизку, и корежило. Отчаянье, злоба, бессилие и сомнение. Обошла она в тот день церкви, свечи всем иконам, кроме одной поставила. А вечером позвонила ясновидящей, и велено ей было опять с деньгами прийти, раз задание не выполнила.

Ночью Лизке приснился странный сон, даже можно сказать страшный. Словно опять она маленькая девочка, стоит и смотрит в проем дверной той самой комнаты, где иконы на стенах висели, в доме их деревенском. Только икона там одна теперь, та

самая, которую Лиза не смогла найти ни в одной из церквей города. Богородица смотрела на нее скорбно и требовательно, и вдруг Лизавета услышала голос. Нежный и любящий, он говорил ей: «Отпусти его, Лизонька, отпусти. Время все рассудит и расставит на свои места. Не впускай в душу зла, отпусти». И вдруг из темноты, с другой стороны появляется дядька ее, покойный уже давным-давно и протягивает ей на руке тот самый крест, что в куче мусора Лизка в свои девять лет нашла. И шипит по-змеиному: «Отдай его, девка, сопернице своей, и будет тебе счастье великое». И язык змеиный изо рта его виднеется. Все ближе и ближе рука его, да и не рука вовсе, а лапа когтистая с крестом к Лизке подбирается. А глаза красным огнем горят, завораживают. Голос Богородицы все тише и тише звучит, а змеиное шипение усиливается. Рука Лизаветы, словно против воли ее поднимается за крестом, вот почти вяла его. Но в последнюю секунду она резко бьет по безобразной лапе с криком: «Нет!». Крест выбит и летит напрямик в пролом в полу, что ведет в подпол. Только из пролома того отблески огня вырываются. Дядька с шипением исчезает. «Преисподняя», — думает Лизка и просыпается вся в поту, с бешено галопирующим сердцем.

Для себя она все уже решила. Прошлепав босиком на кухню, она закурила сигарету и сожгла в пепельнице все бумажки, что давала ей ясновидящая, пепел развеяла в окно. Хватанула сто грамм коньячка и пошла досыпать. «Утром в церковь пойду», — подумала Лиза и провалилась в сон.

Через полгода муж вернулся. И глаза его были опять живыми и родными, а голос прежний и ласковый. И опять он говорил, что она самая красивая и желанная женщина на свете, и бегал за цветами на праздники и в День ее рождения по утрам, чтобы положить их на кровать, пока она еще сонная.

Станислав Минин
(г. Москва)

ДЕТСКИЕ СТРАШИЛКИ

Родился в Калининске Саратовской области в 1989 году. Литературой стал увлекаться с 6 лет. В то время я писал небольшие рассказы, очерки и стихи. В 14 лет написал свой первый роман, в котором раскрывалась проблема человеческой двуличности. Ранее печатался в газете Калининского района «Народная трибуна», а также журналах «Подорожник», «Литературный Башкортостан». На сегодняшний момент проживаю в г. Москве, учусь на юридическом факультете, работаю по профессии и продолжаю заниматься литературным творчеством.

Люблю читать русскую и зарубежную классику.

Когда я был ребенком, каждое лето мама отправляла меня в детский лагерь. Только это был не обычный лагерь, а, скорее, лечебный санаторий. У меня был хронический пиелонефрит, и в санатории я проходил лечебные процедуры. Мне нравилось отдыхать в лагерях и санаториях. Там я встречал новых знакомых и заводил новых друзей. Свою последнюю поездку в лагерь я помню, как свои пять пальцев, и, наверное, никогда не забуду — так она врезалась мне в память, хотя на момент произошедшего мне было всего 8 лет. Я решил записать произошедшую историю и, надеюсь, ничего не упустил.

Я полагаю, начать рассказ стоит с краткого описания самого лагеря. Лагерь, в который обычно отправляла меня мама, находился не так далеко от нашего городка. Километров 400—500 в трясущемся автобусе — и ты на месте. Он назывался «Синяя птица». Это было кирпичное четырехэтажное здание в виде лежащей буквы «Г». На центральных воротах висел потрепавшийся (или, как принято говорить, повидавший виды) бумажный плакат с соответствующей надписью «Добро пожаловать в санаторий «Синяя птица!»» И внизу, под надписью, была нарисована как символ лагеря парящая в небе птица синего цвета, почему-то с короной на голове. Я не знаю, у кого была такая «парящая», как сама птица, фантазия, однако, сколько бы я ни приезжал в лагерь, этот плакат всегда висел на главном входе. Во дворе лагеря был парк со множеством аллеек, окруженных цветочными клумбами, скамеек и фонтаном в самом центре. В этом парке мы проводили много времени, занимаясь зарядкой по утрам, гуляя, участвуя в различных соревнованиях, проводившихся между отрядами. Парк был окружен высоким забором со стальными прутьями, отделявшим его от леса.

Как я уже сказал, здание санатория было четырехэтажным. На первом этаже находились столовая, спортивный зал с баскетбольной площадкой, бассейн и актовый зал, где проводились концерты и, иногда, дискотеки. Второй этаж предназначался для первого отряда, а именно для детей с заболеваниями почек. Там было 12 (если я не ошибаюсь) трехместных комнат, плюс одна комната для вожатых и просторный

зал для развлечений и игр детей. На третьем этаже располагался второй отряд — ребята с сердечными заболеваниями. А на четвертом, соответственно, жил третий отряд. Это были дети с различными степенями язвы. Я со своим пиелонефритом размещался на втором этаже. Возрастной ценз детей нашего лагеря колебался в пределах 6—14 лет. Для каждого ребенка составлялись индивидуальный план необходимых для лечения процедур и расписание приема таблеток.

К санаторию примыкала небольшая деревушка, однако вожатые запрещали нам дружить со здешними ребятами. Поскольку контингент наших отрядов состоял из детей с различными заболеваниями, вожатые боялись, как бы кто из нас не занес в стены лагеря какую-либо заразу после общения с местными. Однако некоторые из нас нередко нарушали это правило... естественно, втайне от администрации. Мы называли деревенских ребят «крестами», не знаю почему, но так повелось.

Недалеко от деревни находилось просторное кладбище, раскинувшееся на пригорке. Чтобы туда попасть из нашего лагеря, нужно было пройти лес напрямую от здания санатория, никуда не сворачивая, а затем подняться на пригорок по петляющей тропинке. Его было видно невооруженным взглядом с четвертого этажа нашего помещения. Издалека оно напоминало город, выросший в лесу. Кладбище было окольцовано синей покосившейся оградой, которая, как вечный старожил, будто охраняла его от какого-либо воздействия внешнего мира.

Я не зря заговорил о кладбище. Оно еще найдет свое место в начавшемся повествовании.

Но пока вернемся к лагерю. Основным нашим вожатым была Евгения Владимировна. Крупная девушка лет 17-ти с копной рыжих волос, всегда забранных в хвост. Ее кожа была бледной, как мел, и полностью была покрыта веснушками, за что мы и прозвали ее «Поганкой». Она была «местной», поэтому часто дежурила по ночам. На самом деле она была очень доброй и лояльно относилась ко всем детям, даже иногда разрешала нам собираться по ночам в чьей-либо комнате, чтобы при выключенном свете рассказывать страшные истории.

В одну из таких ночей мы собрались в нашей комнате и, потушив свет, стали рассказывать страшные истории, уверяя друг друга, что это было на самом деле. За исключением меня в комнате еще находились Наташка, Светка, Андрей из отряда «сердечников», Ванька «крест», Серега и Леха, жившие в моей комнате. Наташка захватила с собой свечу, так что в полной темноте мы не сидели. Однако тусклый свет свечи придавал еще большую таинственность нашему собранию. Я открыл окно, чтобы свежий воздух проходил в комнату. Закончив все приготовления, мы сели на пол полукругом, а свечу поставили в центр, чтобы видеть лицо каждого из нас. Сперва мы раскидали пару партий «дурака», так сказать, для снятия напряжения, а потом приступили к тому, за чем, собственно, и собрались. Первым рассказывать стал Андрей.

— Знаете такую историю? — начал Андрей. Он сидел, поджав ноги под себя, живые глаза бегло осматривали присутствующих. Голос его был довольно низким для восьми лет.— Парень и девушка очень любили друг друга. И не было бы конца их счастью, если бы его не призвали в армию. Отслужив два года, он вернулся. На перроне его встречала все та же девушка. К такому случаю она одела красивое белое платье. Они тут же пошли в ресторан, поскольку не виделись долгое время, а тем для разговоров было много. В ресторане они пили красное вино, и девушка все время как-то странно улыбалась, искоса поглядывая на парня. Внезапно она пролила вино на свое белое платье, так что на подоле остался красный след, похожий на кровь. «Подожди меня здесь»,— сказала она и убежала. Парень стал ждать, а она все не приходила. К вечеру он решил пойти к ней домой и узнать, что случилось. Дверь отворила ее мать и со слезами на глазах сообщила, что ее дочь умерла около года назад. Парень никак не мог поверить ей. Чтобы убедить его в правдивости своих слов, мать

показала ему могилу девушки. Раскопав могилу, они увидели лежащую там девушку, одетую в красивое белое платье... а на платье было расплывшееся красное пятно.

— Я знаю другую историю,— сказал Серега.— Этот случай произошел 31 декабря. Одна семья готовилась к встрече Нового года. Отец гладил уютном костюм, мать резала салаты, а маленький сынишка вертелся под ногами и просил поиграть с ним. Внезапно из рук матери выскользнул нож и попал в мальчика, который скончался на месте. Мать стала кричать от увиденного. На ее крик из комнаты прибежал отец и, увидев мертвого сына, в ярости ударил мать уютном. Она упала и сразу же умерла. А отец, потерявший семью, повесился... а потом ему дали шесть лет.

В комнате воцарилось молчание. Серега с легкой улыбкой оглядывал присутствующих, словно выясняя, какое впечатление на всех произвел его рассказ.

— Кому — ему? — нарушила тишину Светка.

Прежде чем ответить Сергей выдержал паузу.

— УТЮГУ! — закричал он, изменив голос и схватив Светку за ногу.

Светка вскрикнула от испуга. Да что говорить, я сам вздрогнул. В подобных страшилках никогда не ожидаешь, где подвох.

— Чушь,— сказал Ванька «крест».

— Ниче не чушь,— перебила его Наташка.— Я знаю такой случай, и он был на самом деле. А хотите другую историю? Девочку по ночам часто мучили кошмары. Ей снилось, что она слышит, как кто-то ходит по дому, тяжело ступая на пол. И звук этих шагов напоминал стук копыт.— Наташкин голос упал до шепота.— Однажды девочка семья поздно вечером села ужинать. Девочка уронила вилку на пол, наклонилась... и увидела, что у ее отца вместо ног копыта!

— И что? — спросил Андрей, улыбаясь.

— Ничего. На следующий день она умерла.

В коридоре послышались неторопливые шаги. Все замерли, словно громом пораженные. Глубокая тишина обрушилась на нас, нарушаемая лишь размеренным потрескиванием свечи. Андрей перестал улыбаться и во все глаза смотрел на дверь. Светка побледнела от ужаса и прижалась к Лехе. Шаги приближались и теперь слышались отчетливее. Кто-то тяжело ступал на пол, и звук этих шагов, как мне показалось, напоминал стук копыт.

— Ты закрыл дверь? — спросил у меня Серега.

Я отрицательно покачал головой, понимая, что совершил ошибку. Светка уже была готова расплакаться.

— Я пойду посмотрю...— сказал Леха. Никто не стал его отговаривать. Он встал с места и направился к двери.

— Шухер, ребята! — закричал он, открыв дверь.— Поганка!

Мы подпрыгнули на месте. В нашей комнате находился Ванька из деревни. Его нужно было спрятать, пока Поганка не вошла в нашу комнату.

— Светка, прячь карты,— шепотом приказал я.

Я слышал голос Поганки в коридоре, она что-то говорила Лехе. Я стащил с кровати одеяло, и мы, накрыв им Ваньку, навалились на него всем телом, чтобы не было видно, что находится под нами.

Дверь распахнулась и в комнату вошла вожатая. Мы притихли.

— Че орете? — спросила она и осмотрелась.— Спать пора уже, а вы орете сидите.

— Женька, мы больше не будем,— сказал я.

— Не «Женька», а «Евгения Владимировна» для сопливых. Понятно? Сейчас разгоню всех.

Мы попросили не разгонять нас, поскольку хотели еще поболтать. Уверив Поганку, что мы больше не будем кричать, и выпроводив ее из комнаты, мы продолжили рассказывать истории. Ванька вылез из-под одеяла, и все заняли свои места.

— Ванька, а расскажи про ваше кладбище! — попросил Андрей. — Пусть девчонки повизжат.

— Да что рассказывать? Кладбище, как кладбище. Не считая того, что по ночам там кто-то ходит, издавая звуки, похожие на волчий вой. Каждую ночь можно увидеть, как недавно захороненные покойники выходят из своих могил и, вглядываясь в темноту, ищут еду.

— Хватит, — попросила Светка. — Мне страшно.

— Ага, всем страшно, — продолжал Ванька. — Иногда они выбираются за ограду и ближе подходят к лагерю в поисках маленьких девочек. Слышали, вон в прошлой смене девчонка пропала.

— Замолчи! — прикрикнула Светка. — Я сейчас пойду к себе.

— Да ладно тебе, — засмеялся Андрей, — какие нафиг мертвецы...

— Ребята, хотите, что расскажу? — сказал я. На ум мне пришло одно старое предание, которое я слышал несколько лет назад, не помню, правда, от кого. — Вы знаете, что если в пятницу 13-го числа пойти на кладбище и ровно в 12 часов по полуночи лечь на свежую могилу, то покойник протянет свои руки и схватит тебя!

— Бред, — с долей иронии сказал Андрей. — Покойники не могут вылезать из могил. Потому что они мертвые.

— Я не шучу, это серьезно так.

— Да не верю я.

Во мне заиграло странное чувство. По какой-то причине мне захотелось доказать свою правоту во что бы то ни стало.

— Хочешь, проверим? — спросил я, ожидая отрицательного ответа.

Ребята смотрели на нас во все глаза. Свеча тихо потрескивала, пламя дрожало от легкого ветра и наших дыханий. Наши длинные черные тени танцевали на стене адский танец.

— Давай! — наконец, сказал Андрей. Глаза его горели.

Я не думал, что Андрей согласится. Но отступить я уже не мог.

Мы удивились мистическому совпадению — сегодня была пятница, 13 июля, а время приближалось к полуночи.

— Вы что, серьезно? — поинтересовался Сергей.

— Да, — сказал я. — Нужно убедить его, что это правда. Ванька, пойдешь с нами. Ты лучше всех знаешь, как идти к кладбищу.

Мы собрались быстро. Я накинул на себя синюю куртку, чтобы не замерзнуть на улице. Выходить через зал на улицу не представлялось возможным, поскольку на вахте сидела Поганка, которая не выпустила бы нас одних, тем более, ночью. Да что говорить — на прогулки мы всегда выходили с вожатыми. Поэтому мы решили спуститься вниз через балкон. Наша комната находилась на втором этаже — расстояние до земли не очень внушительное. Кроме того, если пролезть от нашего балкона по карнизам окон соседних комнат к крыше примыкающего к зданию гаража, там можно найти пожарную лестницу и спуститься вниз. Так, обычно, делал Ванька, когда пробирался к нам в комнату. Мы последовали его примеру. Я стал вылезать первым. Выйдя на балкон, я переступил через перила и, ухватившись за выступавший карниз соседнего окна, стал пробираться вперед.

Ночь стояла теплая и тихая. Где-то вдалеке чуть слышно брехала собака. Мы старались не создавать лишнего шума, чтобы не привлечь к себе постороннего внимания.

Держась руками за карниз, я поставил ноги на выступавшие из здания кирпичи и рывками пробирался к следующему окну. Следом за мной через балкон перелез Андрей. Движения у него выходили ловчее, чем у меня, отчего я немного расстроился. Когда я добрался до последнего окна, то спрыгнул на крышу гаража. Подождав ре-

бят, я стал спускаться вниз по железной лестнице, ступени которой скрипели, как кости скелета. Очутившись на земле, мы без труда вскарабкались по железным прутьям ограды, отделявшей наш лагерь от леса, и очутились на противоположной стороне, бывать за которой нам категорически запрещалось.

— Ну, веди,— сказал я Ваньке.— Ты лучше знаешь дорогу.

Перед нами лежала ночь, мертвая и тихая. Высокие ели и долговязые дубы напоминали страшных чудищ, выбравшихся из сказки. Землю густо застилал шелковый мрак. Ванька решительно пошел вперед, мы же последовали за ним. Я видел, как не спеша отдаляется здание лагеря. Из некоторых комнат, словно из лопнувшей артерии, еще лился желтый свет. Окна, похожие на гигантские глазницы, провожали нас печальным взглядом. Через некоторое время здание лагеря окончательно скрылось за деревьями, и мы очутились совершенно одни в незнакомом лесу, словно люди, выброшенные за борт и оказавшиеся посреди океана без шансов на спасение. Мне захотелось повернуть назад, в лагерь, внезапно ставший таким родным. Подобные чувства, как мне показалось, испытал и Андрей. Я увидел на его лице тень страха, набирающего обороты, однако он, не отставая, шел вперед. Круглая, как чаша, луна, спокойно наблюдала за нами, освещая нам путь слабым белым, как кость, светом. Какое-то время мы шли, ориентируясь на железную ограду нашего лагеря, которая, уходила далеко вперед и напоминала выстроившихся в ряд скелетов. Когда она закончилась, мы полностью стали принадлежать лесу, нависшему над нами, будто грозовая туча.

Вокруг стояла тишина, в которой было что-то зловещее. Лишь иногда под кронами деревьев завывал ветер. И звук его напоминал нечеловеческий голос. Голос мертвых, слившихся в жутком хоре. Низкорослые кустарники, беспорядочно выросшие повсюду, напоминали притаившихся горбатых созданий.

В ледяном свете луны я видел, что лицо Андрея побледнело, губы слабо дрожали, а в глазах медленно возрастал всепоглощающий страх. Я уверен, что он уже не рад был этой затее с кладбищем, но остановиться на полпути никак не мог, поскольку боялся, что мы посчитаем его трусом.

Да у меня самого безумно колотилось сердце, а низ живота словно сковало стальными оковами. Только Ванька молча и решительно шел вперед. Спустия много лет я думал, было ли ему страшно, как и нам? Иногда я натыкался на мысль, что эта ночная прогулка страха у него не вызывала, поскольку он был местным и знал этот район, как свои пять пальцев. Однако иногда ко мне приходила мысль, убеждавшая меня в обратном. Не скрою, я склонялся в ее сторону. Хоть он и был местным, и я не сомневаюсь, что этот лес он не раз оббегал вдоль и поперек с мальчишками, но все-таки он был ребенком. Если уж у взрослых людей темнота вызывает необъяснимое чувство страха, что говорить о ребенке. Естественно, ему было страшно.

Как и мне.

Как и нам всем.

Ведь ночь никогда не приходит одна. Помимо темноты, с ней приходит и страх.

Именно с ее наступлением все надуманные детские страшилки приобретали смысл. Порой такой, что волосы на голове вставали дыбом.

Я попытался нарушить набухшую, как вена, тишину, становившуюся невыносимой, поэтому спросил у Ваньки:

— Далеко нам еще идти?

— Скоро будем,— коротко ответил он и снова погрузился в свои мысли.

Проходя мимо разбухшего трупа кошки, я вспомнил историю о Страшиле-Матрошиле, которое жило в лесном овраге и, по рассказам, питалось людским мясом. Оно было громадных размеров с длинной густой бородой и огромными горящими глазами. «Голова что копна, выше леса поднимается, борода на версту тянется»,—

так описывали его в страшилке. Оно просыпалось, как только в лесу появлялся кто-то посторонний.

Что если оно уже проснулось? И двигается к нам, ступая по земле своими огромными ногами, поросшими мхом? Руки вытянуты в стороны, глаза горят красным светом, в бороде запутались трава, сухие ветки и кусочки человеческого мяса, а рот, словно черная пропасть, широко открыт. Перед моими глазами четко встала эта картина, от чего по спине побежали мурашки. Кроме того, на ум мне пришла легенда о том, что в пятницу 13 числа вся нечисть вылезает из своих убежищ на землю и рыскает по округе в поисках еды. При свете дня эта легенда казалась глупостью, но в ночной темноте, похожей на густую смолу, она была актуальна.

Я почувствовал, что начинаю терять контроль над собой. Внутри вспыхнуло ледяное чувство страха, слюна словно наэлектризовалась, а колени затряслись, как от удара током, отчего ноги переставали слушаться меня. Я пытался взять себя в руки, но никак не мог совладать с собой. Навязчивые мысли о Страшиле-Матрошиле засели в моей голове, как ржавый гвоздь.

А когда где-то вдалеке закричала сова (ее глухое «ууу» эхом разлетелось по лесу), в нескольких метрах от нас зашевелились кусты, а сзади послышался треск веток, я не смог удержать паники.

«Это Страшило-Матрошило,— убедил меня внутренний голос.— Оно уже тут и видит, как ты трясешься от страха».

Я закричал не своим голосом и побежал вперед, размахивая руками. Ребята остановились и в недоумении смотрели мне вслед.

— СТРАШИЛО-МАТРОШИЛО! — крикнул я. Краем глаза я заметил, как после этих слов они тоже кинулись бежать.

Однако долго бежать не пришлось. Через несколько метров деревья поредели, а потом и вовсе закончились. Я остановился. Передо мной на пригорке возвышалось кладбище — пристанище людей, уснувших вечным сном. Для меня кладбище всегда было местом страха и ужаса, несмотря на то, что в этом месте постоянно царит покой и кажется, будто время остановилось. Скажу честно, мне никогда не приходилось бывать здесь ночью. В ночной мгле оно выглядело еще устрашающе, чем при свете дня. Вырисовывавшиеся в темноте надгробные камни напоминали зубы гиганта, покосившиеся кресты наводили печаль, а холмики на могилах, словно взбухшие вены, приводили в дрожь. Я никак не мог свыкнуться с мыслью, что сейчас мне придется зайти во внутрь. Ребята догнали меня и остановились рядом. Бег немного прояснил наши головы.

— Я домой пойду,— сказал Ванька, нарушив тишину. И добавил, чтобы мы не подумали, что он струсил,— Я привел вас, как и просили. Меня родители ждут, ругаться будут.

И, по-взрослому пожав нам руки, с чувством выполненного долга он побрел домой.

Маленький человечек посреди безлюдной ночи.

Мы стояли и смотрели ему вслед, пытаясь отдалить ожидающий нас момент. Когда Ванька растворился в темноте, я спросил Андрея:

— Ну что, пойдём? — мой голос заметно дрожал.

Я увидел, как Андрей сглотнул слюну. Его лицо было бледным, губы тряслись, но он попытался сложить их в некое подобие улыбки, чтобы не выдать себя. Получилось не очень.

— После тебя,— сказал он, уступая мне дорогу.

Я не знаю, что двигало Андреем в этот момент. Либо желание доказать мне, что моя история неправда, хотя я и так это знал. Либо боязнь, что я могу посчитать его трусом, если он попросит вернуться в лагерь. Хотя в данный момент я сам был бы

рад вернуться назад, только бы унести свои ноги подальше от этого места. Какой черт меня дернул предложить ему этот дурацкий спор?

Я обернулся назад, на лес. Мрачные деревья сливались с непроглядной тьмой. Там, в лесу меня ждало Страшило-Матрошило.

«Ну, уж нет. Назад я не пойду. По крайней мере, не этой дорогой», — подумал я и стал подниматься по тропинке на пригорок, медленно приближаясь к кладбищу.

Андрей, не отставая, шел за мной, тяжело дыша от бега. Покосившаяся ограда, оцепляющая кладбище, напоминала трупы людей, карабкавшихся вверх. Я с трудом смог перебороть себя и зайти в калитку. Меня трясло, как при лихорадке. Сердце, бешено колотившееся в груди, затрепыхало еще сильнее. Внутри росло непонятное предчувствие, от которого захватывало дыхание.

Когда Андрей поравнялся со мной, мы вместе пошли вперед по протоптанной тропинке мимо беспорядочно разбросанных могил, в которых покоились когда-то жившие люди. Немые могильные плиты напоминали направленные вверх стрелы. Вокруг царили тишина и покой, а воздух был пропитан одурманивающим запахом земли и смерти. Тропа петляла между могилами, и нам приходилось постоянно сворачивать, все дальше заходя вглубь кладбища и удаляясь от входа.

Наконец, мы нашли подходящую могилу под огромным деревом, выбросившим на землю свои мощные корни, похожие на пальцы трупа. У надгробного камня лежал букет из тюльпанов, а на земле еще не успела вырасти трава — это говорило о том, что могила свежая. На плите был изображен портрет мужчины с аккуратными усами и волосами, зачесанными назад. В темноте я не смог разобрать его имени, да это в принципе было и не важно.

— Вот тут, — указал я Андрею на могилу.

Он повернулся ко мне. В глазах стояла нерешительность.

— Сколько времени? — спросил он.

— Уже можно, — ответил я, почему-то посмотрев на луну, светившую скупым, холодным светом. Я не знал, сколько сейчас времени. Мне это было и не нужно. Единственное мое явственное желание замыкалось на намерении побыстрее уйти с кладбища.

Я снял свою куртку и отдал ему, поскольку ему предстояло лечь на холодную сырую землю, а он был в одной рубашке. Он продел руки в рукава и стал опускаться на землю, набрав в легкие побольше воздуха, словно ему предстояло погрузиться на дно океана.

Присев на корточки, Андрей осторожно прилег на могилу головой к надгробному камню. Я видел, как трясутся его руки, сомкнувшиеся на груди, слышал, как воздух со свистом выходит из его носа. Он смотрел вверх, на черное, как бездна, небо, а глаза мужчины на плите, как мне показалось, были направлены на него. Его губы словно растянулись в чудовищной улыбке.

— Ну что?! — спросил Андрей, с нетерпением ожидая момента, когда можно будет встать. Его голос был глухим и хриплым.

— Вставай, — сказал я.

Андрей стал подниматься с земли. Я уже предполагал, что сейчас он станет говорить мне, что он оказался прав, и что все страшилки — просто выдумки, в которые верят такие идиоты, как я. Хотя я и так прекрасно знал, что это неправда, точно так же, как знал, что на этом свете не существует деда Мороза. Однако какой-то нездоровый азарт заставил меня провести этот спор. Я ждал, когда Андрей радостно закричит, что я проиграл. Его губы уже сложились в напряженную улыбку, и он начал что-то говорить, но остановился. Слова будто застряли в его глотке. Облокотившись локтями о землю, Андрей попытался поднять корпус своего тела.

Но не смог. Его что-то держало.

Под ЗЕМЛЕЙ.

Его куртку что-то схватило, да с такой силой, что он никак не мог подняться.

Из его груди вырвался возглас удивления. В хрустальном свете луны я увидел, что Андреево лицо стало мертвенно-бледным, глаза вылезли из орбит и готовы были лопнуть. Их заполнил жуткий, всепоглощающий ужас. У него перехватило дыхание, отчего он никак не мог произнести ни слова. Он снова попытался подняться, и снова ему это не удалось. Его явно что-то держало.

Неужели, моя страшилка оказалась правдой? Теперь я не сомневался в этом.

Теперь в этом не сомневался и Андрей.

Он, как обезумевший, извивался на могиле, не в силах подняться, а мужчина на могильной плите, как мне показалось, улыбался еще пуще прежнего. Я сам потерял дар речи и в оцепенении смотрел невидящими глазами на Андрея. Меня словно огрели мешком картошки по голове. Страх скрежетал у меня в груди и своими когитистыми лапами хватал за горло.

Представив, как покойник, державший Андрея, станет выбираться из своей могилы, скованными смертью руками хватаясь за землю и озираясь по сторонам в поисках добычи, мои нервы не выдержали.

Я побежал. Только я побежал не на помощь Андрею, а в противоположную сторону, к выходу, бросив Андрея на могиле. Я никак не мог совладать с собой. Инстинкт самосохранения играл свою роль. В голову мне ударила кровь, сердце заколотилось с бешеной силой. У меня было такое чувство, словно меня окатили ледяной водой. Глаза мои застилала слезы, так что я плохо видел дорогу. Однако я продолжал бежать, перепрыгивая через холмики могил, а иногда и наступая на сами могилы. Мне казалось, что кладбищу не будет конца. Из моей груди вырывались хриплые рыдания, я боялся заблудиться в этом месте. Меня уже не радовала перспектива возвращения в лагерь, мне хотелось одного — поскорее убраться отсюда. А луна, похожая на жемчуг, безмолвно ухмылялась на небе. Споткнувшись, я повалился на могилу, ударившись головой о надгробный камень. Запах могильной земли ударил мне в нос. Быстро вскочив на ноги, я понесся вперед. Обе коленки были содраны, по шее потекла теплая кровь.

Наконец, я добежал до ворот. Спустившись с пригорка, я нырнул в лес. Я практически не видел, куда бегу. Ноги несли меня вперед, и я только успевал огибать деревья, в глубокой темноте похожие на громадных чудищ. Через некоторое время мои ноги стали ватными, а грудная клетка сжалась, как мокрый полиэтиленовый пакет. Я остановился передохнуть. Первым делом я обернулся назад посмотреть, нет ли за мной погони.

Никого.

Тяжело дыша, я прыгнул в ближайшие кусты и облокотился спиной о дерево. Воздух со свистом выходил у меня изо рта. Меня не перестало трясти от страха. В голове пронеслись сотни мыслей, а в ушах стоял звон. Портрет мужчины на могильной плите и лицо Андрея, искаженное от ужаса, не переставая, вставали перед моими глазами. Коленки зудели от боли, голова раскалывалась, как от удара молотком. Кровотечение остановилось, а ушибленное место вспухло, как труп кошки, который я видел по дороге не кладбище. Я все время думал об Андрее и ждал, что он появится через некоторое время. Однако он не появлялся.

Я не знаю, сколько времени я просидел в этих кустах (помню, что мне мешали выйти оттуда мысли о покойнике, схватившем Андрея, и Страшиле-Матрошиле), однако, когда я выбрался из кустов, уже светало. Молочный утренний свет разлился по лесу, рассеивая скопившуюся мглу у корней деревьев и выросшие за ночь страхи. Я побрел к лагерю.

Забравшись тем же путем к себе в комнату, я решил обо всем рассказать жожа-

тым. Ребята мирно спали, не тревожась мыслями о смерти. Узнав о том, что мы выбирались из лагеря ночью, Поганка треснула мне по лбу сочным шелбаном.

О судьбе Андрея я узнал поздно утром. Вожатые нашли его на кладбище, на той же могиле, где я его и оставил. Он был мертв. Было установлено, что он умер от разрыва сердца. Когда его поднимали с земли, его куртка зацепилась за выступавший из-под земли корень рядом находившегося дерева...

И мне сразу все стало ясно. Когда ночью Андрей пытался подняться с могилы, он зацепился курткой о корень дерева, но шок, навеянный рассказанными страшилками, и кладбищенская атмосфера дали о себе знать. Его сердце не выдержало. Оно и так у него было слабым, не зря же он состоял в отряде детей с сердечными заболеваниями.

Я долго винил в произошедшем только себя. Ведь я рассказал эту страшилку, я затеял этот спор. И лишь через много лет до меня дошел смысл произошедшего. Я понял, что если человеку суждено умереть в определенный день, то неважно каким образом это произойдет. Значит, Андрею суждено было умереть именно в пятницу 13 числа в 00 часов 00 минут. Удивительно, но в момент рассказа страшилки я озвучивал это время. Даже день совпал и час. Наверное, это и называется судьбой.

С тех пор в лагерях я больше не отдыхал. Да и страшилок пытался избегать. Уж очень сильное впечатление они на меня производили. Когда я вырос, я решил съездить в «Синюю птицу». Лагерь еще работал, детей не убавилось. Стены родного лагеря рождали воспоминания, и мне захотелось вернуться на двадцать лет назад. Внезапно у меня возникла идея посетить местное кладбище. Я пошел туда. В солнечный полдень оно не вызывало страха. Лишь грустные воспоминания вставали перед глазами. С момента моего последнего посещения кладбище заметно расширилось. С противоположной стороны оно спускалось с пригорка и уходило вдаль. Беспорядочно выросшие могилы напоминали притаившихся зверей. Могилу, на которой умер Андрей, отыскать мне не удалось. Дерево, за корень которого зацепилась Андреева куртка, вероятно, уже срубили, чтобы освободить место для нового постояльца этого места. А по памяти воссоздать дорогу к этой могиле я не смог. «Ну, и Бог с ней», — подумал я, но улыбающееся лицо мужчины на могильной плите все время вставало перед глазами. Даже спустя столько времени.

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Игорь Карлов
(г. Мапуту, Мозамбик)

СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ

Игорь Викторович Карлов — наш постоянный автор. В настоящее время работает учителем русского языка и литературы в школе при посольстве Российской Федерации в Республике Мозамбик.

Вот оно. Вот показалось, и стало ясно: все идет, как надо. Первоначально, без рассуждений, без рефлексии, возникла уверенность: в мире и впрямь все по замыслу. А лишь потом внятно осозналось, что именно дает ощущение надежного покоя — увиденное вдалеке поле золотистой пшеницы. Нечто глубинное, таящееся в той всеобщей памяти, которая коренится в перелесках, холмах, синем небе и белых облаках, подсказывает: раз уж растут хлеба на родной земле, есть надежда на лучшее. Все кажущиеся прочными устои эфемерны, и завтра, того и гляди, побредешь с сумой по городам и весям, бородатый и нечесаный, станешь пугалом для мирных обывателей. Можешь сорваться в запой, можешь уехать за море, потерять любовь и радость жизни, испаскудиться до последней степени, заплывть жиром, стать мытарем или судьей, можешь оказаться в узилище, а можешь уйти от людей в пустыню и там стенать, проклиная стену непонимания между тобой и окружающими,— все может случиться. Но вызревающее пшеничное поле в любых тяготах останется твоей путеводной звездой, твоим оправданием и конечным прощением. Самым потаенным уголком сознания понимаешь... Нет, не так! Не понимаешь, а, скорее, чуешь. Да, чуешь, но не как зверь, а как человек, лучший по отношению к тебе сегодняшнему, чуешь великую правду в неспешно наливающимися колосьях; угадываешь, прозреваешь всем составом своей личности, что добывать хлеб насущный в поте лица своего — не только вековечное наказание за первородный грех, но и благо, дарованное роду людскому. Даже если не ты вспахивал поле, не сеял зерно, и не тебе жать ниву, но коли есть еще те, кто сделает это, то и для тебя не все потеряно, и ты сподобишься, пусть в будущей жизни, причаститься к высшей справедливости. Вдруг становится зримо наглядной Его притча о зерне, вдруг озаряет: умереть — не страшно.

Так внезапно, без связи с предыдущими событиями дня, подойдя к меже между тленом и нетленностью, отрешаешься от всего бренного и ощущаешь несокрушимую

свою силу среди зыбкости дольного мира. Глядя на то, как любовно соприкасаются колосья, слушая вскипающий звук их безбрежного сожития, растворяясь в пучине пшеничного океана, утрачиваешь интерес ко всему преходящему, и только лишь отражаешь холмы, перелески, небо... Но оказывается, что обретенное могущество невыносимо тяжело, доколе не расточилась форма твоего физического существования, наросшая вокруг души с момента рождения. Созерцание бессмертия, покуда ты еще по сию сторону, приносит не взыскуемую долгожданную негу, а странное величественное безразличие и к своему собственному уделу, и ко всему окружающему, кроме золотящегося поля. Пока еще ты таков как есть, из плоти и крови, отстраненность безмятежной гармонии враждебно соседствует в сердце с фантомной болью изломов твоей судьбы, несчастий, испытанных ближними и дальними, страданий, терзающих человечество. Долго находиться в таком положении невозможно — необходимо на что-то решаться. Остается сделать последний шаг и погрузиться навечно в волны злаков, слиться с бесконечностью, однако человеческая сущность, убоявшись того, тянет назад, из хлебных хлябей на твердь проселочной дороги, ведущей к дому, где ждут тебя к ужину, где становится так уютно, когда зажигают лампу, и пятно желтого света из-под старомодного абажура чуть замедленно падает на стол, вызывая из небытия надрезанный каравай, кувшин с молоком и бутылку вина.

Белла Верникова
(г. Иерусалим, Израиль)

СПУСТИТЬСЯ К РЕКЕ НАДЫШАТЬСЯ
(Поэма)

Белла Верникова, поэт, эссеист, художник, историк литературы, живет в Иерусалиме. Родилась и жила в Одессе, в Израиле с 1992 г. Входит в редколлегию одесского альманаха иудаики «Мория». Автор шести книг. Печаталась в литературных журналах России («Юность», «Арион», «Сетевая Словесность», «Топос», «Бег»), Украины («Радуга», «Дерибасовская-Ришельевская»), Израиля («Иерусалимский журнал», «22», «Артикль»), Англии («Modern Poetry in Translation»), Италии («Другие берега»), Японии («Hokusei review»), США («Интерпоэзия», «Confrontation», «Metamorphoses»), в антологиях современной поэзии. Стихи переведены на английский и японский языки. Журнальные публикации и графика открыты в Интернете.

*Памяти Ефима Исааковича Таубмана,
чьим именем назван Экологический семинар
«Таубмановские Чтения» в Одесском Доме Ученых*

1

мой лучший друг беседует с особой
о ней бы нужен разговор особый
зачем она в мои приходит сны?
я слабой оказалась, слабovolной
в служебной тяжбе битой больно
и мучаюсь от собственной вины
мой друг, во сне особенно любимый
что значит, без него не стоит жить
особу эту назовет любимой во сне
я сплю
и горько сознавать
значение сна
и к стерве ревновать
и в жертву службе друга отдавать

не вещей сон, а сон-уведомленье
вобрал в себя беззвучное томленье
оно и сон из родственных стихий
поэтому так чувственно движенье руки
и к лацкану прикосновенье
и реплики протяжны, как стихи

по окраинной улочке городишка
несется парнишка в моторных санях
сестренка взялась его догонять
отстала, смеется
снег искрится
сизая дымка вьется
изобретатель саней тридцати с лишним лет
подхватил дочку на руки, бежит к сыну...
на этом любительскую картину прервали
в зале включили свет
и жюри обсуждает сюжет
с точки зрения
внедрения
изобретения
мнения самые разные
конструктивна ли конструкция
эффективен эффект
не опасно ли детям с бензином возиться?
и только один товарищ спросил
зачем нашим детям травиться
выхлопными газами?
слава Богу, есть заснеженные поляны
пусть на здоровье гуляют
дышат морозным воздухом
радуются природе
надо с малолетства в народе
пестовать экологическое сознание
чтобы не было разрушительным созидание

члены жюри занимались науками
и товарища быстро затюкали
— это что же, назад в пещеры?
вы забыли, что нынче время
научно-технического прогресса
его идеи овладевают всеми
в обществе происходят глобальные процессы
каждый гражданин должен разбираться в технике
иначе толку не будет
а красивая студентка сказала
что среди ее знакомых есть люди
не желающие водить машину
что совсем не красит мужчину

товарищ, хотя и был упрям
не смог противостоять технарям
но пока местная промышленность
освоит санки с мотором
в этом маленьком городке

по улице с деревянным забором
можно спуститься к реке
и надышаться воздухом
свежим
стозвонным
прозорым

3

чудесные дети растут
такая естественность
и простота в общении
и жажда познания
живут, как читают с листа
и есть в них уверенность
та свобода
которая к нам приходит с годами

как белые планеры дети над нами
и тянут нас ввысь
упасть не дают и сорваться
пожалуйста, жизнь
доверчиво им улыбнись
им взрослым без нас на земле оставаться

Сергей Гора

(г. Линкольн, Калифорния, США)

**НАЗИДАТЕЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ
БАЛЛАДА О НЕСЧАСТЛИВОМ ЛЬВЕ**

Однажды в джунглях Африки центральной,
В тропической и знойной полосе,
Родился лев, здоровый и нормальный,
Обычный лев, такой же как и все.

Он с детства рос под ласковой опекой.
Жил не в пример другим земным зверям.
Был уважаем даже человеком:
Принадлежал-то, все-таки, к царям.

Все у него удачно выходило:
Он был ловчей гораздо, чем слоны,
Не уступал в коварстве крокодилам
И, как верблюд, не гнул своей спины.

Но время шло, и детская игривость,
Естественно, ушла на задний план.
Все чаще видел лев несправедливость,
Все чаще понимал, что жизнь — обман.

Вон, например, жирафы как зажили:
Хоть под присмотром ходят, но зато
Им в Красной книге место предложили
А, кто они в сравненьи с ним? — Никто!

Иль, вон, горилла, чтоб она пропала,
Ума — не густо,— а какой почет(!)
За то, что вдруг... случайно, угадала,
В каких кустах припрятали компот.

Лев поначалу жил в святой надежде,
Что время выправит загиб судьбы,
Пока не понял вдруг, что мир, как прежде,
Не украшает львом свои гербы...

Еще вдобавок засухи и войны:
Воды не стало, нет житься от пуль.

В итоге мор, а значит перебои
В «поставках» зебр и прочих, там, косуль.

«Не воздают царю законной дани —
Лев размышлял, в сердцах кусая хвост, —
Чтобы достать кусок приличной лани,
Приходится пилить за тыщу верст!»

...А Африка тем временем хирела,
Невыносимо стал песок горяч.
И льву однажды сильно надоело
Искать причины вечных неудач.

Он погрустнел, все реже удивлялся,
Согнулся весь под тяжестью невзгод,
И потому он не сопротивлялся,
Когда его арканил вертолет.

...Льва поместили в самой лучшей клетке:
Вокруг — порядок, чистота, комфорт.
Бросают детки пряники, конфетки,
А иногда, прям даже, целый торт.

Такого в Африке с огнем не сыщешь, —
Приятно все же, что не говори:
Охота есть — тебе приносят пищу
Захочешь самку — вот она, бери!

И лишь одно предчувствие томило,
И лишь одно сомненье грызло грудь:
Увидеть обезьяну, крокодила
Придется ли еще когда-нибудь?

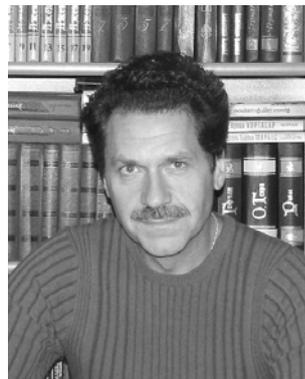
Случится ль вновь испить воды искристой
Под голубыми звездами в ночи?
...Хотя печаль излечивалась быстро:
Режим с достатком — лучшие врачи...

Решеток вид слепца не образумит:
Лев, как и прежде, верил в выбор свой.
Он сносно жил, но очень скоро умер,
Забывтый всеми и для всех чужой.

Я не хочу копать в львиной вере:
У всех в судьбе свой собственный излом...
Везде несложно называться зверем,
Но только в тропиках ты будешь Львом!

Виталий Ковалев
(г. Юрмала, Латвия)

Виталий Ковалев, профессиональный художник, живет в Юрмале (Латвия). Окончил Латвийскую Академию Художеств. Пишет прозу. Публикуется в журнале «Волга — XXI век», является членом редколлегии журнала. Имеет публикации в различных интернет изданиях.

ЗАМЫСЕЛ

Морские волны далеко выкатываются на пустынный берег, пена шипит, искрится на осеннем солнце. Волны заливают впадины на берегу, образуя маленькие острова, материки и сверкающие на солнце озера, в которых отражается небо.

Я один стою на продуваемом ветром берегу. Никого вокруг. Уже давно я нахожусь в состоянии межрассказа, когда так трудно дается начало новой истории. Но, сегодня, то и дело, смутно видится какое-то детское лицо, блеск незнакомых глаз и слышится чей-то голос... Появляется замысел, и я начинаю мысленно писать рассказ...

«Я вошел в темную комнату, отодвинул, раздуваемую ветром занавеску и закрыл окно. В комнате прохладно. Ослепительно сверкнула молния, и показалось, что над домом раскололось небо. Капли дождя застучали по стеклу еще громче, и сильнее зашумело море. Маленькая Вероника не спит, лежит в кровати и смотрит в окно большими, испуганными глазами.

— А к нам не придет большая волна? Она не смоет наш дом? — спрашивает она, прислушиваясь к шуму моря.

— Таких больших волн здесь не бывает, — успокаиваю я ее, а сам с удивлением думаю, а ведь и я в детстве боялся большой волны, которая вздымается, растет на горизонте, движется стеной и грозит разрушить дом! Как я понимаю тебя, Вероника!

— Я хочу к вам с мамой, хочу к вам посерединке. Я буду тихо лежать.

— Ты придешь утром, — говорю я, целуя ее душистые после купания волосы, — придешь, когда я позову, а не так, как сегодня. Слышишь? И не смейся!.. Видишь, ты же большая девочка, — говорю я с улыбкой и выхожу, прикрыв за собой дверь. В спальне темно, я ложусь, и целую теплое плечо жены.

— Ее гром разбудил, — говорю я.

Она прижимается ко мне в темноте и шепчет:

— Ты помнишь, мы встретились такой же осенью? Так же шумело море, и дул сильный ветер...»

Чайки с криками носятся над волнами, то касаясь крыльями пенных гребней, то резко взмывая ввысь. Такую чайку нарисовать легко, надо взять на кисть светлый тон и коснуться кончиком кисти холста. А потом рука должна чуть дрогнуть.

Я стоял у самой воды и думал — неужели, что-то намечается? Но я все еще не знаю этих людей, о которых пишу, и я так и не увидел лицо этой женщины. Какая она? Как мне хочется ее разглядеть! Надо продолжить... И вдруг, я увидел...

«...В окно льется дымчатый столб лунного света. В темноте я словно слепой, коснулся пальцами ее лица, а потом протянул руку к светильнику, но она остановила меня.

— Я не хочу, чтобы ты видел меня сейчас,— горячо продышала она мне в шею.

— Сейчас меня не надо видеть, ведь это уже не я. Но я поправлюсь. Слышишь? Я сильная! Я не могу представить, что меня нет с вами...»

Рядом со мной на берегу стоят чайки, покачиваясь от ветра на тонких, как палочки, ножках, ветер смешно топорщит их перья. Остановившись среди чаек, я вспомнил о придуманной мною Веронике. Но, что же дальше? И что было до этого? Станный этот мир — воображение! А может, он такой же реальный, как и наш? Может, я ничего не придумываю, а заглядываю в параллельный мир... И может, сейчас, где-то далеко-далеко маленькая девочка осталась в ночи одна, она не спит, прислушивается к дождю, шуму волн. Может, и она меня почувствовала и верит, что я рядом... Я хочу туда вернуться. Сколько времени меня там не было? Минуту?.. Но это здесь. А там?.. И я увидел снова...

«...В комнате Вероники прохладно, ветер пузырем раздувает занавеску, я закрыл запахнутое окно, присел на ее кровать и погладил ее по голове.

— Тебе не холодно? Не открывай окно, видишь, какая буря. Почему у тебя волосы мокрые?

— Ветер так мотает куст жасмина, что даже прибивает его к земле! Я видела в окно.

— Не бойся! Хочешь, пойдем к нам с мамой? Ты же хотела к нам посерединке. Пойдем!

Вероника смотрит на меня со страхом.

— Что ты говоришь, папа? — прошептала она.

— А что я сказал?

— Зачем ты меня пугаешь? — промолвила она, едва не плача.

— Но что я такого сказал?

— Ведь мамы больше нет!.. Ведь она...»

Ветер несет по берегу тончайшую пелену песка, а к берегу движутся белые ряды волн. У каждой волны есть своя жизнь и потом — исчезновение. Далеко-далеко я вижу волну. Она мощная, кипучая, сбивается с другими волнами, ветер срывает с нее белую пену. Но она все ближе и ближе к неумолимому берегу, она набирает скорость, выкатывается на песчаный берег, и с шипением исчезает. Вот и нет ее, только лопаются на песке пузыри, в которых отражается заходящее солнце.

Я разглядел Веронику, теперь она мне кажется очень знакомой. Я теперь знаю эти карие глаза, длинные темные волосы, и чуть вздернутый носик, знаю крохотные родинки на щеке и на шее, и даже ее дыхание с легким ароматом шоколада мне так знакомо. И я даже знаю, что у нее на руке есть самодельный браслетик из синего, белого и красного бисера. Но, откуда я это знаю?!.. Ведь руки ее были под одеялом, и я никогда не видел ее рук...

«...Волны выкатываются к нашим ногам. Я обнимаю ее сзади, закрывая собой от ветра, целую ее волосы.

— Пойдем, ты замерзнешь,— шепчу я ей на ухо.

— Ничего, ты согреешь меня,— отвечает она, прижимаясь ко мне, и по голосу я понял, что она улыбнулась.— Уже чувствую, что ты хочешь согреть меня. Как хорошо это чувствовать! Где-то я читала, что в жизни каждой женщины рано или поздно наступает момент, когда осознание того, что ее хотят, становится для нее событием космического масштаба. Но ведь это ужасно — до такого дожить!

Я повернул ее к себе, пытаясь разглядеть, но ветер закрыл ее лицо темно-каштановыми волосами, и я поцеловал губы ее прямо через волосы.

— Что ты хочешь? Скажи! — прошептала она.

— Хочу тебя увидеть.

— Не надо этого делать. Так нам легче будет расстаться. Я ведь всего лишь твой мимолетный замысел, я — твой набросок. Но ведь в жизни все точно так же — все придумывают друг друга, сочиняют свою жизнь, пишут, комкают, и все начинают сначала. Я исчезну, как только ты подумаешь о чем-то другом, и это хорошо, что ты не увидел меня. Но, прошу тебя, еще чуть-чуть не думай о другом, дай мне побыть рядом с тобой. Дай мне немножечко пожить в твоём воображении. Ведь это так хорошо — жить!

— Как тебя зовут?

— Одиночество. Вот, мое имя.

— Но я хочу увидеть тебя.

— Одиночество можно только почувствовать.

— Я чувствую боль.

— Это — мое второе имя. А есть и третье — жизнь. Сейчас боль пройдет, сейчас мы расстанемся, я только сделаю еще несколько вдохов и... Пора! Пора тебе подумать о другом!..

— Я не могу тебя отпустить!

— Тебе и не надо меня отпускать. Меня нет. Ты выдумал меня...»

Вот мы и расстались. Жаль, что я так и не увидел тебя и не написал о тебе. Прости меня и ты, Вероника за то, что я не смог написать о тебе! Но я теперь вижу тебя так ясно, что ты для меня, как живая! Не знаю, в каком ты мире, не знаю, далеко ты, или близко, но, я знаю, как тебе сейчас одиноко там одной. Что мне сделать для тебя? Что? Но, кажется, я знаю, что надо сделать. Догадалась? Ты улыбнулась мне? Сейчас я сделаю это для тебя...

— Смотри, кто к нам пришел! — воскликнула она, отрываясь от моих губ.— Не сердись, мы с ней так долго спали вместе, что она никак не отвыкнет. Дай ей время.

Гром прокатился по небу, и ветер надавил на стекла. В сполохах молнии, Вероника скользнула между нами под одеяло, натянула его до подбородка и, недоверчиво глядя на меня, спросила:

— Мама, а он теперь всегда будет спать с нами?

— Он всегда будет с нами.

— Он что, будет моим папой?

— Он будет твоим.

И, когда снаружи послышался рев ветра, заглушаемый громом, я обнял их обеих.

Теперь все закончено и пусть остается таким навсегда. В иле я увидел маленький кусочек янтаря. Рассматривая его на свет, я увидел вдали молодую женщину и ребенка. Как я не заметил их раньше?! Маленькая девочка догоняла отступающие в море волны и убегала от них, когда они быстро выкатывались на берег. Как хорошо, что хоть кто-то появился на берегу. Девочка уже совсем близко.

— Ксения, иди сюда,— донесся до меня голос женщины, и тогда она повернулась ко мне.

И я увидел ее лицо.

ПРОЧИТАЙТЕ ЭТО!..

Поводом к написанию этого текста послужили слова, которые я услышал в автобусе. На какие-то фразы одного из пассажиров об обороне Риги в 1941 году, прозвучало в ответ:

— Да какая там оборона!.. Сдали город без боя...

Я, для проверки, спросил у множества людей, что им известно об обороне Риги? К моему удивлению, никто ничего не знал...

* * *

1 июля 1941 года в Риге на Московском форштадте произошел последний бой за Ригу. Небольшая часть Красной Армии, прикрывая отход основных сил, приняла бой с превосходящими силами противника. Все обороняющиеся погибли. Земле их предал приход храма св. Иоанна Крестителя, и на их могиле был поставлен памятник павшим с православным крестом. Это первый в истории памятник павшим воинам в Великой Отечественной Войне, исполненный в виде православного креста. Я позволю себе повториться... Вдумайтесь в это — первый памятник воинам, павшим в боях с фашистами, был поставлен в 1941 году в оккупированной фашистами Риге!.. Он сохранился до наших дней.

Я часто захожу на Ивановское кладбище у храма св. Иоанна Крестителя и прохожу мимо могил воинов. Здесь есть место с общим захоронением 150-ти безымянных солдат. Есть отдельные захоронения «неизвестных» воинов. А далее идут ряды могил с именами на каменных плитах. Основной массе солдат было от 18 до 21 года.

Мое внимание привлекло и то, что на большинстве плит была указана дата гибели — 30 июня 1941 года. Что же произошло 30 июня, и что происходило в предшествующие этой дате дни, на улицах, по которым я так часто хожу?

26-е июня.

Германская армия приближалась к Риге со стороны Елгавы, в это же время части Красной Армии отступали по Баускому шоссе.

— Вечером 26 июня,— вспоминает заместитель командира 3-го батальона Жанис Фолманис (Грива),— мы получили оружие: винтовки, патроны, ручные гранаты и автоматы. Оружие было разных систем и устаревшее... Получение оружия приподняло настроение гвардейцев... Вся ночь на 27 июня прошла в лихорадочной работе. Гвардейцы учились обращаться с оружием, особенно, с гранатами и автоматами, так как среди нас было мало таких, кто хорошо умел ими пользоваться. Для защиты Риги и прикрытия отступления советских частей, в городе было оставлено 1000 бойцов и командиров.

27-е июня.

Бои за Ригу протекали в крайне невыгодных условиях для советских войск. Один из трех мостов был захвачен противником. Возникла серьезная угроза захвата остальных. Переправлявшейся на северный берег 28-й танковой дивизии было приказано очистить этот район от противника и не допустить им захвата мостов. Танкисты действовали дерзко и решительно, в бою участвовал лично командир дивизии полковник И. Д. Черняховский. Уличные бои продолжались двое суток. По немецким источникам, в «битве за рижские мосты» вермахт потерял 532 человека только убитыми.

В журнале боевых действий немецкой армии группы «Норд» 29-го июня записано:
— Значительные силы противника перешли в наступление по ул. Слокас и про-
рвались к мосту. Вместе с тем начались уличные бои и возникли огромные потери,
поскольку в боях приняли участие вооруженные гражданские лица, стреляя из под-
валов и с крыш.

В середине дня немцы усилили артиллерийский и минометный огонь по перепра-
ве и подразделениям, занимающим оборону. Позиции защитников Риги непрерывно
обстреливала артиллерия, вражеские самолеты осыпали их бомбами. Всю набереж-
ную и Старый город затаило дымом. В такой обстановке бойцы рабочих батальонов
приняли бой. Особенно сильные бои происходили на ул. Акменю, ул. Валгума и
бульв. Узварас. В доме на углу улиц Валгума и Узварас пятьдесят красноармейцев и
офицеров долгое время боролись с превосходящими силами противника. Все они
погибли.

Небольшие отряды пограничников, подразделения зенитчиков и стрелков, а так-
же батальоны рабочей гвардии, обороняли мосты через реку против превосходящих
ударных сил противника. Пограничники и стрелки занимали открытые в мостовой
окопы и сложенные из булыжников баррикады. Бойцы готовили бутылки с зажига-
тельной смесью и связки гранат. Автоматчики и пулеметчики пополняли запасы па-
тронов и пулеметных лент. Стояли замаскированные пулеметы, повернув стволы в
сторону левого берега...

В ночь на 30 июня защитники Риги взорвали Понтонный и Земгальский мосты.
Железнодорожный мост взорвать не удалось из-за плохой подготовки к взрыву. По
этому мосту на правый берег Даугавы сумел прорваться поддержанный тремя броне-
транспортными передовой отряд врага, который пытался захватить здесь плацдарм,
но был уничтожен подразделениями 62-го стрелкового полка 10-й стрелковой дивизи-
и при поддержке рабочих отрядов.

30-е июня.

На территории Ивановского кладбища, депо и железнодорожных путей, 30 июня
1941 года, произошел самый тяжелый бой при обороне Риги, в котором с обеих сто-
рон погибли свыше двух тысяч солдат. Самые последние бои шли на кладбище. К
этому времени у защитников Риги закончились боеприпасы, и на территории клад-
бища шли массовые рукопашные бои. Трупы немецких солдат германская коменда-
тура подобрала сразу. Тела красноармейцев оставались лежать. На следующее утро
их подобрали местные жители...

* * *

Осенью, поздно вечером, я проходил мимо Ивановского кладбища и решил зай-
ти. Идя по сумрачной и пустынной аллее, я заметил среди могил молодую женщину,
она переходила от могилы к могиле и склонялась над ними. Видел, как она подошла
к могиле рижского старца протоиерея Иоанна Журавского и склонилась там тоже.
Издали я заметил, что на ней было странное длинное одеяние, и подумал — может,
это монахиня? Я дошел до захоронения воинов и стал читать знакомые уже мне име-
на на каменных плитах. Боковым зрением я заметил, что та женщина, приблизилась
ко мне, остановилась в двух метрах от меня, и так мы стояли с ней некоторое время
рядом. А потом она опустилась на колени перед плитами с именами солдат. Теперь я
смог ее разглядеть. Ей было лет 25—26, у нее были длинные светлые волосы, но са-
мое удивительное было то, что на ней был не плащ, как я решил вначале, а длинная

армейская плащ-палатка с маскировочной расцветкой! В полумраке, на пустынном кладбище, на молодой женщине... Это было так странно!..

Не скрою, что мне подумалось — вот начало любопытной истории!.. И как здорово было бы заговорить с этой женщиной, и узнать хоть что-то о ней. Хотя одно слово от нее услышать... Но она сидела неподвижно с закрытыми глазами, закутанная в плащ-палатку, и руки ее были сложены на коленях.

Внезапно, видимо почувствовав вибрацию в кармане, она достала маленький, ярко-желтый мобильный телефон и еле слышно быстро ответила по-латышски. Это тоже было неожиданностью.

А потом она, подавшись вперед, склонилась к земле, коснувшись ее локтями и, достав из полиэтиленового пакетика маленькие белые, простые светильники с фитилями, стала их зажигать. Совсем уже стемнело. Я постоял с ней некоторое время, и пошел к выходу с кладбища, а она осталась возле могил воинов одна.

Когда уходил, на одной из могил увидел надпись — УМЕР НЕ ТОТ, КТО ЗАРЫТ, А ТОТ, КТО ЗАБЫТ.

Вместо послесловия...

Тогда же, осенью, чтобы срезать путь, я снова проходил через Ивановское кладбище. Неподалеку от захоронения павших воинов я увидел пожилую женщину. С трудом передвигаясь, она садовыми ножницами остригала кустики вокруг одной из могил. Проходя мимо, я взглянул на могилу, и увидел, что она заброшена, камень есть, но время стерло надпись. Имя прочитать было невозможно.

— Знаете, кто здесь похоронен? — спросила меня женщина.

— Нет.

— А вон, видите захоронение солдат? Женщина, которая здесь похоронена, хранила всю войну их документы... Потому и имена потом смогли выбить на камнях. Когда-то давно меня попросили чуть подстригать эти кусты, чтобы могила совсем не заросла... Вы уж, если увидите, что зарастает, подстригите. Кто знает, сколько я еще смогу это делать...

— А как звали ее? — спросил я.

— Не знаю. И на камне уже не прочитать...

Ирина Мадрига

(г. Свалява, Закарпатье, Украина)

НЕПАРНЫЕ НОСКИ

Ирина Мадрига — журналист, живет на Закарпатье (Украина) в городе Свалява. Пишет стихи и прозу на русском и украинском языках. В 2009 году в издательстве «Карпатська вежа» («Карпатская башня») вышел первый роман «Завербованная любовь». Год спустя — две книги переводов современной русской прозы на украинский язык под общим названием «Мантриця», составленные из произведений авторов литературного портала Проза.ру.

В 2011 году приняла участие в написании «Поштаментального роману» («Почтовый роман»), в который включены более тридцати авторов не только Украины, но и других стран.

Ганя навещала в родную Ворохту дважды в год — на зимние и летние каникулы, умудрялась жить на одну стипендию, на все случаи жизни надевала одни джинсы, имела в личном гардеробе две переменные блузки, один толстенный свитер из овечьей шерсти на все сезоны и одну пару обуви на сезон.

В общежитии Ганя не чувствовала себя Золушкой. Она смотрела на мир, словно немного сверху, но не с пренебрежением, а с подобием врожденной философичности, что, впрочем, не мешало ей с удивлением и восхищением воспринимать этот мир. А еще у Гани всегда под рукой были три ореховых словца: «Никорак», «весилё»^{*} — именно так, с ударением на последнем слоге, и особенное, упругое, как мячик-попрыгунчик, — «йохайды»^{**}. Только вот не подумайте, что Ганя была похожа на Эллочку-людоедку. На самом-то деле, она была любимой студенткой профессора Вендзелевского. У него же любимцами становились исключительно одаренные личности, способные запомнить как минимум пять самых толстых словарей славянских языков и диалектов — от титульной страницы и до последней строки выходных данных. На четвертом курсе словарный запас Гани уже достиг необходимого профессорского минимума.

Никорак — это была фамилия односельчанина Гани — парня, которого она любила с пятого класса и до пятого курса, а может, и дольше — об этом история пока умалчивает. Известно лишь, что Никорак работал в местном колхозе механизатором широкого профиля и заочно учился в вузе.

Весиле — это была вполне выполнимая Ганина мечта, связанная с Никораком. Йохайды — все остальное, что вызывало у Гани удивление, восторг и разочарование. Никорак писал Гане письма, в которых она красным исправляла орфографические ошибки и отсылала обратно, обещая устроить любимому экзаменационный диктант, как только придет время готовить весиле.

---

* Весиле — свадьба.

** Йохайды — не переводится.

Употребление слов «Никорак» и «весиле» происходило преимущественно один раз в неделю, когда Гане от жениха приходило очередное письмо. «Йохайды» было куда как более в ходу.

Но наиболее мощно оно прозвучало в Ганином исполнении в один из январских вечеров, когда моя соседка по комнате вернулась с зимних ворохтянских каникул и привезла по просьбе профессора Вендзеливского произведение настоящего гуцульского искусства — мохнатый радужно окрашенный лижнык*.

Бросив под стол тощую дорожную сумку, Ганя по-родственному приласкала толстый свиток, обернутый мешковиной, прижав его к груди.

— Вот, лижнычек, поедем сейчас к Вендзеливскому. Представляете, девочки, я — у профессора! Надо же, йохайды! — Ганин восторг не помещался в тесной общаговской комнате. — Да, не мешало бы носки найти, иначе ноги замерзнут.

Носки у Гани имелись, и все разные, непарные. Ганя задумалась, как разрешить ситуацию — чтобы и ноги не обморозить на январской стуже, и перед профессором лицом в грязь не ударить. Предположила, что однотонные — это лучше, элегантнее, нежели пестрые. Устроили ее черный и красный. Уверенно впихнула ноги в сапоги:

— В конце концов, не на весиле собираюсь, — успокоила себя.

Милочка улыбнулась язвительно:

— А может, мои возьмешь, вон они, на батарее, высохли...

— Да, йохайды, обойдусь. С этими профессорами — голова кругом. А по мне, главное — чтобы ногам было тепло.

...Прошло четыре часа. Мы с Милочкой на сон грядущий делились мнениями о том, что за истекшее время в Ужгороде можно было обегать уже всех профессоров, при условии, чтобы лижныков на всех хватило. Вдруг дверь отчаянно распахнулась, Ганя прямо в пальто упала на крайнюю кровать.

— Й-й-й-йох-хай-ддды! Стяните же с меня сапоги!

Мы с Милочкой потянули каждая по сапогу, из которых показались Ганины многострадальные ножки. Пальцы на них были поджаты к стопе и посинели. Носков на ногах не было. Сеанс массажа ног в четыре руки сопровождался Ганиным рассказом.

— Ну, а что думаете, йохайды? Профессор же. Пригласил в дом. Добро пожаловать, Ганя, проходите в гостиную, будем ужинать. А там стол накрыт, как на весиле. Жена у него радушная. Вот вам, Ганя, тапочки — у самых ног кладет. А я довольна: хорошо, что свет в прихожей слабенький, на стене махонькое бра чуть брезжит, хозяйева на минуту одну оставили. Сбросила сапоги и заодно носки. Затолкала их в носы сапог, и все дела. Откушала деликатесов за профессорским столом. Это, скажу вам, даже и не весиле в Ворохте, йохайды.

— Ганя, а почему так долго? Ты же могла уже часа два назад вернуться? — спрашиваю.

— Ты что думаешь, к профессору — все равно, что к Никораку на свидание? Это у меня с Никораком разговор лаконичный, как определение в толковом словаре: «Любишь?» — «Да люблю еще» — «Ну, смотри мне, йохайды». А у профессора... Ой, девочки, я млела от общения с ним! Это же... Это же... Йохайды, как он рассказывал об «Обратном словаре русского языка»! Купил на днях в «Кобзаре». Пожалуй, и я приобрету. А что? Дешево. Стоимость пяти пар носков — что там той зимы! А потом его жена расспрашивала меня, как лижныки делаются. Я ей и о кроснах**, и о бердо, и про валило, и про ливки*** нити... Она так удивлялась! Говорит, и слов таких не слышала отроду. Да была бы я профессорской женой, выучила бы все диалекты: моравские,

* Лижнык — толстое покрывало, вытканное из овечьей шерсти.

** Бердо, кросна, валило — приспособления для изготовления лижныка.

*** Ливки(е) — податливые.

сербско-лужицкие, архангельские, бойковские, подольские, да хоть и новгородско-псковские — без разницы.

— Лучшая жена для профессора — та, которая умело стол сервирует,— вердикт Милочки, как всегда, был ограниченным, однако проверен личным опытом, профессоров на дому она изредка посещала, в случаях неурядиц с зачеткой.

— Да, нет, Мила, жена у него образованная, математику преподает в школе, это тебе не бабуля из Ворохты. И представьте, так искренне удивляется, если чего-то не знает. Ну, точь-в-точь на меня смахивает, йохайды. Правда, стол я так не разукрашу, в деревне ведь все по-простому.

Ганя понемногу приходила в себя.

— Да не тяни, давай же финал,— нетерпеливо попросила я.

— Ну, да. Финал. Финал ты видишь,— показала на розовеющие, оживающие пальцы.— Но прежде надо было еще обуться. А тут, как нарочно, и профессор, и жена стоят надо мной в прихожей. Профессор пуфик придвинул: садитесь, Ганя, так обуваться удобнее. Какое там удобно, если я понятия не имею, как вытащить незаметно носки из сапог. Поджала пальцы и нырнула. А чертовы носки занимают чуть ли не полсапога. Поднялась с пуфика. Стою. Держу равновесие, будто на ходулях. Греет мыслишко: выйду, во дворе переобуюсь. А профессор — обхождение у него с молоком матери впитано, это не мой Никорак, говорит: вы, Ганя, не беспокойтесь, я вас провожу на автобусную остановку, на площадь Корятовича. Да йохайды, как же я дотопаю до Корятовича — это же полкилометра! А там еще с горки спускаться, а в пальцы будто штыри какие чертяка ввинчивает. Я уж не упоминаю о том, что автобус ждали мы с Вендзеливским минут сорок. Предлагаю: вы бы, может, шли домой, профессор, сама подожду. А тем временем прикидываю, много ли на площади людей глазеть будут на мое переобувание. А рейс последний, народу — пропасть, и все наши, общаговские, до конечной. Ну, ничего, думаю, в автобусе, как только водитель выключит свет при движении, вытащу носки из сапог и в карман засуну. Чтобы хоть на свою Голгофу — БАМ* доковылять.

— Удалось? — интересуюсь.

— Ага. Засунь руку в сапог.

Я вытащила из сапога красный носок.

... На следующий день Вендзеливский искал на кафедре свой, утепленный мехом, плащ.

— Так вот же висит, в котором вы утром пришли,— подсказала ему верная помощница Ганя, которая вместе с профессором составляла в тот день картотеку из свежих диалектных словечек, записанных ею в Ворохте.

Вендзеливский с недоумением осматривал плащ. Нахлобучил кое-как, тот оказался явно тесен в плечах и коротковат.

— Надо же, по ошибке утром плащ жены снял с вешалки.

Идти домой профессору пришлось в женском наряде. Среди бела дня. Впрочем, профессор не комплексовал, как Ганя с носками.

Прятели студенческих лет рассказывали мне, что профессора с университетской диалектологической экспедицией как-то задержали пограничники на украинско-румынской границе — как нарушителя. Им он представился, показав паспорт супруги, который неизвестно каким образом очутился в кармане его рубашки. А однажды, когда у профессора, судя по симптоматике, случилось предынфарктное состояние, диагностировали его самочувствие по анализам крови, неразборчиво выписанным на имя жены. Показатели биохимии жены были в норме. Профессору в поликлинике убедительно было заявлено: вы здоровы, работайте дальше. Предынфарктное состояние улетучилось без лечения. Но это уже должна быть другая история. Хотя и не менее поучительная.

---

* БАМ — микрорайон студенческого городка в Ужгороде.

Наум Ципис*
(г. Бремен, Германия)

СТИХИ ИЗ СТАРОЙ ПАПКИ

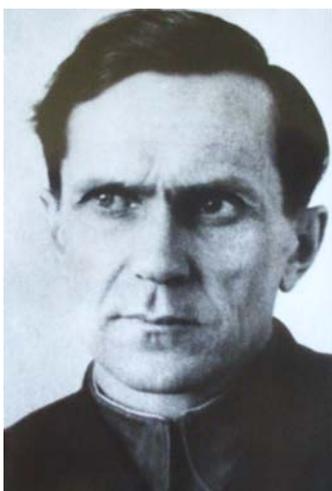
Мы часто употребляем выражение: «Пути господни неисповедимы». Мы говорим: «случай», «судьба» и не осознаем свою к этому причастность.

Жизнь богаче любой фантастики, и это — правда.

Мы встретились на приеме у врача. Оказалось, что и я, и Александр Сукальский, инженер из Донецка, оперировали свои сердца в одном госпитале. Слово за слово — он пригласил меня к себе домой.

Мы с женой пришли в гости и попали в веселую и шумную эмигрантскую компанию врачей, инженеров, учителей — москвичей, ленинградцев, киевлян... Столковавшись по «русскому» общению, я сразу почувствовал себя легко и свободно, словно вернулся в Минск.

Среди гостей был человек, который пользовался общим вниманием. Он был «своим» в любой теме разговора. Сын «врага народа», воспитанник спецдетдома, участник войны (в семнадцать лет ушел на фронт), выпускник Ленинградского института инженеров кино, Леон Траубе собрал большую библиотеку, создал прекрасные авторские фотоальбомы (чего стоит только один — «Решетки Ленинграда»...) У него несколько тысяч слайдов — архитектура городов, в которых он побывал: снимки Бремена, Парижа, Амстердама, Брюсселя...

Наше знакомство переросло в прочные теплые отношения. Однажды Леон спросил: «Вы любите Шаламова?» На что я ответил: «Любить его трудно. Я не был с ним знаком. Но его, по-моему, невозможно не уважать и невозможно им не восхищаться». «Хотите почитать его неизвестные стихи?» Наверное, у меня в тот момент было потерянное выражение лица: неизвестные стихи Шаламова в Бремене?!

За распространение завещания Ленина он, студент МГУ, был осужден, и семнадцать лет провел в лагерях и еще пять в ссылке. Только в 1956 году был реабилитирован. Знаменитые «Колымские рассказы», пять небольших сборников стихов — вот и все наследие.

В начале девяностых Шаламов не просто популярен — он стал моден. Ненавидевший всякую позу, он об этом уже не узнал.

Трагизм его судьбы был заpredelen. Поэт жертвенно определил свой жребий, написав 150 рассказов о зоне. Его слова: «Помните самое главное: лагерь — отрица-

---

* Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2010-й год.

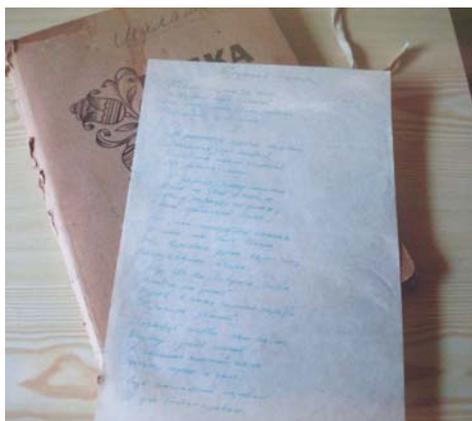
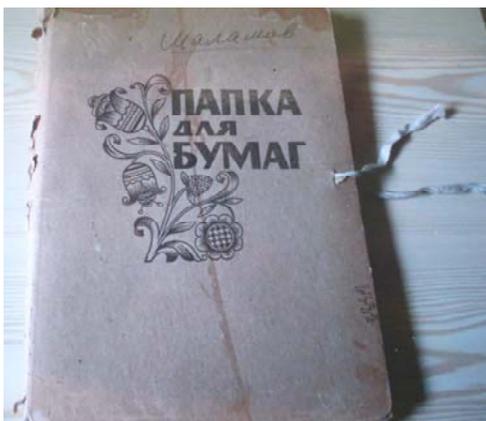
тельная школа с первого и до последнего дня для кого угодно. Человеку — ни начальнику, ни арестанту — не надо его видеть. Но уже если ты видел — надо сказать правду, как она ни была страшна. Со своей стороны, я давно решил, что всю мою оставшуюся жизнь я посвящу именно этой правде...»

И он посвятил себя этой правде до конца.

...Леон жил по соседству с Шаламовыми, дружил с дочерью поэта и его племянником. Отвоевав войну, молоденький авиационный техник вернулся в свой дом в Чистом переулке. Однажды — в 1951 году — Леон Траубе стал свидетелем такой сцены: в квартиру Шаламовых пришел человек и передал Галине Игнатьевне, жене поэта, небольшой бумажный сверток. «От вашего мужа».

Строчки из автобиографических заметок поэта: «В 1949 году я, работая фельдшером в лагере, попал в «лесную командировку» и все свободное время писал — на обороте старых рецептурных книг, на полосах оберточной бумаги, на каких-то кульках...» Сверток с этими стихами «коллега» поэта по ссылке и передал Галине Игнатьевне.

Шаламов опасался, что при полном его освобождении их могут отнять и уничтожить. Поэт просил жену перепечатать стихи на машинке в трех экземплярах: два отдать на хранение знакомым, а один оставить у себя. Перед смертью Галина Игнатьевна подарила Леону свой экземпляр — старую папку с напечатанными стихами мужа. Тогда еще не напечатанными... Их было ровно сто.

Так я встретился с «подпольными» стихами Варлама Шаламова и часть из них, с разрешения хозяина этой папки передаю редакции журнала «Приокские зори».

В конце этого предисловия не могу не привести только две цитаты из писем Пастернака Шаламову,

«Вы одна из редких моих радостей и в некоторых отношениях единственная».

«Я никогда не верну Вам синей тетрадки (стихи, посланные Шаламовым Пастернаку Н. Ц.) Это настоящие стихи самобытного поэта. Пусть лежит у меня рядом с томиком Блока. Нет-нет и загляну в нее. Этих вещей на свете так мало».

СТИХИ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

Сыплет снег и днем, и ночью.
Это, верно, строгий бог
Старых рукописей клочья
Смело вымел за порог.

Все, в чем он разочарован, —
Ворох песен и стихов, —
Увлечен работой новой,
Он сметает с облаков.

* * *

Я жег стихи холодной этой ночью
Я жег мои стихи, и жарким был огонь,
И в пламени костра изнемогали, корчась,
Слова, подсказанные мне тайгой.

Затем ли для меня уста ее раскрылись,
Чтоб этих букв обугленных тела,
Моих стихов трепещущие крылья,
Метель навеки замела?

А, впрочем, я их вовсе не жалею,
В них виден свет времен. И в них живет восторг
Заманчивой судьбы Бруно и Галилея —
В стихах, взведенных на костер.

* * *

С годами все безоговорочней
Суждений прежняя беспечность,
Что собранной по капле горечи
И есть единственная вечность.

Затихнут крики тарабарщины,
И надоест подобострастье,
И мы придем, вернувшись с барщины,
Показывать Господни страсти.

И исполнители мистерии
В притихшем судорожном зале,
Мы были то, во что мы верили,
И то, что мы изображали.

И шепот наш, как усилителем,
Подхваченный сердечным эхом,
Как крик, ударит в уши зрителя
И будет вовсе не до смеха.

Ему покажут нашу сторону
По синей стрелочке компаса,
Где нас расклеивали вороны,
Добравшись до живого мяса.

Когда черты ее фантазии,
Ее повадок азиатских
Не превзошли ль разнообразием
Какой-нибудь геенны адской.

Хранили мы тела нетленные,
Как бы застывшие в движении,

Распятые и убиенные
И воскрешенные к сраженьям.

И бледным северным сиянием,
Мерцаньем ледяных кристаллов
Светили мы на расстоянии,
Как бы с какого пьедестала.

За то, что не гнались за модами,
Всю жизнь шагая узкой тропкой,
Что первородства мы не продали
За чечевичную похлебку.

Что мы, пройдя пути Голгофские,
И униженья, и побои,
Вернувшись в улицы московские,
Остались каждый сам собою.

Учениками ли, предтечами,
Предтечами, учениками —
Мы бредили такими встречами,
Как лавровыми венками.

* * *

Нам прямо около дома,
За мельничьим колесом,
Земли отрезали ломоть,
По самый горизонт.

Мы живы не только хлебом.
И утром на холодке
Кусочек сухого неба
Размачиваем в реке.

* * *

Мы спорим обо всем на свете
Затем, что мы отцы и дети.
И, ошалев в семнадцать лет,
В угрозы улицы поверив,
К виску подносим пистолет.
Иль хлопаем на память дверью.
Но отступив от новизны,
В которой чуем неудачу,
Мы видим дедушкины сны,
Отцовскими слезами плачем.

* * *

Четвертый час утра. Он твой — восьмой.
Вечерний час. И день твой — он вчерашний.
И ночь, тебя пугающая тьмой,
Придет сюда, отцветшей и нестрашной.

Она в дороге превратится в день,
Почти что в день. В причудах белой ночи
Деревья наши потеряют тень.
И все там странно, временно, непрочно

Она ясна мне, северная ночь,
Она безукоризненно прозрачна,
Она смогла бы и тебе помочь,
Когда б у вас не красили иначе

На вашей долготе и широте
Она темна и вовсе не бессонна.
Она чужда моей ночной мечте,
Другого цвета и другого тона.

* * *

В этой стылой земле, в этой каменной яме
Я дыханье зимы сторожу.
Я лежу, как мертвец, неестественно прямо
И покоем своим дорожу.

Нависают серебряной тяжестью ветви,
И ярится метель на беду.
Я в глубоком снегу, в позабытом секрете,
И не смены, а смерти я жду.

* * *

На склоне гор, на склоне лет
Я выбил в камне твой портрет.
Обух простого топора
Бессмертней кажется пера.
В страну морозов и мужчин,
И преждевременных морщин.
Я вызвал женские черты
Во всем значеньи немоты.
Скалу с твоею головой
Я вправил в перстень снеговой,
И в знак рассвета, в знак зари
Я перстень богу подарил.

* * *

Прохожих взоры привлекает
Старинный русский экипаж,
В нем едет Катя Трубецкая,
Наш героический типаж.

Но за сто лет устали кони,
Возок годится лишь в музей.
Кого сюда любовь погонит,
Каких друзей!

Не повторить им той попытки
И подражанье вовсе зря.

Увы, — в некрасовских кибитках
Им не проехать за моря.

Тут самолеты, пароходы,
Билеты, визы, пропуска,
Нужна тут летная погода,
Нужна старинная тоска.

Не лучше ли за чашкой чая,
Досуга ради, перечесть,
Как губернаторы встречают
Летящую сквозь вьюгу честь.

* * *

Луна, точно снежная сойка,
Влетела в окошко ко мне
И крыльями машет над койкой,
Когтями скребет по стене.

И бьется на белых страницах,
Пугаясь людского жилья,
Моя полуночная птица,
Бездомная прелесть моя.

* * *

Сколько писем к тебе разорвано!
Сколько пролито на пол чернил!
Повстречался с тоскою черною
И — дорогу ей уступил.

Ты, хранительница древностей,
Милый сторож моей судьбы.
Я пишу все это для верности,
А совсем не для похвальбы.

Про глаза твои с поволокою
Я не буду здесь говорить.
Это было уже, это — Блоково,
А мое — это плакать навзрыд.

* * *

Стой! Вращенью земли навстречу
Телеграмма моя идет,
И тебе в тот же час, в тот же вечер
Почтальон ее принесет.

Поведи помутневшим взглядом,
Может быть, я за дверью стою
И живу где-то в городе рядом,
А не там, у земли на краю.

Позабудь про слова Галилея,
От безумной надежды сгори
И, таежного снега белее,
Зазвеневшую дверь отвори.

Камелия Санрин

(г. Роял Танбридж Велс, Великобритания)

СТРАСТЬ МЕШАЕТ ПОНИМАНИЮ

Когда философы берутся рассматривать человечество как отдельную личность, то неизбежно приходят к выводу о незрелости этой гипотетической личности. Жадность, эгоцентризм, агрессия — качества, присущие маленьким детям. Равно как и потребность в покровительстве. Социум ищет опоры у мудрых, знающих и добрых покровителей. И, неизменно разочаровываясь, яростно низвергает с постаментов, топчет ногами и крушит, видя во вчерашних кумирах — виновников всех своих неудач и разочарований.

Сегодня в этой роли выступает В. В. Путин, до него были Ельцин, Горбачев, Брежнев, Хрущев — и два самых больших разочарования русского народа двадцатого столетия: Николай Второй и Иосиф Сталин. Процесс переосмысления роли личности в нашей истории продолжается. Это, все продолжающееся, исследование полужизненного опыта — необходимая часть взросления.

Новый опыт такого исследования отражен в труде академика Алексея Афанасьевича Яшина «Катехизис идеалиста»*. Новый потому, что эта книга представляет, по сути, анализ личности Иосифа Сталина глазами самого Сталина — объект ретроспективного анализа сам занят идентичным исследованием. Интересен подход автора к осмыслению характера своего персонажа — не с точки зрения исторических событий, а с точки зрения общечеловеческих ценностей: автор рассматривает Сталина не как политическую фигуру, а как уязвимого человека, со своими страстями и добродетелями.

Книга Алексея Афанасьевича Яшина — осмысление культа личности через объяснение его логической исторической целесообразности. Страсти о Сталине долго еще будут бушевать в душах бывших советских граждан. И невозможно людей за это осуждать. Однако, с точки зрения исторического анализа, равно как и литературного, математического и всякого другого — страсть часто мешает пониманию. Равно как мешает пониманию неприязненное отношение автора к своему герою. Материнское отношение полного притяния помогает автору создать правдоподобный портрет героя, позволяющий рассматривать его со всех возможных сторон. С точки зрения психологической достоверности в качестве образца такого отношения выступает Федор Михайлович Достоевский. Читая «Преступление и наказание» невозможно оставаться в стороне — глубина понимания автором Раскольникова такова, что читатель с самого начала безоговорочно понимает, принимает и не осуждает героя.

Иосиф Сталин. Кроважидный маньяк или романтичный идеалист? — в любом случае приведший державу к стабильности и процветанию. Продолжая традиции пи-

---

* Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — М.: «Московский Парнас», 2010. — 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

сателей-гуманистов, Яшин склоняется ко второму варианту, позволяя читателю примерять на себя роль человека, прошедшего путь от восторженного юноши, мечтавшего зажечь надежду в сердце каждого бедняка, до одинокого больного старика, в чьих руках судьба огромной империи.

«Катехизис идеалиста» — не повторение общеизвестных исторических фактов, а новый взгляд на судьбу человека, о котором Уинстон Черчилль сказал: «Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом. Сталин был величайшим, не имеющим себе равного в мире, диктатором, который принял Россию с сохой и оставил ее с атомным вооружением. Что ж, история, народ таких людей не забывают».

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ

(Раздел ведет Тамара Булевич)

Нина Гурьева

(г. Железногорск Красноярского края)

Нина Гурьева родилась 05.10.1951 года в деревне Ефимова, Абатского района, Тюменской области. Живет в г. Железногорске Красноярского края с 1969 года. В 1978 году закончила Московский институт торговли и уехала на строительство Игналинской атомной электростанции в Литве. Через 15 лет вернулась в Сибирь. Стихи пишет с детства. Публиковалась в газетах Литвы, Тюменской области, Железногорска и Красноярска. Печаталась в журнале «Истоки» (Н. Ингаи), в сборниках «Моей души прекрасная обитель» (Тюмень), «Русский писатель» (Санкт-Петербург) и в других сборниках и альманахах Красноярска. Автор восьми сборников стихов: «Малиновый звон над Кантатом» (Красноярск-26, 1994 год), «Разнотравье» (Красноярск-26, 1998 год), «Желтый вальс» (Красноярск, 2001 год), «Земляничная нежность», 2001 год), «Прозрачная тишина» (Красноярск, 2003 год), «Предзимье» (Красноярск, 2006 год), «Не бывает России без гроз» (Красноярск, 2008 год), «Колокол сердца» (Железногорск, 2011 год).

ОН — ЕСТЬ

Под сердцем маменька носила
Печальный плод своей любви.
Вмешаться Господа просила,
Но мне Господь шепнул: «Живи!»

Он дал мне силы, соли, хлеба,
Умножив каждое на три...
Я долго всматривалась в небо,
Но мне Господь шепнул: «Твори!»

И это слово разрывало
Мне сердце жаркое в груди.
Куда, зачем — еще не знала,
Но мне Господь шепнул: «Иди!»

Я шла и шла, друзей встречала,
Врагов встречала на пути.
Сама б врагов я не прощала,
Но мне Господь шепнул: «Прости!»

И я прощала и прощала,
Держа гордыню взаперти.
Слезу горячую глотала,
Но мне Господь шепнул: «Терпи!»

Свое земное расстояние
Живу смиренно и терплю.
«Он есть — я рук его создание...»
Его за все благодарю!

* * *

Здравствуй, бабушка деревня!
Здравствуй, бабушка деревня,
Незабвенная моя!
То ли вяжешь, то ли дремлешь
На пригорке у плетня.

Здесь замедленное время
Измеряется страдой.
День за солнцем — ногу в стремя
Обогнать чтоб летний зной.

На глаза платок привычно
Ты опустишь козырьком.
Дух покосный, земляничный
У копешки мне знаком.

Ты сама себя прокормишь,
Пусть столетия спешат.
Стригунков строптивых вспоишь
И вихрастых малышат.

Ты, как Русь, богата древней
Щедрой силой бытия.
Здравствуй, бабушка деревня,
Незабвенная моя!

ЛАДИЛ ПОГРЕБ НАШ СОСЕД

Ладил погреб наш сосед,
Наворочал глины гору.
Мелкий дождичек в обед
Вывел мягкие узоры.
До зимы хоть далеко,
Детвора сообразила —

С горки этой так легко
Глина чудная скользила...
Брызги глины, брызги смеха.
С горки этой вжик да вжик!
Только мамам не до смеха,
«Кто придумал? Озорник!»
Не осталось скоро глины,
Лишь усмешки по усам.
Затвердевшие штанины
Разбегались по домам...

ПЯТЬ ПАЛЬЧИКОВ

Две девочки, три мальчика,
Как на руке пять пальчиков,
Растила и лелеяла
Нас матушка одна.
Для девочек, для мальчиков,
Хотелось ей заманчиво,
Чтоб горюшком не веяла
Судьбинушка-судьба.

На той руке на маминой —
Мизинчиком я маленьким
Росла, росла и выросла,
И выросла, как все.
И по реке не маленькой,
Что жизнью называется,
Я поплыла уверенно
По утренней росе.

Уже в реке барахтались,
Что жизнью называется,
И средний с указательным,
Да безымянный сам.
И лишь большой при маменьке
Хозяином стал варежки,
А старенькая маменька
Ушла по небесам...

Под солнцем все не вечное,
И время быстротечное
Собрать так не сумело нас
В один большой кулак.
Две девочки, три мальчика,
Седые горе-пальчики,
По всей России мечутся,
Не встретятся никак...

Владимир Корнилов
(г. Братск)

СИБИРСКИЕ НАПЕВЫ

Владимир Корнилов родился на Южном Урале. Член Союза писателей и Союза журналистов России, член Международной Гильдии Писателей. Выпускник Литинститута. Автор 15 поэтических книг. Лауреат Международных фестивалей 2010 года: «Звезда полей» им. поэта Николая Рубцова, «Русский стиль-2010» (Германия), «Славянские традиции» (Украина — награжден «почетными» литературными премиями им. Владимира Даля и им. Юрия Каплана с вручением именных медалей), полуфиналист фестиваля «Литературная Вена» (Австрия), победитель I-го этапа международного конкурса «Золотая строфа», «Сибирского литературного конкурса им. Геннадия Карпунина-2008». Публиковался в Антологиях «Иркутской» и «Сибирской» поэзии», журналах «Наш современник», «Москва», «Всерусский собор», «Новый Ренессанс» (Германия), «Наше поколение» (Молдова), «Простор» (Казахстан), «Лексикон» (США, Чикаго), «Русское литературное эхо» (Израиль), «ЛитЭра» и «Свой вариант» (Украина) и мн. др. литературных изданиях. Работает во Дворце детского и юношеского творчества г. Братска. Передает свой профессиональный опыт юным авторам, пытающимся выразить свой внутренний мир самородным художественным словом.

* * *

Русь моя с ее раздольем,
Хрусткий наст январским днем.
И горит... горит по вздолям
Снег малиновым огнем...
Кружева на снежных ветках.
В блесках солнечный зенит.
В запорошенных беседках —
Смех серебряный звенит...
Сам мороз, крутой по-русски,—
Людам взбадривает кровь.
...И глядит на мир без грусти
Светлым праздником Любовь.

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСТВЕ

Я из этих мест
Родом-памятью.
Здесь зима окрест

В снежной замяти.
В куржаке тайга
Вся узорами.
Глубоки снега
Над просторами.
...Я у деда рос
И у бабушки.
Пил брусничный морс,
Ел оладушки...
Дед учил меня:
«Чтоб мужчиной быть,
Оседлай коня
И испробуй прыть!..
Научись стрелять —
Белке метить в глаз.
Пробуй жизнь понясть
Даже в смертный час!»
...Восемь верст с лишком
Были мне не крюк:
Я ходил пешком
В школьный храм наук.
Три зимы подряд
Да три осени —
То по наледи,
То по проседи...
Налетит пурга
Ошалелая,
Вверх взметнет снега —
Горы целые.
Преподаст урок
Географии —
Мне и это впрок
К биографии.
...Но осилить смог
Бремя тяжкое —
Кончил школу в срок
Без натяжки я...
Жаль, не дожил дед:
Умер в Троицу.
Вот уж сколько лет
Спит-покоится.
Но под скрип колес
Архимедовых
Я в Иркутск увез
Память дедову...
Там науки грыз,
Деревенщина!
Жизнь — она каприз —
Переменчива...
Защитил диплом, —
Ну, и ладушки!

...Возвращаюсь в дом,
В сказку к бабушке.

БАБУШКИ РОССИИ

Теплоту и материнства силу
Солнышко струит из ваших глаз,
Славные голубушки России,
В сказках детства нянчившие нас!..
Сколь бессонниц вам на долю выпало,
Слез горючих вызрело в ночах?..
Избелью вам волосы осыпало
Каждое страдание внучат.
Потому и чтим мы вас, единственных,—
Героини книг и кинолент,—
Что в стране той светлой и таинственной,—
В детстве нашем, — ваш оставлен след.
... Федоровны... Дмитриевны... Платоновны,
Сеющие зерна доброты,
Вы для нас — Арины Родионовны —
Кладези духовной красоты.

ВЕСЕННИЕ КОЛОКОЛА

Я у весны веселым звонарем
Устроился на время половодья,
Чтоб хмурый день, разбуженный зарей,
Наполнить вешней музыкой сегодня.
...Я нынче встал еще до петухов
От взмаха крыльев деревянных ставен,
Апрельский ветер в колокол стихов
Ударил первой перелетной стаей.
И хмарь ушла... И свет земной окреп.
Лишь дальний лог окутан был туманом.
...А я подумал: «В пору сеять хлеб.
В такое время нелегко крестьянам...»

БЛАГОВЕСТ

Хорошо на травушке
Заглядеться в синь.
Облака-журавушки
Нам несут теплынь.
Солнечные зайчики
Скачут по воде.
Вербь-одуванчики
Расцвели везде.
Золотится солнышко

В платьях щеголих
Звонкий жаворóнушка
Песней славит их.
Вновь душа по-вешнему
Трепетно чистá,
До чего же здешние
Хороши места!
Красотой особенной
Дышит все окрест.
Над весенней Родиной
Льется благовест.

ДЕРЕВЕНСКИЙ РАССВЕТ

Еще звезды не все погасли.
Зори тихо за лесом спят.
Дремлет сумрак над старым пряслom
И над играми жеребят...
Спят натруженные дороги.
Спит деревня, устав от забот.
Полуночица-выпь в тревоге
Громко всхлипнет и обомрет...
Пахнет клевером, спелой вишней.
Тишь рассветная хороша.
В час такой на озерах слышно —
Карпы плещутся в камышах.
...А петух и сквозь дрему слышит —
Подступает зари огонь.
Встрепенется, взлетит на крышу
И — растянет свою гармонию.

Галина Чернова

(п. Ермолаевский Затон Красноярского края)

Чернова Галина Петровна родилась в 1947 году в селе Никольск Уярского района Красноярского края. Печатается в московской «Библиотечной газете», районных и краевых газетах, в коллективных сборниках, альманахах, ежегодниках. Авторские сборники: «Душа» (1999), «Зерна живые земли» (2003) — стихи и сказки. Книга документально-художественной прозы с оптимистическим названием «Ермолаевские жизнелюбцы» — солидное, хорошо проиллюстрированное издание (2006). Детская книга «Сказки-невидимки и стихи-картинки» — полноцветное красочное издание, оформленное профессиональной художницей (2009). Готова к печати книга «Чародейка зима». На стихи написаны песни и романы. Состоит в литературном обществе «Русло», член Красноярской региональной общественной организации «Клуба капитанов», член творческого клуба «Енисейский литератор». Является внештатным корреспондентом газет «Речник Енисея» и «Пригород». За творчество награждена многими дипломами, благодарственными письмами и грамотами. Живет в поселке речников Ермолаевский Затон, Березовского района.

ХРУПКАЯ ГАРМОНИЯ

Наше село М. по Московскому тракту ничем другим не отличается от других сел русской провинции. И что бы ни говорили о запойности и лениности русского народа, все у нас дружно трудятся, любят, создают семьи.

От нас через дорогу живет, теперь уже жила, семья Надеждиных. Строили свой дом, дети учились в институтах. Труженики великие — наши соседи. Хозяин, Алексей, до ночи темной возил гравий, в одиночку заливал фундамент, — держись друга старого, а дома — нового. Дом выстроился-выстрадался за несколько лет. Со своей котельной, банькой, со своим гаражом.

Алексей с супругой Валентиной с особой любовью относились к своему саду. Из грибных прогулок по родному лесу всегда приносили кустарники рябины, калины, березы, черемухи. И все приживалось, тянулось к солнцу. Каков сад — таковы и яблоки. Родились-плодились и фруктовые деревья. Особой гордостью, красотой, поэтичностью жил-поживал цветник. Начиналось цветение от первого подснежника, затем — жарки-огоньки, колокольчики, ландыши. И так — до самой осени. Все — из сибирского лесочка-перелесочка, все — дары земли-матушки.

Хозяйство водить — не разиня рот ходить. Держали свиней, корову, курочек. С годами стало хлопотно управляться с животной, и во дворе остались собачка Мухтар и кот Васька. Мухтар — молодой щенок. Был еще пес Филька, — большой и старый, ушел в лес умирать. Так его и не нашли.

Мухтарушку очень любили, вкусно кормили, гуляли с ним два раза по лесу, и он

быстро подрастал, набирал силу. А кот Васька, здоровый и мордастый, каждое утро обход совершал по близлежащим огородам. Наводил порядок в кошачьем соседстве. Часто приходил помятый и побитый. Своенравный был.

Говорят в народе: «Эх, жизнь — как тельняшка: полоса белая, полоса черная». Накрыла черным крылом Алексея неизлечимая болезнь. Страдали, боролись, лечили. Жизнелюбы по жизни, старались не сломаться. В городе со светлым названием Белозерск жил сын семьей. Приехал, стал звать к себе. Долго не соглашались: за морем светло, а у нас светлее. Всякому мила своя сторона. Хотелось верить в чудо. А вдруг, действительно, болезнь отступит на новом месте. Сын в медицине силен, поможет.

Русскому человеку собраться — только подпоясаться. Со скорой решимостью, как будто боясь, что их что-то остановит, решились на переезд. На одном месте и камень мхом обрастает,— разрослось и хозяйство. Дом продали. Кое-что из мебели и домашней утвари было раскуплено. А в основном раздаривалось-разбазаривалось. Долгое время не закрывалась калитка, хлопала-скрипела,— все потихонечку выносились, оказавшись теперь лишним. С собой в городские условия много не возьмешь, хоть и говорят у нас, что в хозяйстве пригодится и веревочка. Проводили соседи отъезжающих со слезами на глазах и с горечью в сердце.

Кота Ваську увезли в близлежащую деревню, за пять километров, пристроили к добрым людям. Но через три дня он вернулся в свой дом, в любимый двор. Новые жильцы предупреждали, что собаку они забирают к себе, а кота — нет. У них уже есть кошка. Ваську кормили соседи, перебивался чужими кусками. Исхудал. Может, и всхлипывал, вздрагивал в своих кошачьих снах.

Мухтара кормили, отпускали гулять. Но не было в нем прежней радости, задора. Он скучал, скулил, плакал. Собачье сердце понимало, что его прежних хозяев нет. По околотку разносилось сиротливое завывание, особенно по ночам. Удивлялись, сколько же можно так страдать?! Мороз по коже.

Новые соседи как-то не нашли общий язык с собакой, вроде и люди сердобольные. Много в ней им не нравилось. И решили приютить пса, по договоренности, у другого хозяина. Увезли,— не близко — не далеко. Недели через две Мухтар вернулся. Худой, шерсть клочьями, хвост поджат. Сирота.

По второму разу увезли его куда подальше.

У новых наших соседей неожиданно заболела их красавица кошка. Возили ее по ветеринарам, лечили, вкладывали всю любовь, но кошка в итоге умерла. Диагноз поставили доктора: стресс, инсульт. Естественно, часть вины ложилась на Ваську. И его увезли, — по слухам, определили на службу в кафе. Никто этого не проверит.

Всегда веселый и светлый дом теперь стал печальным, сутуловатым. Или это так казалось только нам.

Алексей на новом месте не поправился, а догорал, как свеча. Не помогли помощь и хлопоты сына. Больному и золотая кровать не поможет. Скучали по родному селу, по соседям, друзьям и знакомым. Долгие вечера проводили в воспоминаниях. А жизнь человека угасала...

Валентина в мыслях возвращалась назад, в свое село.

НАША АЛЕКСАНДРОВНА

Человек живет, пока движется. В мир несет в своем сердце светлые и теплые чувства к близким, к родной природе, к говорливому ручейку, к земле-кормилице.

К таким людям относится Валентина Александровна Чичайкина. С оптимизмом и задоринкой берется за каждое дело и все успевает. Хлопочет в своем огороде, затайливо облагораживает свой дом, создает уют, любит изобилием своих цве-

тов, особенно разноцветьем фиалок. Умеет шить и вязать, сотворить маникюр, постряпать и приготовить необычное вкусное блюдо. Век живи — век трудись, а трудясь — век учишь.

Наша героиня родилась в октябре 1952 года в Омской области. В двухлетнем возрасте Валюшка переболела полиомиелитом, коварным инфекционным заболеванием. Эта болезнь, протекающая с параличами, оставляет стойкие нарушения движений. Больная нога девочки отставала в росте от здоровых конечностей.

Валентина с благодарностью вспоминает свою родную деревню и друзей, особенно подругу Любу. Дети, дети, живите в совете! Поход в лес за грибами и ягодами, катание на велосипеде, игра в лапту. Девчата брали за руки Валюшу и буквально тащили за собой играть в дворовые забавы. В лапту играли — вечерами до темноты развлекались — и взрослые, и дети. Никто никогда ее не дразнил. Матушка-деревня выращивала настоящих людей, сопереживающих соседской беде. Валентина уверена — при жизни в городских условиях так и не справилась бы со своей болезнью.

В школе училась хорошо, девочка бойкая и активная. Мечтала поступить в юридическое учебное заведение, но в то время требовался двухгодичный рабочий стаж. А где в деревне работа? Да и не потянули бы материально дедушка с бабушкой, воспитавшие Валентину.

Показательным и добрым примером для всех была в то время фельдшер Юлия Семеновна, которая с молодых лет лечила деревенских жителей. И Валентина поступает в Омское медицинское училище № 3 республиканского значения. Здесь знакомится с новой подругой — Надеждой Никитичной Богуш, с которой дружат до сих пор, без малого 40 лет. Две подруги — огонь и пламя. Надежда — «мать», Валентина — «отец», — так их называли в группе. Разрешат назревшие проблемы, организуют культурный досуг, помогут сохранить дружбу, мудро рассудят жизненные ситуации. Птицы сильны крыльями, а люди — дружбой.

Училище республиканского значения распределяло специалистов по всему Советскому Союзу. Наш край славился молодежными стройками: Красноярская ГЭС, алюминиевый завод, Сосновоборский завод автоприцепов, другие важные объекты, — и был особенно популярен.

Валентину распределяют в деревню Кубеково, Надежду — в Куваршино. Почти рядом. Через год Надежда выходит замуж и приезжает в Ермолаево. А в ноябре 1979 года прибывает в поселок со своей семьей, дочерью Наташей и мужем Виктором, Валентина Александровна. Профессия фельдшера востребована: полставки в медпункте, полставки в детском саду. Хлопот и забот на целый день хватает, а зарплата в то время — 50 рублей в одном месте, 50 — в другом. Распространены болезни: гепатит, менингит, грипп. По совместительству восемь лет отработала она в детском саду.

Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше. Валентине предлагают пост медсестры в Березовской туберкулезной больнице. Фельдшерское образование позволяет оказывать квалифицированную помощь пациентам. Да и зарплата повыше.

Эти стихи — о ней:

*Понятие негаснущей надежды, понятие участия и добра
С тобой и ныне связаны, как прежде, заботливая наша медсестра.
Ты помогала, ты в беде спасала, ты шла вперед, на теплоту щедра.
И все сначала снова начинала, спеша на зов: «Скорее, медсестра!»*

Через год будет тридцать лет, как Валентина Александровна изо дня в день спешит в туберкулезную больницу. Каждый человек на земном шаре слышал об ужасной болезни. Говорят, туберкулез так же стар, как и человечество. В русских летописях XVI века его называют: «злая сухота», «скорбь чахоточная». Человека слабого и

худого называют уничижительно «чахоточным». Все боятся этого заболевания,— не дай, Боже, такого наказания. Кашель да чахотка — не своя охотка.

Представить сложно, что в течение десятилетий женщина спешит на свою нелегкую, но такую нужную, работу. Находятся здесь люди месяцами, годами. Среди них пьющие и курящие, с неудовлетворительными условиями жизни и труда, с изломанными судьбами. К Валентине Александровне больные относятся с большим уважением. Она требовательна, настойчива, строга, но к человеку относится с теплотой и искренностью, отзывчивостью и сопереживанием. Называют ее почтительно: «Наша Александровна»!

Повзрослели дочери и внучка Даша. Старшая Наталья вот уж семнадцать лет трудится медсестрой 20-й больницы, в отделении сосудистой хирургии. Анна — методист в Ермолаевском оздоровительно-образовательном лагере. Девчата творческие, активные, всегда на сцене Дома культуры «Водник» — поют, танцуют, читают стихи. Мама во всех начинаниях была им поддержкой. Когда учились — она непременно в родительском комитете, в центре событий школы,— посильная помощь в учебном процессе и воспитании. В Доме культуры — участница семейных соревнований, встреч, концертов; в больнице, в своем коллективе,— конкурсов медсестер. В последние годы — помощница и наставница молодежи. Много раз, в том числе выступая со своими детьми, занимала призовые места. В кругу друзей Валентина всегда придет на выручку в беде. В радости — энергичная и зажигательная, посодествует в организации любого праздника.

Валентина Александровна в жизни своей перемолола много бед и потерь, горестей и болезней. Последнее горе случилось два года назад — трагическая смерть единственного родного брата, которого в основном она растила и воспитывала.

О плохом не любит говорить и вспоминать. Жизнь не камень: на одном месте не лежит, а вперед бежит. С тяжелым физическим недугом живет достойно и делает свою жизнь интересной. Не жалуется на судьбу. Как стойкий оловянный человечек, встает и идет. С улыбкой, с огромной любовью к жизни!

Нина Шалыгина
(г. Красноярск)

Родилась в вагоне поезда «Киев — Житомир». Десятилетку «ломала» в одиннадцати школах. Мечтала стать актрисой (училась в театральной студии), но выскочила замуж в Москве. По обстоятельствам оказалась в Сибири с девятимесячным сыном на руках. С отличием закончила заочно Канский библиотечный техникум, а затем, и тоже с красным дипломом, завершила учебу в Московском историко-архивном институте — и поступила в аспирантуру. С отрывом от производства получила красный диплом в Московском институте патентной экспертизы. Жила в Карело-Финской Республике, Бурятии, Татарии, Мордовии, Украине, России. Писать стала со школьных лет.

С 2006 года живет в Красноярске, создала и руководит творческим объединением «Керосиновая лампа». Член Союза российских писателей с 2000 года.

Лауреат Всесоюзного телевизионного конкурса. До октября 2006 года жила в г. Зеленогорске. Более 37 лет (с января 1969 по октябрь 2006 г.) руководила городским музыкально-литературным объединением «Родники» на общественных началах. Имеет несколько правительственных наград. Отмечена «Почетным знаком за заслуги перед городом».

ЛЕСНАЯ КОРОВЕНКА

Сперва у нас была корова некрасивая, на высоких ногах, бестолковая, молока давала мало. Сдали мы ее на бойню, хотели сразу же другую купить. Да не так-то просто было найти подходящую в то послевоенное время.

Потом деньги разошлись: ребятишкам то, другое купила. Дальше — больше. Про корову и думать перестали. Только как в стайку зайду, так и мерещится, что вздыхает в темном углу коровенка. А это я сама вздыхаю.

Однажды пришла ко мне Мария Ивановна. Я ее почти что и не знала, только в магазине иногда встречала. Магазин на той стороне был, а мы — тут.

Пришла она и говорит:

— Купи корову! Просят три тыщи да в придачу дают воз сена!

— Что ты, Мария Ивановна! Да откуда взять три тыщи? Пятьдесят рублей всего денег!

— Покупай,— говорит,— Лидия Алексеевна, и все тут! Пропадешь с ребятишками без коровы.

— Да что ты, Мария Ивановна! Как можно?! Без денег корову купить?

— Я тебе денег дам. Вот пойдем в банк, сыму с книжки и до двадцать пятого декабря дам.

Двадцать пятого декабря какие-то проценты начисляли.

Я это не поняла, но подумала: «Где я такие деньги к двадцать пятому декабря возьму?»

Дело-то было в начале октября.

— Нет, — говорю, — Мария Ивановна! И денег твоих я не возьму, и корову не куплю. Нечем мне будет тебе отдавать. Как я потом тебе в глаза погляжу?

Она мне свое:

— Говорят тебе, бери! Потом как-нибудь вывернешься.

Пошла я в магазин купить того-сего, а Мария Ивановна за мной — все уговаривает. В магазине много женщин знакомых стояло в очереди за хлебом — тогда по всей ночи за хлебом стояли, люди так сроднились и, почитай, все друг про друга знали, как близкие. Мне женщины и говорят: бери, мол, Лида, корову. Одна мне столько-то денег обещает дать, другая — столько-то.

Моя мама пришла, прознала про корову, говорит:

— Бери! Где ее за три тыщи купишь? А без коровы семейный человек — пропащий. Вот пенсию получу и тебе принесу.

Ай, что там ее пенсия? Сто шестьдесят рублей — это, по-теперешнему, шестнадцать. Я заплакала:

— Да где уж тебе, мама, из своей пенсии на корову помогать? Ведь это три тыщи!

Уговаривали меня все. Уговорили. Пошли мы с Марией Ивановной в банк. И как деньги у меня в кармане оказались, так я и спросила:

— Где корову-то продают?

— Да тут рядом. В вашем же дворе. Цыган продает. Знаешь, который с цыганкой да с цыганятами живет? Через крыльцо от вас.

Я так и похолодела. Какая у цыгана корова? Нету никакой! Если б была, ее бы слышно-видно было.

А Мария Ивановна на своем стоит:

— Пойдем, поговорим. Все узнаем.

Пошли к цыгану. Мария Ивановна говорит:

— Вот, покупательницу привела на корову. Давай рассказывай да показывай.

— А, нэнько! Показывать пока нечего. Я свою корову давно не видел.

Вот так фокус! Нету никакой коровы.

А цыган свою линию гнет:

— Она у меня все время в лесу живет. Как родилась, так и живет. Я вот схожу, поищу ее, волки не должны разодрать. И приведу. Она там пасется.

Про себя думаю: «Поверила басне. Ну какая может быть корова у цыгана?»

Деньги в кармане сжимаю, беру Марию Ивановну за рукав:

— Пошли!

Через несколько дней пришел цыган. Говорит, мол, корову привязал у двора:

— Иди, хозяйка, гляди!

Вышла, гляжу. А она — ну ровно теленочек, как немного подрастет, что к весне за кроватью стоит. Я и говорю:

— Что же ты мне сказал, что у тебя — корова? И что огулялась, а в феврале отелится? Это же не корова, а козлуха!

И Мария Ивановна поглядела — да к цыгану:

— За что тут три тыщи? Ты ее не растил, не кормил, она тебе за так досталась, а теперь за нее такущие деньги?

А что не растил, она верно сказала. Корова в стаде если отелится, то старается своего теленочка так спрятать в лесу, что потом разве охотник случайно найдет. Упрячет она его и бегаёт к нему из стада, чтобы сосал да рос. Теленок, получается, у цыгана и не ворованный, а все-таки не его. Вовсе ничей!

А так коровенка хоть и мала, но красивая была — страсть! Красной масти, а на лбу звезда белая. Я к соскам подошла, а они, родимые, с наперсток! Не боле!

«Ну,— думаю,— какой февраль? И не может такая малявка стельной быть. А где у цыгана сено? Откуда?»

Думаю, а вслух не говорю, чтобы не догадался, что больно уж мне корова нужна. Цыган же будто мои мысли читает:

— Думаешь, откуда у цыгана сено? Так это — не твоя печаль. Сказал, будет — значит, будет!

Ни с чем разошлись. Он опять свою коровенку в лес увел. Мария Ивановна денег у меня пока что не берет: может, мол, цыган согласится или я осмелюсь. Так и октябрь прошел, а я все с деньгами хожу. Цыган глаз не кажет, а встретимся — не поминает мне про наш разговор.

Мама моя сколько раз заговаривала про корову, а я ей:

— Кака это корова? Козлуха! И вымени нет совсем, одно название.

Как вечером сядем пустых шей похлебать да суху корку погрызть, снова думаю про эту диковинную коровенку. Ростом низкая, ноги кривые, а ушки маленьки таки! Как-то в чужие деньги залезла — нужда заставила. Думаю, изведу чужие — ни коровенки, ничего. Подойдет срок отдавать, а чем? Решилась. Будь что будет! Куплю у цыгана его найденышку. На взрослую корову деньжат никогда не скопить, а эта когда-нибудь вырастет.

Снова поугovarивала цыгана скинуть цену. Мария Ивановна просила хоть не все деньги зараз брать, а частями. Тот уперся:

— Только сразу. Не то — никакого кина! И сено привезу, только скажи, куда сметать.

— Давай в нашу стайку.

— Значит, по рукам?

— Что поделаешь? По рукам.

Вышла я утром к Мане. Вынесла блюдечко теплой водички. В большой-то посуде кому выносить? А она и не притронулась. Я — в слезы. Ну, думаю, купила! Не ест, не пьет, а ну как помрет?!

А она — лесная, привычная к самой чистой воде, к самой сочной траве. Помучилась я с ней. И только спустя время стала моя Маня цедить чистую водичку сквозь зубы. После уж и подсыпать ей стала — где отрубей, где и мучицы. А как теленочка родила (не врал цыган) в феврале, так стала есть и кашу, которую недоеденную приносила из солдатского госпиталя.

К весне, как выгонять в стадо, Маня моя окрепла, подросла. Перед стадом взяла я у дяди Якова щетку, какой он коня чистил. Он сам в первый раз красавицу мою почистил, потом я еще брала щетку и каждый раз Маню чистила. Другие коровы после зимы вышли: клок на клоке, об заборы чешутся — страсть глядеть! А моя — ровно королева! Блестит. Только ушками своими маленькими прядает. Проводила ее в стадо, стою и люблюсь. Только любоваться некогда, надо на работу бежать, а работ я набрала на три зарплаты. Людям-то надо отдавать, что к двадцать пятому декабрю насобираю.

Отдала все же раньше. Помогла расплатиться за себя Маня. Не скажу, что молока много давала — восемь литров только. Но какое это было молоко! Со всего леса собрано — желтое, сладкое. Пастух раз сказал:

— Я все думаю — чья такая корова? Самая первая в стаде ходит. Первая травинка — ее, первая до чистой воды доберется. Никогда не станет пить грязную либо мутную. А уж вылощена! Красавица!

А она и была красавица! Молока и ребятишкам доставалось, и продавали немного, и налог молоком платили. Платили тогда налог государству со скотины — столь-

ко-то литров. Я как первый раз принесла, так мне в книжку молочную жирность записали три и две десятых. Потом проверили и стали записывать пять и две десятых. Такая жирность невиданная была! Так что скоро мы с Маней молоко все сдали. Тут нам сказали:

— Больше не носите. Вы свой план выполнили.

Так что потом можно было поболее носить на базар, за долги расплачиваться.

Сколько годов она нас кормила-поила, из нужды вывозила, сказать не берусь. А только расстались мы с ней при таком горе, что высказать невозможно.

Вышел такой указ: животину никакую в городах не держать, потому что дух от нее идет нехороший, что ли, или еще что. И чтобы собственники не плодились. А только не держать — и все тут!

И добро бы этот указ на большие города накинудся. А у нас, в маленьких, травы кругом — ешь не переешь. Или бы в государстве всего вдосталь было — мяса, молока, яиц: ешь-пей не хочу! Ни с того ни с сего — враз под корень!

Поплакали мы, погоревали. Ждали — отменят этот указ. Не может быть, чтобы у рабочего человека его кормление отобрали, да еще в таком городе, как наш Верхний Устюг, где и городом-то совсем не пахло!

Ан нет! Никто того указа не отменял. Местные власти перво-наперво стадо запретили. А какую скотину где поймают, запирали в тесовый сарай, специально для этого из нового тесу построенный. Там она денно и ночью редела, пока хозяин штраф не заплатит да не сведет на бойню. А курям и утям милиционеры прямо на улице головы откручивали — не положено!

Маню свою мы прятали сколько могли. Всей семьей жали для нее траву. Все ждали. А местные власти стали грозиться, что выселят нас из комнаты и с работы прогонят.

Делать нечего. Покормила я в последний раз свою кормилицу, завязала на шее веревку и повела... На бойню. Куда же еще? Кто купит, если держать нельзя?

Пришла. А там — коровы мычат, бабы режут. Гвалт! Ну, чисто как на фронт провожанье. И я заревела в голос. Маня моя кровь чувствует, храпит, глазами водит. А за городкой скот не кормленный, непоенный, нерезанный ревет.

Резать-то не успевали, говорят, и перерабатывать не успевали.

Гнили наши коровушки, свинушки. Даже кожу снять руки не доходили. А сдавать надо, раз указ такой! И из деревень приводили: им план по сдаче мяса надобно выполнять!

Только повезло моей Мане. Привели из деревни, до которой указ еще не дотянул, сдавать захудалую коровенку. Увидали мою красавицу. Ту сдали, а мою взяли. Я ее за полцены отдала. Бабы своих коров предлагали. Да где уж им супротив меня?

Вернулась домой. Реву. Ребятишки за мной на все голоса. Муж орет:

— Дура! Что теперь реветь? Привыкать как-то надо!

Утром проснулась до зари. Хватаю подойник — и в стайку. Ой, Божечко ж мой! Как дальше жить?

С тех пор больше мы корову не держали. Молоко покупали в магазине: как водится, почти все из порошка. Но до сих пор стоит у меня перед глазами лесная красавица и прядает своими маленькими ушками, совсем не понимая, зачем все это было сделано: зачем нас, баб работающих, превратили кто его знает во что и за что извели коровок в маленьких городах. Разве за то, что оставляли на немощных улицах свои «зеленые конверты». И может, старая цыганка рассказывает внукам о лесной коровенке, которая кормила их таким молочком.

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР-25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Ирина Хаустова
(г. Королев Московской обл.)

ЛОМОНОСОВА — ЧЕТЫРЕ

Хаустова Ирина Андреевна. Семинар прозы — руководитель Алексей Николаевич Варламов. Я живу в городе Королеве Московской области. Незабываемое детство прошло среди живописной природы расположенного вдоль двух берегов реки Оки города Алексина Тульской области. Отец мой в юности писал стихи, чем очаровал мою маму. Поэтический дар этот в какой-то степени передался и мне. Первое стихотворение было написано мною в девять лет, под цветущей яблоней недавно купленного частного дома. С детства я мечтала стать писательницей. Первые стихи посвящены Родине и родной природе — роднику около дома, березовой роще, подснежникам, любимому месяцу — маю. После окончания школы писала стихи о вере, о родине, о любви.

В семнадцать лет растерялась, и не знала, куда мне пойти учиться. За меня в то время решили родители. Но поступить в Бауманский институт в Москве мне после школы сразу не удалось, и я решила учиться в Алексинском техникуме. По его окончании меня взяли на второй курс МИСИ — Московский институт экономики, статистики, информатики, который я закончила в 2000 году. Работала по специальности, пока не решила переехать в Москву. Там познакомилась со своим будущим мужем, вышла замуж, родилась дочка. Во время беременности писала небольшие рассказы, стихи.

В тот год (2006) в Литературном институте творческий конкурс уже закончился, я едва успела сдать свою подборку. Как же я обрадовалась, когда узнала, что поступила! Литературный институт с его атмосферой, с его студентами и преподавателями занял важное место в жизни. В перерывах между сессиями я работала журналисткой, внештатным корреспондентом нескольких газет: «Неделя в Подлипках», «Большевские вести», работала на радио. В этом году перешла на пятый курс Литинститута. Сейчас собираю материал о ВОВ, мечтаю написать книгу о своем деде-фронтовике. Надеюсь, что эта мечта сбудется, потому что это будет лучшая память о нем.

Наверное, в каждом городе существует улица в честь замечательного русского ученого — М. Л. Ломоносова. Такая улица есть и в центре нашего провинциального городка с благозвучным названием — Алексин. Не в таком центре — с большими перекрестками дорог, шумными улицами, полными прохожих. Здесь всего лишь одна главная дорога, по которой изредка проезжают машины. Небольшие деревянные дома стоят рядком на тихой улице. Длинное серое здание, построенное еще при Екатерине II, служившее в то время тюрьмой, мало чем и сейчас от нее отличается. Это здание, с железными решетками на окнах, долгое время содержащее в себе столько заключенных, было теперь заброшено. Здесь и начиналась улица Ломоносова, на которой нам и посчастливилось купить дом в 1989 году...

Тогда наш отец только вернулся с Севера, заработав за два года пять тысяч рублей. Он не положил их на книжку, как посоветовала мама, а решил купить участок земли с домом. В то время по закону семья могла иметь только одну частную собственность. Квартира, в которой мы все были прописаны, у нас уже была. Закон того времени предполагал два выхода: родителям нужно было развестись или кому-то из них выписаться из квартиры. Отец выбрал второе и выписался сам. Он очень долго искал частный дом, но все что-то не нравилось. Наконец, ему приглянулся один участок с большим вишневым и яблоневым садом, с покосившимся от старости домиком. Но дом папу не смутил — главное земли было пятнадцать соток. Вот уж где можно и сарайчик построить и баньку срубить, сделать теплицу — все, как и мечтал с детства, свое хозяйство. Наконец-то в этом городе будет свой частный дом. Папа родился в Сибирской деревне. Там прошло все его детство. А потом... пятеро детей выросли и все разъехались по стране. А он за десять лет городской жизни так и не привык к городу.

Усадьба произвела на нас потрясающее впечатление. Большой деревянный дом был поделен на два хозяина. В нем была русская печь, занимающая половину кухни, мы с братом спали на ней, а мама выпекала в ней хлеб. Во второй половине жила семья Щербаковых — Вера, Иван, дед Константин и глухонемая бабка Варвара. Несмотря на то, что дом был общим, с соседями у нас ничего общего не было. В доме нас разделяла толстая стенка, участки земли были огорожены высоким забором. Только двор был один — чтобы попасть на свою половину дома, нужно было проходить мимо соседей. Им совсем это не нравилось, но они ничего не могли поделать, половину дома продали нам другие соседи — Гришины. Раньше здесь жил дед Владимир — отец этих двух семей. Лет десять назад была одна большая усадьба, потом у детей появились свои семьи. Дочери построили отдельный дом, а сын остался во второй половине. Землю разделили.

Но все же в купленной нами половине дома было страшно жить. Мы с опаской смотрели на гнилые и трухлявые места нашего нового жилища. Сколько поколений Щербаковых прожили здесь? К тому же заманчиво было построить новый дом, отдельный от соседей. Тем более, что они дня не могли прожить без ссор, и даже толстая стенка не спасала от их ужасного шума. Мало того, что в квартире у нас тонкие стены, так еще и здесь слушать чужие семейные проблемы.

Первая весна была незабываемой. Всей семьей мы с радостью взялись за наш участок. Купили в питомнике молодые саженцы яблонь, ежевики, вишни. Папа построил две теплицы, в одной мы с мамой посадили огурцы, а в другой — стеклянной и просторной — помидоры. Первое лето было яблочным. К тому же поспели груши, вишня и слива, черная и ранняя красная смородина. Мы блаженствовали...

В августе к нам приезжали гости — двоюродные братья и сестра. В квартиру мы приходили теперь редко, все лето жили в доме. Однажды мы остались с сестрой ночевать в доме вдвоем. Сестра была младше меня на два месяца — нам в то время было по десять лет. Спать не хотелось, при выключенном свете мы рассказывали друг

другу разные страшные истории. Вдруг форточку кто-то открыл, мы испугались, а особенно сестра. Она мне сказала шепотом: «Лежи и не шевелись, как будто нас здесь нет. Это, наверное, маньяк». Потом послышались какие-то странные необычные звуки. Я все никак не могла понять — что это такое. Несмотря на уговоры сестры, я все-таки встала и включила свет. «Маньяком» оказался соседский серый кот. Он залез в форточку и жадно лакал молоко из железной кружки. Кот был мною тут же выброшен за хвост обратно. Он еще много лет пакостил нам — он очень любил наши молодые огурчики с грядки. Причем так, что мы совсем не могли собрать урожай, кот почти все съедал, оставляя после себя только одни огрызки. Мне было до слез обидно — с такой заботой мы с мамой сажали огурцы и ухаживали за ними. У меня сложилось даже убеждение, что соседи своего кота специально не кормили. Долго я мечтала схватить его за хвост, как в тот раз, но старый кот был хитер и ни разу не попался. Лишь однажды зимой он голодный подошел к нам совсем близко. Мы его тогда пожалели и отпустили.

Время шло. Каждое лето мы жили в доме. У нас появилось свое хозяйство — корова, поросята, куры. Папа построил для них сарайчик, на втором этаже которого находился сеновал. Теперь мы почти все время проводили на сеновале — днем играли, а ночью спали в душистом мягком сене. Иногда мы с братом, тайком от взрослых, разглядывали черно-белые фотографии обнаженных женщин, которые отец прятал в сене от мамы.

Однажды я познакомилась с одной соседской девочкой, которая стала моей лучшей подружкой детства. У нее было красивое имя — Лия, но все звали ее Лиля. У нее были светлые вьющиеся волосы, задумчивые серо-голубые глаза. Она была младше меня на два года. Познакомились мы необычно. Когда я однажды в июле залезла на дерево, собирая с него поспевшие груши, то сверху увидела, как по нашему участку важно ходят чужие куры. «Ну, сейчас мы посмотрим, кто здесь хозяин» — подумала я, слезая с дерева и направляясь к курам. Но они меня нисколько не испугались. Даже тогда, когда я взяла в руки большую палку. Почему-то направились не к своему дому, а забежали в большую клетку, в которой мы держали своих кур. Там они принялись клевать зерно, а я незаметно закрыла клетку. Когда они, наконец, наелись, я все же принялась выгонять их из клетки. Но это сделать было нелегко, так как курам у нас понравилось, и они никуда не собирались уходить. За этим занятием и застала меня соседская девочка Лиля. Я еще тогда подумала: «Хорошо, что она не пришла раньше, когда я закрыла кур в клетке и обдумывала, что с ними делать дальше».

Теперь мы в свободное время играли вместе с Лилей, ходили в гости, но не домой — там летом было неинтересно, а на огороды. Весной помогали друг другу сажать грядки. Родители отдали мне лучшую часть нашего участка — это была только моя земля, здесь я была хозяйкой, решала, что и где нужно посадить, и все делала сама — я считала себя жутко хозяйственной и дальновидной. У Лили тоже был свой участочек. Там было мило и уютно, аккуратно и чистенько — целый сказочный мир для ребенка, где он был главным героем и хозяином одновременно. С глубоким сочувствием я теперь смотрела на детей нашего микрорайона, которые играли у вечно скрипучих, никому не нужных качелей, и мне до слез было их жалко. Пятиэтажные дома нашего района, где и у нас была квартира, напоминали скорее бараки. Строились они наспех, как признался потом отец, работавший на всех этих стройках: «Лишь бы быстрее сдать дом и заселить в него людей нового микрорайона — Шахтерский». Поэтому многие дома были совсем без балконов и детские площадки перед домом были в запустении. Да и детскими площадками нельзя было их назвать: вид их был жалок. Единственным интересным местом для игр детворы нашего двора была заброшенная стройка, где дети подолгу играли между торчащих столбов разваленного фундамента. Я приносила домой оттуда разные разноцветные таблетки, которые

папа безжалостно к моим слезным просьбам: «поиграть с ними и в рот не засовывать», смывал в туалете. Наши с братом игры на стройке закончились после того, как брат наткнулся на торчащий из земли острый штырь, и лоб его, до этого не попадавший ни в какие передраги, пришлось зашивать в больнице.

Но с покупкой дома у нас началось совсем другое детство, полное радостных открытий и секретов. Перекапывая каждый год землю, мы находили то лошадиные подковы, то старинные монеты, а один раз даже выкопали немецкую каску, которую потом отнесли в местный краеведческий музей. Соседнее с нами огромное здание занимала строительная организация, у входа которой висела табличка «Здесь во время Великой Отечественной войны находился штаб». Мы, заглядывая в окна этого здания, и, обнаруживая там разные мешки, уверяли друг друга: «Это правда штаб, а в мешках — продовольствие, запасы еды, которыми запаслись во время войны». С братом мы были очень дружны, и начали ссориться только тогда, когда ко мне в гости из соседнего дома приезжал на велосипеде сопливый мальчишка. Брат очень ревновал и обижался, и в этой его надутости было много милого и смешного. С Лилей у нас были свои секреты — «женские». Она была той редкой подругой, которая могла понять меня с полуслова. И у нас было с ней много общего, того, что потом запомнилось нам на всю жизнь — нежных розоватых закатов, когда солнце угасало над Окой; покрытых сочной зеленой травой и земляникой высоких холмов, по которым мы весело бежали купаться к реке, вечерних рыбалок с родителями у озера и необъяснимой любви к своему участочку земли, согретому теплотой и заботой детских рук.

Однажды, когда я пришла к Лиле в гости, то нечаянно столкнулась с лопухим, темноволосяным мальчиком. Мне он вначале не очень понравился.

«Это мой двоюродный брат из Калуги — Сережа». Сергей еще много раз приезжал летом. Вчетвером мы играли в казаки-разбойники все на том же сеновале — мы с подругой и наши братья. Потом мы мечтали породниться — Лилия намекала мне на своего брата, а я в свою очередь, рассказывала о своем. На что она притворялась обиженной, застенчиво улыбаясь. Лилия была единственным ребенком в семье. Все ее безумно любили, а особенно ее папа. По ее словам, он не раз говорил: «Не представляю даже, как переживу то время, когда женихи начнут обивать пороги нашего дома. Буду караулить тебя с ружьем». На что я осторожно спрашивала у нее: «А что если это будет мой брат?»

Наша семья с приобретением дома почувствовала, наконец, то счастливое состояние, когда все мы считали себя собственниками своего дома, а не жителями квартирной конуры. Но это семейное прочное счастье омрачили первые судебные тяжбы с Щербаковыми. Наша половина дома, в которой с тех самых пор, как дети отделились от деда, много лет не было ремонта, уже находилась в аварийном состоянии — в нем невозможно было жить. Мы боялись, что может обвалиться крыша. Соседи не давали своего согласия на то, чтобы мы разломали свою половину и построили новый дом, аргументируя это тем, что мы сильно преувеличиваем, и дом вполне пригоден для жилья. Прошло уже несколько судов, но решение было на стороне соседей. Родители точно знали — почему. Щербаковы — коренные жители города, а мои родители — приезжие. У соседей здесь везде одни знакомые и родственники — и в милиции, и в суде. Три года мы судились, истратили много денег, душевного и физического здоровья.

Однажды вечером отец возвращался домой. Неожиданно кто-то из-за угла дома ударил его по голове так, что папа потерял сознание. Мы догадывались — кто это мог быть. После этого случая за наше дело взялась известный адвокат — Мартусова Н. И., и мы выиграли дело. Это была первая победа. В конце ноября у «соседей съехала крыша» — папа разломал нашу половину дома, и соседи остались в начавшиеся ноябрьские морозы с разломанной крышей. После этого случая они еще больше невзлюбили нас, стараясь при удобном случае чем-нибудь навредить. Один раз

они отходили палкой нашу корову, возвращающуюся домой. Мы это сами не видели, но увидели Гришины и рассказали нам. Гришины с Щербаковыми не очень-то дружили, хотя и были родственниками. Корову мы после этого три дня искали по всему городу, заходя в каждый двор и овраг. Папа чудом ее отыскал, а через несколько дней продал. Мама со слезами на глазах умоляла не продавать корову, говоря нам с братом: «Дети, просите отца, чтобы он корову не продавал». Но он не изменил своего решения, боялся, что она снова уйдет из дома. Она была нашей главной кормилицей — иногда летом в день она давала по 18 литров молока. Поэтому мы так и переживали за нее. После этого мы нашли в своем огороде изрезанную буханку хлеба — как нам показалось предмет соседского колдовства.

Неприятнее всего было проходить мимо Щербаковых через общий двор. Соседи жаловались маме, что мы вытоптали у них все цветы. Цветы мы с братом никогда не трогали: «Причем здесь они», правда любили доводить глухонемую бабку Варварку. Но, как нам казалось, она заслуживала этого, так как была зловредной и все время чем-то недовольной.

Начались новые суды. На этот раз из-за подъезда к дому. Папа весной начал строить новый дом, нужно было завозить песок, щебень, материал для строительства. Подъехать к нашему дому было невозможно. На суде, показывая план дома, соседи доказывали, что подъезда к дому здесь вообще никогда не было. На самом деле, когда еще был жив дед Владимир, Щербаковы забрали себе землю, которая была как раз для подъезда, и переделали план участка. Еще четыре года мы судились из-за этого. Вечерами папа уже остерегался выходить из дома, да и мы тоже.

Без коровы мы часто голодали, иногда зимой у нас даже не было хлеба. Хозяйство все перевели, без подъезда к участку содержать его было трудно. Мы не могли привезти сено и корм. Строительство дома, бесконечные суды отнимали много денег и сил. Один раз весной отец на последние деньги завез песок на дом. После этого мать подала на развод. Папа разводиться не хотел и в суд не пришел. Но их все равно развели. Меня положили в больницу с язвой желудка, так сильно я за них переживала. Родители потом много раз расходились, сходились, а язва у меня так и осталась на всю жизнь...

Мы кое-как перебивались с зарплаты до зарплаты. Мама долго работала на картонной фабрике, чтобы как-то прокормить семью. Она шила коробки целый день с перерывом на обед в пятнадцать минут. За этот каторжный труд в то время платили двести рублей. Папа получал не больше ста рублей, постоянно меняя работу, нигде долго не задерживаясь. Мы с братом тоже подрабатывали летом и осенью, выкапывали с огорода хрен и продавали на рынке. Один раз я вдруг увидела, что к нашему прилавку направляется моя учительница физики. Я спряталась за брата, мне было тогда так неловко...

С Гришиными мы особенно не дружили, но и не враждовали. Иногда даже ходили к ним в гости. Семья у них была большой: дед Петр, бабка Инна, муж с женой Элей и Виктор, дочка Света семи лет, которая частенько залезала к нам в огород за клубникой. Баба Инна работала в рыбнадзоре, она была очень трудолюбива — почти весь огород был в ее ведении. Дед Петр любил иногда выпить, от этого он становился совсем смешным и непредсказуемым, выходил в сад и начинал кричать что-то непонятное, доставляя нам с братом огромное удовольствие этим зрелищем. Не считая этого, семья Гришиных казалась нам вполне благополучной.

С годами дед становился все дурнее и совсем спился. Умер он от пьянства. Баба Инна долго горевала о своем муже. Старалась отвлечься домашним хозяйством. На работу она теперь не ходила — два года как заслужила пенсию. Дел у нее хватало по дому, часто она занималась с внучкой, которая уже перешла в третий класс. Родители ее были заняты своей личной жизнью, муж ушел в другую семью. Эля нача-

ла пить, а через некоторое время привела в дом нового мужика. Он был на десять лет ее моложе, но в свои двадцать пять он выглядел намного старше ее, лицо у него было спившееся.

Часто из соседского дома раздавались голоса подвыпивших гуляк. Они и нас звали к себе в гости, но мы к ним давно перестали ходить. Через несколько месяцев Эля родила. Дочку назвали Олесей. Мы так точно и не знали, от кого соседка родила этого ребенка. Не так давно ушел первый муж, часто приходил второй, которого мы прозвали «пассажиром», и еще бывали у нашей соседки много разных мужчин. Причем все нагло проходили через наш огород, так как им не хотелось обходить нашу усадьбу внизу по болоту.

За Олесей ухаживала бабка. Родителям девочка была не нужна. Они все больше пили и нигде не работали. Часто били бабу Инну и отнимали у нее пенсию, пропивая ее. Чтобы как-то прокормить себя и внушек, баба Инна устроилась подрабатывать уборщицей в магазине. Эля с мужиками теперь часто промышляла на свалке, которую за все эти годы жители устроили вначале улицы Ломоносова, где проходила тропинка к нашему дому мимо мрачного здания бывшей тюрьмы. Однажды кто-то высыпал свой мусор на эту тропинку. И после этого началось... Жители перестали нанимать машину для вывоза мусора, жалко было на это двадцати рублей, а носили его ежедневно сюда, образуя горы свалки. Мы не раз нанимали технику, убирали мусор, ставили контейнеры. Но это помогало не надолго. Это неприятное зрелище все больше нас раздражало.

Олесе исполнилось три года. Она всегда прибегала ко мне, когда я работала на участке. Просила хлебушка, чего-нибудь поесть. Мне было так жалко этого страдающего голодного ребенка. И я думала тогда, если бы я была взрослой, и у меня была бы своя семья, я бы забрала Олесю к себе. Я ее очень любила.

А она, наблюдая за мной, живо интересовалась, что это я делаю в земле. Я ее многому научила, и она помогала мне сажать морковь и зелень. Соседский огород был почти весь заброшен, одной бабе Инне уже трудно было его обрабатывать, постарела она очень. К тому же в такой компании она тоже начала спиваться.

Во всей этой ужасной обстановке Эля родила третью дочку — Катю. Она на время опомнилась от пьянки и своей распутной жизни, начала заниматься детьми. Когда Катюша подросла, мать даже устроилась на работу. Но это было ненадолго. Скоро пьяные голоса из соседнего дома стали привычными, и все продолжалось по-старому. Соседи в наше отсутствие часто выходили на промысел в наш огород. Последней каплей было то, что несколько мешков выкопанной моркови утащили прямо из сеней нашего дома. После этого я сказала родителям: «Все, больше я здесь ничего сажать не буду».

А зима в тот год была морозной. Как-то вечером баба Инна возвращалась домой пьяной и упала в снежный сугроб. Гришины прошли мимо, не занесли мать домой. К утру она замерзла. А на следующий день соседский дом сгорел, ничего от него не осталось. Мы в это время были все в квартире, позвонила и рассказала мне обо всем этом подруга Лиля. Мама тогда заметила: «Есть на свете Бог и он все видит. Это им за то, что они мать бросили. Отобрали пенсию, она им стала не нужна». После этого девочек забрали в детский дом. А Эля пришла к нашему папе с просьбой: «Возьми меня в жены, у меня дом сгорел...»

Была у нас еще одна соседка, заслуживающая особого внимания. Ее дом находился от нашей усадьбы через участок. Соседку звали Татьяной, мужа — Александром, были у них двое деток: Алексей — на год постарше меня и шестилетняя Настя. С ними жила бабка Валя, мать Татьяны. Мы редко встречались с соседями, пока они не завели коз.

Наш участок земли расположен так, что в дождливое время внизу огорода скап-

ливается много влаги. Здесь мы всегда сажали капусту — когда она выросла — ею можно было гордиться. Часто мы стали замечать, приходя из квартиры на участок, что соседские козы нагло жуют нашу великолепную капусту. Благодаря нашей с братом фантазии можно было легко проучить их, чтобы они забыли сюда дорогу. Но, завидев нас, бабка Валя начинала кричать козам: «А ну выходите отсюда, куда залезли, окаянные». Однажды мы наблюдали, как бабка, не заметив нас, спокойно пасла своих коз на нашем огороде. А соседка Татьяна всегда удивляла нас своей необычной жизненной смекалкой. Зная о разводе наших родителей, она как-то сказала папе: «Давай я своего мужика выгоню, а ты ко мне приходи жить» Папа тут же смекнул, что соседке сейчас нужно строить дом, поэтому и зовет к себе. На это он ответил: «Приходи ты в мой дом — и живи». Соседка не пришла, конечно. Но на наш участок она летом заходила часто — то коз пасти нужно, а иногда, пока нас нет на огороде, яблоки собрать, смородину, вишню. Хозяйственная такая тетка была.

В студенческие годы заканчивая институт, я искала работу по своей специальности. Это было совсем не просто сделать в маленьком провинциальном городке. Тогда я обратилась на биржу труда. Там я увидела объявление о том, что обществу с ограниченной ответственностью «Ветеран» требуется бухгалтер. Меня встретил пожилой мужчина, модно одетый, с седыми короткостриженными волосами. Впечатление он производил не очень приятное, какое-то слащавое. Это и был начальник — Петр Петрович. Я осталась работать в этом обществе, так как мне перед дипломом нужна была практика. Каждый месяц он мне платил все меньше, а обязанности прибавлял. Все знали его как самого жадного в городе работодателя. Однажды, когда я сдала уже всю отчетность в налоговую инспекцию, оставалось составить один баланс, он мне сказал: «Баланс можешь не делать, сейчас придет главный бухгалтер». Я удивленно посмотрела на него: «Разве у нас есть главный бухгалтер, что-то я ее ни разу не видела, думала я тут главная?» Через час пришла главная бухгалтер. Я была поражена. Это была наша соседка по дому — Татьяна...

Петр Петрович не раз хотел снизить Татьяне зарплату. Но это у него не получалось, он встречал самые серьезные возражения. Сколько я испытала удовольствия от этого поединка — между жадным Петровичем и нашей соседкой, которая мимо чужого добра никогда не пройдет, не то что упустит свое. Часто она намекала Петровичу «Кто у нас тут самый жадный?» А он жаловался мне: «Представляешь, и у меня получает зарплату, еще в двух организациях и все мало».

Одно время Татьяна меня очень усердно сватала за своего сына. Наверное, хотела, чтобы я работала в ее огороде...

Через несколько лет мы достроили дом и гараж рядом с домом. Подъезд у соседей мы отсудили, благодаря терпению родителей и стараниям все той же Мартусовой. Всего на строительство дома ушло десять лет, а на суды с Щербаковыми — семь. Суд принял решение о необходимости строительства дороги к нашему дому и обязал Щербаковых вернуть нам землю, ранее принадлежащую прежнему хозяину, там, где по старому плану и был подъезд. На этом участке находился молодой вишневый сад, с которого летом можно было собрать неплохой урожай вишни. Перед тем, как отдать нам эту землю, соседи целый день рубили деревья. Я не могла смотреть на то, как безжалостно падали на землю цветущие вишни.

Дорогу мы сделали за год. В доме подключили свет, отопление, выложили печку. Наконец-то в доме можно было жить. Теперь, когда родители ссорились, мама отправляла отца жить на «Ломоносова четыре», при этом напоминая папе, что в квартире он не прописан. Однажды отец пришел домой поддатый и заявил, что он теперь останется жить в квартире, а если маму что-то не устраивает, пусть она сама и уходит на дом. Мама собралась и ушла. Она все перестирала, навела в доме порядок. Там

стало уютнее, чем в квартире, все же это частный дом. Через неделю, доведя квартиру до состояния полного срача, туда заявился наш папочка со словами: «Ах, как ты здесь устроилась! Я тоже здесь могу жить. Иди в свою квартиру». Но потом родители снова помирились.

Прошло пять лет. У нас с братом теперь свои семьи, свои дети. Брат живет в Москве. Иногда приезжаем на родину к родителям. Они все также ссорятся, мирятся, папа больше трех месяцев не работает на одной работе. Когда он увольняется, то оказывается снова на Ломоносова четыре. Там нужно топить печку, самому готовить еду и где-то брать деньги. Он это ясно начинает понимать на третий день и снова приходит к маме. И все начинается сначала.

Эля объявилась: хотела продать свой сгоревший дом и участок. Но все документы сгорели при пожаре. Поэтому этот страшный сгоревший дом до сих стоит, никому не нужный.

С подругой Лилей мы встретились, обнялись. Я ее совсем не узнала. Она поправилась, превратилась в красивую 25-летнюю девушку. Но замуж пока так и не вышла, наверное, вспоминая папу с ружьем. С годами она расцветала как нежная лилия. Брат мой это тоже заметил: «Хоть бы ты позвала подругу в гости». Я ее часто звала к нам, но она все стеснялась. Так брат оставил свою надежду и женился на другой девушке. У них родился сын.

Щербаковы сейчас стараются не попадаться нам на глаза. Разных неприятностей и неприкрытой зависти с их стороны больше мы не замечали. Да и чему завидовать? Огород весь зарос, никто его не сажает. Яблони состарились, папа многие спилил из них. А молодые никто и не посадил. Грушу, на которую я все залезала в детстве, пришлось спилить когда строили дом,— она мешала крыше. Не хватает на доме хозяйской руки — мама работает на двух работах, папа уже устал за все эти годы. Жили бы дети рядом, была бы помощь.

Соседку Татьяну теперь уже не встретишь — застрелил ее любовник прошлым летом. Так бывает, когда люди слишком много хотят получить от жизни для себя.

Большой участок земли, занятый помойкой, наконец — то купили москвичи. Убрали мусор, огородили участок огромным забором и за год построили двухэтажный дом.

Вот так и получается: нет сейчас помойки возле дома, нет соседки Татьяны, погоревших соседей-бомжей, старого облезлого кота, есть подъезд. Можно было бы теперь и посадить огород, да не кому. Дети выросли и кончилось детство.

Муж часто спрашивает у меня: «Как там можно жить при зарплате в три тысячи?» Живут люди, «крутятся». Сажают свои участки земли. Жаль только, что наш участок пустует. Но может быть, и он дождетя, когда заботливые руки снова бережно прикоснутся к земле.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ

Леонид Андрианов
(г. Тула)

Ушел из жизни известный тульский поэт, писатель, публицист, член Союза писателей России, автор многочисленных стихотворных сборников, руководитель литературной студии «Вега» Леонид Борисович Андрианов. В память о нем мы помещаем сегодня его стихотворения, которые всегда будут актуальны, ибо написаны неравнодушным сердцем, живо откликающимся на текущие и вечные темы нашей жизни. А его строки о В. Высоцком — это во многом строки о нем самом...

Пейзажи Франции на взгляд, как и в России —
Леса, луга, зеленых рощ наряд.
И солнце также светит в полной силе,
Да и дожди похожие шумят.
И лишь когда крестьянские постройки
Сравнишь у пейзажистов на холстах.
Тогда поймешь — стесненности уроки —
Малоземелья и разделов вечный страх —
И потому наследуют неровно
Во всей Европе братья от отцов.
У нас гектары в прахе, безусловно,
Пустых земель и разных солонцов
Не счесть, и брошенных, горелых,
Забитых ставен русских хуторов...
Не дорожим землею полной мерой,
Отдав ее на волю всех ветров.
И зарится лендлорд и прочий бюргер
На наш простор, на каждый вольный акр.
Скорей, скорей к земле приложим руки!
Иначе нам — России — скорый крах!

* * *

Есть отвратительные люди — сухари.
Когда кому-то весело и ярко,
Они стараются свести их смех насмарку
И елок разбивают фонари.
Но мир дождется вызревшей зари,
И станет душам радостно и жарко.
Ночь новогодняя — подобие подарка
И ей не рады только упыри.
Глазами новыми на мир сей посмотри —
Ему идет шикарная одежда.
Ее чурается озлобленный невежда,
И проклиная в целом январь.
Не верь ему, а просто говори:
«Есть впереди на лучшее надежда!»

ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕНОК ВЫСОЦКОМУ

К 60-летию Высоцкого

Твой пенсионный юбилей
Поляк отметит и еврей.
В среде пронырливых людей
Гам, суматоха.
А нам опять Твоя судьба —
Из душ выдавливать раба.
По всей стране идет борьба:
России плохо.
В пурге словесной шелухи
Теперь мнут не стихи,
А только главные грехи —
Спирт и наркота.
Сейчас в ходу один товар:
Про твой любовный будуар
Кто хочет пишет «мемуар» —
Кипит работа!
Никто не свят, а ты — артист.
Порою склочен мир кулис...
Но и замаранный ты чист —
Я верю в это!
То, что грешило, ныне — прах
И похоронено в цветах,
А нам подарена в строках
Душа поэта.
Пусть пенсионный юбилей
Поляк отметит и еврей,
И племена любых кровей —
Хоть б этруски!
Но им одно пора понять,
Запомнить, внукам передать —
У нас им барда не отнять:
Высоцкий — русский!

* * *

Погас поэт и бард,
Ушел в иное время,
Не встретить нам его на улицах Москвы.
Ему был каждый рад,
Его любило племя,
Сдыхавшее в тоске, пропившее мозги.

Когда мы слышим звон
Истерзанной гитары,
Нам кажется — он жив и где-то рядом — над...
Знакомый баритон,
Ритмичные удары,
Правдивые стихи с народом говорят.

Он из иных пространств
Глядит на наши муки.
Как богом дорожит им истинный фанат,
Почти впадая в транс,
Когда несутся звуки
С энергией его в сто тысяч киловатт!

ГЛАЗА ПОЭТОВ

На портрете усталого Блока
Взор подернут завесою тайною.
И в зазвездность — в преддверие Бога —
Взгляд уводит Марину Цветаеву.

Верят в доброе, верят в хорошее —
В море синее, в берег агатовый
Киммерийские очи Волошина,
Ассирийские очи Ахматовой.

Вот печальнее неба осеннего,
Обитателей дома сиротского
Луговые глаза Есенина,
Городские глаза Высоцкого.

У поэтов всех зренье особое:
Если смертные смотрят наружу,
То поэты Творцу уподоблены,
Ибо видеть им велено душу.

Наталья Каретникова

ПАМЯТИ ПОЭТА ЛЕОНИДА АНДРИАНОВА

Жил поэт... мне другом не был,
Не соседствовал со мной
Под простым российским небом,
Под Полярною звездой.
Нам она сияла с детства
С небывалой высоты,
Как испытанное средство
Вдаль уйти от суеты.

Был поэт. Его не стало.
Так бывает, что с того?
Времени, как видно, мало
Было очень у него:
Не дописан стих последний,
Только начатый вчера.
Глядь, беда уже в передней,
Он не дожил до утра...

Вдруг не выдержало сердце
Боли, мелочных обид.
Не услышит больше скерцо,
С песнею не загрустит.
Он был в чем-то даже круче,
Чем лесной столетний дуб.
Был поэт большой, могучий —
Жизнелюб и правдоруб...

Олег Островский
(г. Тула, 1963 — 2005)

Олег Станиславович Островский был моим близким другом. Он родился и умер в Туле. Окончил тульскую среднюю школу № 58, а затем Тульский государственный педагогический тогда еще институт. Служил в Советской Армии, был сапером (на его счету 14 боевых разминирований). Работал учителем русского языка и литературы в Тульской и Калининградской областях, директором фильма на Клайпедской киностудии документальных фильмов (Литовская ССР), директором Александровского (ныне Комсомольского) парка г. Тулы. Значительную часть жизни посвятил театральному искусству, участвуя в различных народных театрах, и однажды, на фестивале любительских коллективов в г. Балтийске (Калининградская область), удостоился похвалы великого советского актера Иннокентия Смоктуновского.

Обладая огромной физической силой, Олег был человеком очень мягким и отзывчивым, всегда готовым прийти на помощь в трудную минуту. Он спас мне жизнь, когда в августе 1995 г. во время похода по реке Упе наша байдарка перевернулась, и я оказался в воде между двумя водоворотами...

Любимым поэтом Олега был Владимир Маяковский, влияние которого чувствуется, когда читаешь стихи Островского. Они подкупают образностью, а также неожиданными, остроумными и глубокими по смыслу каламбурами.

Всю жизнь Олег мечтал опубликоваться хотя бы в какой-нибудь газете, но — не судьба. К сожалению, на сегодняшний день сохранилось фактически только два стихотворения Олега Островского, так как близкие родственники, нарушив волю Олега, утаили, а может быть, и уничтожили тетрадь с его стихами, которые могли бы украсить любой литературный журнал. Но то, что уцелело, предлагается вниманию читателя.

Твоя мечта исполнилась, милый Олежек, друг мой! Прими этот запоздалый подарок...

Владимир Резцов, заведующий отделом поэзии «ПЗ»

ИЗ ЦИКЛА «ПИСЬМА ИЗ ПРИБАЛТИКИ»

Быть или не быть?
Вот в чем вопрос.
Быть или не быть
Моей России?

Перебродив, пошла вразнос.
«Разнос» в столовой есть «поднос»,
И на подносе всем под нос
По Русскому куску носили.

Создали русский «Общепит»:
Страна, умы, любовь — за «баксы».
Юг кровью, как вином, залит.
Крым, Нарва, Сахалин — как кляксы.

Мной много выпито вина.
Вина моя — в душе потемки...
Ведь были эти имена:
Ермак, царь Петр и князь Потемкин!

О! Не единожды Европу
Кидало в дрожь от скифской скачки...
Теперь, как в русский квас укропу,
Она бросает нам подачки.

Сей квас, смакуя, хвалят зело
Голландцы, турки, дети Мао.
Пожалуй, хватит, надоело!
Хорош звездеть!! Дашь ДЕРЖАВУ!!!

Клайнеда, 1991 г.

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Все относительно...
Глоток
Спасительный
Нектару...
И пару
Строк
На чистый
Лист.
Речист
Сегодня
Я,
Речист,
Как
Сводня,
Как
Коммунист
На
«Новогоднем
Обращении
К народу»
Страны
Свободы
Погребенья
(Увы!)
Потерянного богом
Поколения.

* * *

Вино
В чернильницу
Да в глотку,
И — «Но,
Кормилица!»,
В охотку
«Стучит» копытами
Пегас.
Бычок «Пегаса»
Подзагас.
Нет мяса?
Снова
В рюмку «квас»!
Лист
Разлинован
В «нотный ряд».
О!
Я солист —
Я демократ.
Не склочен,
Прост,
За август тост,
Хожу в толпу,
Точней — в народ..
А впрочем, кто там разберет?
Как всепогодный
Демохлыщ,
Доставши пару
Сотен тыщ,
Веду свободных
Демодив
В бар
Допивать аперитив,
Сперва
Закрыв кооператив.

* * *

С похмелья
В рот лавровый лист —
Теперь я
Националист.
Национал,
Что пострадал:
Мой дед
Сидел при Сталине,
Я — нет,
Но двойки ставили.
С трудом
Закончил институт,
Диплом

И докторская тут:
Музыковед,
Цвет
Нации,
С Союзом в конфронтации.
Сначала претендент,
А вследствие волнений —
Народный
Президент
И крупный
Счет в Женеве.

* * *

С утра
С ухмылкой
В магазин,
Карман
Бутылкой
Загрузил.
Где валом
Лежит из кобыл
Колбаса,
Я был
Либералом
Еще полчаса.
И только уже
По дороге
Домой
Немного,
Но все же
Я был сам собой.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Людмила Авдеева
(г. Москва)

ГОРОД ГЛУПОВ ВСЕ ЕЩЕ СТОИТ
(к 185-летию М. Е. Салтыкова-Щедрина)

Авдеева Людмила Евгеньевна — литературовед, журналист-международник, поэт. Издано более двадцати книг лирики, сборники стихов для детей, научные статьи в академических изданиях. Лауреат и дипломант московских и международных фестивалей и конкурсов. Член СП РФ.

«Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России», — писал великий русский сатирик Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, один из самых ярких обличителей социальных пороков своего времени. Созданные беспощадно-язвительным пером сатирика персонажи и сегодня заставляют задуматься о многом.

М. Е. Щедрин не был обычным бытописателем, злободневным фельетонистом, заурядным народником, как часто фальсифицировали его личность в литературно-критических трудах. Щедрин — это целая эпоха в истории и литературе России, а его творчество — своеобразная сатирическая энциклопедия чиновничьих и бюрократических нравов. Жизнь писателя неразрывно связано с самыми яркими именами отечественной литературы. В 1826 году, в год рождения будущего сатирика, царь Николай I отправил на виселицу и на каторгу в Сибирь участников декабрьского восстания. Но «декабристы разбудили» Герцена, современником которого был Щедрин. Был он и современником Добролюбова, Чернышевского, Белинского. Политические, философские и художественные взгляды писателя-демократа формировались в 40-ые годы XIX века, когда творили Н. Некрасов, Л. Толстой, А. Островский, И. Тургенев, А. Гончаров. И если сам Щедрин был литературным преемником Н. Гоголя, то А. Чехов и М. Горький ощутили уже на себе сильное влияние Щедрина.

Вершиной творчества писателя были 60-ые годы, когда рождалось русское просветительство, стремление передовых людей эпохи к коренным демократическим преобразованиям, к развитию прогрессивной культуры. Критика либерального реформизма, буржуазного соглашательства, приспособленчества интеллигенции к хищническим требованиям капитализма, мерзость мира наживы, чиновничьего произвола, либеральной трусости — все попало в поле зрения писателя-сатирика.

Уже первые детские впечатления стали материалом для будущих книг. Все то негативное, что Щедрин увидел в детстве в собственной семье, ее быт и нравы нашли сатирическое изображение в «Пошехонской старине», резко отличающейся от семейных хроник, созданных Л. Н. Толстым («Детство, отрочество и юность») и С. Аксаковым («Детские годы Багрова-внука»). Произведения Толстого и Аксакова объединяет любовь героев к своему детству, родным, к патриархальному дворянскому быту, а в семье Щедрина царил иная обстановка. Мать писателя Ольга Михайловна Забелина, властная, скупая, с жестким характером, склонная к ростовщичеству, была купчихой по призванию, и, выйдя замуж за дворянина, внесла в дом атмосферу лицемерия и наживы, хотя и сумела сделать семью одной из самых богатых в губернии. Она стала прообразом и Анны Павловны в «Пошехонской старине», и Арины Петровны в «Господах Головлевых». А страшный образ Иудушки Головлева — олицетворения ханжества, лицемерия, слащавого словоблудия, полной беспринципности, аморальности, предательства и двурушничества, как не прискорбно, но в основном был слепком с отца писателя Евграфа Васильевича и старшего брата Дмитрия. И хотя отец писателя был человеком образованным, работал переводчиком, знал иностранную литературу, имел хорошую библиотеку, выписывал журналы, сочинял стихи, но под влиянием жены стал убежденным крепостником. Мать готовила сына к блестящей чиновничьей, бюрократической карьере, видя в нем будущего министра или губернатора. В 1838 году Щедрин стал воспитанником Царскосельского лицея, славного тем, что там учился сам А. С. Пушкин, хотя к этому времени дух лицея был совсем иным. Воспитанники бахвалились богатством отцов, именами, титулами, подхалимничали перед наставниками. Остро, язвительно поданы картины лицейской дресировки будущих министров и губернаторов на страницах рассказов из цикла «Помпадуры и помпадури», «Господа ташкентцы». Кстати, оставивший о себе мрачную память в русской истории министр народного просвещения граф Д. Толстой учился в лицее вместе с М. Щедриным. Но, хотя пушкинские традиции к тому времени в лицее искоренялись, в каждом выпуске был свой литератор, продолжатель пушкинских традиций. В поэзии Михаила Щедрина-лицейста было ощутимо влияние Пушкина, Лермонтова, Гейне, Бенедиктова. Стихи публиковались в журнале «Современник», но позднее писатель от них отрекся, так как уже твердо встал на стезю русской сатиры.

В начале 40-х гг. XIX века Щедрин на литературном вечере у поэта Языкова познакомился с Белинским, который в своих статьях высоко поднял историческое значение русской сатиры, выступал с беспощадной критикой националистической реакционности. После окончания лицея Щедрин становится постоянным участником кружка Петрашевского, окончившего тот же лицей. Среди демократически настроенной передовой молодежи были и «сладкоголосые болтуны», которых ярко и живо изобразил Щедрин в повести «Запутанное дело», в которой общественный строй России был показан в виде огромной людской пирамиды, где в основании находятся самые обездоленные. Цензура усмотрела в повести революционную пропаганду, и в 1848 году писатель был сослан в ссылку в Вятку, что, вероятно, и спасло великого писателя-сатирика от каторги, к которой были приговорены через год петрашевцы.

Вятский период многие биографы Салтыкова-Щедрина вычеркивают из его литературной жизни, так как ничего существенного в эти восемь лет создано не было. Однако, не надо забывать, что писатель, даже когда он не пишет, сознательно или подсознательно собирает материал для своих книг, накапливает опыт, наблюдает. Жизнь Щедрина в ссылке была достаточно насыщена событиями. Уже через три года он дослужился до советника губернского правления, женился на дочери вице-губернатора, стал состоятельным чиновником. Щедрин по роду службы расследовал должностные преступления чиновников, дела о взяточничестве, жалобы крестьян,

хорошо знал быт чиновников и купцов, видел жизнь во всех социальных разрезах, следил за развитием экономики и культуры. Эти наблюдения легли в основу сатирического цикла «Губернские очерки», изданного после возвращения в Петербург. Критику и читателей поразило смелое выступление против произвола помещиков и чиновников. Языком язвительным, полным сарказма и острого юмора были описаны губернаторы и чиновники, вообразившие себя царями и богами в своей губернии, где их власть над простыми людьми была безгранична.

Но в это время и сам писатель получает назначение на должность вице-губернатора сначала в Рязань, а затем в Тверь, где его называют вице-Робеспьером за стремление к справедливости, за требования к чиновникам соблюдать порядок и законность. Сотрудничество вице-губернатора с литературными журналами, и в первую очередь с «Современником», контакты с Чернышевским и Добролюбовым, рассказы, в которых изображается казнокрадство, произвол чиновников, раздражают начальство, и тех, кто узнает себя в сатирических персонажах. Служить становится невозможно и Щедрин уходит в отставку, решив посвятить себя только литературе. К этому времени уже нет в живых Белинского, умирает Добролюбов, арестован Чернышевский. В условиях 60-х годов XIX века, когда все прогрессивное в литературе стало предаваться анафеме, Щедрин берется вести в «Современнике» рубрику «Наша общественная жизнь». Он пишет статьи, обзоры, рецензии, фельетоны, ведет полемику с другими журналами, называвшими его творчество зубоскальством и отвергающими политическую сатиру. В 1866 году «Современник» закрывают, и на долгие 16 лет политической и литературной трибуной для писателя-сатирика становится журнал «Отечественные записки». За 1868—1884 гг. Щедрин создает, кроме упомянутых рассказов и очерков, такие произведения, как «Признаки времени», «Благонамеренные речи», «В среде умеренности и аккуратности», «Современная идиллия» и др. Перед читателем проходит целая галерея сатирических образов русских чиновников «порепорченной» России, высшей бюрократии провинциальной России. С ведением должностей судебных присяжных, земства, городского самоуправления старые взяточники, бравшие открыто взятки и подношения, уступили место новым, образованным, «культурным», берущим тайно. С гневным сарказмом и иронией выписаны губернаторы новой порепорченной волны, еще более хищная бюрократия, грабящая народ и страну. Вот Митенька Козелков — молодой щеголеватый губернатор-бюрократ из тех, кто целыми днями наносит визиты, напропалую лжет, болтает о свободе торговли, порядке, «священном» праве собственности. А вот губернатор Феденька Крогиков, который окружает себя «мерзавцами», заявляя, что именно «мерзавцы необходимы», чтобы приводить «в трепет оторопелых обывателей». И таких «ретивых» начальников в творчестве Щедрина немало.

«Сатирической историей русского общества» называл знаменитый роман-обозрение «История одного города» И. Тургенев. Произведение, ставшее вершиной сатиры Щедрина, автор выдал за найденные архивные материалы летописца, жившего в 18 веке, отведя себе только роль издателя.

Целая галерея градоначальников была назначена правительством в разное время в мифический город Глупов. Всех этих нелепых, жестоких, невежественных, бездушных, злобных, страшных в своей сути механических «кукол», враждебных всему прогрессивному и мыслящему, Щедрин изображает, используя различные приемы сатиры. Беспощадная ирония, гротеск, сочный юмор, карикатура, пародия, реалистическая фантастика раскрывают паразитизм градоначальников города Глупова. Чего стоят только их фамилии и клички, нелепые поступки и законы. Здесь и Органчик — Брудастый, произносящий всего две фразы: «Не потерплю» и «Разорю». По его приказу «хватают и ловят, секут и порют, описывают и продают», и градоначальник Бородавкин, ведущий «войны за просвещение» оловянными солдатиками и внедряющий в быт глуповцев горчицу, и Прыщ, он же Фаршированная голова, начиненная

триюфелями, как символ произвола чиновников, и Угрюм-Бурчеев, как символ деспотического государственного режима. А каков Перехват-Залихватский, упразднивший науки, а Негодяев... Портреты градоначальников, созданные острым пером Щедрина, дают полное представление о власти в городе Глупове и самих жителях. Писатель показал все слои населения города, где есть и свой «бомонд» — аристократия и интеллигенция, и граждане — публика, участвующие в процессиях, посещающие клубы и банкеты, и покорные обыватели. Гениальная сатира Щедрина создает портрет целой социальной группы, раскрывая цветущие махровым цветом в обществе чиновничества мошенничество, душевную глухоту, алчность, эгоизм.

Мифический город Глупов — это живая современность. Город, где процветает коррупция и произвол чиновников, где у власти Удар-Ерыгины и Угрюм-Бурчевы, где чувствуют себя хозяевами «дикие помещики», хищники банков и бирж, весьма узнаваем. Писатель трезво и сурово оценивает своих персонажей, видя в деятельности земства (чуть не написала Думы) «лужение умывальников».

Враждебная критика называла творчество сатирика зубоскальством, пародией, клеветой на русскую историю, обвиняла в отсутствии патриотизма. Но жизнь показывает, что Щедрин вскрыл хищническую сущность капитализма, его продажность, враждебность к трудящемуся народу. И как мы видим, механизм мздоимства не меняется веками, и «уменьшение количества взяток идет на фоне увеличения их размеров».

Яркие сатирические образы, вышедшие из-под меткого, язвительного пера, не устарели и в наш век. Еще недавно казалось, что галерея этих персонажей осталась в прошлом и будущее, о котором мечтал Щедрин и его современники-литераторы, уже угадывается, становится реальностью. Однако наша повседневная жизнь, сообщения газет и радио, телевизионные программы вызывают желание вновь перечитать злободневные страницы Гоголя и Щедрина, Толстого и Достоевского, и невольно начинаешь сравнивать и анализировать современную жизнь и думать:

*Когда бы Гоголь и Щедрин
Смогли вернуться в этот мир,
Досталось бы чинушам —
Безликим «мертвым душам».
Когда бы Достоевский смог
Младенцев, вдов и стариков
Узнать печаль и слезы,
То на страницы прозы
Легла бы совести печать.
И горько: «Не могу молчать!»
Лев Николаевич Толстой
Сказал бы, встретившись с Москвой.*

Русская сатира не имеет равных в литературах других народов. Рядом с именами русских писателей Фонвизина, Крылова, Грибоедова, Гоголя, зарубежных сатириков Рабле, Мольера, Свифта — яркий сарказм и язвительный юмор Салтыкова-Щедрина занимает одно из достойнейших мест, по-прежнему актуален и свеж. Перечитайте очерки Салтыкова-Щедрина «Культурные люди»! Как узнаваема эта торговая и финансовая «элита», насаждающая свою «новую» культуру в России. Как они быстро обзаводятся своими издательствами, адвокатами, проникают в науку и искусство, рекламируя моду на «красивую западную» жизнь с позолоченными «ватер-клозетами». Сколько их, современных Колупаевых и Разуваевых, скупающих имущество и земли, нагло рвущихся к власти. А нынешние Деруновы в богатых шубах с

бриллиантовыми кольцами на жирных пальцах, невежественные, выбивающиеся окольными путями в финансовые тузы, относящие себя к сливкам общества, только потому, что пьют уже не сивуху, а шампанское, покупают женщин и претендуют на власть. А эти адвокаты Балалайкины, готовые защищать преступников за высокие гонорары. А рядом писаки Подхалимовы, подделывающиеся под вкусы власть имущих. Салтыков-Щедрин вскрыл, как нарыв, социально-политическую сущность всех этих новых «культурных» предпринимателей, банкиров, сорвав маски с прогнившего мира чиновников. С презрением изображает великий сатирик интеллигенцию, услужливо прогибающуюся перед властью ради личного комфорта. Не удивительно, что подобные разоблачительные сатирические произведения, даже написанные в какой-то степени «эзоповым» языком, вызвали травлю писателя со стороны властей, цензуры и враждебно настроенных литераторов-журналистов.

Неудивительно, что злопыхательство недругов подорвало здоровье Щедрина, и он надолго уехал лечиться сначала в Германию, затем во Францию, где создал новый цикл сатирических очерков «За рубежом» (1880—1881 гг.), ставших классическим образцом сатиры, раскрывающей суть западноевропейской буржуазной цивилизации. Здесь же появился яркий, весьма современный, гротесковый тип русского «гулящего человека за границей», этакого «дикого» помещика-помпадур, глумливо относящегося к собственной родине и упивающегося западными «прелестями». За рубежом были написаны и «Письма к тетушке». Тетушка была своеобразным символом интеллигенции России. В письмах автор с сарказмом пишет об безыдейности науки, об «уличной литературе», гневно обличает «нравственное растление молодежи», политику лжи, экономику, в которой процветают экономисты типа Грызунова — «ученого комментатора официально дозволенных формул». Создает Щедрин и яркие язвительные образы газетчиков, вскрывая продажность и развращенность прессы на примере ежедневной газетенки с много говорящим названием «Помои», редактируемой гоголевским Ноздревым. Хороши строки, посвященные земцам, которых писатель называет «сеятелями», интересующимися только снабжением друг друга фондами, сидящими «между двумя стульями».

За подобные произведения Щедрин получил ярлык «опасный писатель», а журнал «Отечественные записки» был закрыт и готовился арест великого сатирика. Но это не останавливает писателя. Используя богатую русскую традицию народного юмора и «эзопов язык», Щедрин пишет 29 сказок, имевших огромный успех. Новый жанр политической сказки сочетал фантастику с реальностью. Под масками животных с сарказмом и горькой иронией автор бичевал бескрылую обывательщину, изображал правящие верхи, вплоть до царя. Многие из сказок на памяти старшего поколения: «Медведь на воеводстве», «Игрушечного дела людишки», «Недреманное око», «Праздный разговор», «Орел-меценат», «Премудрый пескарь», «Карась — идеалист», «Коняга».

Завершив свою писательскую деятельность романом хроникой «Пошехонская старина», Щедрин стал писать своеобразное завещание потомкам «Забытые слова», где современность изображалась, как одичавшее заброшенное кладбище. 28 апреля 1889 года великого сатирика не стало. Покоится он на Волковом кладбище в нынешнем Санкт-Петербурге. Своему сыну Щедрин завещал «звание литератора предпочитать всякому другому».

И, действительно, имя литератора, писателя, журналиста обязывает говорить правду. Смелое, умное, сильное слово должно быть энергичным защитником свободы, борцом против зла.

Время не властно над произведениями М. Е. Щедрина. Многие персонажи пережили не только своего создателя, но и свою эпоху. Меткие выражения, имена персонажей, ставшие нарицательными, все еще характеризуют социальные явления современной

жизни. Сатирические персонажи Щедрина еще не стали историческим прошлым и литературным наследием, а остаются нашими современниками. Стоит, жив город Глупов с помпадурками и помпадуршами, с «ретивыми начальниками», с адвокатами Балалайкиными, готовыми за мзду защищать преступников, с омерзительными Иудушками Головлевыми, с пошехонцами, запутавшимися в трех соснах, с карасями-идеалистами... Процветает мошенничество, пустословие, равнодушие, алчность...

*А город Глупов все еще стоит
И ходят рядом с нами помпадурки.
Премудрым нескарем прикинулся Пиит
И Подхалимов – двигатель культуры.
«Не потерплю!» — «органчики» кричат.
И омерзительны Иуды Головлевы.
Россия отодвинулась назад.
Россия, видно, снова нездорова.
Коняга тянет воз, готов упасть.
Карась-идеалист строчит статейки,
И «дикий барин» нынче в ту же масть,
И Балалайкин в поисках лазейки.
Чиновниками полнится страна.
И город Глупов силу набирает.
И не хватает Салтыкова-Щедрина
И Гоголя с Крыловым не хватает.*

Проходят годы, сменяются эпохи, а произведения Щедрина по-прежнему современны. Сатирик показал, как жить нельзя. Но из его же произведений ясно, как жить можно и нужно. О творчестве Щедрина надо вспоминать чаще, читать его и цитировать, чувствуя, сквозь язвительный смех — глубокую грусть, сквозь горечь сарказма — оптимизм, уверенность в творческих силах русского народа. Писатель надеялся, что Иванушки, наконец, поймут, что есть и другие города — Буянов и Умнов, и осознают бессмысленность «глуповской цивилизации». Глубока была вера Щедрина в то, что «честные люди не только пребудут честными, но и победят», ведь недаром неумолимый ход истории сатирик сравнивал с бурной чистой рекой, которая, снесет всю нечисть на своем пути. Так давайте верить в будущее России, ведь и мы «любим Россию до боли сердечной» и не можем «помыслить себя нигде кроме России»!

Нина Попова
(г. Москва)

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Открыв нежно-изумрудную, цвета кедровой смолистой хвои книгу Тамары Булевиц «Тропой Любви», по заповедной этой тропе мы словно проникаем в другую, «не тронутую человеческой вседозволенностью и ненасытностью» Вселенную. Зачин всей книге дает повесть «Фрося-Ефросинья», в которой героиня простыми, обходными, но идущими из самых глубин женского сердца словами рассказывает о своей судьбе и о судьбе всего многочисленного рода Красиных — сибиряков и потомственных казаков, проживших свои жизни с завидным размахом, удачью, в праведных трудах, добывая достаток «мозолистой деревенской и таежной работой, природной сметливостью, деловой хваткой».

Легко и доходчиво пишет Тамара Булевиц о счастливом довоенном детстве Ефросиньи, юности, несостоявшейся любви, рождении дочери, появлении внука. Тяжело, в неустанных заботах, с редкими всполохами счастья проходит ее жизнь. Но, несмотря на тяжелую военную годину, на сбивающие с ног ветра нелегкой, порой очень горькой судьбы, она, как таежное деревце, крепко врастает и держится корнями за родную землю и здоровый нравственный родовой уклад предков. Крепко-накрепко помнит Ефросинья, что «всякой русской душе жить в долг боязно», тем более в долг у своей совести.

Одно из основных мест в повести занимает описание жизненного пути единственного внука Ефросиньи — Павла. На страницах, посвященных ему, читателю откроются прекрасные описания всего, что видит, чувствует и чем живет молодой сибиряк. Слово из птичьего гнезда, вылетают волшебные, нежные и невесомые птенцы-слова о расцветающей юной любви Павла и Кати. Прорастают, как крепенькие грибочки, слова о неразрывной кровной связи Павла Красина, наследника многих поколений лесничих, с «разноликкой и многоукладной» жизнью сибирской тайги. «Запряженными в одну упряжку несчетными табунами белогривых лошадей» несутся быстрые и резвые строки о несокрушимой мощи Енисея. Емко, радужно и образно описывается «дивная и первозданная» красота Саян.

Через все русло повести одним из героев проходит красавец-кедр, под могучую крону которого Фрося стремится в самые «смутные» и самые светлые минуты жизни, разделяя с ним и беды, и радости: «Добралась до нижних лап кедра, раздвинула их и грудью прижалась к шершавому стволу: «Знай, кедрушка, как оно стучит за двоих. Во мне новая жизнь к свету пробивается».

И кедр, и живущая в мудрой терпеливой Фросиной душе Природа отзываются на каждое слово, мысль, стук сердца и в «закатный день горькой ее судьбушки» спасают от смертного греха. Ведь, если бы неожиданно поднявшийся шквальный неистовый ветер не отбросил Ефросинью к стволу раскачивающегося ревущего кедра, свершила бы она свой праведный суд над «нечистью окаянной» и сожгла бы заживо безмерно любимого внука Павла. Не знала она, горемычная, что Павел не предал

свой род и своих односельчан, не сделался душегубом-бандитом и «никто и никогда не скажет теперь худого слова» о нем.

Жизнь героя повести «Дед Игнат» словно быстрая таежная река — то стремительно несется по крутизне на подъемах, лишь на минутку чуть утихая в низине; то неистово крутится меж бурунов и бьется о пороги и камни, леденя в гремящих клочующих ключах; то выбрасывает свои воды на отмель или «вытягивается перед солнцем синей лентой и рвется ввысь всем нутром своим».

Война забрала у маленького Игнатушки двух старших братьев и сестру. Тяжело больным вернулся с войны отец и совсем недолго прожил, а мама Люба не вынесла потери троих детей и мужа, от тоски и горя умерла. Перед смертью, горя за любимого младшего сыночка, один за другим давала мальчику наказания, как выжить ему в круглом сиротстве. Ох, как пожалел потом Игнат, что не все наказания матери он выполнил!

Но всю жизнь его согревали воспоминания о детстве и родимом гнезде: «Этот отчий уголок Игнат Демин свято пронесет в памяти сердца по жизни, мысленно прикасаясь к своему истоку, набираясь от него сил и ума».

Помыкавшись, набедокурив сполна, помотавшись по свету «словно перекачено поле, без корней и доли», буквально на краю обрыва, с головы до ног в грязи, как в своем вешем сне, остановился Игнат, осознав ошибки. И непомерно тяжело стало его душе от слез, пролитых из-за его беспутства женой Полиной, и стыда, который испытывали дорогие ему люди.

И услышал Игнат крик своей «скукоженной» души и через мучительное «душевное многоборство» сумел все исправить и вернуть самого близкого и любимого человека, свою Полюшку, получив от судьбы неожиданный и нечаянный уже подарок — сына Егора и внука Гришу, о которых он ничего не знал и не ведал.

Повесть читается на одном вдохе, автор написал ее прекрасным образным языком, который имеет «особую сочность и точность», и читатель сбережет в своей памяти «обнимающий все стороны света островок, пульсирующий радостью настоящего человеческого счастья».

Далее в книге следуют рассказы. Искренней тревогой автора за судьбу жителей сотен заброшенных и умирающих деревенок, порушенных колхозов, за бездумно вырубленную тайгу, неудержимое, беспросветное пьянство, отсутствие работы, за творящийся вокруг криминальный беспредел, оскверняющий сложившиеся нравственные устои жизни, пропитаны все строки «Вовкиного горя». С пронзительной жалостью повествуется о загубленной, срезанной, как молочный колосок, жизни сироты Маши Кукушкиной — красивой, скромной и трудолюбивой девушки, насильно увезенной из родного дома, затем брошенной на растерзание бандитской своре. «Замученная, истерзанная, до дна злодейски испитая» Маша вернулась в Ивановку перед самыми родами. И никто не знал «сколько бедняжке пережить пришлось и почему она своего первенца никогда на руки не брала, не целовала, лишь нежно, трогательно и любовно разговаривала с ним. Заразить боялась».

Весь рассказ пульсирует болью страдающей души и надрывается сердце, когда читаешь слова испуганного четырехлетнего мальчика, потерявшего маму:

— Не уходи от меня, мамочка... Я маленький... Как жить стану... Я боюсь...

Но Тамара Булевич не забывает сказать и о щедрых душой, совестливых и дружелюбных людях деревни, которые приняли «в большое ивановское семейство желанным сыном Вовку Кукушкина, внука уважаемых Кукушкиных», а не сына какого-то бандита Трахова.

В ярком, по-весеннему теплом рассказе «Подари медвежаток» нас встречает эвенкийская тайга: «Ее величие, вобравшее суровость древних причудливых скал, таинственность недоступных ущелий, вековой сумрак непроходимых распадков и

бесконечный перезвон мелких безымянных речушек, завораживало, обновляло, укрепляло душу, снимая с нее усталость от долгой северной зимы». А еще нас ждут два хорошеньких, играющих и урчащих от удовольствия, «как Муркины котятки», маленьких медвежонка и пятилетняя девочка Настенька, которая очень хочет стать им мамой...

В «Таежных былях» читатель познакомится с Сергеем Чащиным, эвенкийским охотником, ныне работником буровой. Сергей приезжает на дальнее таежное зимовье, которое они строили вместе с отцом, в канун годовщины гибели отца: «Погиб Василий Чащин, промысловый охотник, в тайге от злой руки человека, его браконьерской пули, а не от злого зверя, с которым прожил свой век бок о бок... Но в душе Сергея живет его повелительный голос предостережением, назиданием и вечным зовом творить добро». Отец был для Сергея «большим миром познаний и добра», примером «справедливости в охотничьих делах». Ведь нелегко найти золотую середину между неуместной жалостью к зверю, из-за которой можешь стать ему же кормом, и слепым кровавым желанием добыть как можно больше добычи, убивая без ума и разбора. Примером такого отношения к миру природы стал никак не забываемый, навсегда проклятый Сергеем день, когда он привез на глухариную охоту двух своих собригадников: «Вскинув ружья и войдя в раж, они устроили настоящую глухариную бойню. При этом ошалело восторгаясь и запихивая самых крупных самцов, окровавленных, убитых и раненых, в припасенные заранее кули...»

Как всегда точные, пикирующие в самое сердце слова автора взрываются сопереживающей болью за бездумное кровавое убийство прекрасной реликтовой птицы, «живущей на земле не одну сотню тысячелетий».

Зная и чувствуя окружающую природу, разумно поступая в случае опасности, Сергей спас от верной гибели двух молодых бурильщиков, заблудившихся в незнакомой и непознанной ими тайге. Ребята уже объявили погибшими и прекратили их поиски, и не было границ радости и счастья матерей, когда они, почерневшие от беды, увидели своих сыновей живыми...

«Таежные были» — еще один бесценный урок правды жизни.

Погрузившись в следующий рассказ Тамары Булевич, название которого подарило имя всей книге, «Тропой Любви», читатель, уже навсегда полюбивший подаренные ему автором таежные раздолья, стремительные сибирские реки, могучий царственный Енисей, красавицу Ангару, рыбную Тунгуску, неповторимые Саяны и трудолюбивый мужественный народ Сибири, откроет для себя много нового в описании жизни малых северных народностей, проживающих в древней Эвенкии.

Людмила, одна из героинь рассказа, происходит из уважаемого знатного рода эвенкийских оленеводов. Несмотря на запрет отца, на его решение выдать ее замуж только за родовитого соплеменника, Людмила убегает из богатого родительского чума с любимым, коренным сибиряком, потомком первых переселенцев-казаков, русским буровиком Дмитрием Амосовым.

Жар-птица Любви, поселившаяся в их сердцах, не дала разлучить Людмилу и Дмитрия ни родовым устоям, ни суровым запретам: «Но трепетно дрожащие, крепко переплетенные руки влюбленных никак не удавалось разъединить. Они то расслаблялись, то вновь сцеплялись намертво, давая себе возможность побыть рядом хоть на минуту дольше».

И счастливы они были вместе, и родились у них мальчишки-близнецы, безмерно любимые ими. Но при преждевременных родах третьего ребенка Людмила умирает. Недоношенный, измученный и обессиленный ребенок чудом уцелел: «Малыш то на мгновение проваливался в тревожный сон, вздрагивал, жалобно всхлипывал, затихал, то снова по-щенячьи взвизгивал, плакал, словно опротестовывал свое насильственное появление на белый свет без мамы...»

Дмитрий уволился с буровой, чтобы стать детям и мамой, и папой. Охотник, кузнец, он приучал сыновей к труду и тайге, и строго требовал соблюдать лесные заповеди: «Понапрасну — не губи!», «Беззащитным — не вреди!», «На дармовое — не жадничай!», на деле показывая, «как следует жить в таежном мире». Трогательны и вызывают добрую улыбку страницы, повествующие о спасенном Дмитрием маленьком лосенке Вальке, по нелепой случайности отбившемся от матери. Примером доброго ответа Природы на проявленные человеком заботу и помощь звучат строки воспоминания младшего сына о встрече на узкой лесной тропе выросшего под два метра ростом и весом около полтонны, лося Вальки и Дмитрия Амосова:

«Отец остановился в десяти шагах от могучего красавца. Протянув к нему руки, тихо позвал: «Валька! Валька». И тут же, вздыбив капюшными известняковую пыль, молодой лось ринулся к своему спасителю... Добродушно хоркал, сопел, хукал, как в лосячем детстве, осторожно прижимаясь к родному существу торсом. Потом подошел вплотную. Стал лизать лопастым, розовым языком старенькую фуфайку, лицо и руки отца... Отец дрожащими ладонями гладил доверчивую, тычущуюся в него Валькину морду, ласково трепал за длинные уши... Так вот они долго и близко общались, оба довольные и счастливые от неожиданной встречи, хорошо понимая друг друга и разговаривая на языке идущих от сердца звуков и телодвижений...»

И встает эта трогательная картина встречи перед глазами, и также хочется протянуть руку и погладить теплые длинные шелковистые лосиные уши.

Дмитрий погиб в тайге от шальной пули ненасытного браконьера-нелюдя.

Завершается книга дневниковыми записями «Вечный и молодой Байкал», которые позволят нам вместе с автором в компании известных всему миру людей, участников международного некоммерческого проекта NEO по защите и оздоровлению нашей планеты, отправиться в необыкновенное путешествие и посмотреть «кадры быстрого широкоформатного кино удивительного Прибайкалья»; с пристани, «где в огромной каменной чаше алмазными ожерельями волн нас приветствует, плещет Байкал», на пароме доплыть до острова Ольхон — жемчужины и сердца Байкала.

И увидеть проникающим в самую глубь пластов времени взглядом автора этот таинственный остров, который признан обиталищем грозных духов Байкала и сакральным центром северного шаманского мира, и разбить палаточный городок под звездным небом в урочище Узуры, и побывать в Бургузинском заповеднике...

В течении десяти долгих вечеров у смолистого дымка костров мы «делились самыми сокровенными мыслями, сопереживали проблемам родной матушки-Земли, слушали тревожные всплески-вздохи Байкала, опечаленного предчувствием вторжения золото-нефте-газодобытчиков и целлюлозно-бумажного комбината в его глубокие, чистые воды».

Верная своей тревоге за будущее нашей планеты, Тамара Булевич напоминает всем о многих бедах Земли от безжалостной человеческой деятельности и о том, что «живая природа острова давно кричит о защите».

Вот и закрыла я последнюю страницу книги, которую читала «скорее душой, чем глазами». Талантливым, «говорящим» пером Тамара Булевич открыла читателю волшебный мир сибирской природы, рассказала о жизни людей в этом суровом, но богатом дарами природы краю, и щедро поделилась всей многогранностью своего таланта, знаний и любви к этому миру. В добрый путь по страницам доброй, яркой, самобытной и очень своевременной книги!

Александр Хадарцев
(г. Тула)

ГРАНИ ТАЛАНТА*

Когда питерский профессор Анатолий Несмеянов переслал мне по почте в подарок книгу Юргиса Бредикиса «На грани», я решил было отложить ее прочтение, как говорится, «до лучших времен».

Ведь известность Бредикиса как основоположника электрокардиостимуляции в СССР и Восточной Европе, блестящего кардиохирурга, академика РАМН и академии Литвы, доктора медицинских наук, профессора, заслуженного деятеля науки, лауреата Государственной премии СССР и Литвы, премии им. Бакулева — не вызывает сомнений. Значима и его многополярная общественная и государственная деятельность, как члена различных международных организаций, министра здравоохранения Литвы, посла в Турции, Чехии, Венгрии.

Но вот его литературное творчество, ранее мне неведомое, хоть и стала открытием, но вызвало обычное в таких случаях ощущение чего-то не очень понятного. А не обычное ли это увлечение «писательством», настаигающее большинство врачей, которые хотят стать «инженерами человеческих душ», посвятив многие лета инженерии человеческих тел? И тогда я открыл книгу.

Издательством «Сантара» осуществлен перевод около трехсот страниц текста в 2011 г., через два года после выхода в свет литовского варианта. Это уже интересно! Творчеством литераторов из Литвы российский читатель не избалован. Кто же инициировал выпуск русскоязычного варианта книги? На второй странице, после нескольких строк краткого предисловия — подпись: Владимир Романов, владелец клуба «Жальгирис». Теперь все стало на свои места. Баскетбольный клуб, почти всех игроков которого наше поколение знало не понаслышке. Литовские баскетболисты играли и за сборную СССР, и за многие зарубежные клубы. Одно имя Арвидаса Сабониса, чемпиона олимпийских игр, мира и Европы — пример незабываемой баскетбольной легенды! Случилось так, что, не поспав часа 2—3, я прочитал книгу от переплета до переплета.

Судить о литературных достоинствах или недостатках того или иного произведения по переводным изданиям всегда трудно, поскольку языковые нюансы зачастую не переводимы. Пусть их оценкой занимаются литературные критики. Зато хронологическое изложение судьбы баскетболиста Зенаса Сякмокаса погружает читателя в особое состояние сопричастности к событиям и судьбам героев книги. Сложные вопросы вра-

---

* На грани / Юргис Бредикис.— Вильнюс: Santara, 2011.— 280 с.— (Kulturos zurnalo «Santara» biblioteka; kn. 202)

чебной этики и деонтологии, специальные медицинские и нравственные проблемы большого спорта,— преподносятся автором по бытовому просто и доступно.

Им описывается, казалось бы, стандартная биографическая череда времен: детство, отрочество, юность. Воспитание в детском доме, затем — школа. Первые победы и поражения. Противостояние Рыжему, драка с ним. Узнаваемы знакомые с детства ситуации, когда самоутверждение достигается преодолением. И не только обстоятельств, но и самого себя. Силовые тренировки с использованием куска рельса — развитие силы тела, посещение библиотеки — духовное совершенствование. Первые соревнования, перевес над Рыжим. Первая женщина. Первый тренер Лауринас, направлявший молодого спортсмена, прививший ему значимость сознательного отношения к спорту, приоритет «головы» над «телом». Поступление в техникум, интенсивные тренировки, здоровый образ жизни. Все это в восьмидесятих годах прошлого века. Начало занятий баскетболом. Формирование понятия коллективизма и персональной ответственности. Воспитание благородства на примере Альгирдаса Шоцикаса — знаменитого литовского боксера тяжеловеса. Через все главы прослеживающаяся конкуренция двух суперкоманд советского баскетбола: «Жальгириса» и ЦСКА. Череда имен: Сабонис, Куртинайтис, Йовайша, Паулаускас, представлявших Литву на европейском и мировом уровне. Женитьба на Дале и разрыв с ней. Постоянное стремление играть в «Жальгирисе» и осуществление этого желания. Поездки за рубеж. Учеба в Каунасском институте физкультуры. Девяностые годы. Отношение автора к самоопределению Литвы. Жизнь соседа Гянулиса (врача, интересующегося эффектом Кирлиана, другими видами лучевой диагностики, рентгенолога, работавшего в Чернобыле, во ВТЭК, ушедшего на пенсию по собственному желанию после того, как его подставили в корыстных целях сослуживцы). Рассуждения о роли допинга в спорте. Встреча с Сауле и Викторией Смильгите. Через Вику Смильгите раскрываются проблемы спортивной медицины, необходимости ранней диагностики и принятия управленческих решений (сгонка веса перед соревнованиями, смерти на кроссе, особо травматические виды спорта — лыжный фристайл, скейтбординг, бои без правил, бокс — посттравматическая энцефалопатия, на примере Мохаммеда Али). Возвращение Валентинаса — конкурента Зенаса за руку и сердце Вики, в конце концов порвавшей отношения с Валентинасом. Ответственность Вики, ее поездка в США для повышения квалификации. Значение реабилитации в спорте, применение адаптогенов, энергоинформационные подходы, биорезонансные воздействия — основа представлений Вики о необходимости предотвращения дискредитации большого спорта. Отрицание Зенасом рекомендованного Викой отказа от соревнований по состоянию здоровья. Падение его в результате кратковременной потери сознания из-за нарушения ритма сердца на баскетбольной площадке. Травма головы и позвоночника при падении с кровоизлияниями в спинной мозг. Операция на позвоночнике. Длительное лечение и реабилитация. Адаптация к обычной жизни без привычного тренировочного и соревновательного режима.

Наконец, занятия питербаскетом! Автор этого вида спорта, доступного для инвалидов и детей, пожилых и стариков — профессор Анатолий Несмеянов. Тот самый, который подарил мне эту книгу-исповедь, книгу-наставление — книгу надежды. Игра на 3 кольца, которые устанавливаются на любой высоте — не просто забава. Это серьезный вид спорта, несомненно, имеющий олимпийское будущее. Это не травматическая коллективная игра, не требующая чрезмерного финансового обеспечения. Это и паралимпийская надежда. Профессором Несмеяновым был предложен также айспитербаскет — игра на льду, возможно проведение соревнований на песке и пр. Не случайно Юргис Бредикис, как мудрый врач и психолог, посвятил много страниц этому виду спорта, который вернул к активной спортивной жизни главного героя книги — Зенаса. Девизом, целеустремленным в будущее, звучит последняя строка книги человекаведа Бредикиса: «Жизнь продолжается!»

ЗАВЕТЫ ТОЛСТОГО — ЗАВЕТЫ ХРИСТА

В прошедшем 2010 году во всем мире и прежде всего в России отмечалось столетие смерти великого русского писателя Льва Николаевича Толстого.

Среди множества публикаций надо отметить выпущенную в Туле книгу Сергея Норильского* «При свете Христа и Толстого. Размышления о прошлом, нынешнем и будущем человеке». Тула, «Гриф и К», 2010.

Хотя эта работа и не претендует на роль исследования творчества Толстого — философа и художника, в ней есть замечательные страницы, посвященные анализу некоторых художественных произведений, прежде всего драмы «И свет во тьме светит». Цель книги — попытка свести концы с концами в учении яснополянского проповедника о нравственном совершенствовании человека.

Все усилия философов и литературоведов по сей день не привели к ответу на многочисленные вопросы, стоящие на пути исследования творчества Льва Николаевича. Как сторонники, так и противники не привели убедительных доказательств реальной ценности учения, его жизненности в практическом применении.

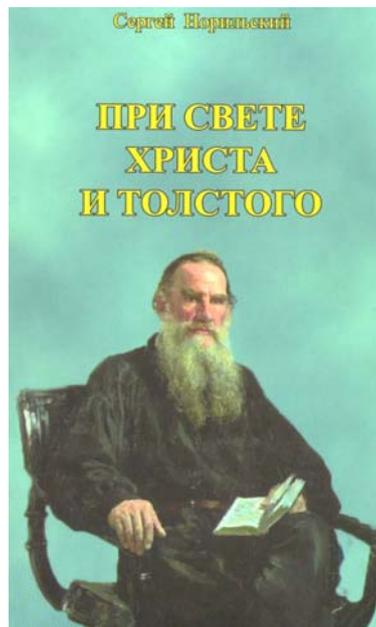
Вот уже полтора столетия кипят страсти вокруг того, возможно ли по Толстому устроить человеческую жизнь без насилия, только на принципах любви и согласия. Лев Николаевич был в этом абсолютно убежден и приложил все свои старания как философ и художник слова, чтобы убедить читателей своих книг.

Сложность вопроса в том, что практика жизни яростно противоречит принципам ненасилия и любви. В невозможности соединить заветы Толстого с реалиями жизни пытаются убедить человечество не только светские критики яснополянского учителя, но и верующие христиане, возглавляемые церковью.

Все, что происходило и происходит в мире за всю историю человечества, включая и две тысячи лет после Иисуса Христа, свидетельствует, что заветы его остаются если не утопией, то лишь идеалом, к которому можно стремиться, но достичь невозможно.

Церковь, правда, старается убедить своих сторонников, будто это вполне достижимо; но ее собственная история показывает: все усилия верующих христиан жить по заветам галилейского пророка не привели к коренным результатам.

Как убивали люди друг друга с самого своего зарождения, так и убивают по сей день. Как воевали народы между собой за земные богатства, территории и даже за про-

* Сергей Норильский (Сергей Львович Щеглов) — старейший журналист Тульской области (с 1959 г.). Член Союза Российских писателей. Дважды Лауреат Журналистской премии им. Глеба Успенского (1999 и 2003 г.г.), литературной премии Льва Толстого (2000 г.).

Награжден: Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР (1970 г.). Двумя Бронзовыми медалями ВДНХ СССР (№ 121, январь 1977 г. и № 64143, декабрь 1980 г.). Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 г.г.» (1991 г.) и другими.

Постоянный автор журналов «Московский Парнас» и «Приокские зори».

19 сентября 2011 года отметил свое славное девяностолетие.

поведуемые религии, так и воюют до сих пор. И все религии, включая христианскую, всегда поддерживали и поддерживают войны и оправдывают их заветами богов.

Так будет вечно, утверждают многие, это заложено в самом существе человека.

Автор книги «При свете Христа и Толстого» вложил свои размышления в уста трех собеседников: Пессимиста, Оптимиста и Скептика-оптимиста. Каждый из них приводит доводы в защиту своих взглядов.

Пессимист утверждает, что мировое зло неискоренимо, заложено в природе человека, как самого жестокого из животных, и все рассуждения о том, что надо стремиться жить по законам любви и ненасилия, есть ханжество бесполезная ширма, целенаправленная ложь, за которой творятся любые преступления и жестокости.

Пессимисту возражает Оптимист, убежденный в справедливости и достижимости заветов Христа и Толстого, возможности перестроить человеческие отношения в соответствии с ними.

Третий собеседник, Скептик-Оптимист, считает убеждения оппонентов крайностями и призывает действовать, учитывая реалии жизни, но неуклонно придерживаясь заветов Христа и Толстого. Он готов даже скорректировать некоторые моменты в учении, исключить то, что недостижимо или явилось искажением заповедей Христа учениками и последователями. (Толстой, как известно, доказывал, что главным искажителем истинного учения Христа был апостол Павел, привнесший в учение галилейского проповедника несвойственные ему жесткость и догматизм).

Скептик-Оптимист стоит за дальнейшее развитие учения Христа на основе научных принципов, соединяет науку и веру, призывая следовать науке, как движущей силе развития человечества и нравственного совершенствования человека.

Таково содержание главной части «Между тьмой и светом».

Сопоставление доводов всех трех собеседников позволяет автору книги в какой-то мере приблизиться к истине. Но, опять-таки, он не убежден, что истина достижима.

Этому посвящены два последующих раздела, которые называются: «В поисках утраченного согласия» и «Безумцы и здравомыслящие или Сколько на свете правд?»

Неизменной остается убежденность автора в том, что путь нравственного совершенствования людей единственный, способный перестроить человеческие отношения на планете Земля.

Автор уверен, что так и будет несмотря ни на какие отклонения. Человечество идет по этому пути. Разум, заложенный в природе человека, является главным и мощным светочем движения от дикости к истинно-человеческому периоду истории. Иначе — прав Пессимист — участь библейских Содома и Гоморры: вырождение и гибель...

Сергей Норильский (Сергей Львович Щеглов)

Литература:

1. *Айхенвальд Ю. И.* Лев Толстой.— М. 1920 год.
2. *Леонов Л. М.* Слово о Толстом.— Речь, произнесенная 19 ноября 1960 г. в Большом театре СССР на торжественном заседании, посвященном 50-летию со дня смерти Толстого.
3. *Мейлах Б. С.* Уход и смерть Льва Толстого. Изд. 2-е. М.: Худож. лит., 1979 г. 384 с.
4. *Окуджава Б. Ш.* Похождение Шипова, или Старинный водевиль. Истинное происшествие. М.: Дружба народов, 1992 г. 224 с.
5. *Басинский П.* Лев Толстой. Бегство из рая. М.: 2010 г.
6. «Толстовский выпуск» журнала «Приокские зори» (№ 4, 2010 г.).

Марина Баланюк
(г. Тула)

Татьяна Афанасьева
(г. Тула)

ПО СТОПАМ ГЛЕБА УСПЕНСКОГО

Писать художественные произведения Олег Каширин начал давно, сочетая основную работу и литературное творчество. Первая публикация — повесть «Обреченная миссия» в сборнике «Тревожные будни» (1985 г.). Роман «Последний рейс Дракона» вышел в 1992 году.

Бегство белогвардейцев из Новороссийска, голод двадцатых, жестокий промысел на дельфинов, война, гибель линкора «Новороссийск», экспедиция к берегам Индии в советское время — череда масштабных исторических событий предстает перед читателем с первых строк романа.

Талант художника слова виден сразу. Вместе с героями окунаешься в художественную реальность, основанную на знании истории, действительных событий. И, что особенно важно, судьбы героев в историческом контексте не искажены какими-либо субъективными пристрастиями автора. Он ведет «выверенный курс» на максимальную достоверность повествования. И хотя автор назвал свое произведение романом, этот роман очень похож на повесть и даже документальную — в нем изобилуют конкретные исторические факты, а герои отнюдь не романтики по своей натуре. Они живут в суровой реальности довоенного и военного времени, и чувствуется, что эпизоды их жизни списаны с простых, не титульных героев советской эпохи. Этот первый роман автора был замечен маститыми российскими писателями, и О. Каширин решением Правления Союза писателей России был принят в его члены в 1998 году.

Переходя от одного эпизода повествования к другому в массе подробностей подчас не видно душевного состояния героев, их чувств и переживаний. По образованию О. С. Каширин историк. Основательное знание истории и желание достичь максимальной достоверности в романе-повести, наверное, и привели к некоторому переходу в сторону изложения массы исторических событий в ущерб развитию характеров героев. Но не будем забывать, что это был первый роман автора, общая высокая эрудиция которого не вызывает сомнений.

И даже, возможно, именно эти приключения героев с первых и до последних страниц произведения захватывают читателя и не отпускают до последней точки автора, составляют особую изюминку романа. Этот роман-повесть — образец добротного произведения эпохи соцреализма, так упорно оплевываемого нынешними «маститыми» бытописателями криминала и порнографии. На повестях и романах, подобных «Последнему рейсу Дракона», можно учить подрастающее поколение неискаженной истории нашего государства, потому что прочитав такой небольшой по объему роман, узнаешь очень многое из истории нашей страны описываемого периода.

И возникает странное чувство ностальгии по простым хорошим людям, которые, несмотря на тяжелые испытания (войны, разруху, репрессии), жили чувством коллективизма, веры в светлое справедливое будущее страны, боролись против бюрократизма, личного произвола и самодурства, были верны стране и народу.

Как же так получилось, что на смену тем поколениям в основной массе несильно грамотных людей пришла молодежь 90-х и начала 21 века? Вопрос этот назревает сам по себе, хотя автор вроде бы и не ставит его в открытую. Многое осталось недосказанным с последней точкой писателя. За первым романом последовали сборник прозы «Не забывайте Герострата» и повесть «КГБ как КГБ», отмеченная дипломом конкурса ФСБ России за 2007 год. И вновь это повесть основана на реальных событиях, вплетенных в вымышленную нить повествования.

Напрашивается вопрос: почему мы вспомнили о первом романе автора, когда за его плечами много других интересных произведений? Как матери дорого ее дитя, так и писателю, конечно, особенно дорого первое произведение, рожденное в муках творчества, на базе богатейшего исторического материала и биографии своих родственников, моряков Новороссийска. Продолжением романа стала повесть «На траверзе мыса Дооб», составившая вместе с «Последним рейсом Дракона» диологию со звучным названием «Черноморский реквием». Боцман Плащов и капитан Ильин — главные действующие лица, перешедшие из романа в повесть, характеры их выписаны в повести более рельефно, как будто сама жизнь их «отточила».

И хотя ранее отмечалось, что в романе автор уходит от прямых политических оценок исторических событий, одно только название дилогии говорит о том, что творится в душе писателя, когда он прикасается к описанию признаков нашей общей беды — развалу великой державы, сопровождавшемуся техногенными катастрофами и политическими просчетами руководства страны. В повести автор смело дает оценки всем «перестройщикам» истории нашего государства. И в этом качестве О. С. Каширин является одним из немногих среди тульских писателей, идущих по пути тульского классика 19 века Глеба Успенского.

«Быстро, очень быстро все забудут Брежнева, Горбачева, Ельцина... Пружинная сжатость нашего бытия уже это подтверждает, и выбросила временщиков на полагающееся им место в истории. В памяти остаются настоящие человеческие характеры» (О. Каширин). Таково мнение автора, и он свободен в своей исторической оценке — в том и прелесть свободы художника слова. Но, к сожалению, невзирая на преследующие нашу страну трагедии, одну за одной на коротком историческом отрезке, никак не меняется курс «перестройки», заданный еще «Горби», — максимально уничтожить все русское, самобытное, развалить собственную промышленность страны, заменив ее «филиалами по сборке» иностранных компаний. А народ молчит, «заснув» на обочине истории.

Что тому стало основной причиной? Почему политику государства все больше определяют люди, чьи пламенные патриотические речи никак не совпадают с их реальными действиями по тотальной распродаже предприятий и недр страны?

Описанный в дилогии случай 1930 года с реализацией капитаном Ильиным продуктов полуголодным людям в Архангельске и последовавшее за ним дело «О расхищении соц. собственности» своим прототипом имел, безусловно, реальную основу. Это началось давно: давление бюрократии и хапуг «сверху» и беззащитность простых людей. Да, это было в эпоху «сталинизма», но разве этого не было при царях, разве не писали об истинных нравах общества великие русские писатели? Ныне прославляют 1913 год, когда Россия собрала рекордный урожай зерна и продавала его за границу, но разве были сыты тогда русские крестьяне?

Среди нынешних «историографов» почти нет честных людей, неискаженно трактующих исторические факты. Сильной стороной таланта О. Каширина, как уже говорилось выше, является доскональное знание истории страны, да и в целом мировой истории, и честное изложение фактов. С интересом прочтут дилогию «Черноморский реквием» и взрослые, и подростки, любой найдет для себя что-то, что его особенно заинтересует.

Лейтмотивом дилогии стало пробуждение человеческой совести в критической ситуации. Неслучайно у автора в душе живой нитью во второй части дилогии соединились две катастрофы: гибель линкора «Новороссийск» и пассажирского парохода «Адмирал Нахимов» в бухте Новороссийска. Из основанного на свидетельствах очевидцев описания поведения спасательных команд в двух случаях прослеживается человеческая деградация вроде бы благополучных 80-х годов, вылившаяся в тотальную катастрофу российской нравственности начала 21 века.

«...Капитан порта срочно просил соединить его с Москвой, чтобы доложить об аварии по инстанции, а некая телефонистка ответила хамством и грубостью... А таксист, отказавшийся в ту ночь доставить начальника Новороссийской службы спасения к месту службы... А гаишник? Остановил транспорт, спешивший со специалистами, прибывшими в Анапу на ликвидацию последствий аварии, и родственниками погибших...» (О. Каширин). Поведение помощника капитана «Адмирала Нахимова» Просвирина как будто списано с блокбастеров последующих лет, но это, к сожалению, невыдуманный рассказ: «герой», спасая свою жизнь и деньги, перемахнул через борт парохода, крикнув при этом бортпроводницам: «Делайте, что хотите!», а потом кочевал по больницам, скрываясь от следователей (наверное, откупался — Т. А.). Такого поведения в 50—60-гг. в стране Советов просто не могло быть. Последовало бы самое жесткое наказание.

Мы удивляемся: откуда берутся подлость, предательство, взяточничество? Да они всегда есть в человеческой натуре, но только определенный общественный строй, жесткое соблюдение законов сдерживают их проявление. Только главенствующая в обществе мораль нацеливает большинство на общее благо, на совместное построение будущего страны.

Скупое и вроде бы бесстрастное изложение трагического столкновения парохода «Адмирал Нахимов» и сухогруза «Петр Васев» захватывает с первых строк. Удивительно, но то, чего вроде бы не хватало в первой части дилогии — яркости характеров героев, их душевных переживаний, как будто и не требуется. «Впереди заревом светился Новороссийск. Пароход терялся в этих огнях. Зубюк его обнаружил, когда в 23-00 вышел на левое крыло, чтобы снять пеленг на Дообский маяк. Суда разделяли всего 4 мили, но капитан невозмутимо продолжал покручивать ручки настройки прибора расхождения судов... С парохода запросили: застопорили ли на «Васеве» машину? Через 2 минуты в машинное отделение последовала запоздалая команда «средний задний» и сразу же «задний полный»... К ним (сухогрузу), приближалось судно с сотнями огней. Доносилась музыка, люди танцевали, гуляли по палубам. Они с любопытством смотрели на приближающийся к ним балкер, затем их лица застыли в недоумении, и затем ужас охватил их...»

Сама ситуация характеризует участников событий. Катастрофа, разлад произошли ранее, «в головах» участников событий, да и всего общества. События описаны минимальным количеством эпитетов, да иного и не требуется. Талант писателя выкристаллизовался. В первой части дилогии он явно в стороне от событий, не чувствуешь его присутствия, а во второй части сострадающая душа автора присутствует в каждом эпизоде, несколько об этом не заявляя.

Хочется пожелать О. С. Каширину не останавливаться на достигнутом и творить... творить. Он может еще много преподнести тульскому читателю невыдуманных историй, поучительных в нравственном и историческом контекстах, недаром он ученик Глеба Паншина.

Много было несправедливости в годы Советской власти: бюрократизма, ханжества, лицемерия. Но основные принципы оставались незыблемыми: равенство людей, обеспечение права на труд, отдых, пенсию, жилище, бесплатное лечение и образование. А что осталось на сегодня от этих завоеванных в кровавой борьбе прав?

Вот на такие бури эмоций настраивает не слишком толстая по объему, но масштабная по событиям диалогия О. С. Каширина. «Лживая трескотня с трибун («брежневского периода» — Т. А.) порождала в народе равнодушие и неверие в справедливость» — так описывает Каширин состояние общества конца 70-х — начала 80-х гг. А если посмотреть на сегодняшние дни? Неужели стало больше правды в речах политиков, а народ «проснулся» от спячки?

Много ли на земле тульской на сегодня таких писателей, как О. С. Каширин, искренне болеющего всеми бедами нашего народа? Во всяком случае, он один из немногих, кто последовательно идет по стопам классика 19 века, писателя и публициста Глеба Успенского.

БОЛЬ ЗА ВСЕ И ЛЮБОВЬ НЕРАЗДЕЛИМЫ

В отличие от множества наводнивших полки книжных магазинов и библиотек гламурных романов, «мыльных» книго-сериалов, бесконечных детективов и «дамских» — и по содержанию, и по размеру, так как удобно помещаются в сумочку — повествований, оторванных от реальности фантазий и упрятанных под цветастую завлекающую обложку переплетений ужаса, насилия, крови, порнографии и пошлости (этот список можно продолжать и продолжать) роман известного русского писателя Алексея Яшина «Сны и явь полковника Хмурова» представляет широкий и глубокий срез современной жизни, выражаясь техническим языком, наилучшим образом выбранное сечение, дающее емкое представление о яви некоего города Тулуповска. Удачно выбранная форма романа, где события, происходящие в реальности сменяются снами (ведь сны — это отражения той же реальности) позволяет автору через своих главных героев, являющихся в сумме его альтер-эго, выразить как сознательное, так и подсознательное отношение ко многим вопросам и явлениям. И это очень важно, так как среди литературного «болота» должны же быть хотя бы небольшие участки твердой почвы — произведения, созданные в духе нового русского критического реализма, основной целью которого является очеловечивание человека и его деятельности в условиях все продолжающегося жесткого и жестокого глобализма. Вот такой твердой почвой и является предлагаемый читателю роман А. А. Яшина.

Подзаголовок романа — «Педагогическая поэма в 3-х частях» — говорит не только о том, что книга повествует о работе педагогов, а конкретно о работе и быте профессорско-преподавательского состава провинциального университета, представителем которого является автор, сам дважды доктор наук и профессор, но и о педагогическом воздействии правды на сознание читателя, ибо что сильнее и лучше правды может на что-то повлиять и что-то изменить. Зеркало можно выбросить или разбить, но от этого внешность лучше не станет. Зеркало можно выбросить или разбить, но от этого внешность лучше не станет. И еще, почему педагогическая? Главные герои, оставаясь людьми со всеми их большими и малыми недостатками, научают главному — необходимости глубокой порядочности, честности, профессионализма, любви к людям, к своим родным местам, начиная со двора, с улицы; любви к неотъемлемым корням жизни и человеческого существа — родителям, своему роду; научают любви к России и патриотизму и святой боли (боль и любовь очень взаимосвязаны) за все большие и малые неустроенности, недостатки и несправедливости нашей современной жизни.

Много страниц романа посвящено положению дел в образовании города Тулуповска. Так называемый «болонский процесс» и многие другие «новшества» превратили некогда лучшее образование непонятно во что. Хорошее не должно становиться хуже, всякие изменения должны вести только к улучшению. А на деле двухуровневое образование «Николай Андреевич с морской прямокой определял это так: «Первый уровень не дотягивает до советского техникума, а второй — вытягивает деньги у родителей студентов». И это в то время, когда в старом образовании были полностью реализованы два права — право преподавать и право получать знания. И какая тяга была к получению именно знаний! Вот и хочется вместе с автором снова сказать — хорошее должно становиться лучше, а не хуже!

Поэтому герои — преподаватели университета внутренне беззлобно и с юмором ополчаются на этот непонятный им «болонский процесс», что и аккумулируется во снах полковника Хмурова. Следует особо отметить этот замечательный ход автора, когда в жанре сна добровольческая армия Тулуповского университета идет походом против защитников Болонского университета, самих одурманенных этим «процессом», в том числе и ради спасения их самих.

Но не только «болонский процесс» разрушает образование. Это делают и сами

тулуповцы, выбирая жизненные приоритеты, цели, ориентацию своего жизненного движения. Из этого складывается общественное отношение к образованию и, соответственно, деятельность властимущих в этой области. Что еще может лучше характеризовать последнее, чем зарплаты профессоров и доцентов, преподавателей и учителей в школах, которые не превышают, а иногда и меньше зарплат дворников и кондукторов на транспорте.

«Зачем профессорам и доцентам за зарплату — пособие по безработице из кожи вон лезть, вдалбливая в малоспособные головы тонкости наук? Все одно в стране инженеры никому не нужны... — говорит доцент-патриот с медико-физкультурного Язвишин.— ...Сам понимаешь, на наши технические и все прочие специальности большинство ребят идет от армии косить, а девок родители пристраивают: чтобы в проститутки-содержанки с юности не подались, а диплом получают — уже поздно: некондиция, перестарки!.. И далее и те, и другие думают, как бы после окончания вуза устроиться в самое зашибительное по деньгам место...» Об этом же и сон, где наилучшим образом проявляются желания студента-медика Димки — как можно меньше лечить и как можно больше зарабатывать, то есть брать за «лечение», а будет ли оно, это самое лечение, и не важно, главное, брать... Апофеозом сна явилось исцеление нефтяного эмира одним прикосновением руки (и никаких знаний!) и получение за это чека с большим количеством нулей. Да вот незадача, налетел ветер, и улетел этот чек из рук незадачливого «миллионера» (конечно, долларового!). Сон этот приснился Димке на лекции, поэтому сокурсники могли лицезреть его, «съехавшего со скамьи, засунувшего голову под крышку парты и что-то суетливо ловившего на полу, прихлопывая обеими ладонями...»

Что ищет большинство нынешних молодых людей в вузах? — Будущие деньги, деньги и только деньги (и если мало — не брать!) — спрашивает и отвечает автор. И, памятуя о том, что на одного работающего в нашей стране — один торгаш, он прав.

В этом же плане очень характерен отрывок из диалога внучки с бабушкой, закончившей в прошлом ракетостроительный факультет с красным дипломом, когда на ее вопрос: «И чему вас там учат?..» внучка отвечает: «Не знаю, бабуля, еще не поняла. Но разве в этом смысл жизни современной? Мне надо фигуру совершенствовать, приискивать мужа-миллионера, а за диплом папаша, твой сынок, заплатит из доходов своего бизнеса». «Да, Дашенька, меняются времена. А вот и папа твой к обеду пришел. То-то подгнившими бананами запахло...»

И еще из одного сна — «...Главное, чтобы не торопился с официальной женитьбой, а то молодуха мигом доведет его до торговли бананами!»

Но есть, есть еще у нас настоящее юношество, есть, хоть и малочисленное, утверждает в романе автор, «что искренне жаждет приобретения знаний...», несмотря на «препятствия на пути: профессора, от низкого жалованья неаккуратно, с отвращением бормочущие свои докуки-лекции; вузовская администрация, видящая в студентах не людей, но только источник внебюджетного финансирования; полное отсутствие перспектив применения полученных знаний после окончания обучения, на заразу болонского процесса с его ущербным бакалавриатом, никому не нужной магистратурой, на балльное крохоборство...»

И в ответ на это (видимо, во сне было найдено удачное решение) снится полковнику Хмурову следующий сон — где герои антиболонского похода серьезно обсуждают сдачу противнику в плен, чтобы их потом обменяли на министра обрнауки. «Мы с тобой возвратимся в свой Тулуповск, а министра, как выдающегося реформатора, ставят ректором Болонского университета». Ибо, как говорит полковник Хмуров в своем следующем сне, выступая перед антиболонской армией добровольцев: «...Их задача — добить наше образование и науку, оставить только подготовку юристов, бухгалтеров и содержателей публичных домов. Нас становиться все меньше и

меньше, но пока мы чувствуем спины друг друга, сплотившись и ощерившись нашим оружием — знаниями, мы не покинем тонущий корабль науки и образования, хотя бы даже нижние чины этого корабля, то есть современные студенты, ленивы и нелюбопытны, а также изрядно наглы и хамоваты...»

Есть момент, который тоже не способствует улучшению положения вещей. В вузах число административных работников уже превышает профессорско-преподавательский состав. И все бы ничего, да на деле получается, что чем их больше, тем все становится бестолковее в Тулуповске. Завкафедрой Дьяконова раздражают показушные конкурсы, сборники, энциклопедии и так далее, все то, что отрывает преподавателей от учебного процесса, являясь по сути лишь прикрытием для «рубки бюджетной капюты» или возможности частным издательским лавочкам заработать с соответствующим «откатом». И самое главное, все вышеперечисленное ведет только к одному — к неуклонному снижению качества образования при том, что зарплаты административных работников в разы больше, чем у профессоров.

Алексее Яшину свойственен юмор. Да и как без умного юмора относиться ко многим тулуповским явлениям. Таким, как, например, прямая пропорциональность количества выпускаемых университетом юристов количеству преступников и обратная пропорциональность количества выпускаемых экономистов уровню экономического развития. Как верно подмечено: «Ребята вполне серьезно обсуждали: куда идти работать после окончания университета — в адвокатуру или в милицию? Вполне здраво рассуждали, явно не по юным годам; у адвокатов, конечно, доход большой и, главное, легальный, но надо много головой работать, выискивая лазейки для оправдания убийц и знатных воров. А голова — она не лошадиная, ее беречь надо. А вот в милиции доход тоже не меньший, зато утруждать себя работой не нужно. Но можно попасть в число стрелочников в месячник борьбы с коррупцией...» Мы видим глубоко меркантильное мышление наряду со слишком свободными современными отношениями.

Автор отмечает также, что тулуповская университетская жизнь не «отличается в части мытарств... с бедственным обиванием «высоких» порогов и парадных подъездов капитаном Копейкиным», героем поэмы Н. Гоголя «Мертвые души».

Хочется обратить внимание на доскональное знание города и его районов, особенно тех, где жил и работал, живет и работает Николай Андреянович, начиная с возраста, когда его еще звали Николка; на любовь к родным местам. Это тоже подтверждение равнодушия и неотстраненности, что свойственно схоластическому мышлению многих «делателей», а, наоборот, сродненности, укорененности и отсюда боль от всего недоброго, неправдивого, недостойного и несправедливого и, наоборот, радости за все хорошее.

Сюда можно отнести, назовем так, поэму «зеленки» — места с травяным покровом, обсаженного деревьями, где было и небольшое поле для футбола и волейбольная и баскетбольная площадки, и агитплощадки с десятком скамеек и со сценой, на которой проводились концерты по праздникам, с которого звучали стихи молодых поэтов литобъединения из ДК, и выступал лектор общества «Знание», и политинформатор. Это было местом общения жителей района, где протекала своя особая в разные часы суток жизнь, в которой объединяющими были соседские: взаимный интерес, сочувствие, взаимопомощь, да и просто общение. То есть всего того, чего так не хватает в современной жизни, когда зачастую и соседи по лестничной площадке не здороваются друг с другом. Это было и местом проявления различных индивидуальностей, как неотъемлемой части общезития (ведь и сама «зеленка» была по сути такой частью общего жития). Это и разновозрастная детвора, и Томка с Вовкой, как и всякие друзья детства, запомнившиеся на всю жизнь. И участковый Пал Никитич, и

штатный дворник и пьяница — несмотря на то, ответственный по своей внутренней установке за все, происходящее на «зеленке», — Трофим, и по ошибке отсидевший срок Витька Манохин, и студент Серега Варфоломеев. Здесь и бабы-соседки, и студентки со старшими школьницами, с увлечением читающие свежие номера «Юности» и стихи Е. Евтушенко и А. Вознесенского, и работяги-мужики с металлургического, и учитель на пенсии Григорий Кузьмич, и даже умный пес Верный. Все эти образы настолько хорошо быстрыми и точными литературными мазками выписаны А. Яшиным, что надолго запомнятся читателям и будут неизменно рождать в них и свои собственные воспоминания.

«Где же ты теперь, зеленка?» — слышится ностальгический вопрос между строк романа. И в ответ: «...Нет теперь такой. Еще в середине девяностых косолученский авторитет Федька Ржанный, ныне предприниматель и депутат... Федор Андреевич Ржанов, отчуждил зеленку от коммунхоза, обнес по периметру трехметровым кирпичным забором, а за забором поставил трехэтажный особняк, рядом гаражи на три машины, а на оставшейся территории разбил сад с аллеями, фонтан с летним открытым бассейном. Плакала наша зеленка».

А что же теперь в Тулуповске вместо «зеленок» там, где они не были «прихвачены»? Теперь на их месте — помойки. Помойки и становятся местами общения жителей квартала. И мы читаем в романе антипоэму «Помойка». У помойки близ дома Николая Андреевича выведены наружу трубы теплотрассы. Теплые трубы привлекают школьников и уличных котов, тут же и недолгие выгулы собак и собачек всех пород, попеременно справляющих свою нужду. Здесь же сидят муниципальные рабочие в оранжевых жилетах — гастарбайтеры из Средней Азии и местные, частенько равнодушные к «зеленому змию». Недалеко живет Зинка, окормляющая пьющий народ разбавленным дешевым спиртом. Помойка является местом встреч, а то и знакомств, во время выноса мусора. А вот и Нелька с Наташкой — «двадцатипятилетние честные содержанки», проживающие в соседних домах, которые после рабочей ночи «созвонились и вышли подышать свежим воздухом: на народ посмотреть и себя показать».

Но вот происходит нечто интересное возле контейнера, что привлекает внимание всех: «бомжи — двое мужиков и баба — что-то нашли, из-за чего слегка разозлились». Тут же ведут дискусию и два пенсионера — оба отставные инженеры: один — сталинист, другой вроде как либерал. «Иногда соглашаются, но бывает и слегка переругиваются». Кот Баюн слушает, «набирается ума-разума в человеческих делах».

«А влево от помойки на толстой магистральной трубе... расселись отучившиеся на сегодня школьники и школьницы... Школьники... курят, пьют пепси-колу, а кто и пиво, матерятся. Школьницы же во все глаза наблюдают за Нелькой и Наташкой, профессия которых им хорошо известна — в одном квартале живут. Учатся впрок их манерам. Пригодится...»

Николай Андреевич всю свою жизнь до перехода на преподавательскую работу, как и сам Алексей Яшин, работал на оборону страны. Он знает все досконально по работе на оборонном НПО. И автор об этом периоде жизни своего героя повествует подробно и с любовью, как можно говорить лишь о родной семье, о доме. «...Приходили сюда молодыми специалистами, выпускниками военно-технического факультета, а прощались со вторым, может, и первым домом, уже далеко за пенсионным возрастом». С такой же любовью автор говорит и о кузнице оборонных кадров не только города, но и страны. «Все друг друга знают по студенческим годам в 1-м корпусе — солидном «сталинском здании с дорическими колоннами и массивным фронтоном». В его словах звучит и гордость за свой труд, за «изделия», которые идут на параде на Красной площади. И неизбежная боль за то, что вот уже «почти два-

дцать лет с грехом пополам прежние, советских времен разработки» все пытаются довести до серийного производства, но почти ничего не получается. А причины — кадры, которые, как известно, решают все, и которых «в нашем «лесу» кот наплакал...» Ведь молодые в массовом порядке после окончания факультета уходят либо в торговлю, либо в офисные работники. На этом фоне патриоты — герои романа как удар восприняли закрытие Тулуповского артиллерийского института. И как иначе они могли воспринять это действие по отношению к старейшему оборонному вузу?

«У России два союзника: армия и флот» — говорили мудрые люди. Но до недавнего времени обороне уделялось недостаточно внимание. Это отразилось и в следующем: на ракетостроительный факультет (!) конкурса при поступлении почти что и нет. Вот и приходится «брать всякую шелупонь, что в другие места по своим ничтожным баллам не проходят...» Нет мотивации идти на эти специальности — «денег не поимеешь... и непрестижно» (?!).

«Сны и явь полковника Хмурова» — роман, впрочем, как и все творчество А. А. Яшина, патриотический, пронизанный любовью к народу и Отечеству. А что является основой такой любви, как не слово, вера и семья? Поэтому Николай Андреевич и ополчается против засилия иноземных слов: бизнесмен, менеджмент, олигарх, франчайзинг, сити-менеджер и прочих. Как будто в великом гармоничном вселенском русском языке нет своих соответствующих слов? Да и о чем мы говорим? — так и слышится вопрос автора. У них ведь и память-то компьютерная на отдельные слова и слоганы, птичий, компьютерный и матершинный язык.

Слово всесильно, а еще сильнее воздействие на подсознание образов и иных невербальных приемов, чем избылуют многие телевизионные программы, рождая веру в «золотого тельца», в «счастье» (а вернее в скотство бесконечного потребления), разрушая семью. «Что поделаешь, телеящик, прикажи ему, кто имеет на это право, все население не то что страны, но и всего мира в зомби превратит! Против лома, то есть телевизионного психотронного оружия, нет приема», — думает Николай Андреевич. — «... Может крестом себя осенить?..»

Кстати, Алексей Яшин очень точно подметил одно на первый взгляд странное явление — особый девичий язык. «Нет, даже не своеобразная фонетика речи, скорее что-то похожее на акцент... То есть все девицы, начиная со среднечасного и где-то лет до двадцати пяти — двадцати шести, причем по всей стране... говорят как-то не так, не совсем с русским прононсом. Очень похожее на речь грамотно изучивших наш язык иностранцев, точнее американцев. Во-первых, создается впечатление, что во рту у них перекачивается горячая картофелина; во-вторых, говорят очень бойко, почти скороговоркой, но вовсе безэмоционально, зато, опять же, не по-русски, в конце произнесенной на едином дыхании фразы делается вопросительно-восклицательное ударение... Откуда все это в них? От кого пошло-приехало?.. Ведь парни... ничего, по-русски говорят?.. Но почему девицы разговаривают с акцентом?» Интересное явление, отметим вслед за автором, есть над чем подумать, особенно если учесть, что возраст таких девушек — это возраст влюблений и далее ухаживаний, и далее выхода замуж, то есть возраст, как в народе говорят, «охмурения» ребят и молодых людей. А потом этот говор исчезает, как правило.

Большое внимание и, как мы увидим чуть позже, не зря автор уделяет виртуализации социума. «Этот чертов компьютер и суточные «сидения» в Интернете, при всей их полезности, конечно, страшное дело с человеком делают, — жалуется Эдик-аспирант, — начинаешь ощущать себя вроде как одиночкой, ото всего изолированной единицей. Среди людей, событий и предметов живешь, но все это, даже в каком-то смысле отец с матерью и сестра, бабуля тож, кажутся... некими посторонними. По-

рой до дикости в мыслях доходит: думаю, вот дотронусь пальцем до кого-нибудь, а палец пройдет через них».

И самое страшное то, что это чувство одиночки, то есть, я и виртуальный мир (а значит, я — бог) ведет ни к чему другому, как ко вседозволенности и к чувству безнаказанности. И автор рисует нам, к чему это может привести в исторической перспективе, рисует через сон полковника Хмурова о ноосферном будущем Земли.

Жестокий глобализм, как автоматическая мясорубка, с хрустом и безостановочно перемалывающий и традиции, и культурные ценности, и саму личность-одиночку в угоду единственной идее-фикс — целесообразности, может повлечь за собой только одно — царство иерархии машин, где роль человека сведена к комедийному присутствию на Земле специально разводимых как раритетные животные представителей исчезнувшего вида — сотни людей, якобы правителей. Что еще более подчеркивает сугубо машинную суть цивилизации. В царстве такого разума нет и не может быть места человеку, его душе, его горячо бьющемуся, болящему за все и любящему сердцу. Потому полковник, хотя и во сне, «вмиг протрезвевший вскочил с диванчика, чувствуя: сейчас либо сойдет с ума, либо... жаль пистолетов на этой планете давно нет в обиходе! Впервые в жизни brave полковник зарыдал...»

Такое будущее не нравится и автору, все творчество которого говорит о необходимости очеловечивания всех процессов, происходящих вокруг, и одухотворения самого человека и его жизни; о необходимости изменения состояния вещей и в СМИ, где все подчинено рекламе и потребительскому духу, и в образовании с его обезьянничанием «с американского»; и в армии, которая является зеркальным отражением всего общества; и в научной и околонаучной среде, где «академиков» уже стало больше, чем самих ученых.

Будучи по происхождению из рода староверов и некрещеный автор, тем не менее, говоря устами доцента-патриота Язвишина, считает, что именно враги Православия «проводят линию на огосударствление церкви... приравнивание ее руководства к самым высшим гражданским чиновникам...» И все это для того, «чтобы по религиозной линии столкнуть русское и мусульманское населения». И еще такая характерная деталь, автор романа не понимает, как можно допускать полупьяных матерящихся строителей до такого святого дела, как возведение здания храма. И все это в студенческом городке на глазах и на слуху у молодежи.

Алексей Яшин не приемлет и показную религиозность «до мозга костей» (по образу мыслей и жизни) атеистичных чиновников. Он обращает наше внимание также и на пустоту храмов. Да как же иначе может быть, если божком современных людей стал телевизор с его бесконечными сериалами, телешоу и передачами о том, как украть миллион, а у молодежи — «комп», Интернет и доллар.

Возмущаемся вместе с автором и глобальной толерантностью. Какая может быть толерантность, когда кругом засилие потребительства, идолопоклонства, блуда, порнографии, наркомании, алкоголизма, лжеценностей, россиефобства, пофигизма, бесхозяйственности и пр., и пр.?!

Вот, в частности, в окрестностях Тулуповска — красивые сельские виды: «Ни тракторов грохочущих с комбайнами, бывшие поля превратились в ромашковые луга... Картохи для едова сельчане накопают в своем огороде, а в городские овощные лавки ее завозят из Италии и Белоруссии...»

На страницах романа, что свойственно Алексею Яшину, мы находим любовно написанные образы людей, близких его сердцу. Это Николай Андреевич и его коллеги по кафедре доценты Яцышен и полковник Хмуров, доцент-патриот с медико-

физкультурного Язвшин, и заведующий кафедрой Дьяконов, и аспирант Эдька, и секретарь кафедры Марина Евгеньевна... Но есть еще образы, которые выписаны автором с особой привязанностью. Это простые люди — старший лаборант Прокофьяч и курьерша Вера Тимофеевна, люди послепенсионного возраста, но продолжающие работать и в силу небольшой пенсии, и потому, что не привыкли они как-то без работы, без движения.

Так, «пятьдесят лет трудится университетская письмоносица Вера Тимофеевна в своей непрестижной деятельности», которая «за время своей службы... два с половиной раза обошла нашу... планету по экватору!» И за все эти годы она отличалась неизменностью одежды и всего внешнего облика, и тем, что ни разу (!) не взяла больничный. Как этот образ говорит нам всем о пользе аскетизма, который отнюдь не есть нищета, но и не богатство в его кичливости, о пользе во всем, в том числе и для здоровья!

Не менее интересен образ семидесятипятилетнего старшего лаборанта «из отставников невысокого чина, как то принято на военно-технических кафедрах», Прокофьяча. Читатель через этот образ ощущает теплоту, почти семейную атмосферу на кафедре.

Красной нитью через роман проходит мысль о том, что во все времена были люди хорошие и плохие, порядочные и не очень, а то и совсем непорядочные. Но вот общее отношение человека к жизни и к работе, к народу, к обществу и к стране, друг ко другу отличается в наше время от прошлого, как земля от неба.

Роман — это во многом ностальгия по прошлому, когда о людях меньше говорили, но больше для них делали. Взять хотя бы металлические ограждающие сетки шириной до метра, закрепленные на вмурованных в стену кронштейнах через этаж на всех высотках в стране, чтобы предотвратить суицид или случайное падение человека. Сейчас много говорится о суициде, но не делается даже элементарного.

Автор ставит во главу угла человеческую душу, которую невозможно ни убить, ни заморозить, ни одурманить, пока в ней жив высший божественный образ, о котором прямо можно не говорить, но о котором свидетельствуют любовь, сострадание и даже жалость к братьям нашим меньшим.

Холодно Николаю Андреяновичу в нынешнем Тулуповске, холодно по многим причинам, и больно за многое, но у него, тем не менее, хватает душевного тепла не только для родного города и его жителей, но и для домашнего кота, зябнувшего зимними вечерами, не имея возможности согреться ни у чуть теплых батарей, ни под холодной ртутной настольной лампой. О горячих батареях он на своем недолгом кошачьем веку, конечно, не знает, но вот о пышущей жаром простой лампочке накаливания он помнит хорошо — ведь они были совсем еще недавно.

В заключение скажем — роман «Сны и явь полковника Хмурова» получился. Роман интересен, оптимистичен, увлекает, научает, делает нас более человечными, более патриотичными. Прочитав, читатель понимает, что пока живы такие люди, как его герои, альтер-эго Алексея Яшина, все в итоге будет хорошо. И если бы полки книжных магазинов и библиотек были наполнены произведениями подобного плана, то жизнь в Тулуповске и далеко за его пределами стала бы намного лучше, ибо все изменения начинаются, прежде всего в сердцах и головах людей — каждого из нас, дорогой читатель!

Ярослав Брагин, г. Тула.

О РАССКАЗАХ ТАТЬЯНЫ КАМАЕВОЙ «ЦЫГАНСКАЯ ЛЮБОВЬ» И «ПРОДАЮ ДЕВСТВЕННОСТЬ»

Я внимательно слежу за творчеством Татьяны Камаевой, прозаика, члена Союза писателей России и Творческого клуба «Московский Парнас», автора книги рассказов «Путь к себе».

И приятно, что два рассказа из этой книги — «Цыганская любовь» и «Продаю девственность» — опубликованы в серьезном художественно-публицистическом журнале «Приокские зори».

В основе обоих рассказов — житейские истории, но главное, что привлекает читательское внимание, — так это то, что автор точно, верно дает психологические ситуации, выпукло, зримо рисует своих героинь.

Катерина («Цыганская любовь») находит свое счастье с цыганом Михаилом, но не просто далось ей это счастье.

Рассказ захватывает с первых же строк и читается на одном дыхании. Автор держит нас в напряжении до последнего абзаца, и не догадываешься, как он распорядится судьбами своих героев. Но жизнь рукой писателя все расставила по своим местам. Сюжет заканчивается благополучно, что нельзя сказать о рассказе «Продаю девственность».

В этом повествовании Татьяна Камаева затрагивает тему отношений отчима с взрослой падчерицей. После прочтения, трагедия молодой девушки Марины еще долго не оставляет читателя в покое.

Надо отметить, что оба рассказа написаны простым, выразительным языком. В каждом есть размышления автора о смысле жизни, об одиночестве в большом городе, о кризисе и о любви. Татьяна Камаева не только ставит вопросы, но и ищет ответы на них, а иногда прямо и четко, что свойственно ее натуре, дает ответы. «Кризис — это не смерть, переживем. Страшнее всего потерять любовь... Если в душе нет любви, то жизнь этого человека становится черно-белой, его не волнуют облака, звезды, а дождь для него — это не разноцветные капельки с неба, а слякоть и грязь» («Цыганская любовь»). Или в рассказе «Продаю девственность»: «...может быть, и не надо стремиться к лучшему, не надо вести здоровый образ жизни, пытаться что-то изменить, поправить, если за тебя уже кто-то там, высоко-высоко, все решил. Может быть, положиться на судьбу и ждать, куда вынесет тебя кривая жизни? Кажется, что там, на небесах, не взяли во внимание способность человека силой воли усмирять свои страсти, похоти и желания. Это Человек решает протянуть руку помощи или подставить подножку. Из любого положения есть минимум два выхода, и Человек сам делает выбор. Смелые люди выбирают жизнь и живут, а не наживают. Они не боятся завтрашнего дня. Деньги, кризисы были и будут всегда, а жизнь — одна. Надо уметь жить и находить позитив даже в неудачах, разводах, безысходности, болезни, неразделенной любви...»

Уже по этим двум рассказам можно с уверенностью говорить, что перед нами состоявшийся прозаик. Она в последние два года активно печатается в альманахе «Московский Парнас». Ее рассказ «Медовый месяц» переведен на болгарский язык и опубликован в Варне.

Мы вправе ожидать от нее новых успехов на трудном прозаическом поприще.

*Кирилл УСАНИН, член СП СССР с 1975 года и
Творческого клуба «Московский Парнас», г. Москва*

О КНИГЕ РАССКАЗОВ ГЕННАДИЯ МАРКИНА

В литературных кругах города произошло событие: вышел в свет сборник рассказов Геннадия Маркина.

Почему выход этой небольшой по формату книги, объемом в 136 страниц и тиражом в 100 экземпляров стал событием? Попробую объяснить.

Дело в том, что сейчас выходит очень много сборников прозы и поэзии, которые не отвечают требованиям высокой литературы. Иметь собственную книгу стало модным и престижным. А поскольку они в основном издаются на собственные средства авторов, то и требования к ним снижены до предела. В последнее время довольно часто можно встретить малохудожественные произведения, захламляющие полки библиотек и книжных магазинов. В противоположность такому засилью откровенной макулатуры, книга Маркина порадовала тем, что вышла под логотипом «Библиотека журнала «Приокские зори», и это приобщение к уважаемому изданию придало ей солидность.

И более того, книга выпущена к «столетию ухода Льва Николаевича Толстого» из Ясной Поляны. Мне всегда казалось, что исторические рассказы и романы пишут седовласые мудрецы, которые не отрываются от письменного стола. Поэтому было интересно, что же нового может сказать непрофессиональный писатель, для которого литература является лишь увлечением? Тем более, что на заседаниях тульского областного литературного объединения «Пегас» Геннадия Маркина довольно часто критиковали, но к его чести, критику эту он всегда принимал с благодарностью.

С первого же рассказа «Марфина шахта» чувствуется колорит эпохи конца 19 — начала 20 веков. Неторопливо начинает разворачиваться сюжет, вводя читателя в события давней поры. И уже не оторваться от конкретных имен, названий, приключений простых рудокопов. С каждой строчкой понимаешь, что рассказ написан мастерски, с юмором и доброй улыбкой автора, хотя и граничит с трагикомизмом. Рассказ явно относится к деревенским анекдотам и побывальщине, хотя основан на реальных фактах.

Характерной особенностью Маркина-рассказчика является умение перевоплотиться в своих героев и заставить поверить им безоговорочно. Так и кажется, что на арене цирка появится, например, огромный негр, поднимающий коня на свои плечи или сидящий на самодельном стуле дед, поющий залихватские частушки на ярмарке. Эти сцены подробно описаны в рассказе «Русские забавы» и делают нас свидетелями подобных событий.

Издrevле на Руси существовала забава ходить «стенка на стенку». И, увидев в цирке могучего негра с конем на плечах, крапивенский мужик Прошка Фролов решил с его помощью одолеть местного силача Ивана Колокольчикова. Но негр так и не одолел его, как, впрочем, до конца не понял и русскую забаву: почему на Руси принято на праздники драться, а не радоваться.

Рассказ изобилует описаниями картин праздника Масленицы: солнечный, словно на заказ, день: плачущие слезами-каплями под лучами «серебряные сосульки», спасающийся от весеннего солнца снег, превратившийся в маленькие журчащие ручейки, выставленный на продажу товар, прохаживающие вдоль прилавков купцы.

Праздник чувствуется во всем: в базарной толчее и в залихватской игре гармошки, в пении стариком частушек и в попытке мужика влезть за призом на столб.

Кажется, что здесь необычного? Нам давно известно, о чем написал Маркин. Но, в том-то и дело, КАКИМИ словами он донес до читателя красоту праздничного дня, которому радуется даже солнце! Природа в этом случае помогает нам глубже понять внутренний мир русского человека, его широту души и разухабистость натуры.

В разговорный текст героев он вводит забытые и мало употребляемые слова, архаизмы, которые и придают рассказу привлекательность — «надьсы», «сказывал», «нужлить», «Петербурх», «можа». Автор ненавязчиво подчеркивает, что склад их речи носит чисто русский характер и имеет свою диалектную принадлежность.

Он умело пользуется устойчивыми тропами, употребляемыми в бытовой речи: «ходовой товар», «овчинный тулуп», «обозный завод», «базарная толчея» и олицетворяющими метафорами, типа: «заплакали серебряные сосульки», «сбежал рыхлый снег», «ветер бил в лицо».

Эти два рассказа являются как бы предисловием к вдумчивому осмыслению последующих рассказов о нашем знаменитом земляке Льве Толстом. Серьезность темы, на которую замахнулся автор, заставляет более глубоко вникать в ее суть.

«Обвиняемый Толстой», «Встреча», «В напрасных поисках истины» — цикл рассказов о Толстом, объединенных одним жанром, одной темой, где основным героем является Лев Николаевич. Он — центр всей композиции, а его непосредственные переживания и поступки изображены в преломлении событий, описанных Маркиным.

Эти переживания, мысли и чувства столь сложны и многообразны, что перед нами встает образ иного Толстого — более земного, я бы сказала, более сентиментального и даже несколько беспомощного. Грани его характера раскрываются не в одно мгновение, а постепенно, в развитии сюжета, то есть в событийном аспекте рассказов.

В рассказе «Обвиняемый Толстой» мы видим законопослушного гражданина России, понимающего серьезность обвинения в его адрес. А суть рассказа незамысловата. На территории имения хозяйский бык до смерти «забрухал» крестьянина Матвея. И, несмотря на уже мировую известность, с Толстого была взята «подписка о неотлучении с места жительства впредь до окончания дела». Подписав ее, граф пришел в сильное эмоциональное возбуждение и даже намеревался покинуть Ясную Поляну и переехать жить в Англию, где бы он мог без проблем заниматься своим основным делом жизни — писать.

Но Толстой, понимает, что ему нет жизни без России и своей Ясной Поляны и поэтому должен подчиниться закону. Будучи под подпиской о «неотлучении» или о невыезде, писатель не смог присутствовать на заседании Тульского окружного суда, и был оштрафован. Двоякость и непродуманность российских законов возмутила его. Находясь под следствием, Толстой на себе испытал несправедливость и пришел к выводу, что «система привлечения к уголовной ответственности» в России несовершенна.

В знак протеста он подал прошение об отставке с должности участкового мирового судьи Крапивенского уезда.

Маркину, как юристу, близка и понятна эта тема, которая, впрочем, мало изменилась с толстовских времен. Показывая размышления великого писателя над проблемами, которые его волнуют, автор дает понять, что мысли Толстого созвучны нашей эпохе и его собственным, верны и актуальны, а главное — применимы и сейчас. Подобно часовому мастеру, на слух определяющему собой механизма, Лев Николаевич интуитивно определяет неполадки в механизме государства.

Образ Толстого предстает перед нами не в догматической форме, а наоборот, понятным и простым. Интересен, на мой взгляд, подход Маркина к описанию его ночных раздумий. Для более сильного воздействия, автор вводит в текст картину грозы. Протицирую лишь небольшой отрывок.

«Ночью неожиданно поднялся сильный ветер и пошел дождь, который под шквальным порывистым ветром бил своими холодными струйками в окно, стучал по подоконнику, барабанил по железной крыше флигеля, грязным ручьем бежал вниз по «прешпекту» и стекал в Большой пруд, где растворялся в недовольно бурлящей и вздувшейся пузырями темной мутной воде. Озарив на мгновение яркой вспышкой черное ночное небо, вспыхнула и погасла молния, и в тот же миг, оглушая округу раскатным грохотом из поднебесья, разразилась гроза. Льву Толстому не спалось».

Могу отметить здесь удачную аналогию природной стихии и бушующих в голове Толстого мыслей. Градация грозы усиливает эмоциональное состояние героя.

Нельзя не отметить в рассказе речевые обороты крестьян, чьи образы так выпук-

ло предстают перед нами. Истинно русский говор центральной России, словно хорошая песня радует душу.

В диалогах крапивенских мужиков с доктором, самим Львом Николаевичем, исправником, нет ничего лишнего, нет подобострастия или униженности. Речь крестьянина Семена из сельца Ясная Поляна изобилует просторечными выражениями. На вопрос доктора, чей же бык покалечил Матвея, Семен отвечает:

«Графской. Надьсь и брата евонова, Ивана, тоже брухал. Насилу отогнали, а то, как Матвея досмерти закатал бы. Буйная скотина».

Значимость образов крестьян именно в своеобразной речи, в которой заложена многовековая мудрость поколений. И это придает всем рассказам особый отпечаток красочности и образности.

Рассказ «Встреча» подкупает искренностью и человечностью. Молодой лезгин Магомед Эфендиев был осужден на десять лет за кражу невесты и отбывал свой срок в крапивенской уездной тюрьме. За усердие, чистоплотность и безупречное поведение он был переведен истопником в городское правление. Летом же он выполнял различные поручения, помогал в усадьбах чиновников, ходил на почту за корреспонденцией, где знакомился с крестьянами. Глава города Крапивны Юдин взял его своим помощником и даже назначил жалованье. В одной из поездок на станцию Щекино Юдин познакомил Магомеда с Львом Николаевичем Толстым. Эта судьбоносная встреча сыграла огромную роль в жизни осужденного.

Не зная Магомеда близко, Толстой поручился за него, проявив тем самым проникательность и понимание души человека. Казалось бы, что ему до какого-то осужденного кавказца, но Лев Николаевич забрал его в имение, чтобы обучить грамоте.

Беседуя во время конных прогулок с Магомедом, раскрывает великий писатель взгляды на то, для каких целей должен существовать человек на этом свете.

«Каждый человек — алмаз, который может очистить или не очистить себя», — внушал Магомеду Толстой.

При этом автор книги как бы уравнивает и Толстого, и Магомеда в их диалогах. Толстой говорит понятным языком даже для человека другой национальности, у него преобладает разговорно-бытовая речь, которая и сближает беседующих и создает ощущение правдивости и естественности. И мы верим, что свет огромной души Толстого и уроки его доброты всю жизнь будут согревать и направлять на добрые поступки лезгинца Магомеда.

Но, пожалуй, главенствующим в этой книге является рассказ, название которого вынесено в заглавие книги «В напрасных поисках истины».

Маркин создает не только исторический, но и художественный образ Толстого, наполняя его простотой, а так же смысловой и эстетической обостренностью. Мне, как читателю, было интересно, не занижен ли этот образ, нашел ли автор те слова и характеристики великого мыслителя, которые, возможно, или восхитят меня, или разочаруют.

Уверяю, произошло то, чего я внутренне ожидала, зная Геннадия Николаевича, как прозаика. После прочтения книги осталось чувство удивления от серьезного изучения автором образа Льва Толстого. Я словно окунулась в воздух эпохи, в мироощущения гения, в его душевные метания и переживания. Маркин безошибочно угадал, какие слова, термины, речевые обороты и художественные средства нужны для раскрытия сложнейшего периода великого писателя. Как реалист-писатель, Маркин изучил и воссоздал конкретно-исторических людей, особенно Льва Николаевича Толстого, показал его образ в развитии и в присущих ему заблуждениях.

Толстой, многие годы потративший на изучение сущности религиозного верования и определение Бога, так и не вырвался из своих противоречий. Религию он стремился свести к этике, видя в ней науку о том, как правильно жить и общаться людям на Земле, а не в царстве Божьем. И как религиозный реформатор, потерпел неудачу. В конце жизни он лихорадочно искал выход своим сомнениям.

В рассказе самым примечательным местом я бы назвала эпизод встречи Льва Николаевича со своей любимой сестрой, монахиней Шамординской женской обители — Марией. Сколько тепла, естественности, спокойствия в сцене встречи брата и сестры! Именно к ней он приехал за духовным успокоением, и только любящая сестра напрямик может сказать: «Ты блуждаешь в напрасных поисках истины, а вся истина в вере». С достоинством и печалью Мария относится к трагедии брата, стараясь облегчить ее и наставить его на путь веры. Но даже видя, что ей не удастся этого сделать, она с любовью прощает ему неверие.

В рассказе ярко очерчены другие персонажи: Владимира Черткова, доктора Маковицкого, ротмистра Бегичева. Автор вводит в повествование, например, рабочего Тимофея Борисова, беседующего с Толстым в поезде, старцев Иосифа, Варсонофия и многих других. Маркин умеет раскрыть характер героя несколькими штрихами и подчеркнуть, при этом, свое отношение к нему.

Например, для Черткова применяет не очень лестные выражения: «особенной любовью к ближнему он не отличался», «ему были чужды и ненавистны люди, занимавшие государственные посты», «с ненавистью проговорил» и т.д.

В этом же рассказе, есть замечательный эпизод беседы жандарма Бегичева с Толстым во сне. Им не удалось побеседовать наяву, но желание было столь велико, что сознание воссоздало картину встречи ротмистра с великим мыслителем. Беседа во сне заставила Бегичева по-иному взглянуть на уход Толстого из Ясной Поляны и глубже понять его трагедию.

Нравственно-философское повествование неугомонной природы главного героя, создает реалистическую картину последних дней Льва Николаевича Толстого. И так ли уж напрасны были его поиски истины?

С первых страниц становится ясно, что это не легковесная беллетристика, а полноценный труд, основанный на изучении архивных документов и авторской фантазии.

Чувство меры и точности воспроизведения картин прошлого заставляют верить, что книга придется по вкусу даже самому требовательному читателю. У меня книга оставила чувство основательности, продуманности и мастерства автора. В книге нет надоевших литературных штампов, поэтому читается она с удовольствием и интересом.

Благодаря Маркину-историку, передо мной еще ярче открылись душевные и нравственные черты величайшего гения России — Льва Николаевича Толстого.

Три последних документальных рассказа — «Алтуховский Каин», «Презумпция невиновности» и «На страже закона и общественной тишины» — о происшествиях и жителях уездного городка Крапивна в дореволюционный период России. Автор бережно отнесся к цитированию архивных документов, сохранив орфографию, и стиль речи своих героев. Для смысловой характеристики он употребил предметную детализацию бытовой обстановки: «...в Крапивне изготавливались телеги и сани, распротранялись бондарный промысел, изготавливались кадучки, бочки, обручи для тележных колес. В деревнях плелись корзины, лукошки, лапти и рыболовные сети...»

Именно предметные детали, повторяемые неоднократно, делают произведение художественным, свежим и ярким. По определению самого Льва Толстого, такое качество словесного творчества признается им одним из высших явлений художественной словесности и основной формой повествования. И мы видим, что Маркин не скупится на описания подобного рода.

Я не ставила целью провести критический разбор произведений, думаю, что для этого существуют профессиональные литературоведы, которые дадут новую оценку творчеству Маркина. Рискну предположить, что меня обвинят в излишних подробностях анализа рассказов автора. Целью настоящей рецензии было сфокусировать внимание на оттенки таланта автора Геннадия Маркина, который, надеюсь, еще не раз порадует нас своими произведениями.

Ольга Бугримова, г. Тула

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, Тульскую областную библиотек работников образования, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, культпросветучилища (ныне — колледж), лицея на Пушкинской, Областного общества «Мемориал», музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет, в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Тула», в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

- Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);
- Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);
- Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);
- Библиотека № 4 (ул. Металлургов, 34);
- Библиотека № 5 (ул. Металлургов, 2«а»);
- Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);
- Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);
- Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);
- Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36).

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может ознакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на сайте www.medsu.tula.ru (в pdf-формате) Интернета. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «Завтра», «Российский писатель». Доставляется журнал в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж), редакция журнала «Истоки» (Красноярск). Журнал получают центральные библиотеки Москвы, Рязани, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска, Красноярска, СПб и ряда других городов. Журнал получают престижные библиотеки США: Библиотека Конгресса США и библиотека г. Сизтла.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-издателей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов не намного больше.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера ISSN и включение в подписной каталог «Роспечати». С 2009 года журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культпросветучреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или *e-mail*. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы. К сожалению, большинство школьных библиотек проявляет стойкую апатию...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

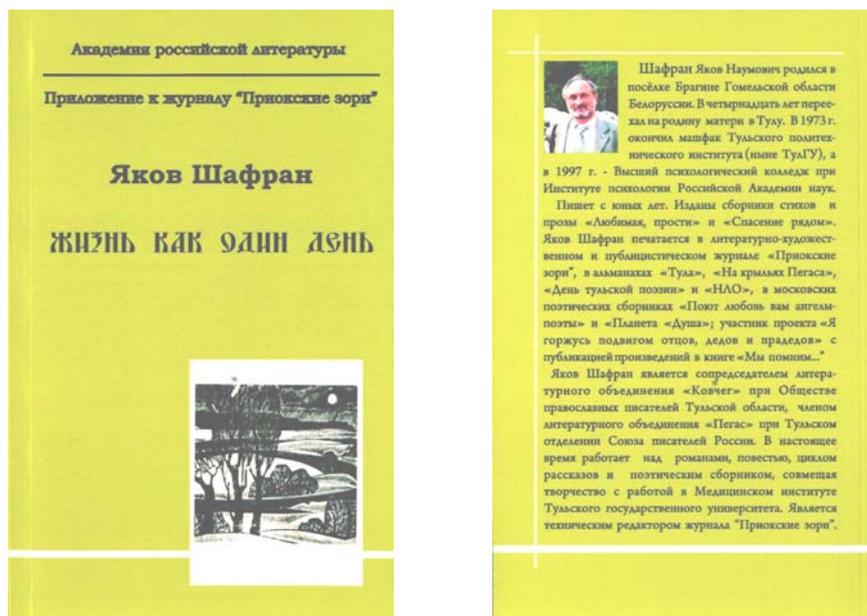
Уважаемые авторы! Начиная с № 3 — 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» сам не имеет никакого государственного или частно-меценатского финансирования, поэтому не имеет возможности материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные преимущества:

- это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;
- поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также выходят с указанием названия академии;
- как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв;
- наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 10 экз., если хочет, чтобы книга рассылалась вместе с очередным номером журнала по адресам обязательной рассылки.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2011, №№ 5, 5.
2. *Истоки*: Литературно-художественный и публицистический журнал (Красноярский край).— 2011.— № 2 (18).
3. *Иващенко Д. М., Терешкина О. В., Яшин А. А.* Очерки истории Тульской психиатрической больницы им. Н. П. Каменева: К 100-летию больницы.— Тула: ИПО «Лев Толстой», 2011.— 96 с.: цв. вкл. (Книга-альбом).
4. *Тула*: Литературный альманах / Под ред. С. Овчинникова.— Тула: Гриф и К, 2011.— 268 с.
5. *«Ежи» на площади Победы*: Литературно-художественный сборник / Сост. В. Ф. Пахомов.— Тула: Гриф и К, 2011.— 312 с., импл. (К 70-летию героической обороны Тулы).
6. *Нехамес И. М.* О чем говорят города на карте мира: Научно-популярное издание.— М.: Издательский дом «Вся жизнь» при участии литературного агентства «Московский Парнас», 2011.— 208 с.
7. *Голос эпохи*: Литературно-общественный журнал.— М.: Традиция», 2011.— Вып. 4.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» в III-м кв. 2011 — I кв. 2012 гг. вышли следующие книги:

1. *Яшин А. А.* Сны и явь полковника Хмурова: Педагогическая поэма в 3-х частях / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— М.: «Московский Парнас», 2011.— 550 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Яшин А. А.* Видение на Патмосе: Роман-предвидение / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— М.: «Московский Парнас», 2012.— 407 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Ковчег*: Литературно-музыкальный альманах православного литобъединения «Ковчег». Вып. 1 / Под ред. Я. Н. Шафрана и М. А. Михалевой.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2011.— 314 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Лебедев Сергей*. Перечитывая письма: Повесть в письмах о юности / Предисл. Н. М. Кравченко.— Тольятти, 2011.— 171 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори» в I кв. 2012 года вышли следующие книги:

1. *Скаредов А. С.* Сквозь черные кроны: Стихи / Предисл. А. А. Хадарцева.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2012.— 100 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
2. *Макаров Н. А.* Сказки о Белозёре: Сказки-притчи / Под ред. и предисл. А. А. Яшина.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2012.— 116 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, во-

дит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова.

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;
- поэзия;
- публицистика, включая историко-политическую;
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть члены редколлегии, руководство организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2011-го года будут объявлены в № 1, 2012 «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в «Литературной газете». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс за 2012-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

ДИСКУССИИ

Объявлена всероссийская и международная дискуссия на актуальную тему взаимоотношения «бумажной» и «интернетовской» художественной литературы.

Исходный текст, отражающий коллективное мнение редколлегии «Приокских зорь» помещен выше в рубрике «Колонка главного редактора». Мы намеренно не отразили в нем ряд характерных для данной тематики моментов — чтобы дать возможность участникам дискуссии творчески подойти к столь животрепещущей и актуальной теме.

Просьба к авторам и читателям активно включиться в дискуссию, как Вы это

блестяще сделали в дискуссии 2011-го года по проекту «Манифеста нового русского критического реализма» (см. № 4, 2011 «ПЗ»).

Заметим, что все дискуссии на страницах «Приокских зорь» мы проводим целенаправленно в рамках работы Академии российской литературы по созданию современной концепции русского художественного литературного творчества.

Результаты дискуссии редколлегии журнала планирует в № 4, 2012, или в № 1, 2013 «ПЗ», где будут помещены наиболее содержательные отзывы дискуссионтов.

Желательно прислать свои отзывы — по электронной почте — до конца сентября 2012-го года.

Оргкомитет дискуссии

НАГРАДЫ ЧЛЕНАМ РЕДКОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Всероссийский «толстый» литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори», издаваемый попечительством Тульского государственного университета (ректор профессор М. В. Грязев) и выходящий под эгидой Академии российской литературы, вступил в шестой год своего регулярного выхода с ежеквартальной периодичностью.

Журнал отмечает свой первый, пока скромный юбилей — пятилетие своего появления на свет, к которому дружественная «Приокским зорям» Московская городская писательская организация (руководители — известные писатели В. Гусев, В. Бояринов и С. Замшев) сделала представление наиболее активных членов редколлегии журнала к писательским наградам.

За большую творческую, писательскую деятельность и за создание и осуществление выпуска журнала «Приокские зори» ее главный редактор, профессор, член Правления Академии российской литературы, лауреат многих литературных премий Алексей Яшин удостоен литературного ордена «Владимир Маяковский». Медалью «55 лет со дня основания Московской писательской организации» удостоены: Алексей Яшин, ответственный секретарь журнала Геннадий Маркин, зав. отделом поэзии Владимир Резцов, член редколлегии, профессор Владимир Сапожников, секретарь редакции, член Петровской академии наук и искусств Марина Баланюк (см. фото слева направо в порядке перечисления имен).

Редколлегия поздравляет с наградами своих коллег по печатному слову и желает, чтобы уникальное для нашего региона издание — журнал «Приокские зори» и дальше сеял разумное, доброе, вечное.

От редакции: настоящее поздравление было опубликовано в основных тульских областных и городских газетах: «Тула», «Тульская правда», «Слобода», «Тульские известия». Поздравили награжденных и московские литературные газеты и журналы.

...Для награждения наиболее активных членов редколлегии и редакции «Приокских зорь» в Тулу приехал представитель Московской городской писательской организации Союза писателей России, член редколлегии журналов «Московский Парнас» и «Приокские зори», известный писатель-прозаик, поэт и литературовед **Игорь Маврович Нехамес** (здесь и далее фото Геннадия Маркина):

Игорь Нехамес демонстрирует наградной знак ордена «Владимир Маяковский» перед аудиторией

ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» — ОРДЕНОНОСНЫЙ!

Впервые за последние 35 лет состоялось награждение «толстого» литературного журнала орденом.

Орденом Г. Р. Державина награждены «Приокские зори» за верное служение русской литературе и дальнейшее развитие традиций русской литературной журналистики.

Главный редактор демонстрирует «как знамя журнала» знаки ордена Г. Р. Державина

Ответственный секретарь Геннадий Маркин награждается медалью к 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова

НАГРАДЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ: ПО ТРУДУ И ЧЕСТЬ!

...Зав. отделом поэзии журнала, сам удостоенный Ломоносовской медали, демонстрирует диплом лауреата «За верное служение отечественной литературе с вручением медали «55 лет Московской городской организации Союза писателей России: 1954 — 2009».

Председатель Некрасовского комитета Союза писателей России Владимир Тимофеевич Фомичев (слева на фото) вручает знаки Некрасовской премии, которой удостоены «Приокские зори», члену редколлегии журнала, директору Независимого литературного агентства «Московский Парнас» и главному редактору одноименного альманаха (журнала) Леониду Васильевичу Ханбекову (Москва, Союз писателей России)

Медаль и диплом Некрасовской премии, которой удостоен журнал «Приокские зори»

Знаки Некрасовской награды «Приокским зорям» сдаются на хранение зав. редакцией журнала Якову Шафрану

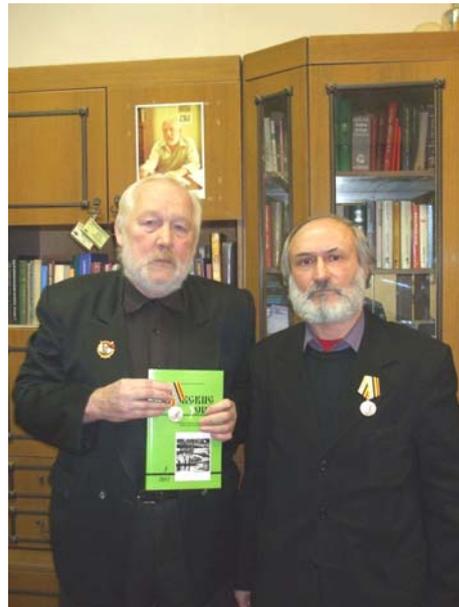
...Главный редактор также удостоен Некрасовской премии за личный творческий вклад в современную русскую литературу

Яков Наумович Шафран награжден медалью к 300-летию со дня рождения Михаила Васильевича Ломоносова — основоположника современной русской поэзии

Медалью М. В. Ломоносова награжден активный член редколлегии, организатор — под эгидой «Приокских зорь» ежегодных слетов молодых литераторов профессор Владимир Григорьевич Сапожников

Свою Ломоносовскую медаль главный редактор передает журналу «Приокских зорь» и вручает ее зав. редакцией на хранение

Литературная награда вручается активному члену редколлегии «Приокских зорь» Олегу Пантюхину. Одновременно поздравляем Олега Викторовича с приемом его в Союз писателей России

Редколлегия «Приокских зорь» поздравляет первого заместителя главного редактора, ответственного секретаря Тульской писательской организации Союза писателей России, Заслуженного работника культуры РФ, академика Петровской академии наук и искусств, Почетного гражданина города-героя Тулы Виктора Федоровича Пахомова с 80-летием, желает ему дальнейших творческих успехов и держать штурвал управления литературным процессом Тулы и Тульской области в столь непростое для людей творческих время.

Редколлегия журнала поздравляет своего главного редактора с присуждением ему литературной премии имени Ярослава Смелякова.

О НАС ПИШУТ

Объявлены лауреаты 2011 года всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова, присуждаемой за лучшие публикации во всероссийском ордена Г. Р. Державина литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори» (г. Тула). Лауреатами стали: Рудольф Артамонов (Москва) — проза, Валентин Киреев (Новомосковск) — поэзия, Владимир Бояринов (Москва) — поэзия, Наталья Квасникова (Москва) — публицистика. Премия по литературоведению в этом году решено не присуждать.

(«Литературная газета» № 50(6350), 2011, 14—20 декабря)

Правление Академии российской литературы на своем расширенном заседании приняло решение о выдвижении на Нобелевскую премию романа Владимира Мирнева «История казни».

(«Литературная газета» № 4(6355), 2012, 17 февраля)

Праздничные мероприятия по случаю 145-й годовщины со дня рождения Викентия Вересаева начались в музее «Тульские самовары», а завершились в Доме-музее

писателя. Он родился 16 января 1867 года в Туле, где и прожил большую часть своей жизни.

(«Литературная газета» № 3(6354), 2012, 25—31 января)

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

В редакцию журнала «Приокские зори»

Примите нашу искреннюю признательность за Ваше внимание к музею Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», за очередной номер журнала «Приокские зори», который Вы любезно передали в дар музею.

Очередной номер журнала содержит разнообразные материалы, среди которых особый интерес для нас представляют материалы о Л. Н. Толстом. Яркий эмоциональный отклик в наших сердцах вызвали стихотворения, посвященные памяти Л. Н. Толстого, замечательного орловского поэта И. В. Александрова.

В фондах нашей научной библиотеки хранится книга Г. Маркина с его автографом «В напрасных поисках истины» (2010 г.) с эпитафией «Столетию ухода Л. Н. Толстого посвящается...» Поэтому развернутая рецензия на это издание И. Кедровой «О Л. Н. Толстом и не только о нем» привлекла наше особое внимание.

В соответствии с доброй традицией — подготовкой номеров к юбилеям великих русских писателей — в журнале также представлены материалы, посвященные 200-летию со дня рождения В. Г. Белинского.

Привлекают внимание рубрики «Антология прозы», «Поэзия», где опубликованы произведения современных авторов. Отрадно, что на страницах журнала представлен широкий спектр литераторов России и русского литературного зарубежья. Рубрика «Православие в наших душах» знакомит читателя с интересными материалами о старообрядчестве. С большим интересом мы прочитали диалог-интервью Г. Николаева с М. Михалевой о деятельности Общества православных писателей г. Тулы.

Все переданные Вами выпуски журнала «Приокские зори» хранятся в фондах нашей научной библиотеки.

Желаем все членам редколлегии и редакции здоровья и благополучия, творческих успехов и всего самого доброго!

С благодарностью,

научный сотрудник отдела книжных фондов И. А. Бочарова

В редакцию журнала «Приокские зори», главному редактору

Огромное спасибо за четвертый номер «Приокских зорь», раздел «К 190-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова (1821—1877)», а также за приложения к журналу, литературно-музыкальный альманах «Ковчег», где встретил старинного знакомого Валерия Ходулина — передайте ему низкий поклон. Одним словом, Вы Некрасовскому комитету и лично мне сделали один из самых дорогих подарков. Что касается необходимых экземпляров, то, я думаю, ориентир пока четкий один — безусловно нужны авторам. Но наверняка существует большая потребность. И тут вот что я вижу... однако сначала о более важном.

Позвольте от всего сердца поздравить журнал «Приокские зори» и редактора издания как лауреатов Всероссийской премии имени Н. А. Некрасова в области литературы и искусства с вручением медали (очень красивой), диплома и удостоверения — на основании решения соответствующей Комиссии от 10 декабря 2011 года.

С уважением, председатель Некрасовского комитета Союза писателей России
Владимир Фомичев, Москва

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Посмотрела на сайте очередной номер нашего журнала. Ваша вступительная статья в журнале почему-то настроила меня на добрый лад: ее герои стали ближе, со всеми их трудностями и радостями. Живешь в знании школьной программы, тихо «ненавидишь» юбиларов, Вами отмеченных, за двойки по литературе. И не задумываешься над тем, каков их вклад и в литературу, и в жизнь каждого из нас. Спасибо!

Отлично представлена дискуссия по Манифесту. Серьезное дело получилось! Литературная часть, как всегда, убедительна и разнолика. К тому же умеете Вы придать весомость слову и делу! «Держайте ныне ободрены!..»

Ирина Кедрова, зав. отделом критики «Приокских зорь», Москва

В редакцию «Приокских зорь», главному редактору

Получила № 4 «ПЗ» и несколько серийных книг журнала. Экземпляр для ВВЖ на этот раз тоже благополучно дошел. Огромное спасибо за все присланные книги и за публикацию моей поэтической подборки «Кому на Руси жить» и удостоверение члена редколлегии. Это для меня большая честь. Три экземпляра «ПЗ» уже в библиотеках, а мой экземпляр на руках у студийцев. Очень понравился сборник молодых тульских авторов. И издание привлекательное, и авторы многообещающие, разноплановые. С книгами Владимира Резцова знакомилась на студии. А Геннадия Маркина сейчас сама читаю. Даже не зная, что он юрист, понимаешь, насколько глубоко он знает материал, о котором пишет. В «ПЗ» много замечательных стихов...

Некрасовская тематика, включая Вашу колонку главного редактора, всех заинтересовала, особенно в Некрасовской библиотеке, где проходил Межрегиональный многомесячный поэтический конкурс к 190-летию Н. А. Некрасова, а 23 декабря состоялось вручение дипломов, о чем сообщалось в «Московском литературном журнале». Я тоже стала лауреатом конкурса по 6 из 8 номинаций, и все стихи опубликованы в альманахе «Венок Некрасову». Это другие стихи, чем в «ПЗ». Кстати, в «ПЗ» полностью повторена подборка председателя Всероссийского Некрасовского комитета Владимира Тимофеевича Фомичева «Мой венок Некрасову», вошедшая в упомянутый мной альманах. Он же был председателем жюри. Подборка Александра Тихоновича Волобуева, члена Всероссийского Некрасовского комитета также полностью опубликована в альманахе «Венок Некрасову», только под другим общим названием «Бог наградила его любовью». Альманах получился праздничный, по настоящему юбилейный. Возможно, Вы его и видели. А 23 января в ЦДЛ состоялась презентация (Вы, дорогой Алексей Афанасьевич, этого слова не любите) ежегодного альманаха «Истоки», где тоже есть подборка моих лирических стихов. Вообще сейчас очень много работы и основной, и общественной, и творческой, в том числе по знаменательным датам для ИРИ и КНДР делаю книги. В общий сборник «Разнотравье» вошли по одному моему рассказу иранской и афганской тематики и подборка стихов и прозы по Тайваню. С ВВЖ сделаю интервью после мартовских выборов, когда спадет нынешнее напряжение...

А 19 января, в день крещения проводила большую концертную программу в Центральном округе Москвы, а второе отделение посвятили новым изданиям библиотеки журнала «Приокские зори». Прошло успешно, часть экземпляров подарили и в библиотеки, и в общественные, в ветеранские организации. В ближайшее время переishлю книги Вам вместе с подборкой новых стихов...

Вы интересуетесь планами издания под логотипом библиотеки «ПЗ». Сейчас готовим сборник нескольких авторов студии «Разнотравье» (проза и поэзия). И у меня набраны на компьютере тексты нескольких стихотворных книг (лирика, стихи для детей,

басни, сборник к столетию пакистанского поэта Фаиза и сборник рассказов), есть даже написанные предисловия, также как и желание издать в серии «Приложения к ПЗ», и скорее всего в 2012 г. мы это сделаем. Как Вы понимаете, все задерживает финансовая сторона и интересно, что в производственном отделе двух редакций, к каким обратилась за расчетом для общего сборника, работу с единообразным внешним оформлением, несмотря на наличие образца, оценивают по-разному и значительно дороже, чем обычно, даже из-за того, что надо цвет обложки подбирать. Это все выкрутасы вошедшей во вкус «коммерции». Но время есть и издание будем готовить.

Вы, наверное, уж знаете от зав. отделом поэзии о нашей встрече на Конгрессе по проблемам образования в театре содружества актеров на Таганке у Н. Н. Губенко 17 сентября.

Откровенно говорю, когда был предоставлен «Свободный микрофон», и я услышала знакомое имя и название журнала «Приокские зори», а затем зав. отделом поэзии прочитал свои стихи, то сердце забилося сильнее обычного от того, что творческая, патриотическая Тула громко позвучала на Конгрессе. Очень жаль, что Вас не было, так как обсуждение и выступления во многом касались навязывания Болонской системы...

Людмила Авдеева, член редколлегии «Приокских зорь», наш внештатный корреспондент в Госдуме ФС РФ, Москва

КАВЕРИНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС В ПОЛЯРНОМ

В конце прошлого — начале настоящего года в городе Полярном Мурманской области состоялся Всероссийский Каверинский литературный конкурс. Ниже приводим общие положения условий конкурса:

1.1. Каверинский литературный конкурс посвящается 110-летию со дня рождения Вениамина Александровича Каверина, проводится в целях пропаганды его творчества, выявления и пропаганды лучших литературных произведений современных авторов, их поддержки.

1.2. Организатор конкурса — издатель Игорь Опимах. Конкурс проводится при добровольной поддержке организаций, предприятий и граждан.

В состав жюри входят приглашенные писатели, редакторы литературных журналов, издатели, деятели культуры, члены творческих организаций. Полный состав жюри будет обнародован накануне объявления результатов конкурса.

1.3. Произведения, поступившие на конкурс, не рецензируются. В переписку с авторами жюри не вступает.

1.4. Сроки проведения конкурса: с 1 января 2012 года по 30 марта 2012 года.

1.5. Конкурс проводится в следующих номинациях:

— поэзия;

— проза;

— историческое краеведение.

1.6. К рассмотрению принимаются ранее не публиковавшиеся произведения.

Каверинский конкурс поддерживают*:

СРЗ «Нерпа», г. Снежногорск

Муниципалитет ЗАТО Александровск

ООО «Версо», г. Петрозаводск, Карелия

Центром проведения Каверинского конкурса не случайно выбран Полярный (см.

---

* Необходимые пояснения: СРЗ — судоремонтный завод. В частности, на СРЗ «Нерпа» проходила утилизацию ударная атомная подлодка Северного флота «Курск», погибшая при весьма неясных обстоятельствах на выходе из Кольского залива вблизи острова Кильдин. ЗАТО — закрытое административное территориальное образование, то есть закрытый военный город. В ЗАТО входят три города: Полярный, Снежногорск, Гаджиево.— Прим. гл. ред.

также ниже письмо Игоря Опимаха), сам В. А. Каверин не один год жил в Полярном, работая во флотской периодической печати.

Шестьдесят с лишним лет Полярный был «столицей» нашего военно-морского флота в Заполярье и Арктике. После своего основания в конце XIX века Александровск — так изначально назывался Полярный — стал главной базой Флотилии Северного Ледовитого океана. Во время Первой мировой войны некоторое время флагманом Флотилии был легендарный «Варяг», базировавшийся в Екатерининской гавани Полярного, откуда он незадолго до начала революции 1917-го года отправился в свой последний путь — на капитальный ремонт в Англию...

Напомним, что «Варяг» был поднят японцами со дна бухты Чемульпо, входил в состав военно-морского флота Японии, а в начале Первой мировой войны был выкуплен Россией.

В советское время до начала 60-х годов Полярный являлся главной базой и военно-административным центром Северного флота СССР, впоследствии — Краснознаменного. Затем «столицей» КСФ стал город Североморск.

Поэтому проведение литературного конкурса имени автора «Двух капитанов» в Полярном — дань памяти как писателю, так и славному военно-морскому прошлому (надеюсь — и будущему) Полярного — Города воинской славы с недавних времен.

Наш главный редактор, родившийся и проживший восемнадцать лет в полярном и его окрестностях, связался с руководителем Оргкомитета, имея в виду сотрудничество «Приокских зорь» с участниками конкурса.

Редакция журнала незамедлительно получила ответ:

Здравствуйте, Алексей Афанасьевич!

Приятно было получить от Вас письмо — я, как бывший выпускник первой школы (1977), помню Ваше имя. Кстати, я еще и бывший учитель литературы этой школы.

Да, Вы правильно меня «вычислили», я нахожусь в Полярном. Видите, какой мы тут переполох с Каверинским конкурсом устроили по России — из нашего маленького городка... То ли еще будет...

В 2003 году я замучил наш горсовет, они согласились — в Полярном есть площадь «Двух капитанов». Это, если вспомните, в Пала-губе, за озером, было что-то типа парка, который засадили заводчане. Потом было много отсыпок, парк заболотился, площадка отсыпали песком и гравием, а в перестройку и далее там был рыночный рай с ларьками, лотками и пр. Потом в один год все убрали, заасфальтировали и получилась площадь. Причем безымянная, т.к. рядом две улицы — Лунина (бывшая Строительная) и Видяева (бывший Заводской городок). Сейчас на этой площади проводят все праздничные гуляния.

В этом году (уже власти согласились) в городе установят памятный знак «Двум капитанам» и мореплавателям — Э. Толлю, Г. Брусилову, В. Русанову. Они — и прототипы каверинского капитана Татаринова, и в свои последние плавания уходили из Александровска. Так получилось, что в этом году 110-летие Каверина, 100-летие экспедиций Брусилова и Русанова и 110-летие гибели Толя.

Еще в этом году выйдут Каверинский сборник (по результатам конкурса) и книга мурманского историка В. Сорокажердьева о прототипах романа. Интересный год намечается...

Публиковаться в Вашем журнале — не успеваю многого. Если заинтересуют какие материалы, можно будет брать с моего издательского сайта www.opibook.ru или с сайта Каверинского конкурса — там будет несколько интересных публикаций, связанных с Кавериным, Русановым, Брусиловым.

Буду признателен за книги о «полярном и его окрестностях».

С уважением, Игорь Опимах. г. Полярный

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Компьютерный набор: авторы, Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 01.06.2012
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300012, г. Тула, проспект Ленина, 92

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посылить помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Ctr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала.

С признательностью — редколлегия журнала

**ТУЛЬСКОМУ ОРДЕНОНОСНОМУ ОРУЖЕЙНОМУ ЗАВОДУ 300 ЛЕТ!
ПАМЯТНИКИ У ЗАВОДСКИХ ПРОХОДНЫХ
(Фото Геннадия Маркина)**

Памятник Петру Первому — основателю ТФЗа. Сооружен служащими, мастерами и рабочими Императорского Тульского оружейного завода; открыт 15 февраля 1912 года. «Потом трудов моих создал я Вас. А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, жила бы только Россия». — Слова императора на постаменте памятника

Памятник создателю трехлинейной винтовки, военному инженеру ТФЗа Сергею Ивановичу Мосину (1846—1902). Скульптор Вера Мухина. Надпись на постаменте: «Выдающийся деятель русской науки и техники, творец лучшей в мире русской трехлинейной винтовки образца 1891 года. Талантливейший организатор оружейного производства в России»

**НАГРАДЫ «ПРИОКСКИМ ЗОРЯМ» И НАШИМ АВТОРАМ
В ПИСАТЕЛЬСКОМ ДОМЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ**

Член редколлегии «Приокских зорь» Игорь Маврович Нехамес вручает диплом лауреата всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова за 2011-й год нашему автору Рудольфу Георгиевичу Артамонову

Председатель Некрасовского комитета Союза писателей России Владимир Тимофеевич Фомичев (слева) вручает Некрасовскую медаль, которой награжден журнал, члену редколлегии «Приокских зорь» Леониду Васильевичу Ханбекову